ПЕРЕПИСКА
И. Н. КРАМСКОГО

ИСКУССТВО

ПЕРЕПИСКА И. Н. КРАМСКОГО

И. Н. Крамской
1837—1887
Автопортрет

ПЕРЕПИСКА
И. Н. КРАМСКОГО

И. Н. КРАМСКОЙ и П. М. ТРЕТЬЯКОВ

1869 - 1887

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ИСКУССТВО»
МОСКВА
1953

Письма подготовлены к печати
и примечания к ним составлены
старшим научным сотрудником
Государственной Третьяковской галлереи
С. Н. ГОЛЬДШТЕЙН

ОТ РЕДАКЦИИ

В настоящем издании публикуется вся известная в данное время переписка И. Н. Крамского и П. М. Третьякова, за исключением незначительного количества писем, имеющих узко бытовой характер. Письма Крамского, хранящиеся в Государственной Третьяковской галлерее, в основном публиковавшиеся ранее, несколько пополнены в настоящем издании; письма Третьякова, хранящиеся в Государственном Русском музее, публикуются впервые.

Письма печатаются по новой орфографии, но с сохранением своеобразия языка корреспондентов. Купюры в текстах писем отмечены точками в квадратных скобках. В квадратные скобки включены восстановленные авторские сокращения и недописанные слова.

Датировка писем для единообразия во всех случаях перенесена в правый верхний угол письма. Восстановленные даты в случае их отсутствия в оригинале заключены в квадратные скобки.

Данный том начинает собою полное издание переписки Крамского. В связи с этим письма Крамского к различным корреспондентам, которые будут опубликованы в последующих томах, а также ответные письма этих корреспондентов во вступительной статье и примечаниях к данному тому цитируются без отсылки к предшествующим публикациям, но лишь с обозначением точной даты.

Названия изданий, неоднократно встречающихся в тексте примечаний, обозначены при первом упоминании полностью, при последующих — сокращенно.

Иван Николаевич Крамской вошел в русскую художественную культуру не только, как крупнейший художник-психолог, не только, как передовой художественный деятель, но и как выдающийся художественный критик.

Крамской принадлежал к числу тех художников, в сознании которых современная им эпоха воспитала убеждение, что их оружием наряду с кистью и карандашом является и веское критическое слово. Есть своя закономерность в том, что крупнейшие русские художники 60—80-х годов XIX века были часто и писателями по вопросам искусства. Еще в большей степени, нежели его современники — В. Г. Перов, В. В. Верещагин, М. М. Антокольский, И. Е. Репин и другие, Крамской сочетал в себе дар живописца с истинным даром критика.

Его собственно литературные работы были лишь в небольшой своей части опубликованы при жизни художника. Собранные впервые В. В. Стасовым в книге «Иван Николаевич Крамской. Его жизнь, переписка и художественно-критические статьи» (1888), они позволили в полной мере оценить его литературное дарование. Но едва ли не более еще убеждали в призвании Крамского к литературной деятельности письма художника, составляющие основной раздел этой книги.

Человек большого аналитического ума, наделенный выдающимся художественным талантом, Крамской как бы обрел для себя в этих письмах ту возможность излагать свои сокровенные мысли и убеждения, которую он не мог получить на страницах современных ему газет и журналов.

Круг корреспондентов Крамского был обширен и разнообразен. Это были художники, художественные и общественные деятели, писатели и критики. Но широта и обилие вопросов, которым посвящены письма Крамского, обусловливались не только и не столько разнообразным характером деятельности

его корреспондентов, сколько широким, почти всеобъемлющим характером интересов, которыми жил сам автор этих писем.

Находясь в центре современной ему художественной жизни, Крамской был идейным вдохновителем и вождем передовых художественных объединений. Следуя заветам Белинского, основоположника русской революционно-демократической эстетики, современник Чернышевского и Добролюбова, он подходил к оценке вопросов искусства с точки зрения актуальных общественных задач своей эпохи, с позиций сторонника прогрессивного развития искусства.

Это сообщало особую убедительность его высказываниям и нередко придавало им характер своего рода программных утверждений.

Перед читателем писем Крамского проходит жизнь русского искусства 60—80-х годов прошлого столетия. Письма представляют собою один из важнейших первоисточников для ее познания. Они вводят нас в обстановку напряженной борьбы, которой сопровождался неуклонный рост русского реалистического искусства во второй половине XIX века. Во всей своей конкретности оживают перед нами отдельные этапы этой борьбы: события 1863 года в Академии художеств — отказ 14 учеников исполнить программу на чуждый им мифологический сюжет, смелое выступление этих протестантов, формально завершившееся торжеством академических устоев, а в действительности — победой нового искусства, опиравшегося на горячее сочувствие прогрессивных общественных кругов; жизнь и творческая деятельность Петербургской Художественной артели, напряженная борьба за существование этой первой самостоятельной организации русских художников, несшей на себе печать незрелых, но высоких мечтаний о новых формах жизни и труда, основанных на социалистических началах; наконец, возникновение и деятельность второй, гораздо более мощной художественной организации — Товарищества передвижных художественных выставок, которому суждено было на долгие годы стать школой передового русского искусства.

На фоне всех этих событий вырисовываются их живые участники и среди них яркий образ самого Крамского — общественного деятеля по призванию, отличавшегося исключительной целеустремленностью и принципиальностью, неподкупной прямотой своих суждений и поступков.

Творческая деятельность Ивана Николаевича Крамского началась на рубеже 50—60-х годов прошлого столетия. Это были годы потрясения основ феодально-крепостнической системы в России. Подъем общественного движения характери-

зовался вовлечением широких кругов разночинной демократической интеллигенции в освободительную борьбу. В рядах этой интеллигенции занял свое место и Крамской.

Сын мелкого чиновника, родившийся на окраине уездного городка Острогожска, Воронежской губернии, он немало усилий приложил для того, чтобы выйти за пределы тех узких интересов, которые окружали его с детства. Общее образование Крамского ограничилось тремя классами местного уездного училища. Дорогу к искусству он пробил себе собственной инициативой и упорным трудом, пройдя путь подмастерья у иконописца, ретушера — сначала в мастерской кочующего фотографа, а затем у признанных столичных мастеров фотографии.

Приехав в Петербург, поступив в 1857 году в Академию художеств, он приобщился, с одной стороны, к жизни академических классов, где усиленно прививались ученикам дряхлеющие традиции академизма, с другой — к широкому кругу интересов, которыми жило молодое поколение эпохи.

Выбор был сделан Крамским без колебаний. Всю силу своего таланта, весь свойственный ему темперамент общественного деятеля отдал он делу борьбы с различными проявлениями реакции в искусстве, за торжество подлинно реалистических, народных основ его.

Шестидесятые годы положили прочный фундамент мировоззрению Крамского. Оно выковывалось в условиях острой борьбы, которая развернулась вокруг центрального, важнейшего вопроса эпохи — крестьянского вопроса. Восставая против крепостничества и царизма, за социальное переустройство действительности, русские революционные демократы-просветители высоко подняли знамя борьбы за освобождение человеческой личности, за признание ее достоинств, ее творческих возможностей.

Сколь ни отдалена была непосредственно практика и критика русского изобразительного искусства этих лет от основного русла борьбы,— содержание этой борьбы, ведущие ее тенденции нашли здесь свое отражение. В условиях этой борьбы определялось новое понимание задач искусства, складывался новый облик художника, порвавшего с отвлеченным возвышенно-романтическим пониманием своего призвания.

Крамской как бы олицетворял собой этот новый тип художника, в котором пробудилось критическое отношение к действительности, жизненный опыт которого обогатился знанием разнообразных сторон ее, сложным восприятием, активным отношением к ней.

Существенные особенности мировоззрения поколения 60-х годов — вера в творческую преобразующую силу деятельности человека, убеждение в том, что эта деятельность является значительным фактором в деле социальных преобразований,— нашли глубокий отклик в душе начинающего художника. С особой силой пробудился в нем интерес к духовному миру человека, во многом определивший его облик как художника, приведший его в конце концов на путь портретиста-психолога.

Современный человек, мир его внутренних переживаний стал основной темой его творчества. Воспроизведение в искусстве человека во всем своеобразии его индивидуальности, во всем богатстве его духовной жизни явилось наиважнейшей творческой задачей художника.

Эстетические взгляды Крамского неотделимы от идейного, реалистического содержания его творческой практики. Каких бы вопросов, касающихся искусства, ни затрагивал Крамской в своих высказываниях, какие бы явления искусства он ни анализировал, основным критерием для него всегда оставалось познавательное значение искусства, степень глубины, с которой отражает оно явления действительности. Искусство, художественное творчество всегда неизменно понимается им как один из видов деятельности, направленной прежде всего к познанию жизни человека, характера его интересов, сущности его общественного бытия.

Одним из первых среди современников художника, кто оценил его эстетические взгляды, его литературно-критическую деятельность, был Стасов. Страстный борец за реалистическое искусство, он, естественно, должен был оценить ту борьбу, которую вел в этом направлении Крамской, то обличение бездушного академического формализма, которое проходило красной нитью через все высказывания Крамского и которому, в частности, посвятил он свою наиболее значительную литературную работу — статью «Судьбы русского искусства», публиковавшуюся в 1877 году. Стасов неоднократно восторженно отзывался о суждениях Крамского об искусстве. Отвечая на письмо, содержавшее подобный отзыв, художник писал:

«...Вы говорите, например, что кто же из русских художников так думает и пишет, и пр. и пр.... Господи, боже мой! Да кто же из русских человеков может так не думать после Белинского, Гоголя, Федотова, Иванова, Чернышевского, Добролюбова, Перова...»[1].

---

[1] Письмо В. В. Стасову от 30 апреля 1884 года.

Так сам Крамской указывает нам истоки своих взглядов на искусство.

Воззрения великих русских демократов-просветителей, творчество родоначальников критического реализма в литературе и искусстве — Гоголя, Федотова и Иванова, деятельность ближайшего соратника — Перова, чьи произведения были наиболее ярким проявлением критического реализма в живописи, — вот та идейная школа, на основе которой сформировалась эстетическая концепция Крамского.

Великая историческая заслуга художника заключалась в том, что, встав на позиции революционно-демократической эстетики, он стремился конкретизировать основные положения этой эстетики в применении к области изобразительного искусства, не ограничивая себя при этом пределами узкопрофессионального анализа.

Диссертация Чернышевского, его утверждения, что сущностью искусства является сама жизнь, что произведения искусства должны объяснять явления жизни, произносить над ними приговор, — эти утверждения послужили программой последующего развития всего передового русского искусства.

В борьбе, которую еще в самом начале своей деятельности возглавил Крамской в защиту этого искусства, важнейшим оружием явилось положение материалистической эстетики о том, что основным объектом искусства является действительность.

Твердо веря в то, что современная ему эпоха является эпохой «знания и убеждения», он столь же твердо верил и в то, что искусство, подобно науке, призвано своими средствами служить познанию действительности ради успешного преобразования ее на благо человечества. С этим убеждением Крамского теснейшим образом связана горячая жажда знаний, свойственная ему с юношеских лет и не покидавшая его в течение всей жизни. Отсюда и те требования, которые он предъявлял в этом отношении к художникам. «...Мне кажется справедливым,— писал он Стасову,— чтобы художник был одним из наиболее образованных и развитых людей своего времени. Он обязан не только *знать,* на какой точке стоит теперь развитие, но *иметь* мнения по всем вопросам, волнующим лучших представителей общества, мнения, идущие дальше и глубже тех, что господствуют в данный момент, да, вдобавок, иметь определенные симпатии и антипатии к разным категориям жизненных явлений» [1]. Аналогичную мысль он развивает и уточняет в другом письме к тому же корреспон-

---

[1] Письмо В. В. Стасову от 1 декабря 1876 года.

денту: «Вы говорите, что являются уже образчики, где талант соединяется с головой. Дай бог, чтоб так было, потому что этого не миновать, это на очереди, это ближайшая историческая задача искусства, и если этого химического соединения не произойдет,— искусство вредно и бесполезно, пустая забава и больше ничего. Настоящее время — строгое время. Если, с одной стороны, являются коллективные колоссальные подлости и разбой, разбой утонченный и цивилизованный, то с другой — грандиозные и величественные захватывающие дух открытия науки, позволяющие уже почти построить философскую систему, обнимающую мир внешний и внутренний... Теперь трудно быть художником! Если бы Вы знали, как трудно! Теперь даже мало таланта, как бы он ни был велик!» [1].

Сама действительность убеждала его в том, как велико идейно-воспитательное значение искусства, как сложна и ответственна роль художника, который призван отражать в своих произведениях насущные вопросы своего времени, творчески, с полным сознанием гражданского характера своей миссии воспроизводить окружающую его жизнь.

Убеждение в том, что художник не может и не должен оставаться холодным, безучастным созерцателем жизни, являлось одним из основных убеждений Крамского. Еще на заре своей художественной деятельности, под непосредственным впечатлением творчества Александра Иванова, Крамской писал: «...настоящему художнику предстоит громадный труд... поставить перед лицом людей зеркало, от которого бы сердце их забило тревогу...» [2]. Подлинный художник призван своим творчеством воспитывать активное отношение к окружающей его действительности. Следовательно, создаваемые им произведения должны быть пронизаны ясным, целеустремленным отношением самого художника к этой действительности. Передовое русское искусство, по мнению Крамского, свято выполняло эту задачу. Много лет спустя, подходя к концу своего жизненного пути, он констатировал: «...русское искусство тенденциозно... Художник, как гражданин и человек, кроме того, что он художник, принадлежа известному времени, непременно что-нибудь *любит* и что-нибудь *ненавидит*. Предполагается, что он любит то, что достойно, и ненавидит то, что того заслуживает... Ему остается только быть искренним, чтобы быть тенденциозным... Мне не совсем нравит-

[1] Письмо В. В. Стасову от 19 июля 1876 года.

[2] И. Н. Крамской. Взгляд на историческую живопись. «И. Н. Крамской. Его жизнь, переписка и художественно-критические статьи», СПБ, 1888, стр. 581.

ся,— возражает он Суворину,— что Вы взяли слово «отдохновение», говоря о роли искусства среди каторжной современной жизни. Искусство имеет самостоятельную роль, и какова бы ни была современная жизнь, каторжная или нет, задачи искусства могут и не совпадать с успокоением. Несомненно, впрочем, что творческое искусство... должно обладать силой гармонично настраивать человека. Если этого качества в искусстве нет, оно, несомненно, дурно исполняет свою задачу» [1].

Чтобы сделать наиболее убедительной свою мысль об активной и в этом смысле тенденциозной, идейно-воспитательной роли прогрессивно направленного искусства, Крамской обращается к примерам далекого прошлого. Он утверждает, что искусство греков было тенденциозно, когда «оно шло в гору»; перестав «руководиться высокими мотивами... оно... выродилось в забаву, роскошное украшение, а затем не замедлило сделаться манерным и умереть. Точь-в-точь то же повторилось и во времена Возрождения в Италии и позднее в Нидерландах» [2].

Через всю свою деятельность проносит Крамской глубокое убеждение в том, что искусство остается на высоте своего назначения, если оно таит в себе оценку изображаемых явлений, оценку страстную, тенденциозную, раскрывающую эти явления с позиций поступательного развития общественной мысли.

В контексте вышеприведенного высказывания Крамского чрезвычайно существенно его утверждение, что истинное искусство, тенденциозное, должно вместе с тем «обладать силой гармонично настраивать человека». Этим утверждением своим он как бы опровергал свойственное идеалистической эстетике положение о том, что тенденциозное, критическое в своей основе искусство не является проявлением собственно эстетической деятельности.

Понимая тенденциозность как важнейшую отличительную черту реалистического искусства, Крамской тем самым утверждал значение идеи, содержания, как основного элемента художественного произведения. Оценивая работы старых мастеров, он писал Васильеву: «Тут все дело не в красках и холсте, не в скоблении и мазке — в достоинстве идеи и концепции...» [3].

В том, что глубина содержания художественного произве-

---

[1] Письмо А. С. Суворину от 26 февраля 1885 года.
[2] Там же.
[3] Письмо Ф. А. Васильеву от 20 августа 1872 года.

дения более всего определяет его достоинства, Крамской убеждается и на примере русской литературы. В этом именно видит он объяснение ее мирового значения. «...Русская мысль, пишет он Репину,— насколько она проявилась в литературе и поэзии, держалась больше содержания, совершенствуя в то же время язык, и дошла, наконец, до той степени, когда и наших писателей переводят... мысль и одна мысль создает технику и возвышает ее. Оскудевает содержание, понижается и достоинство исполнения»[1].

Так, утверждая первостепенное значение идеи в искусстве, он последовательно приходит к осознанию взаимообусловленности содержания и формы художественного произведения, их диалектического единства. Рассматривая с этой точки зрения практику изобразительного искусства, Крамской резко критикует распространенное среди художников представление о том, что техника есть нечто существующее само по себе, в виде суммы определенных навыков и приемов, которые могут быть использованы по выбору. Он пишет по этому поводу Стасову: «Они думают, что техника висит где-то, у кого-то, на гвоздике в шкапу, и стоит только подсмотреть, где ключик, чтобы раздобыться техникой; что ее можно положить в кармашек, и, по мере надобности, взял да и вытащил. А того не поймут, что великие техники меньше всего об этом думали, что му́ку их составляло вечное желание только (только!) передать ту сумму впечатлений, которая у каждого была своя особенная. И когда это удавалось, когда на полотне добивались сходства с тем, что они видели умственным взглядом, техника выходила сама собой»[2]. Эти мысли корректируются, приобретают четкий характер в процессе собственной художественной деятельности: «Сначала, давно, я думал формою и только одною формою,— поверяет Крамской свои мысли Стасову,— все хотелось понять ее, потом, недавно, сравнительно, начал обращать внимание на краски... Но и то и другое пока — только средства, которыми следует выражать сумму впечатлений, которая получается от жизни...»[3].

Осознав по-новому взаимоотношение искусства и действительности, утверждая своим собственным творчеством единство прекрасного и жизни, передовые деятели русской художественной культуры второй половины XIX века неминуемо должны были также по-новому осознать вопросы формирования национальной русской художественной школы, роль и

---

[1] Письмо И. Е. Репину от 23 февраля 1874 года.
[2] Письмо В. В. Стасову от 19 июля 1876 года.
[3] Письмо В. В. Стасову от 9 июля 1876 года.

значение этой школы в развитии мировой художественной культуры.

В 60-х годах прошлого столетия обозначился резкий перелом в понимании этих вопросов. Отказ В. Г. Перова от пребывания за границей в течение срока, установленного для него, как пенсионера Академии, был следствием принципиально нового отношения художника к своим задачам. Его досрочное возвращение в Россию было далеко не единичным явлением.

Крамской уехал за границу впервые в 1869 году. Его наиболее яркие впечатления были связаны тогда с созерцанием произведений старых мастеров. «Сикстинская мадонна» Рафаэля, «Снятие с креста» Рубенса, памятники древнего искусства волнуют его, наталкивают на глубокие принципиальные выводы. Позже, в письме к Репину, уехавшему в Париж, он описывает чувства, которые вызывает в нем образ Венеры Милосской. «...Всякий раз,—пишет он,—как образ ее встанет передо мной, я начинаю опять юношески верить в счастливый исход судьбы человечества» [1]. Вооруженный пониманием реалистических основ искусства, Крамской, как и его единомышленники среди русских художников и художественных деятелей, естественно, должен был проявить самый глубокий интерес к творчеству великих мастеров прошлого. Собственные настойчивые искания в области портретной живописи приковывали его внимание к классикам этого жанра — к произведениям Веласкеса, Рембрандта, Гольбейна. Крамскому мы обязаны наличием в русской литературе об искусстве наиболее проникновенных строк, посвященных творчеству этих выдающихся живописцев. И насколько велико было его поклонение их художественному авторитету, настолько же критически он воспринимал наиболее характерные явления современного западного искусства. Его позиции в этом отношении со всей ясностью определяются в 70-х годах. Письма же Крамского из-за границы, посвященные анализу современного искусства, принадлежат к числу наиболее ярких во всем эпистолярном наследстве художника.

«Со времени моего первого посещения все здесь как будто понизилось...» [2],—сообщает он в 1876 году Петрушевскому из Парижа, где осматривает очередную выставку Салона.

Со всей свойственной ему глубиной проникновения в сущность явлений разоблачает он истинный характер современного буржуазного искусства. Осматривая проездом в Вене две

---

[1] Письмо И. Е. Репину от 15/27 ноября 1873 года.

[2] Письмо Ф. Ф. Петрушевскому от 9 июня 1876 года.

выставки, он сообщает Третьякову о том, что они «не произвели хорошего впечатления, главным образом отсутствием какого-нибудь сильного или хотя бы и не сильного напряжения чувства или мысли»[1]. Приехав в Рим, он пишет Стасову: «Все, что оставил древний народ,— величественно... но что творится теперь — позор и нищенство»[2]. В Париже он, естественно, останавливает свое внимание на «импрессионалистах», как называет он импрессионистов. Однако всмотревшись в это новое явление французского искусства, он пишет Третьякову: «Француз ничего не может сделать просто, ему нужно непременно ломаться. Положим, у них у всех ясно до резкости намерение делать так, как *кажется,* но зато есть между ними наиболее прославляемые, такие, которые приближаются по наивности к моему сыну в масляных красках»[3]. Говоря далее о влиянии, которое может оказать западное искусство на молодое поколение художников, Крамской восклицает: «Если бы можно было предохранить их от разлагающего влияния, например, мазни так называемой иностранной живописи!» Существенно, что он тут же возражает против присвоения импрессионистам наименования новаторов и противопоставляет им явление совершенно отличного характера, сложившееся на русской почве — современную ему Московскую школу живописи, реалистические основы которой позволяют, по его мнению, именно художникам этой школы отдать высокое звание подлинных новаторов.

Приехав из Италии в Париж, Крамской невольно сопоставляет все виденное в обеих странах. Это сравнение отнюдь не в пользу нового французского искусства. «Я только что проехал Италию,— пишет он Петрушевскому,— видел древнее греческое искусство в остатках и обломках, видел искусство Возрождения в богатых собраниях, и в обеих группах — присутствие общей руководящей идеи, как будто люди сговаривались и шли в ногу по одному направлению, и потому-то между сотнями талантов являлись счастливцы, которым удавалось связать в узел бродившие по мелочам исторические моменты общественной жизни... дорожка, по которой шли те люди, окончательно заросла, и все традиции утрачены за ненадобностью»[4].

В одном из писем к Стасову из Парижа Крамской рисует картину падения современного французского искусства в области различных жанров: «...портрет,— самые талантливые

---

[1] Письмо П. М. Третьякову от 23 апреля 1876 года.
[2] Письмо В. В. Стасову от 4 мая 1876 года.
[3] Письмо П. М. Третьякову от 13/25 июля 1876 года.
[4] Письмо Ф. Ф. Петрушевскому от 17 июня 1876 года.

представители у французов даже не ищут того, чтобы человека изобразить наиболее характерно... мы ищем... другого, не того, что здесь принято. Теперь другое: так называемый *жанр*. Для нас прежде всего (в идеале, по крайней мере) — характер, личность, ставшая в силу необходимости в положение, при котором все стороны внутренние наиболее всплывают наружу. Здесь же... преобладает анекдотическая сторона... Что касается библейских и других историй, то тут уж я совсем готов махнуть рукой, так как этот род везде наиболее фальшив...» [1].

Подводя итог своим впечатлениям, Крамской снова возвращается к сопоставлению их с впечатлениями, которые остались у него от первой поездки за границу:

«Со времени 69 года, должно быть, утекло много воды, — пишет он Третьякову, — тогда я нашел, собственно говоря, поучительного немного в Париже, особенно из нового, но теперь и то немногое, что я нашел, как будто еще понизилось...» [2].

Всемирная Парижская выставка 1878 года еще более убеждает его в правильности своих суждений: «...я вижу полное торжество буржуазных вкусов в искусстве, и ничего больше» [3].

Анализ современного западного искусства с позиций художника, вооруженного передовой эстетической мыслью, приводит его часто к выводам, далеко выходящим за пределы суждений о собственно художественных проблемах. Констатируя бессодержательность западного искусства, отсутствие в нем произведений, которые отличались бы богатством и глубиной идейного содержания, Крамской ставит эти обстоятельства в прямую связь с общей опустошенностью буржуазной культуры. «В славу высших идеалов человечества искусство не работает теперь... никто этими пустяками не занимается» [4],— пишет он Никитенко.

Ту же мысль излагает он в одном из писем к Третьякову: «Как подумаешь все это: честность, искусство, гений и разные другие не менее громкие слова, и может быть не одни слова, а и самое содержание этих слов, зависит и сводится к чему же? копейкам, рублям, франкам!» [5] Художник в буржуазном обществе оказывается в положении человека, над которым довлеет система капиталистических отношений,

---

[1] Письмо В. В. Стасову от 9 июля 1876 года.
[2] Письмо П. М. Третьякову от 30 октября/10 ноября 1876 года.
[3] Письмо В. В. Стасову от 15/27 октября 1878 года.
[4] Письмо А. В. Никитенко от 7 июня 1876 года.
[5] Письмо П. М. Третьякову 2/14 сентября 1876 года.

сила «денежного мешка». Для характеристики того, как глубоко сознавал Крамской положение искусства в буржуазном обществе, роль художника, как выразителя определенных, классовых интересов, чрезвычайно показателен диалог, который имел место в переписке Репина и Крамского. Крамской писал Репину в Париж в 1875 году: «Фортуни есть, правда, последнее слово, но чего? Наклонностей и вкусов денежной буржуазии» [1]. Репин отвечал Крамскому: «Буржуазия о Фортуни не имеет ни малейшего понятия, она знает только поразившие ее цифры при аукционе его последних, недоконченных вещей... Слава его сделана, главным образом, художниками всего света...» [2] Крамской разъясняет: «Вы имеете на своей стороне *художников всего света*... Вы все-таки ошибаетесь, выделяя их из буржуазии. Они суть, за малым исключением, плоть от плоти ее и кость от костей ее... масса буржуазии могла ни разу не слышать имени его, а он, Фортуни, быть их выразителем» [3].

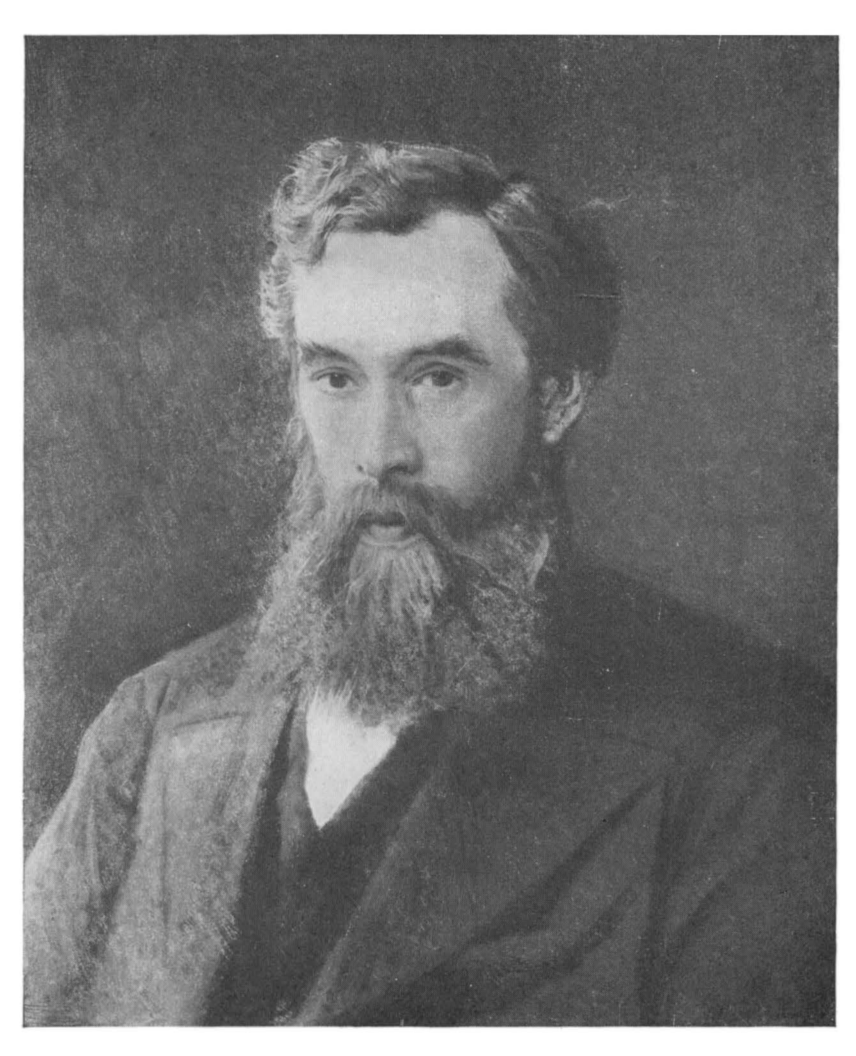
Конечно, констатируя подобное положение, Крамской произносит тем самым свой обвинительный приговор не столько самому художнику, сколько тому общественному строю, в условиях которого его творчество оказывается приниженным, порабощенным. Социальные противоречия этого общественного строя не ускользают от внимательного анализа Крамского. Отвечая Репину на его замечание о том, каким значительным вниманием пользуется искусство во Франции, Крамской пишет: «Факты говорят противное: во Франции еще не все повинуется художественной импозантности Парижа, далеко не все; не повинуется, например, рабочий вопрос...» [4]. Обличая искусство, которое «отвращает внимание и притупляет зоркость, присущую человеку» [5], он спрашивает Репина: «Или Вы думаете, что во Франции нет глухих подземных раскатов, которые бы люди не чувствовали?» [6].

Так перед художником, глубоко анализирующим область своей деятельности, раскрываются закономерности современного ему жизненного уклада в целом. Критика роли художника, роли искусства в капиталистическом обществе перерастает в критику самого этого общества.

Несомненно, что именно русским художникам, жившим и работавшим в стране, которая «...была очагом всякого рода

---

[1] Письмо И. Е. Репину от 20 августа 1875 года.
[2] Письмо И. Е. Репина Крамскому от 29 августа 1875 года.
[3] Письмо И. Е. Репину от 10 сентября 1875 года.
[4] Письмо И. Е. Репину от 29 октября 1874 года.
[5] Письмо И. Е. Репину от 28 сентября 1874 года.
[6] Там же.

П. М. Третьяков
1832—1898
Портрет работы И. Н. Крамского

гнета — и капиталистического, и колониального, и военного,— взятого в его наиболее бесчеловечной и варварской форме»[1] — этим художникам могло быть в наибольшей мере свойственно сознание социальных противоречий, а, следовательно, и сознание угоднического характера буржуазного искусства. Именно поэтому им же в наибольшей степени свойственно было искание тех норм и идеалов, которые подняли бы искусство до роли активного участника в «приготовлении для человечества лучшей жизни», как об этом мечтал еще Александр Иванов. Среди русских художников второй половины XIX века Крамской должен быть назван одним из первых в ряду тех, чьи творческие помыслы были отданы этим исканиям. Не раз, изнемогая под тяжестью взятых на себя задач, сетует он на отсутствие той общественной среды, тех условий, в которых можно было бы коллективными усилиями найти путь к достижению искомого идеала.

Признание за искусством его активного, преобразующего значения присуще, по мнению Крамского, не только деятелям русской культуры. «Полагаю, что недалек от истины,— писал он,— если скажу: не в одной России, а всюду, настоящие люди томятся и ждут голоса искусства! Напрягают зрение и слух: не идет ли мессия»[2].

Но чем настойчивее осознавались им задачи искусства, высокое назначение его, тем более обнажалась бессодержательность деградирующего буржуазного искусства, тем более сопротивлялось сознание художника-демократа той волне формализма, которая, казалось, готова была просочиться в русскую художественную культуру.

Параллельно тому, как все более раскрывалась перед Крамским ограниченность, ущербность декадентского искусства Запада, упрочивался его взгляд на русское искусство как на искусство передовое, призванное встать во главе дальнейшего развития мировой художественной культуры.

Художник, одаренный подлинно общественным темпераментом, возглавлявший передовое художественное объединение, Крамской глубоко ощущал прочные народные основы русского реалистического искусства. Крамскому дано было в полной мере оценить «драгоценнейшее качество художника — сердце»[3] в то время, «когда искусство буржуазии заключается именно в отрицании этого комочка мяса»[4].

---

[1] И. Сталин. Об основах ленинизма. «Вопросы ленинизма», изд. 11-е, 1952, стр. 4—5.
[2] Письмо К. А. Савицкому от 25 сентября 1874 года.
[3] Письмо И. Е. Репину от 23 февраля 1874 года.
[4] Письмо И. Е. Репину от 20 августа 1875 года.

С глубоким убеждением в правильности своих оценок он мог утверждать, что в то время, когда на Западе жанровая живопись исчерпывалась произведениями анекдотического характера, русские художники создавали произведения, наполненные драматическим содержанием; он мог утверждать, что этюдному воспроизведению природы, столь распространенному на Западе, в русском искусстве противостоят картины, наполненные лирическим чувством, раскрывающие значение природы в духовной жизни человека; он мог также утверждать, что упадку исторической живописи там — противостоит ее возрождение в России.

Наконец, именно Крамской мог с полным к тому основанием писать о том, что в России в это время прочно складывалось искусство психологического портрета, в становлении которого самому Крамскому принадлежало одно из первых мест.

Все эти особенности русского искусства Крамской сознавал как его глубоко национальные особенности, определяющие вместе с тем передовое значение русской художественной культуры. Вот почему он логически пришел к выводу, что общечеловеческие, то-есть передовые, идеалы пробиваются «в искусстве только сквозь национальную форму» [1]. «Я стою за национальное искусство,— писал Крамской в 1877 году,— я думаю, что искусство и не может быть никаким иным, как национальным. Нигде и никогда другого искусства не было, а если существует так называемое общечеловеческое искусство, то только в силу того, что оно выразилось нацией, стоявшей впереди общечеловеческого развития. И если когда-нибудь, в отдаленном будущем, России суждено занять такое положение между народами, то и русское искусство, будучи глубоко национальным, станет общечеловеческим» [2].

Эти подлинно пророческие слова, в полной мере оправдавшиеся в наши дни, могли быть произнесены человеком, который глубоко верил в самобытный характер русского искусства, в национальное самосознание народа, создавшего это искусство.

Последний период творческой деятельности Крамского был чреват тяжелыми внутренними сомнениями. Но каковы бы ни были эти сомнения, они не поколебали идейных основ его творчества и не могли отнять у него веры в конечное торжество демократических идеалов, в победу прогрес-

---

[1] Письмо И. Е. Репину от 20 августа 1875 года.

[2] И. Н. Крамской. Судьбы русского искусства. «И. Н. Крамской. Его жизнь, переписка и художественно-критические статьи», СПБ, 1888, стр. 627.

сивного искусства, которому он отдал все свои силы как художник и художественный деятель. Оставаясь верным себе, он всего лишь за несколько месяцев до смерти писал Стасову: «...За все русское искусство я спокоен и знаю, что оно себе, рано или поздно, а завоюет уважение и уважение широкое... Искусство национальное (какое только и имеет настоящую цену) должно быть уважено и должно пользоваться подобающей честью...» [1].

Глубокое идейное содержание эстетических взглядов Крамского служит основанием для пристального интереса к его высказываниям с нашей стороны. Нередко мы ощущаем самого Крамского как живого участника той борьбы, которую осуществляет наше поколение за дальнейший расцвет искусства социалистической эпохи.

Актуальность проблем, которые нашли свое отражение в письмах художника, принципиальность, с которой анализировал Крамской явления искусства, позволяют нам рассматривать эти письма отнюдь не только как эпистолярный материал, но и как яркие публицистические выступления, основные мысли которых находят живой отклик в наши дни.

* * *

В отличие от предшествующих изданий писем Крамского публикация их в настоящем издании сопровождается встречными письмами корреспондентов художника.

Переписка Крамского с Третьяковым, которой посвящен настоящий том, охватывая почти 18-летний период, с сентября 1869 года по январь 1887 года, относится ко времени расцвета творческой деятельности художника и к периоду наиболее интенсивной собирательской деятельности Третьякова.

Корреспонденты знакомятся друг с другом посредством писем в связи с просьбой Третьякова к Крамскому исполнить портрет писателя И. А. Гончарова. Однако вскоре отношения между ними выходят за пределы отношений заказчика и исполнителя портретов. Они приобретают характер глубокого взаимного расположения.

Общим в судьбе Крамского и Третьякова являлось то, что оба они по широте своего кругозора намного опередили среду, с которой были кровно связаны.

Незыблемой основой их взаимоотношений являлся глубо-

---

[1] Письмо В. В. Стасову от 8 августа 1886 года.

кий интерес к национальному русскому искусству, к его судьбам. Каждый в своей области самоотверженно служил задачам этого искусства.

Переписка проливает яркий свет на деятельность обоих корреспондентов в этом направлении. В ней отражен широкий круг вопросов, находившихся в поле зрения художника и собирателя: явления современного искусства, творческая судьба отдельных художников, деятельность художественных объединений, в первую очередь Товарищества передвижных художественных выставок; корреспонденты проявляют интерес к русской литературе, и, наконец, немалое количество страниц посвящено различным событиям общественной жизни, событиям, связанным с русско-турецкой войной и т. д. Но за всем разнообразием этих вопросов явственно обозначаются две основные темы, проходящие красной нитью через весь текст писем: художественная и общественная деятельность Крамского и собирательская деятельность Третьякова.

Третьяков одним из первых еще в 60-х годах оценил значение Крамского как художника и художественного деятеля. Точно так же и Крамской в самом начале своего знакомства с Третьяковым был преисполнен сознания значительности дела, которое Третьяков осуществлял. Уже в одном из самых первых своих писем, связанных с первым портретным заказом, Крамской заверяет Третьякова: «...я обещаю с своей стороны употребить все свое старание, чтобы портрет, действительно, глубоко уважаемого мною, как и многими, Ивана Александровича Гончарова, был достоин Вашей галлереи, и ставлю условием, что иначе он не будет принадлежать Вам, как только заслужив вполне ваше одобрение».

В письмах 1870 года мы находим многочисленные доказательства того, что уже с этих пор Крамской является для Третьякова не только художником, исполняющим его заказы, но и посредником между ним и другими художниками, а затем и активным консультантом в деле приобретений для галлереи. Часто Крамской обращает внимание Третьякова на те или иные произведения, появляющиеся на выставках, которые, по его мнению, должны быть включены в собрание национальной русской живописи. Третьяков внимательно прислушивается к советам Крамского и, как правило, принимает их. Так, при непосредственном участии Крамского приобретает он произведения Шишкина, Боголюбова, Максимова, М. К. Клодта, Савицкого, Куинджи, Гуна и других художников. При участии Крамского осуществляется заказ Третьякова Антокольскому на исполнение статуи «Иван Грозный». Нередко Крамской выполняет роль эксперта, осматривая по

просьбе Третьякова предлагаемые к продаже произведения старых русских мастеров. Можно сказать, что почти все наиболее значительные приобретения Третьякова, начиная с 70-х годов, осуществлялись им с большей или меньшей долей участия Крамского. Публикуемая переписка особенно ярко освещает роль Крамского в собирании Третьяковым произведений Ф. А. Васильева и В. В. Верещагина.

Письма Крамского к Третьякову, касающиеся жизни и творчества Васильева, с особой силой раскрывают чувство поистине бескорыстной дружбы, которое питал Крамской к молодому пейзажисту.

Трагическая судьба талантливого смертельно больного юноши, в котором Крамской видел не только «гениального», как он писал художника, но и человека большой одаренной души, глубоко его волновала. Сознавая, какую большую утрату понесет русское искусство в связи со смертью Васильева, Крамской в то же время остро сознавал и личную трагедию больного художника, который, несмотря на множество увлекавших его интересных замыслов, вынужден был отдавать свои ослабевающие силы исполнению заказов ради заработка. Крамской непрестанно заботился о том, чтобы облегчить в этом отношении судьбу молодого художника. Он был ближайшим помощником Васильева при выяснении его взаимоотношений с Академией, с Обществом поощрения художников, с отдельными коллекционерами и более всего с Третьяковым. Доказательством благороднейшего порыва звучат его слова в одном из писем к Третьякову, когда он просит выслать Васильеву заимообразно некоторую сумму денег: «Не знаю, что я приготовлю Вам в уплату этого долга, но я употреблю все старания, чтобы написать портрет графа Толстого...»

Точно так же, уже после смерти Васильева, когда Третьяков сообщает ему итог своих расчетов с умершим художником, Крамской пишет о том, что признает «себя обязанным употребить усилия, чтобы все долги покойного были очищены», и просит Третьякова вычесть долг Васильева из денег, следуемых ему самому за портрет Шишкина.

Нередко Крамской вынужден был согласовывать интересы Третьякова и Васильева, заведомо зная, что кто-либо из них должен в какой-то мере поступиться для другого. Нужно было обладать поистине огромным тактом для того, чтобы найти в этих случаях объективно-справедливую линию. И это удавалось Крамскому потому, что над всеми оттенками его личных отношений к Васильеву и Третьякову довлело твердое убеждение, что с его стороны должны быть прило-

жены усилия к тому, чтобы все наиболее замечательные произведения, созданные талантливым, безвременно умирающим художником, нашли свое место в будущем национальном музее — в галлерее Третьякова. То прекрасное собрание произведений Васильева, которым обладает в настоящее время Третьяковская галлерея, во многом обязано своей полнотой Крамскому.

Заботы о Васильеве, о судьбе его художественного наследства послужили сближению адресатов публикуемых писем. Еще более сблизило их затем приобретение Третьяковым коллекций Верещагина. Грандиозные масштабы творческой деятельности художника, представлявшего на суд публики серии своих произведений, приковывали к нему всеобщее внимание. Выставка его туркестанской коллекции картин и этюдов в 1874 году в Петербурге была событием огромного значения. Привлекала внимание новизна темы, широта охвата ее художником, живописная оригинальность произведений, настойчивость, с которой художник осуществлял свои творческие намерения.

В переписке, которую ведут по поводу туркестанской коллекции Верещагина оба корреспондента, освещается вся сложная история приобретения этой коллекции Третьяковым. Переписка становится особенно частой как раз в это время, начиная с 1874 года. Иногда, судя по тексту писем, корреспонденты обмениваются еще и телеграммами, которые за немногими исключениями не сохранились. В сложных взаимоотношениях между первоначально намечавшимися совместными покупателями коллекции Д. П. Боткиным и Третьяковым, безусловно, Третьяков оставался на принципиально последовательных позициях, по достоинству оценив не только художественное, но и историко-культурное значение коллекции, обязывавшее, по его мнению, покупателей сделать эту коллекцию общедоступной, народной.

Руководимый лишь одним этим желанием, Третьяков настойчиво отстаивал свой взгляд на верещагинскую коллекцию, несмотря на то, что был поставлен в положение человека, которого обходят его ближайшие друзья и, казалось, единомышленники в этом вопросе.

Письма показывают, какую огромную инициативу проявил Крамской для того, чтобы решить вопрос о судьбе этой коллекции в соответствии с намерениями Третьякова. Оценив глубоко патриотический характер этих намерений, он считает своим общественным долгом включиться в переговоры по этому поводу с доверенным Верещагина от лица Третьякова. Именно Крамской становится ближайшим помощником Треть-

якова в этом деле. Он оказывает ему моральную поддержку не только в связи с приобретением коллекции, но и в связи с теми переживаниями, которые вскоре затем ждали Третьякова, когда он, принеся эту коллекцию в дар Московскому училищу живописи, а затем Московскому художественному обществу, вынужден был взять свой дар обратно, так как эти учреждения отказались создать условия для размещения коллекции. Третьяков не мог не ценить той поддержки, которую он встретил со стороны Крамского. «Я вовсе упустил поблагодарить Вас,— пишет он Крамскому,— за все Ваше сердечное участие по делу приобретения верещагинской коллекции, впрочем, вы знаете, что я искренно благодарен Вам». Несколько месяцев спустя он снова писал художнику: «Только и единственно Ваше теплое участие и утешает меня в продолжающихся разных волнениях по поводу верещагинской коллекции». Но Крамской осуществлял эту поддержку не только из чувства глубокого расположения к Третьякову. Он рассматривал это как свой долг художника и общественного деятеля. «Я считаю себя счастливым,— пишет он Третьякову, — что обстоятельства поставили и меня несколько прикосновенным к этой истории». Приобретение коллекции Верещагина служит для него еще одним доказательством беззаветной преданности Третьякова своему делу собирательства: «Как мог образоваться в Вас такой истинный любитель искусства?» — восклицает Крамской. И не случайно, когда современники Третьякова с полным равнодушием отвергли его первый дар городу Москве — верещагинскую коллекцию, а некоторые московские художники, критикуя творчество Верещагина, критиковали вместе с тем и отношение к нему Третьякова, именно Крамской оказался тем его корреспондентом, с которым он счел возможным поделиться своими переживаниями. Отвечая ему полным сочувствием, Крамской писал: «Когда русское искусство дождется своего Белинского?.. нет голоса достаточно авторитетного, чтобы вывести из мрака всех потерявшихся и потерянных».

Переписка, касающаяся Верещагина, представляет для нас интерес не только потому, что освещает сложную историю неоднократных приобретений Третьяковым его произведений, но и потому, что дает Крамскому возможность высказать ряд существенных мыслей, характеризующих его собственные взгляды на искусство.

Здесь мы находим его суждение о том, что подлинное искусство должно раскрывать «глубокие драмы человеческого сердца (что и есть действительное искусство в его настоящем значении и высший его род)».

Эти слова звучат как выражение его собственного творческого кредо художника, внимание которого более всего привлекает человеческая личность, мир ее внутренних переживаний. Отсюда и важнейшая задача искусства — создание произведений, наполненных глубоким драматическим содержанием.

И если Крамской мог в полной мере оценить принципиальный, идейный характер собирательства Третьякова, то Третьяков был тем собирателем и художественным деятелем, который мог так же глубоко оценить многогранную деятельность Крамского — идейную сущность его творчества, его литературные выступления, общественные и художественные взгляды.

Художник и собиратель были, безусловно, единомышленниками в оценке многих общих вопросов. Это в особенности нашло свое выражение в письмах, в которых корреспонденты обсуждают события, связанные с русско-турецкой войной. Что же касается вопросов искусства, то и общие суждения их в этой области и частные оценки нередко вполне совпадали. «Ваш взгляд на искусство мне очень дорог»,— пишет Третьяков Крамскому.

«Весьма сочувствую Вашему взгляду на современную живопись, — пишет он, — а также и желанию, если бы можно, предохранить молодежь от влияния иностранной мазни».

Полным сочувствием встречает он появление статьи Крамского «Судьбы русского искусства» и высказывает сожаление о том, что статья эта замалчивается «и не принесет тех благих результатов, какие бы могла принести полемика». Солидаризируясь с Крамским в отношении его критической оценки деятельности Академии, Третьяков выступает как сторонник Товарищества и называет себя «человеком, близко стоящим к Вашему делу», то-есть к делу передвижных выставок. Он вникает даже в некоторые организационные вопросы Товарищества, пишет Крамскому о необходимости оберегать принципиальную чистоту его позиций, критикует нераспорядительность в отношении популяризации самих выставок и т. п.

Но, естественно, близость Третьякова к передвижникам определяется более всего кругом его собирательских интересов. Когда передвижники, обойденные Комитетом по устройству Всемирной Парижской выставки 1878 года, мечтают о создании своего собственного павильона на этой выставке и Крамской спрашивает Третьякова, не окажет ли он им поддержку, Третьяков, находя позицию Товарищества справедливой, все же отвечает: «...помочь делу, как вы предлагали, все-таки не могу; да я вовсе и не такой богатый человек, каким могу казаться по некоторым обстоятельствам».

В 1878 году Крамской в своих заботах о судьбах русского искусства снова обращается к Третьякову с просьбой помочь Товариществу в деле организации школ, которые, в противоположность Академии, могли бы развивать традиции реалистического искусства. Он пишет, что с подобной просьбой считает возможным обратиться лишь в «единственный адрес мне, да и всем мало-мальски думающим русским художникам известный... «Лаврушенский переулок, Никола Толмачи».

Третьяков принимает это письмо как «исторический документ, обвинительный акт обществу», но отвечает: «Идее Вашей я не могу не сочувствовать, но нахожу, что время для ее осуществления еще *не настало»*. Что же касается обращенной к нему просьбы о материальной помощи, то с трезвой обдуманностью делового человека он отвечал Крамскому, имея в виду свою собирательскую деятельность: «Мне кажется, уже существующую цель лучше развивать, чем дробить силы на другую, хотя и родственную».

В 1882 году Крамской делает еще одну попытку привлечь внимание общества к судьбам реалистического искусства. Он излагает Третьякову идею организации художественного съезда, приурочивая этот съезд к Всероссийской выставке в Москве и намеренно перенося его в Москву из Петербурга, где в решении вопросов искусства оказывал давление авторитет Академии. Третьяков сдержанно встречает эту идею, ссылаясь на неудачный опыт «бывавших торговых и фабричных съездов».

Страницы переписки, посвященные этим вопросам, раскрывают перед нами ту поистине героическую борьбу за реалистическое искусство, которую вело Товарищество передвижных выставок. Нередко оно вынуждено было бороться не только за чистоту своих принципиальных позиций, но и за право своего существования в буквальном смысле этого слова. Лишенное Академией выставочных зал, не имея возможности регулярно открывать свои выставки, Товарищество не получило также разрешения и на постройку своего собственного выставочного помещения в Петербурге, которое оно собиралось создать на средства своих членов.

Эти же страницы переписки раскрывают перед нами кипучую, полную самоотверженной преданности своему делу деятельность Крамского, сочетавшего творческую работу с ролью вдохновителя всех наиболее значительных начинаний Товарищества. И, несмотря на то, что целый ряд этих начинаний не встречал, казалось, прямой поддержки со стороны Третьякова, публикуемая переписка в целом чрезвычайно выпукло обрисовывает те огромные заслуги, которые должны

быть признаны за ним в деле становления русского реалистического искусства. Сосредоточив свою деятельность лишь в одной области — в области собирательства, он тем самым оказывал поддержку Товариществу в размерах, которых не знало до сих пор русское искусство. Собирательская деятельность Третьякова нашла свое выражение в создании исключительного по своей полноте музея национального русского искусства, который является в то же время и собранием наиболее выдающихся произведений художников-передвижников.

Третьяков осуществлял свое дело по глубокому внутреннему убеждению, вдохновляемый горячей верой в будущее русского искусства. Целеустремленность собирательства Третьякова заставляла его нередко подходить с особой расчетливостью к оценке художественных произведений ради сбережения средств на те же, необходимые для полноты музея покупки. Привычка тратить деньги рассудительно, взвесив все доводы за и против назначенной цены, не покидала его и во взаимоотношениях с художниками. В связи с покупкой портрета Шишкина он писал Крамскому: «Я Вам всегда говорю, что желаю приобретать как можно дешевле, и разумеется, если вижу две цифры, то всегда выберу меньшую; ведь не даром же я купец, хотя часто и имею антикупеческие достоинства».

С другой стороны, конечная цель его собирательства — создание музея русского искусства, который он с самого начала своей деятельности мыслил не как частное собрание, но как национальный музей, была уже в 60-х годах ясна многим современникам Третьякова. И то обстоятельство, что большинство художников, продавая ему свои произведения, снижало цены только потому, что произведения эти будут в его галлерее, Третьяков отмечал с чувством глубокого удовлетворения. Он видел в этом поддержку своего дела и не раз откровенно признавался в том, что собранием своим он во многом обязан бескорыстию художников.

Создавая свой музей, Третьяков жил творческими успехами крупнейших представителей передвижничества. Среди них он одним из первых, как упоминалось выше, оценил Крамского, доказав это своим собранием его произведений. Начиная с 1869 года, Крамской является исполнителем его наиболее значительных портретных заказов.

Нельзя недооценивать значения портретного собрания Третьякова. Он создавал его, вдохновляемый той же верой в торжество русской культуры, которой вдохновлялось его собирательство в целом. Поэтому собрание портретов в гал-

лерее Третьякова — это прежде всего собрание портретов выдающихся деятелей русской науки, литературы, искусства, деятелей, которыми гордится народ. Само понятие иконографической ценности портрета как бы получало новый смысл в галлерее Третьякова. Это прекрасно сознавали современные художники. Написать портрет для его галлереи было большим и почетным делом. Мы находим немало подтверждений этому в высказываниях не только Крамского, но и Репина, Перова и других художников, трудившихся на этом поприще.

Подтверждением тому служат и сами портреты, которые они отдавали в галлерею. Выполненные по заказу Третьякова, они не могли быть поставлены рядом с другими заказными портретами.

Публикуемая переписка убеждает нас в том, что свои наиболее выдающиеся портреты Крамской создавал, вдохновленный участием в Третьяковской портретной галлерее. Так были выполнены им портреты Л. Н. Толстого, Салтыкова-Щедрина, Григоровича, Полонского, Шевченко, два портрета Некрасова и многие другие.

В 70-х годах Третьяков решительно предпочитал Крамского как портретиста многим современным художникам. Но не только портреты Крамского привлекали его внимание. Первая значительная картина художника — «Майская ночь» — стала собственностью Третьякова еще до появления ее на выставке. Судьбу же своей картины «Христос в пустыне» Крамской поставил в зависимость от желания, которое выскажет Третьяков, отклонив все предложения о приобретении ее, в том числе и исходившее от Академии.

Искреннее взаимное расположение их особенно усиливается в середине 70-х годов. Крамской сближается не только с самим Третьяковым, но и с его семьей, в особенности, когда в течение некоторого времени, живя у Третьяковых, работает над портретом В. Н. Третьяковой.

В эти годы Крамской начинает работу над большой картиной «Хохот» («Радуйся, царю иудейский»). Третьяков вместе с самим автором картины уверен в успехе этого нового произведения. Со своей стороны, он стремится содействовать его работе. Нередко со свойственной ему предупредительностью он предлагает художнику деньги взаймы для того, чтобы избавить его от необходимости выполнять заказы. В отдельных случаях Крамской прибегает к этой помощи. Но уже в конце 70-х годов он останавливается перед непреодолимыми трудностями в работе. Задумав свою новую картину в непосредственной связи с картиной «Христос в пустыне», он мечтал о создании монументального произведения, в котором

нашла бы дальнейшее углубленное развитие тема положительного героя современной ему эпохи, борца за демократические идеалы. Но еще в работе над своей первой картиной, обратившись для воплощения увлекавшей его идеи к фабуле евангелия, художник тем самым внес черты обреченности в создаваемый им образ. В новом произведении эти черты получили еще более яркое выражение.

Художник остро ощущал противоречия между идеалами, которые были дороги передовым людям его поколения, и действительностью, в которой он не видел путей к достижению этих идеалов. Создаваемый им образ отражал собой трагическую сущность этого противоречия. Комментируя свое произведение, художник писал А. В. Никитенко: «Все идеалы падают... в сердце тьма кромешная...» Композиция в целом приобретала ярко выраженный пессимистический характер. Центральный образ, лишенный каких бы то ни было жизнеутверждающих черт, не мог быть понят как образ положительный.

С течением времени художник все больше убеждался в том, что его творческие искания увлекают его на путь отвлеченного, а по существу, ложного решения замысла. Это не могло не породить в его душе глубокого разочарования, двойственного отношения к своей работе. Как бы уходя от самого себя, он искал объяснения своих трудностей более всего в том, что, исполняя заказные портреты, лишен возможности отдать себя полностью работе над картиной. В январе 1883 г. Крамской послал свое письмо-исповедь Третьякову. В этом письме он просил в течение года выдавать ему ежемесячно определенную сумму для того, чтобы он мог работать исключительно над большой картиной. «...Богатый человек — это цель всех голодающих, — писал при этом Крамской, — но обо мне Вы не скажете так. Я честно бился всю жизнь и устал вот только под конец...»

Ответ Третьякова на это письмо не сохранился. Судя по ближайшему затем письму Крамского, следует предположить, что он был написан в самой деликатной форме, но содержал отказ на просьбу Крамского.

Свидетельством трагической судьбы художника, который стремился своим творчеством служить высоким задачам воплощения в искусстве положительного образа, стремился способствовать формированию в сознании современного ему общества положительных идеалов, звучат его слова, обращенные затем к Третьякову: «...я себя продаю — кто купит?..» «Дело у меня дошло до боли, я готов кричать: «помогите!» Вот откуда и мое письмо к Вам... Я только хочу один год

художественной жизни, чтобы не быть вынужденным бегать за хлебом...»

Третьяков в это время уже не верил в возможность завершения Крамским его картины. Быть может, еще раньше, чем это осознал сам художник, он понял, что дальнейшая работа над картиной будет лишь углублять трагедию, которую переживал Крамской.

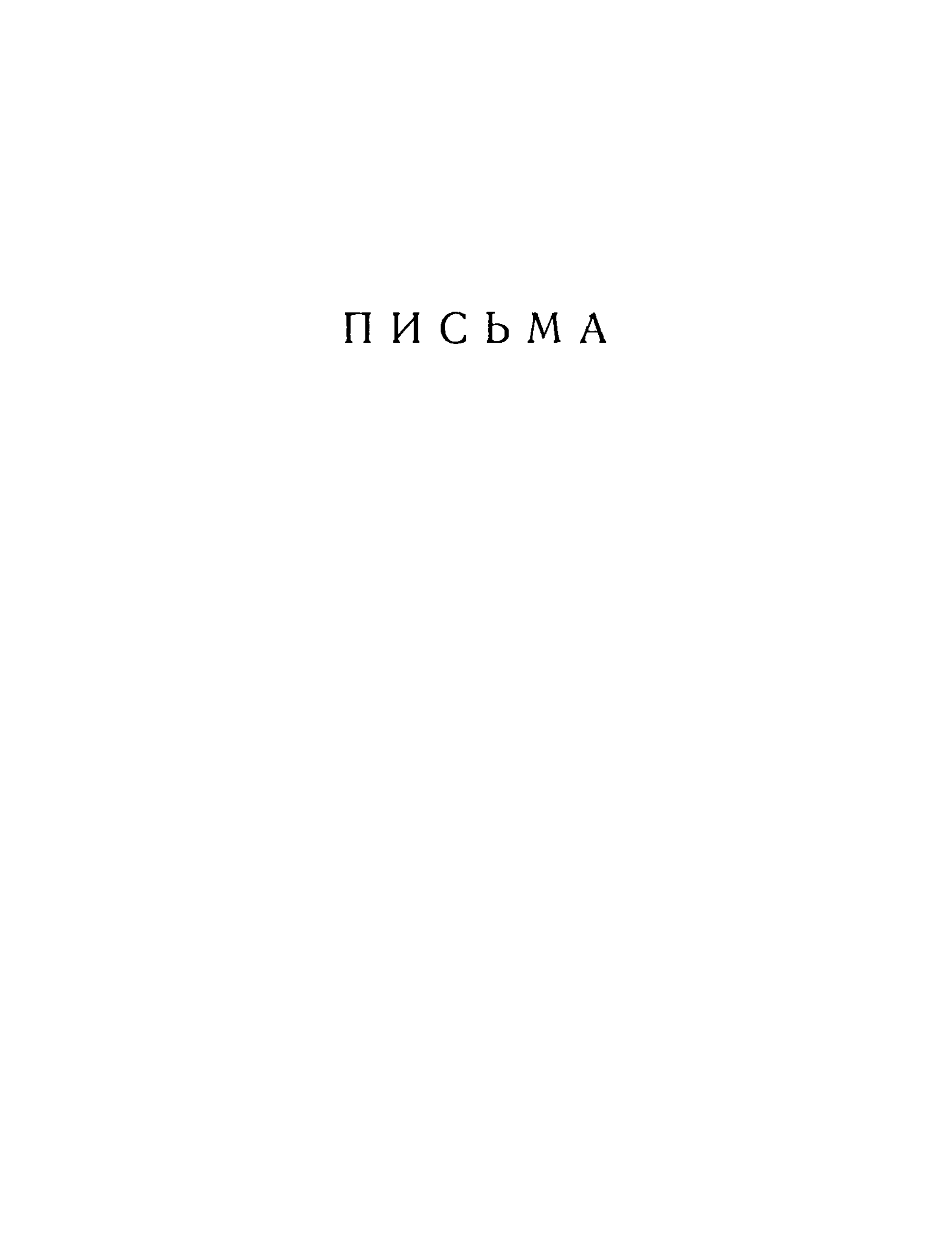
В этих письмах 1883 года обозначился перелом в отношениях между Крамским и Третьяковым. Переписка их утеряла свой постоянный характер, стала более эпизодической.

Однако в целом она является ярким и исключительно богатым по содержанию документом, свидетельствующим о той поистине исторической роли, которая принадлежит и Крамскому, и Третьякову в судьбах реалистического искусства. Дело, которому оба они посвятили свои творческие силы, приобрело неоспоримое значение. Русское реалистическое искусство второй половины XIX века, душой которого был Крамской, приобрело значение школы. Традиции ее использует прогрессивное искусство нашей эпохи. Созданная Третьяковым галлерея стала всенародным музеем, в котором одно из центральных мест принадлежит произведениям этой школы.

Переписка позволяет нам рассматривать деятельность каждого из корреспондентов как пример высокопатриотического служения своему народу.

С. Гольдштейн

ПИСЬМА

1869

1. И. Н. КРАМСКОЙ — П. М. ТРЕТЬЯКОВУ

26 сентября 1869 г.
С.-Петербург

Милостивый государь Павел Михайлович!

Поручение Ваше, переданное мне Александром Антоновичем Рицони [1], написать портрет Ивана Александровича Гончарова, к моему крайнему сожалению не может быть исполнено скоро, так как я уезжаю в первых числах октября за границу на два месяца [2]; однакож, имея еще в своем распоряжении целую неделю, а может быть и десять дней, я сегодня же был у Гончарова, полагая начать портрет немедленно, но Иван Александрович предпочел отложить до моего возвращения, потому, как он сказал, что надеется к тому времени сделаться еще лучше. Во всяком случае портрет ближе генваря или накануне нового года быть у Вас не может.

Цена моя за коленный портрет в величину портрета Писемского [3] 500 р. серебр[ом].

Если до моего отъезда Вы почтите меня ответом, то сообщаю к сведению мой адрес: В[асильевский] О[стров], Биржевой переулок, д[ом] братьев Елисеевых (бывший Меняева), кварт[ира] № 58.

С истинным почтением и совершенною преданностью имею честь быть всегда готовый к услугам

И. Крамской

2. П. М. ТРЕТЬЯКОВ — И. Н. КРАМСКОМУ

29 сентября [18]69
Москва

Милостивый государь
Иван Николаевич.

Я очень сожалею, что не мог увидать Вас лично в Петербурге и никак не успел зайти к Ивану Александровичу

(я всего только один день оставался в СПБурге), я бы упросил Ивана Александровича посидеть теперь же, не откладывая; в декабре погода для работы будет самая неблагоприятная, да к тому же мне очень хочется поскорей иметь портрет; если бы Вы могли отложить поездку на несколько дней и уговорить Ивана Александровича, чтобы сделать портрет теперь же,— я был бы Вам очень благодарен.

За портрет А. Ф. Писемского Перов взял 350 р., но я согласен на Вашу цену, я желаю только, чтобы портрет глубоко почитаемого мною Ивана Александровича Гончарова был отличный, и уверен, что Вы употребите все средства, чтобы он вышел таким,— так как Вы, вероятно, также любите и уважаете Ивана Александровича.

С истинным почтением имею честь быть преданнейшим Вашим слугой

П. Третьяков

3. И. Н. КРАМСКОЙ — П. М. ТРЕТЬЯКОВУ

30 сентября 1869 г.
С.-Петер[бург]

Милостивый государь Павел Михайлович!

С величайшим удовольствием, разумеется, исполнил бы Ваше желание начать портрет немедленно, если бы не следующие обстоятельства:

Великая княгиня Екатерина Михайловна, дочери которой я даю уроки, уезжая за границу, поручила мне приготовить для нее портрет ее старшего сына, и так как ей было известно о моем намерении быть за границей, то решено было еще в первых числах августа, что я привезу ей портрет лично [1]; между тем отъезд мой замедлился, и я не так давно получил телеграмму с запросом, почему я не еду? Все это сложилось раньше, чем я имел удовольствие получить от Вас заказ, иначе, разумеется, я распорядился бы к обоюдному удобству; но в настоящее время я нахожусь в положении человека, давшего слово сделать то-то и быть там-то.

Раскрыв перед Вами причину, почему именно я не могу сделать, как бы Вы того желали, я покорнейше прошу потерпеть до моего возвращения и я обещаю с своей стороны употребить все свое старание, чтобы портрет, действительно, глубоко уважаемого мною, как и многими, Ивана Александровича Гончарова был достоин Вашей галлереи, и ставлю условием, что иначе он не будет принадлежать Вам, как

только заслужив вполне Ваше одобрение. Быть может, я много на себя беру, высказываясь так, но прошу в этих словах разуметь только то, что отдать Вам портрет на других условиях я не соглашусь.

С истинным почтением и совершенной преданностью имею честь быть всегда готовый к услугам

И. Крамской

4. П. М. ТРЕТЬЯКОВ — И. Н. КРАМСКОМУ

3 октября 1869
Москва

Милостивый государь
Иван Николаевич.

На письмо Ваше от 30 п[рошлого] м[есяца] имею честь просить Вас заняться исполнением портрета немедленно по возвращении Вашем из-за границы.

С глубочайшим почтением остаюсь Вашим искренним слугой

П. Третьяков

В половине декабря я буду в Петербурге и тогда надеюсь лично познакомиться.

1870

5. П. М. ТРЕТЬЯКОВ — И. Н. КРАМСКОМУ

5 февраля 1870
Москва

Милостивый государь
Иван Николаевич.

В начале прошедшего месяца я был на один день в Петербурге и заходил к Вам, но не застал Вас. Интересно было бы мне знать, что пишется ли портрет И. А. Гончарова или когда думаете начать? Теперь самое лучшее время для работы, и, мне кажется, не следовало бы откладывать.

С истинным почтением имею честь быть Вас
милостивого государя

покорный слуга *П. Третьяков*

Если увидите И. И. Шишкина, скажите ему, пожалуйста, что картины [1] его все еще нет, как только получу — немедленно уведомлю.

П. Тр.

6. И. Н. КРАМСКОЙ — П. М. ТРЕТЬЯКОВУ

Милостивый государь Павел Михайлович! [1]

Когда я воротился из своей поездки, на третий день моего приезда, если не ошибаюсь, Вы изволили быть у меня; я тотчас же хотел Вас видеть, но Дмитрий Васильевич Григорович [2] сообщил мне, что Вас уже нет, что Вы уже уехали. На другой же день я отправился к И. А. Гончарову с намерением немедленно приступить к портрету, но он мне сначала ссылался на нездоровье, потом на погоду, и когда я согласился с тем, что действительно в тот день была погода неблагоприятная, но что завтра, может быть, будет лучше, он стал просить отложить до весны или по крайней мере до более светлого времени. Тогда я

просил его снять с меня ответственность и написать к Вам об этом, так как дело это откладывается не по моей вине, и он хотел написать.

Получивши от Вас напоминание, я тотчас поехал опять к нему и просил позволения прочитать Ваше письмо. На это я узнаю, что он Вам еще не писал, что портрет отложен. Следовательно, я при всей моей готовности, к сожалению, не мог еще начать, да и не знаю, когда начну. Полагаю, однакож, что спустя неделю я сделаю новый и уже решительный приступ, и смею покорнейше просить Вас с своей стороны написать несколько строк к Ивану Александровичу о том же предмете, чтобы не оставалось никакого сомнения в успехе.

Ивану Ивановичу Шишкину я передал Ваше поручение.

С истинным почтением и совершенною преданностью имею честь быть всегда готовым к услугам Вашим

И. Крамской

7. И. Н. КРАМСКОЙ — П. М. ТРЕТЬЯКОВУ

12 марта 1870

Милостивый государь Павел Михайлович!

Я сделал с своей стороны все, чтобы исполнить Ваш заказ, но не в моей власти было заставить сидеть Ивана Александровича.

Когда я передал ему Ваше письмо [1], то он уже согласился и был назначен день и час сеанса, но накануне он извещает меня, что сидеть он не может, что он, кроме того, что не совсем здоров теперь, он и в будущем не обещает; одним словом, отступается окончательно от написания портрета, при этом присовокупляет, что он берет на себя всю ответственность перед Вами. Вероятно, Вам теперь уже известно то, что я здесь сообщаю. Мне очень жаль, что упущен случай для меня сделать что-нибудь для Вашей галлереи.

С истинным почтением и совершенной преданностью имею честь быть Вашим покорнейшим слугою

И. Крамской

1871

8. П. М. ТРЕТЬЯКОВ — И. Н. КРАМСКОМУ

10 февраля [18]71
Москва

Милостивый государь
Иван Николаевич,

По возвращении в Москву я виделся с К. Т. Солдатенковым [1], говорил с ним об Антокольском и советовал заказать вместо деревянной статую [2] в натур[альную] велич[ину] из мрамора за 8 тыс. руб. (цену, объявл[енную] мне художником); но успеха я не имел! К. Т. находит эту цену очень высокою и между прочим сказал, что через год он будет в Риме и тогда если г-ну Антокольскому не будет никем заказано из мрамора, а цену, может быть, будет возможно понизить, то, может быть, он и закажет из мрамора; за статую же из дерева, заказанную уже им, он 1500 рублей заплатит с удовольствием и готов часть денег выдать теперь же или выслать, когда приступится к работе. Я Вам это пишу потому, что о цене 1500 за дерев[янную] ст[атую] я слышал только от Вас, от Антокольского же я ничего не слыхал. Солдатенкову же я потому объявил ее, что когда он мне сказал, что 8 тыс. за мрам[орную] ужасно дорого, то я и сказал, что и маленькая из дерева не будет стоить менее 1500 р.

Сообщая все это к Вашему сведению, буду ждать известий о предстоящем отъезде г-на Антокольского.

С глубочайшим почтением имею честь быть Вашим преданным слугой

П. Третьяков

9. И. Н. КРАМСКОЙ — П. М. ТРЕТЬЯКОВУ

21 февраля 1871

Милостивый государь Павел Михайлович!

Я не отвечал так долго потому, что ждал, чем разрешится вопрос о статуе Иоанна Грозного в Академии, и теперь почти

наверное я могу сообщить, что статуя из мрамора ему будет заказана от высочайшего имени. Конференц-секретарь Академии П. Ф. Исеев[1] призывал Антокольского с тем, чтобы объявить ему, как он выразился, «почти официально», что он должен сделать из мрамора статую для государя императора и, кажется, за 10 000 руб. с тем, чтобы он уже никому не повторял ни из чего. Словом, хотя ему и заказывают, но лишают права художественной собственности. Впрочем, последнее распоряжение идет, сколько мне известно, со стороны одного Исеева. Во всяком случае, точные и ясные сведения по этому делу вы, вероятно, скоро получите (если уже не получили) от самого Антокольского. Портрет Шевченко[2] я решился сделать четырехугольным, как для того, чтобы получить более солидную величину, так равно и серьезнее характер самого портрета.

С истинным почтением и совершенною преданностью имею честь быть глубоко уважающим Вас

И. Крамской

10. П. М. ТРЕТЬЯКОВ — И. Н. КРАМСКОМУ

26 февраля 1871
Москва

Милостивый государь
Иван Николаевич,

На днях получил Ваше письмо, ранее того дня два я писал г. Антокольскому, спрашивал, когда он предполагает выехать? но ответа еще не имею. Мне кажется очень странным: как может новый заказ статуи из мрамора уничтожить уже прежде принятый из бронзы? Кто бы ни заказывал, следовало бы объяснить, что уже взяты заказы из дерева и бронзы[1], и если новый заказ идет от высочайшего имени, тем более должна соблюдаться справедливость! хотя у нас нет письменного условия и не был дан задаток, но я считал и считаю заказ мой не мнимым, а действительным, другое дело, если художник считает заказ мой для себя не выгодным — в противном же случае я не желаю отказаться от него. Статую из мрамора закажут и без этого условия (чтобы не было из др[угого] метал[ла]) и за 10 тыс. Художник может быть покоен: закажут даже, может быть, и те, кто находили 8 тыс. ужасно дорогим, но из мрамора когда то еще может быть готова, а из бронзы мы ее можем увидать очень скоро.

Г-н Антокольский меня спрашивал: «если в случае он получит заказ из мрамора — оставляю ли я ему заказ из брон-

зы?». Я положительно отвечал ему, что заказ *во всяком случае* остается [2].

Извините, что я беспокою Вас этим письмом, пишу потому Вам, что через Вас началось это дело.

Насчет портрета Шевченко совершенно полагаюсь на Ваш взгляд.

Желая Вам всего доброго, с глубоким почтением остаюсь Вашим пред[анным] слугой

П. Третьяков

11. И. Н. КРАМСКОЙ — П. М. ТРЕТЬЯКОВУ

21 марта 1871

Милостивый государь Павел Михайлович!

Рама доставлена, и портрет Шевченко окончен. Я желал бы, что[бы] Вы поручили кому-нибудь его осмотреть, и затем просить уже у Вас инструкций, что с ним делать? отослать его немедленно в Москву или же Вы найдете возможным оставить его на несколько времени на выставке у Полицейского моста [1]. По доставленному мне от Бегрова [2] счету за раму следует уплатить 35 руб. серебр. Я ожидал, впрочем, что она будет стоить дешевле, несмотря на то, что сработана она превосходно. В ожидании Ваших указаний.

С истинным почтением и совершенною преданностью имею честь быть Вашим покорнейшим слугою

И. Крамской

12. П. М. ТРЕТЬЯКОВ — И. Н. КРАМСКОМУ

24 марта [18]71
Москва

Милостивый государь
Иван Николаевич!

Имею честь при сем препроводить с. р. 335 в переводе на г. Марк, которые Вы или посланный от Вас немедленно получит. Г. Марк живет у Полиц[ейского] моста в д[оме] Елисеевых.

Кому же поручить мне осматривать портрет, когда Вы его сами осмотрели? Мне остается только лично благодарить Вас — если он так хорошо окончен, как я предполагаю по виденному мною.

Если Вам угодно, можете выставить на выставку, если же нет, то поручите г. Бегрову переслать ко мне.

Я желал бы знать, не можете ли Вы теперь же приступить к портретам для меня Грибоедова, фон Визина, Кольцова [1]. Для последнего я имею материал.

Желаю Вам в радости встретить наступающий праздник. Остаюсь Вашим преданнейшим слугою

П. Третьяков

13. И. Н. КРАМСКОЙ — П. М. ТРЕТЬЯКОВУ

30 марта 1871

Милостивый государь Павел Михайлович!

Деньги 300 руб. за портрет и 35 руб. за раму я имел удовольствие получить, за что и приношу мою благодарность.

Кроме того, благодарю Вас также и за новое предложение написать три портрета: Фон-Визина, Грибоедова и Кольцова; к сожалению, в настоящее время, т. е. немедленно, я приняться не могу и просил бы Вас отложить эту работу до осени, если Вам возможно, потому что летом я думаю поехать по России [1], а по возвращении я буду готов к Вашим услугам исполнять то, что Вы назначите.

Антокольский уехал наконец благодаря Вашему вмешательству и помощи [2]. Он был в таких хлопотах перед отъездом, что, кажется, не успел даже написать к Вам, и я за него беру на себя смелость извиниться перед Вами. Впрочем, Вы, вероятно, получите известие обо всем уже с дороги.

Портрет Шевченко я поставил на постоянную выставку, пользуясь Вашим согласием, на две недели.

С истинным почтением и совершенною преданностью имею честь быть Вашим покорнейшим слугою

И. Крамской

14. П. М. ТРЕТЬЯКОВ — И. Н. КРАМСКОМУ

10 апреля 1871
Москва

Милостивый государь
Иван Николаевич.

Предполагая быть в Петербурге на этой неделе, я не ответил на Ваше письмо от 30 марта.

Не можете ли Вы написать портрет А. В. Кольцова теперь же, а другие я подождал бы до какого угодно времени. Путешествовать по России Вы не можете ранее половины мая, а до того времени Вы могли бы окончить портрет. Я распоряжусь на вс[який] случай, чтобы Вам доставили акварельный портрет[1] Кольцова,— как говорят, очень похожий.

Будьте здоровы.

Ваш преданнейший слуга *П. Третьяков*

15. И. Н. КРАМСКОЙ — П. М. ТРЕТЬЯКОВУ

4 мая 1871

Милостивый государь Павел Михайлович!

Смею обратиться к Вам с покорнейшею просьбою, если возможно, выслать мне в счёт уплаты за портрет Кольцова (который я уже пишу) 200 руб. серебр. Мне очень совестно, что я делаю это, но так сложились обстоятельства для меня.

С истинным почтением и совершенною преданностью имею честь быть Вашим покорнейшим слугою

И. Крамской

16. П. М. ТРЕТЬЯКОВ — И. Н. КРАМСКОМУ

4 мая 1871
Москва

Милостивый государь
Иван Николаевич.

В. Г. Перов просил меня при случае передать Вам глубочайшую похвалу и почтение — портрету Вашему Т. Г. Шевченко.

Вот что говорит Тургенев о наружности Кольцова (в 1837 году): «В комнате находился (на вечере у Плетнева) еще один человек. Одетый в *длиннополый двухбортный сюртук, короткий жилет с голубой бисерной часовой цепочкой* и шейный платочек *с бантом* — он сидел в уголку. Скромно подобрав ноги и изредка покашливал, торопливо поднося руку к губам. Человек этот поглядывал кругом, не без застенчивости, прислушивался внимательно; в глазах его светился ум необыкновенный, но лицо у него было *самое простое*, русское — вроде тех лиц, которые часто встречаются у образованных самоучек из дворовых и мещан. Замечательно,

что эти лица, в противность тому, что, повидимому, следовало бы ожидать, редко отличаются энергией; напротив, почти всегда носят отпечаток *робкой мягкости и грустного раздумья*... Это был поэт Кольцов» [1].

Мне кажется, при воспроизве[дении] портрета поэта эти строки Тургенева могут пригодиться. Я подчеркнул то, что мне кажется характерным.

Ваш преданнейший

П. Третьяков

17. П. М. ТРЕТЬЯКОВ — И. Н. КРАМСКОМУ

6 мая 1871
Москва

Милостивый государь
Иван Николаевич

Вчера послал Вам выписку из воспоминаний Тургенева, то, что он говорит о наружности Кольцова, на случай, может быть, она не будет Вам лишнею и послужит добавочным материалом. В этой выписке есть также намек и на то, что Кольцов был человек *болезненный*.

Вчера же вечером получил Ваше письмо и спешу препроводить с. р. 300 на г-на Марк, а раму прикажите Бегрову записать прямо в мой счет.

С глубочайшим почтением остаюсь преданнейшим Вашим слугой

П. Третьяков

18. И. Н. КРАМСКОЙ — П. М. ТРЕТЬЯКОВУ

9 мая 1871

Милостивый государь Павел Михайлович!

Я полагал, что я буду иметь удовольствие лично принести Вам мою глубокую благодарность за Ваше любезное одолжение, но у меня, к сожалению, вот уже три дня, как настоящий лазарет: жена и сын больны [1]. Извините меня, что я позволяю себе сообщать домашние причины, но я делаю это в тех видах, что, может быть, при случае заявите мое сожаление, что я не могу исполнить желания Лидии Васильевны Шиповой (бывшей Хомутовой) [2]. Хотя я извещаю ее о невозможности приехать в Москву, и одного уже достаточно, но я дал слово приехать, а между тем не сдержал. Я совершенно понимаю всю неумест-

ность того, что я написал, давая чуть ли не поручение, но раз написал, я оставляю, не имея привычки сначала редактировать свои письма. Прошу Вас великодушно извинить меня в этом.

За все Вами сообщенное о Кольцове мне приходится еще раз благодарить Вас. Я собирался прочитать об этом в сочинении Тургенева, но не имею еще книги.

Раму Бегрову я уже заказал, как Вы желали.

С истинным почтением и совершенною преданностью имею честь быть всегда готовым к Вашим услугам

И. Крамской

19. И. Н. КРАМСКОЙ — П. М. ТРЕТЬЯКОВУ

19 июня 1871

Милостивый государь Павел Михайлович!

Не удивляйтесь, что обо мне нет никакого известия: я все еще в Петербурге, и неизвестен день, когда я выеду. В доме у меня еще не все благополучно. И мне очень жаль, что обстоятельства так сложились, что я не могу кончить для Вас портрета до сих пор [1]. Хотя стараюсь.

С истинным и глубоким уважением имею честь быть всегда готовым к услугам

И. Крамской

20. И. Н. КРАМСКОЙ — П. М. ТРЕТЬЯКОВУ

19 ноября 1871
СПБ

Милостивый государь Павел Михайлович!

Я очень сожалею, что положение мое заставляет начать письмо просьбою о деньгах за картину «Майская ночь» [1]. Поступая по справедливости, мне бы следовало ограничиться получением пока 1200 р., оставляя 300 р. до окончания мною портрета Кольцова, и потому предоставляю это Вашему благоусмотрению. Что касается нашего разговора о передвижении картин внутрь России, то после разговора с Николаем Николаевичем [2] я убедился в том, что мы едва ли на первый раз и предпримем дело в таких широких размерах, а всего вероятнее ограничимся Москвою и Петербургом. Если же, сверх ожидания, дело примет оборот в пользу передвижения дальнейшего, то я вперед соглашаюсь на Ваше решение, и дальнейшая

судьба картины будет уже зависеть от Вашей воли, дать ее или нет [3].

Примите мое искреннее и глубокое уважение

И. Крамской

21. П. М. ТРЕТЬЯКОВ — И. Н. КРАМСКОМУ

23 ноября 1871
Москва

Милостивый государь
Иван Николаевич.

Посылаю Вам тысячу рублей в переводе на г. Марк, остальные же пятьсот руб. привезу Вам в начале буд[ущего] мес[яца]. Я Вам предлагал деньги в Петербурге, очень жаль, что Вы отказались; там я мог бы все 1500 р. заплатить.— 300 руб. за портрет остаются до окончания портрета [1].

Жду с нетерпением уведомления, хорошо ли дошли Перовские картины [2]. Ник[олай] Ник[олаевич] обещал уведомить, но до сего дня нет. Неужели еще не вскрывали ящиков? Перов хотел написать — но, может быть, не забыл ли, чтобы его картины «Охотники» и «Рыболов» не ставить рядом потому, что одна в мастерской писана, а другая на воздухе, и потому поставить их следует в разных местах [3].

Будьте здоровы! Поклон Ник[олаю] Ник[олаевичу].

Ваш преданный *П. Третьяков*

22. И. Н. КРАМСКОЙ — П. М. ТРЕТЬЯКОВУ

6 декабря 1871
СПБ

Многоуважаемый Павел Михайлович!

Прошу Вас очень извинить меня, виноватого пред Вами, что так долго не уведомлял Вас о получении мною *тысячи* рублей и, кроме того, на Ваше беспокойство о картинах, присланных из Москвы; все слава богу обстоит благополучно; выставка открыта, и публика приняла ее очень любезно [1].

С истинным и глубоким уважением остаюсь
готовый к услугам

И. Крамской

1872

23. П. М. ТРЕТЬЯКОВ — И. Н. КРАМСКОМУ

25 февраля [18]72
Москва

Многоуважаемый Иван Николаевич.

Как здоровье И. И. Шишкина? Не откажите сообщить.

Если его здоровье поправляется, то не мешало бы мне узнать цену его картины [1], потому что без цены дело это будет не совсем в порядке.

Получил вчера письмо от Васильева, он пишет, что картина [2] его будет у Вас 24—25 числа, и, извиняясь очень, что не послал ее через Москву,— просит, если найду возможность, — посмотреть ее у Вас, т. е. просит о том, что уже сделано нами по счастливому случаю. Между прочим, приписывает, что Вам он сообщил все, что до картины относится.

Желая Вам всего хорошего, остаюсь истинно преданным слугой

П. Третьяков

24. И. Н. КРАМСКОЙ — П. М. ТРЕТЬЯКОВУ

1 марта 1872 г.

Многоуважаемый Павел Михайлович!

На третий день Вашего отъезда я узнал от Иконникова [1], что Васильев не думает отдать свою картину дешево, и так как он меня сам уполномочил назначить цену, я же мог ошибиться жестоко, то и решился ему телеграфировать и, узнав цену, сообщить Вам немедленно, чтобы не пропустить времени для продажи, в случае если бы Вам не угодно бы было оставить ее во всяком случае за собою. Одновременно с Вашим письмом о Шишкине я получил ответ на телеграмму, в котором он объявляет цену 1000 рублей.

Картина Шишкина, когда будет кончена, будет стоить

1 500 рублей. Здоровье его в настоящее время немножко лучше и, как говорит доктор, пошло ко выздоровлению. У него сделался тиф, осложнившийся на 5-й день болезни воспалением легких самой острой и злой формы, но, как он говорит, оставляющей не такие пагубные последствия, как воспаление легких более медленное. Лечение и болезнь, сколько мне кажется, идет правильно.

С истинным почтением и совершенною преданностью имею честь быть глубоко уважающий Вас

И. Крамской

25. П. М. ТРЕТЬЯКОВ — И. Н. КРАМСКОМУ

3 марта 1872
Москва

Письмо Ваше — многоуважаемый Иван Николаевич, от 1 марта получено вчера. Относительно картины Васильева, то я высказывал Вам причины, побуждающие меня оставить ее во всяком случае за собой, если цена эта и высока, то он находится в исключительном положении [1], и при благоприятном исходе — все поправится! Относительно же картины Шишкина при такой цене надо будет видеть, как она будет окончена? Надеюсь, что Вы также согласны будете со мной — оставить это до ее окончания. Дай бог, чтобы здоровье его поскорее восстановилось, такая серьезная болезнь, вероятно, поручена хорошему доктору.

Будьте здоровы!

Ваш преданнейший *П. Третьяков*

26. П. М. ТРЕТЬЯКОВ — И. Н. КРАМСКОМУ

5 марта [18]72
Москва

Многоуважаемый Иван Николаевич!

Сегодня открывается выставка в Академии [1], не знаю, скоро ли я попаду в Петербург, хотя и собираюсь на сей недели; не явилось ли на ней чего-либо особенно замечательного? Вероятно, Вы уже были? я был бы очень благодарен Вам, если бы Вы мне сообщили это; хотя и я не ожидаю ничего особенного, но ведь может случиться!

Из последнего моего письма Вы не выведете заключения, что я передумал относительно картины Шишкина? я только

желал бы оставить это насчет цены не оконченным, так как картина, оканчиваясь, может весьма измениться, да, вероятно, Ив[ан] Ив[анович] и не решится теперь назначить ее в продажу не оконченною. Как его здоровье? Извините, что я надоедаю Вам своими поручениями.

Весь Ваш

П. Третьяков

27. И. Н. КРАМСКОЙ — П. М. ТРЕТЬЯКОВУ

8 марта 1872 г.

Многоуважаемый Павел Михайлович!

Спешу уведомить Вас, что на выставке пока особенного нет ничего, выставка открывается только 10-го или 11 числа, так что, может быть, что-либо еще появится, из того же, что есть теперь, заметный этюд этнографический русской женщины в костюме *Седова*[1] в 1/2 натуры во весь рост и потом три талантливых статуэтки из воску Шокарева[2], кажется, если не переврал фамилию, он московский музыкант, изображающие евреев. Один замечательный, хотя и не особенно, пейзаж шведского художника[3], до которого Вам, может быть, нет и дела. Вот и все пока. Здоровье Ивана Ивановича поправляется: он уже встает. Что же касается приобретения Вами его пейзажа, то я ему читал присланные Вами оба письма[4], и он совершенно согласен с тем, что все это так и быть должно и что Вы увидите его конченным. Можно было бы, пожалуй, упомянуть о двух картинах, даже 3-х, Маковского К. Е. «Похороны крестьянские»[5], Корзухина «Кадет перед отправлением в корпус»[6] и Журавлева «Ветреная жена»[7], но я ими не особенно тронут, и потому за них не стою, хотя отдаю полную справедливость достоинствам. Извините за непозволительно дурное письмо.

С истинным почтением и совершенною преданностию остаюсь глубокоуважающий Вас

И. Крамской

28. П. М. ТРЕТЬЯКОВ — И. Н. КРАМСКОМУ

6 апреля 1872
Москва

Многоуважаемый Иван Николаевич!

После моего к Вам письма я получил от Анненкова[1] известие, что был у Вас и видел портрет Кольцова, вот что он пишет:

«Могу засвидетельствовать нелицеприятно, что портрет выйдет совершенно удовлетворителен. Стоит только снять с него свежесть лица, мало свойственную человеку труда, наклонить ему несколько голову, как бывает это у людей, много испытавших на своем веку, да сообщить костюму некоторый вид гениальной неряшливости».

Здесь столько «только», что Вам хлопот будет не мало! Но, многоуважаемый Иван Николаевич, по русской пословице «взявшись за гуж, не говори, что не дюж», делать нечего, уж похлопочите; стоит и для того только, чтобы *был портрет Кольцова!* Позже сделать будет уже невозможно.

Что Шишкин делает с своим пейзажем и как идет или уже вышло? Скажите откровенно.

Желая всего доброго, остаюсь преданным Вам

П. Третьяков

29. И. Н. КРАМСКОЙ — П. М. ТРЕТЬЯКОВУ

10 апреля 1872 г.

Многоуважаемый Павел Михайлович!

Г-н Анненков видел портрет Кольцова в самом безобразном виде, говорю это не с тем, чтобы ослабить силу его замечаний, которые все я принял с удовольствием, тем более что это совпадало с моими намерениями; особенных «только» я не заметил, и исправление их не может меня особенно затруднить, а только довожу до Вашего сведения, чтобы Вам не показалось удивительным такое количество замечаний. Прошу Вас извинить меня, что я не тотчас отвечаю Вам — занят был упаковкою и отправкою картин [1]. Иван Иванович Шишкин, как Вы увидите, сделал в своей картине много даже перемен — и все к лучшему, по моему мнению; впрочем, вы увидите сами. Сколько я могу судить, картина его — одно из замечательнейших произведений русской школы. В своей картине «Майская ночь» я тоже кое-что прошел и, кажется, не испортил. Например, воду на первом плане всю сделал темнее, первый план с правой стороны прошел, бугорок под лодкой, над плотом, переменил, гору с тополями кончил, деревья около дому изменил несколько и в тонах и в форме и, наконец, другой берег облегчил в тонах, и даже пришлось пройти и небо, словом, прошел всю картину. В настоящее время она пожухла страшно, но Г. Г. Мясоедов [2] обещался ее покрыть белком основательно; кроме этих новостей, есть еще картина интересная «Пашня»

барона Клодта [3]. Портрет Кольцова я не посылаю теперь, а только на фоминой, потому что на праздниках здесь будет Тургенев, которого хотел привести Анненков. Затем, поручая Вашему вниманию наши труды [4], желаю Вам встретить праздник радостно и счастливо.

С истинным почтением и совершенною преданностью имею честь быть всегда готовым к услугам

Уважающий Вас *И. Крамской*

30. П. М. ТРЕТЬЯКОВ — И. Н. КРАМСКОМУ

18 апреля 1872
Москва

Христос воскрес! Многоуважаемый Иван Николаевич, с праздником поздравляю Вас и желаю Вам всего доброго, в особенности же, чтобы здоровы были Вы, супруга Ваша и дети.

Вчера устанавливалась выставка и сегодня открывается, хотя не было еще публикации и нет указателя; я там пробыл несколько часов и уходя оставил ее все еще в большом беспорядке, но надеялись к вечеру уладить. Пейзажем Шишкина я остался совершенно доволен: скажите Ивану Ивановичу мое большое спасибо! Деньги я ему не посылаю по случаю праздников, а на будущей неделе непременно вышлю. «Майская ночь» пожухла ужасно (сегодня она, вероятно, уже покрыта белком), но, несмотря на это, мне кажется, что все, что в ней Вы сделали, вышло вполне хорошо! Очень рад, что Кольцов уже кончен и что в замечаниях Вы не встретили затруднений.

Пашня бар[она] Клодта по-моему вещь *прекрасная!* для меня она потому только не представляет особенного интереса, что «Пашня» эта была уже им трактована [1], а я мало симпатизирую повторениям, но сама по себе вещь так симпатична (по крайней мере по перв[ому] впечатл[ению] показалась), что я советую ее приобрести моему брату.

Покорнейшая просьба:

Если у Вас будет И. С. Тургенев, то спросите его, будет ли он в Москве и когда именно? Перову нужен необходимо один сеанс, чтобы окончить портрет его [2].

Поздравьте, пожалуйста, с праздником Ник[олая] Ник[олаевича], Анну Петровну и Ивана Ивановича [3].

Будьте здоровы!

Ваш преданнейший *П. Третьяков*

Ответ И. С. Тургенева, будьте добры, сообщите.

31. П. М. ТРЕТЬЯКОВ — И. Н. КРАМСКОМУ

22 апреля 1872
Москва

Многоуважаемый Иван Николаевич!

Писал Вам на днях и между прочим просил известить меня насчет И. С. Тургенева, теперь же обращаюсь к Вам с покорнейшею просьбою распорядиться на постоянной выставке, чтобы отправили немедленно ко мне пейзаж Васильева [1], — потому что он мне теперь нужен; потрудитесь сказать, чтобы ящик был сделан прочный и картина уложена тщательно, а рама (для предохранения картины) обернута бумагой; отправить нужно прямо по железн[ой] дороге и застраховать. Извините, сделайте милость, что я Вас беспокою, а не сам пишу Дмитрию Васильевичу [2], но, во-первых, я не знаю наверное, в Петербурге ли теперь Дм[итрий] Вас[ильевич], а, во-вторых, Ваше личное распоряжение отправить картину будет действительнее; если же Дм[итрий] Вас[ильевич] дома, то, пожалуйста, передайте ему мой нижайший поклон.

Картина Ваша [3] покрыта белком и очень выиграла. Я был на выставке утром на другой день открытия — публики не было. Следовало непременно выставку открыть за две недели до праздника, тогда бы публика, в течение двух недель ознакомившись с этой новостью, — в праздничные дни повалила бы толпами и эта неделя дала бы хороший доход, а теперь никто почти не знает и нет публикаций!

Эти последние два дня я не выходил из дома по случаю сильной болезни дочери. Не знаю потому, был ли Н. Н. Ге в Москве, у меня же он не был, вероятно, зайдет на возвратном пути.

Извините, что я беспокою Вас своими письмами и просьбами.

Будьте здоровы!

Ваш пред[анный] *П. Третьяков*

Не имеете ли известий о Васильеве? Я ничего не знаю о нем и, после того как была выслана им конкур[сная] картина, не получал от него писем; была только телеграмма о высылке 500 р., что и было исполнено немедленно. Боюсь, не расхворался ли он опять?

П. Тр.

32. И. Н. КРАМСКОЙ — П. М. ТРЕТЬЯКОВУ

25 апреля 1872 г.
СПБ

Многоуважаемый Павел Михайлович!

Картина Васильева, вероятно, уже отправлена к Вам; Дмитрий Васильевич еще здесь, а Тургенев, вероятно, не приехал еще, по крайней мере, я не слышал. Портрет Кольцова все еще работаю. Николай Николаевич не поедет теперь, его удерживает копия [1], которую нужно сдать его величеству чрез Академию; из Петербурга он поедет уже совсем в первых числах июня, вот почему он не был и у Вас. Что же касается моего приезда в Москву, то, как видите, он все откладывается, хотя я этой идеи еще не покинул. Надо полагать, что это состоится в первых числах мая: очень уж хочется повидать сочленов москвичей [2], до той же поры низко кланяюсь Василию Григорьевичу [3] и прочим. Очень рад, что пейзаж Шишкина оправдывает мои отзывы и «Пашня» барона Клодта Вам нравится.

С истинным почтением и совершенною преданностью имею честь быть всегда готовым к услугам

И. Крамской

33. И. Н. КРАМСКОЙ — П. М. ТРЕТЬЯКОВУ

28 октября 1872 г.

Многоуважаемый Павел Михайлович!

В бытность Вашу здесь, в Петербурге, я забыл просить Вас об одном: когда Мясоедов будет возвращаться в Петербург, то дозвольте картину «Майская ночь» переслать сюда ко мне: я ее хотел немного поработать, летом я кое-что наблюдал [1] еще, и мне хотелось ее поправить. Если Вы не найдете к этому препятствий с своей стороны, то Вы этим сделаете мне большое удовольствие и одолжение. Обещаюсь не задерживать ее.

Искренно и глубоко уважающий Вас

И. Крамской

34. П. М. ТРЕТЬЯКОВ — И. Н. КРАМСКОМУ

Москва
31 октября 1872

Глубокоуважаемый
Иван Николаевич!

Я ничего не имею против присылки к Вам «Майской ночи», так как вполне уверен, что Вы ее не испортите, да к тому же ее,

вероятно, пришлось бы переслать в Петербург для отправки на Венскую выставку [1], так как, по моему мнению, ее послать туда необходимо.

Будьте здоровы!

Преданный Вам

П. Третьяков

35. П. М. ТРЕТЬЯКОВ — И. Н. КРАМСКОМУ

Москва
24 ноября 1872

Многоуважаемый
Иван Николаевич!

На днях я увидал, что в числе возвращенных из поездки картин [1] моих Вашей «Майской ночи» нет. Г. Г. Мясоедова я не видал здесь и потому не мог ему передать Ваше желание взять к себе эту картину, вероятно, Вы ему прямо о том в Харьков писали, и вследствие того в настоящее время картина находится у Вас. Но следует ли Вам ее еще работать? как бы не вышла она от того суха? Положим, что Вы, на нее смотря, как на свое детище, — будете уверены, что не испортите, — но ведь бывает, что родители, хороших детей желая сделать еще лучшими, — иногда портят их.

Надеюсь, что у Вас теперь все здоровы? чего Вам от всего сердца желаю.

Ваш преданный

П. Третьяков

36. И. Н. КРАМСКОЙ — П. М. ТРЕТЬЯКОВУ

25 ноября 1872 г.

Многоуважаемый Павел Михайлович!

В бытность Вашу в Петербурге было положено, что я объявлю первому Вам, что стоит моя картина [1] по открытии выставки; с тех пор случилось обстоятельство, которое заставляет меня прервать молчание относительно этого щекотливого вопроса.

Две недели тому назад я получил запрос от Академии, что стоит моя картина? так как Академия желает ее приобрести, на это я отвечал, что еще не знаю, что вопрос этот отложен на неопределенное время даже для меня самого. Я и успокоился. Но сегодня 25-го ноября у меня Академия спрашивает опять (ее видели почти все профессора) о том же самом. Ввиду такого настойчивого заявления я не счи-

таю более себя вправе молчать перед Вами и волей неволей решаюсь покончить этот вопрос немедленно и повергаю его на Ваше обсуждение. Картина моя стоит *шесть тысяч* рублей. Напишите мне, продавать ли ее Академии.

С истинным и глубоким уважением остаюсь известный Вам

И. Крамской

37. П. М. ТРЕТЬЯКОВ — И. Н. КРАМСКОМУ

Москва
21 декабря 1872

Многоуважаемый Иван Николаевич,

Очень бы обязали меня, если бы уведомили, благополучно ли дошли принадлежащие мне портреты Перова? [1]. Также, окончили ли Вы руки у Христа [2] и когда откроется выставка? [3]. Еще покорнейшая просьба: нельзя ли «Майскую ночь» покончить к моему приезду, каковой, вероятно, будет в начале буд[ущего] месяца. Эта картина покрыта в Москве белком.

Желаю Вам весело и в добром здоровье встретить наступающий праздник.

Ваш преданнейший *П. Третьяков*

38. И. Н. КРАМСКОЙ — П. М. ТРЕТЬЯКОВУ

23 декабря 1872 г.

Многоуважаемый Павел Михайлович!

Все картины, присланные из Москвы, получены сегодня в целости. Я вам очень благодарен за портреты Перова. Надо полагать, что он сам не прислал бы их все. Только одно недоразумение — В. Г. Перов писал мне, что есть картина Каменева «Лес» [1], а между тем в 4 присланных ящиках таковой не оказывается. Руки у Христа я кончил. Картину «Майская ночь», полагаю, что кончу к Вашему приезду. Благодарю Вас, глубокоуважаемый Павел Михайлович, за желание встретить мне хорошо праздник, сожалею, что не могу в свою очередь сказать Вам во-время то же, но примите мое искреннее поздравление уже с наступившими.

Уважающий Вас *И. Крамской*

Позволяю прибавить, к сведению Вашему, что у Боголюбова на нашей выставке есть очень хорошая вещь — «Устье Невы» [2]. Он давно так не писал.

1873

39. И. Н. КРАМСКОЙ — П. М. ТРЕТЬЯКОВУ

11 генваря 1873 г.

Многоуважаемый Павел Михайлович!

Различные платы, предстоящие мне 17-го января, заставляют меня беспокоить Вас, добрейший Павел Михайлович, просьбою прислать мне, если возможно, 1000 рублей. Мне очень жаль, что так случилось, но это последний раз, надеюсь, по крайней мере, так, что следуемые мне деньги [1] могут быть уплачены, уже когда Вам заблагорассудится.

С истинным и глубоким уважением имею честь быть готовым к услугам

И. Крамской

Я очень радуюсь, что *«Устье Невы»* Ваша собственность,— чем больше я смотрю на нее, тем она мне больше нравится.

40. П. М. ТРЕТЬЯКОВ — И. Н. КРАМСКОМУ

13 января 1873
Москва

Глубокоуважаемый
Иван Николаевич.

Ваше письмо от 11-го получил вчера и сегодня спешу послать Вам при сем с. р. 1500 в переводе на А. А. Марк, адрес его вы, вероятно, знаете: на Морской д[ом] Елисеевых.

Остальные я заплачу Вам в апреле, но если Вам будут нужны, то я могу заплатить во всякое время.

Очень рад, что Вам нравится все более *«Устье Невы»* — эта вещь по-моему вполне художественная! и очень благодарен, что Вы предуведомили меня о ее появлении.

Я надеюсь быть у Вас в этом месяце, т. е. около того времени, как откроется Венско-Академическая выставка [1];

что «Майская ночь» будет покончена, я уверен, но не будет ли покончен и Кольцов? я уверен, что костюм «мещанский»[2] Вы найдете в Петербурге у мелочных бакалейных лавочников или у биржевых артельщиков, но если бы невозможно было достать у Вас, то можно здесь поискать.

В понедельник послал я на Ваше имя письмо для передачи Г. Г. Мясоедову, но ответа от него не получил, вероятно, и не будет[3].

Прошу поклониться Николаю Николаевичу, Григорию Григорьевичу и Ивану Ивановичу[4]. Будьте здоровы!

Ваш преданнейший *П. Третьяков*

О получении денег прошу известить.

41. И. Н. КРАМСКОЙ — П. М. ТРЕТЬЯКОВУ

16 января 1873 г.

Многоуважаемый Павел Михайлович!

Деньги 1500 рублей серебром я получил и приношу Вам мою глубокую благодарность. К Вашему приезду Вы найдете как в Кольцове, так и в картине «Майская ночь» перемену. Последнюю я, разумеется, даже кончу. Картина Шишкина[1] приобретена Академиею, другая же «Полдень»[2] куплена К. Т. Солдатенковым. Картина Якоби[3] куплена им же. Это лучший исход, какой только можно было пожелать для этой картины. Венская выставка, т. е. лучше, академическая, собирается плохо, еще ничего нет, за исключением плачевных произведений польских художников[4].

Глубоко уважающий Вас

И. Крамской

42. П. М. ТРЕТЬЯКОВ — И. Н. КРАМСКОМУ

1 февраля 1873
Москва

Многоуважаемый
Иван Николаевич,

На приготовляющейся академической выставке есть маленький этюд Верещагина (восточная мужская голова на светлом фоне)[1], я не успел справиться, кто его выставил; может быть, нельзя ли приобрести его? Сделайте милость,

не откладывая, потрудитесь справиться, и если он продажный, то я очень бы желал приобрести его.

Извините за беспокойство.

Ваш преданнейший

П. Третьяков

43. И. Н. КРАМСКОЙ — П. М. ТРЕТЬЯКОВУ

13 февраля [1873]
С.-Петербург

Глубокоуважаемый Павел Михайлович!

Прошу извинения, что позволил себе писать Вам на такой бумаге [1], но так как написать было необходимо, а бумаги приличной не оказалось, то и должен был ограничиться этим листом. Голова Верещагина (ташкентского), о которой Вы поручали навести справки, не продается. Я узнал это только уже сегодня. Раньше ни от кого не мог добиться узнать, даже кем она поставлена. Она и не продавалась. Сегодня, как я сказал, мне удалось напасть на след, откуда она: — она доставлена из магазина Бегрова. Оказывается, что какой-то генерал [2] (имени его не могли мне сказать, так как самого Бегрова я не застал в магазине) прислал к Бегрову этот этюд с поручением поставить на выставку, которому этюды и принадлежат. Если Вам интересно знать, кому именно голова эта принадлежит, то первый раз, что я увижу Бегрова, я узнаю и сообщу об этом. Извините ради бога, что так долго замедлил с ответом, но по крайней мере нет потери, так как вещь эта не продавалась. Выставка в Академии открывается с первой недели поста.

Глубоко уважающий Вас

И. Крамской

44. П. М. ТРЕТЬЯКОВ — И. Н. КРАМСКОМУ

Многоуважаемый Иван Николаевич,

Вчера я не уехал, вспомнив, что мне нужно сегодня быть в школе глухонемых [1], и вот, пользуясь случаем, хочу взглянуть на картину Савицкого [2], к Вам заходил узнать его адрес.— Вот что еще хочу попросить Вас: когда Вы будете писать Васильеву, мне желалось бы, чтобы Вы заметили ему, что картину мы с Вами ценили нормальною суммою в 800 р. и что при этом я Вам заметил о стоимости прошлогодней

картины, т. е. что, по моему мнению, она стоит около 700 р.— 800 [3].

Николай Николаевич говорил мне, что ящик с картинами «Петра» и «Птицелова» останется здесь не открытым до Риги [4], но, мне кажется, следовало бы его открыть здесь для аккуратности: вещи могут быть в неисправности, да и без картин могут придти пустые ящики; потому, если не забудете, потрудитесь передать это Н[иколаю] Н[иколаевичу], так как я его сегодня уже не увижу.

О результате свидания с Каратыгиным [5], надеюсь, сообщите мне.

Простите докучливость

Вашего истинно преданного *П. Третьякова*

45. П. М. ТРЕТЬЯКОВ — И. Н. КРАМСКОМУ

2 марта 1873

Глубокоуважаемый
Иван Николаевич,

Для аккуратности считаю нужным сообщить Вам, что картина Савицкого не удовлетворила меня, по-моему, она хуже прежней, нет той натуры в пейзаже, и потому относительно ее видов на меня иметь нельзя.

Будьте здоровы.

Ваш преданный
П. Третьяков

46. П. М. ТРЕТЬЯКОВ — И. Н. КРАМСКОМУ

2 апреля 1873
Москва

Многоуважаемый Иван Николаевич.

Очень интересно мне узнать от Вас, как насчет портрета Грибоедова, удалось ли Вам что-нибудь узнать полезное, так и насчет Кольцова? Также, где «Майская ночь» и что Передвижная выставка? Благополучно ли дошли из Москвы картины Н. Н. Ге и Перова, т. е. «Петр» и «Птицелов», благополучно ли дошли в Ригу и когда вернутся? также, велик ли успех в Риге и поедут ли из Риги в Вильну? [1]. Мне кажется, едва ли полезно везти в Вильну.

Сделайте милость, прочтите письмо Васильева [2] и ради бога скажите мне откровенно Ваш совет: что делать? Как поступить? Я рад бы помочь, но скажу Вам откровенно, ни-

как бы не желал рисковать; последнюю картину[3] я приобрел для брата[4] более для того, чтобы покрыть долг, но это, как Вы видите, вышло напрасно. С сентября 17-го Васильев получил от меня 500. От Солдатенкова, полагаю, не менее 400 р.[5] За великокняжескую картину[6], как он пишет, половину 400 р., от Общества[7] ежемесячно по 100 р., всего составит, по моему расчету, не менее 1500 р. и сделал долгу 1000 р.; положим, жизнь в Ялте дорога*, но в полгода 2500 р. — все-таки ужасно много! все это, что я Вам написал, не говорите Васильеву, пожалуйста, не огорчайте его в болезненном состоянии, но дайте мне совет, что делать? Простите, что обращаюсь к Вам с таким неприятным вопросом, но что же делать, когда мы с Вами оба втянулись в это дело!

Надеюсь, что Вы и все семейство Ваше — здоровы? и от всего сердца желаю Вам этого.

Ваш преданный *П. Третьяков*

Письмо его прошу возвратить.

47. И. Н. КРАМСКОЙ — П. М. ТРЕТЬЯКОВУ

3 апреля 1873 г.

Глубокоуважаемый Павел Михайлович!

Извините, что пишу на бланке[1]. Бумаги другой под руками нет. Портрет Кольцова на святой неделе кончу. Портрет Грибоедова начал только что. Каратыгин мне сообщил кое-что, думаю, что он мне будет полезен советами, у него оказалось материалов немного, но кое-что есть — его, Каратыгина, собственноручный рисунок акварельный на кости, которым он меня любезно снабдил. Картины Ге и Перова доехали как сюда, так и в Ригу благополучно совершенно, и немцы в большом удовольствии; последнее известие больше недели тому назад очень утешительное — по 500 челов[ек] бывает в день. Из Риги выставка проедет в Вильно непременно. Мы уже имеем там помещение, и город знает, что выставка приедет. «Майская ночь» там же.

Теперь о Васильеве: третьего дня я получил от него письмо[2], в котором он выражает намерение просить у Вас денег. Так что я это знаю, и письмо для меня не было новостью. Но около недели или более того я узнал новость, собственно очень грустную. Недавно приехал из Крыма

* Я жил в Ялте в дорогое время — летнее и нахожу там жизнь не дороже, например, Италии никак; судя по тому, что стоит жизнь Васильеву в Ялте — ему будет очень трудно жить и за границей.

Стенбок-Фермор [3], который заходил к Васильеву и видел его, видел в таком положении, что Васильев едва ли переживет это лето. Уже поздно. Я думаю, что и за границу ему ехать уже поздно. Несмотря на то, он, едва держа кисть, все-таки работал ширмы [4], Стенбок, видя такое положение, посоветовал оставить, на том будто бы основании, что великий князь за границей и едва ли будет в Петерб[урге] в то время, к которому заказ должен быть кончен. Васильев по отъезде Стенбока телеграфировал Григоровичу: можно ли отложить ширмы? а между тем Стенбок был уже здесь. Ему отвечали, разумеется, что можно, что вел. князя нет и неизвестно когда будет. Кроме того, Общество [5], частью по моей просьбе, решило послать его немедленно за границу, не дожидаясь уплаты долга вполне. Но я уж и не знаю, что из этого будет. Васильев умирает, долго ли он протянет, бог знает, но я думаю, что не очень. Следовательно, если Вы ему пошлете деньги, то уж это будет безвозвратно, на уплату и работу с его стороны рассчитывать теперь уже нельзя.

Два последних письма [6], которые я от него имею, такого беспорядочного тона и содержания, что не оставляет никакого сомнения относительно расстройства его умственных способностей, что всегда бывает с чахоточными. Такая горячка, такая лихорадочная разбросанность, такое страшное порывание куда-то уйти, что-то сделать и от чего-то освободиться, что теперь с ним нужно только осторожно обходить всякие вопросы и дожидаться, когда он закроет глаза.

Вы видите, Павел Михайлович, что я даже и посоветовать ничего не могу. Говоря по совести, посылать деньги не следует. Долги его в Ялте, вероятно, могут быть покрыты оставшимися работами и, несмотря на то, все-таки еще останутся. Ей-богу не знаю, как тут быть. Что же касается его переезда в Воронеж [7], то это было давно в предположении, теперь, разумеется, нет об этом и речи. Он хотя и говорит, но доктор его не пустит, и ему остается только бросить работу, что он, кажется, и сделает, судя по его письму.

С истинным и глубоким уважением остаюсь

И. Крамской

48. И. Н. КРАМСКОЙ — П. М. ТРЕТЬЯКОВУ

21 мая 1873 г.

Многоуважаемый Павел Михайлович!

В пятницу я буду в Москве, я полагаю, и привезу Вам портреты и Кольцова и Грибоедова. Кольцова я решился

кончить и не брать в Воронеж [1], предоставляя себе право поправить и, может даже быть, переделать его, если я найду, что нужно, в Воронеже, где я сделаю и рисунки и этюды. Я подумал, что брать самый портрет нет надобности и что довольно будет сделать на месте рисунки. В портрете Кольцова Вы встретите радикальную перемену: я сделал белый фон. Все замечания клонились к тому, чтобы сделать цвет лица кирпичный, и Никитенко [2], бывший у меня, знавший Кольцова хорошо, всегда это говорил, и я решился прибегнуть к этому средству, чтобы лицо было темнее фона. Теперь он сидит на половинке стула у стены. Но чем я несказанно доволен, так это Грибоедовым, не то, чтобы он уже хорошо был написан, а тем, что мне удалось с помощью Каратыгина сделать его похожим. Каратыгин находит его совершенно похожим, кроме того, нашлась проверка самого Каратыгина. Генерал Федоров [3], большой старик, знавший Грибоедова, видел портрет, я ему показывал, и он, во-первых, узнал и даже больше сказал, что будто этот портрет похожее многих портретов, которые пишутся с живых лиц. Принимая все, что говорится, только в половину, мы получаем в результате все-таки несомненное сходство. Я полагаю, что в Москве тоже найдутся люди, знавшие Грибоедова, да и Кольцова тоже.

С истинным и глубоким уважением остаюсь

И. Крамской

49. И. Н. КРАМСКОЙ — П. М. ТРЕТЬЯКОВУ

1 августа [1873]
Козловка-Засека

Многоуважаемый Павел Михайлович!

Я вместо Воронежа — между Тулой и Ясенками, по Московско-Курской железной дороге, на полустанции Козловка-Засека в усадьбе Ваныкина. Это потому, что в Воронеже оказалось невозможно поместиться, и тесно, и слишком дурно, так дурно, что, как видите, я не там. Прожив две недели в Воронеже и не найдя ничего сколько-нибудь подходящего, я выехал оттуда и теперь, потерявши месяц непроизводительно, остановился здесь. Шишкин и Савицкий тоже здесь и работают. Из всего, что я Вам сообщил, понять что-нибудь трудно, но это потому, что история слишком длинная, да и не интересная. Главное все-таки есть, я не в Воронеже. Получил я от Васильева письмо, адресованное в Воро-

неж, откуда оно ездило в Петербург, и уже оттуда я получил его здесь [1]. Вот главным образом причина, по которой я предпринял написать Вам длинное, и сознаюсь, не особенно приятное для Вас письмо по содержанию. Он, как Вам известно, нуждается, и нуждается больше всего, разумеется, по собственной неосторожности. 6 месяцев он уже не работает, в руках судороги, когда пишет, и я с трудом узнал его руку, или, лучше сказать, только благодаря подписи я вижу, что это письмо от него. Итак, ему нужны деньги, около 1000 р. сер. В бытность Вашу в Петербурге мы, рассуждая о том, давать ли ему еще или нет, пришли к одному заключению — не давать. Но теперь я несколько изменяю свое решение и прошу Вас, многоуважаемый Павел Михайлович, принять наше личное поручительство, т. е. мое и Шишкина, в обеспечение той суммы, которую Вы пошлете. Вещи мои и Шишкина будут в Вашем распоряжении, если деньги эти не покроются произведениями самого Васильева или же вы не пожелаете взять их за долг,— у него остается много этюдов, 5 альбомов и несколько вполовину сделанных картин. Как видите, я говорю — будто схоронил уже человека,— оно так и есть, я его уже действительно схоронил. На выздоровление нет надежды, и когда мы услышим о его смерти — это вопрос времени; и я думаю, не долго. Грустно мне очень, и русская школа теряет в нем гениального мальчика, я так думаю, не знаю, много ли будет у меня единомышленников, но я в этом убежден.

Если Вы, многоуважаемый Павел Михайлович, не изменили своего мнения — относительно поручительства [2], как Вы однажды упомянули, то я буду значительно облегчен относительно забот моих о Васильеве; не знаю, что я приготовлю Вам в уплату этого долга, но употреблю все старания, чтобы написать портрет графа Толстого [3], который оказывается моим соседом — в 5 верстах от нас его имение в селе Ясная Поляна. Я уже был там, но граф в настоящее время в Самаре и воротится в имение в конце августа, где и останется на зиму. Повторяю, я употреблю все от меня зависящее, чтобы написать с него портрет.

В бытность мою в Воронеже я наводил справки о Кольцове и узнал, что его родная сестра жива, но ее не было в Воронеже; мне удалось видеть фотографию с портрета, который находится, говорят, у нее — рисованный карандашом с натуры [4]. С трудом можно отыскать сходство с Вашим акварельным [5],— он изображен щеголем, завитой, сюртук, кажется, с бархатным воротником, и смотрит Байроном, словом, никакого сходства с описанием Тургенева. Очевидно,

портрет нарисован с знаменитости, но, как говорят, сестра находит в нем большое сходство.

Глубоко уважающий Вас

И. Крамской

Адрес Васильева: Ялта, в Мордвиновскую экономию, Платону Александровичу Клеопину[6], с передачею Васильеву. Извините за помарки.

Вполне разделяю мнение Ивана Николаевича, что помочь Васильеву необходимо.— Я прошу Вас принять и мое поручительство в уплате долга Ф. А. Васильева.— Имею честь быть Вашим покорным слугой

Иван Шишкин

50. П. М. ТРЕТЬЯКОВ — И. Н. КРАМСКОМУ

8 августа 1873
Москва

Многоуважаемый Иван Николаевич!

Письмо Ваше от 1 с[его] м[есяца] я получил вчера (оно пришло 5-го, но по случаю праздников 5 и 6 числа я оставался на даче) и сегодня же послал по сообщенному Вами адресу с передачею Федору Александровичу 300 руб.

После нашего свидания в Кунцеве[1] я послал Васильеву 100 р., предложив ему еще выслать 100 р. пока, а там я хотел посмотреть, что будет; вторые сто рублей я не послал потому, что не имел известия о получении первых, и предполагал попросить одного моего хорошего знакомого, отъезжающего в половине этого месяца в Ялту, разыскать там Васильева и передать ему деньги. Васильев не просил более денег; он извещал меня о состоянии своего здоровья и о том, что он принялся за ширмы для в. к.; руку его в этом письме почти нельзя уже узнать было, и я решился посылать ему пока по 100 р. в месяц; не получив известия, я полагал, что уже его нет, и все ждал услыхать эту несчастную весть! Но слава богу, пока он еще жив, будем надеяться, не совершится ли чудо? и нам не придется преждевременно схоронить его. В значении его для искусства я с Вами вполне согласен, да, кажется, и никто не может не согласиться.

Вы мне не пишете, как следует выслать 1000 р.: сразу или по частям? Прошу Вас по получении сего немедленно написать мне: послать ли ему еще 700 р. в один раз или по частям или 600 р., так как 100 р. были уже ранее посланы.

Мне хотелось бы успеть послать деньги именно с отъезжающим знакомым моим. Для меня все равно, но я боялся послать зараз деньги, зная, какой плохой экономист был Васильев здоровым, а теперь тем более. По получении Вашего ответа в тот же день деньги отправлю.

Сама судьба благоволит нашему предприятию [2], я только думал, «как бы хорошо было Ивану Николаевичу проехать в Ясную Поляну», а Вы уже там! Дай бог Вам успеть! хотя мало надежды имею, но прошу Вас сделайте одолжение для меня, употребите все Ваше могущество, чтобы добыть этот портрет.

Что Вы теперь работаете и что Иван Иванович делает? здорово ли Ваше семейство?

Желая Вам от души всего доброго, остаюсь

Вашим преданнейшим *П. Третьяков*

Васильева я известил, что ему в скором времени еще будут высланы деньги, но сумму не означил.

51. И. Н. КРАМСКОЙ — П. М. ТРЕТЬЯКОВУ

11 августа 1873 г.

Многоуважаемый Павел Михайлович!

Письма, сплошь и рядом, не попадают во-время, не знаю, отчего могло случиться, что письмо мое 1-го августа шло до Москвы 5 дней, но я очень часто получаю не исправно. Здесь, на станции, объясняют это ночным временем, когда поезд проходит и останавливается на 2 минуты. Оно вероятно.

Деньги Васильеву, если можно, надо послать 700 руб. и единовременно по адресу, который я Вам и сообщил: Платону Александровичу Клеопину. Когда он мне об этом написал, чтобы деньги и из Общества и из других мест, как он выразился, были посланы по этому адресу, я несколько удивился, но потом, думая об этом обстоятельстве, пришел к такому заключению, что Васильев, вероятно, кредитовался у этого г-на Клеопина. Я его немножко знаю, он управляющим у Мордвинова, бывший гусар, любитель живописи и пишет сам, но, сколько можно судить, человек порядочный. Он очень полюбил Васильева и, вероятно, помогал. Следовательно, 700 р. с прежними 300 р. и будут составлять 1000 р., которые целиком и пойдут на погашение долгов. 100 р., как посланные Вами раньше получения моего письма, я не считаю. Из письма его видно, что он должен более 1000 р.,

сколько именно, не обозначено, но, вероятно, немного, так как он мне писал перед тем, что долг его в Ялте простирается до 900 рублей.

Клеопину я написал, как немножко знакомому человеку, чтобы он мне сообщил, во 1-х, как будут употреблены эти деньги и, во 2-х, что остается у Васильева, какие рисунки, этюды и картины и чтобы он ввиду объявленной доктором близкой катастрофы не допустил бы до расхищения и помог бы матери его, если можно собрать все заранее и выслать в Петербург.

Я работаю, т. е. начинаю работать, картину «Осмотр старого дома» [1], о которой я уже упоминал, пишу кое-какие этюдики и ничего путного до сих пор еще не сделал. И. И. Шишкин, как всегда, работает много с натуры летом, картины же никакой не затевает. Савицкий работает картину «Землекопы» на железной дороге, эскиз хорош, что выйдет — сказать нельзя [2].

Меня теперь озабочивает разыскание старой барской усадьбы. Все, что до сих пор есть у меня, меня не удовлетворяет, так как я решился делать этот сюжет в комнате, т. е. внутри, а не снаружи, то и нужны такие детали, которые только и могут быть в доме, где не жили около 20 лет. А где этакую штуку сыщешь? Ну, что будет.

Благодарю Вас очень, многоуважаемый Павел Михайлович, что Вы не оставили мою просьбу, а вдвойне и за память о семействе. У меня пока до сих пор слава богу, хотя переболели все дети в Воронеже.

Искренно и глубоко уважающий Вас

И. Крамской

О портрете Толстого, разумеется, употреблю все старание.

52. П. М. ТРЕТЬЯКОВ — И. Н. КРАМСКОМУ

14 августа 1873.
Москва

Многоуважаемый
Иван Николаевич!

Ваше от 11 с[его] м[есяца] я получил вчера, т. е. 13-го, и, не дожидаясь отъезда моего знакомого, с которым я хотел послать деньги (он уезжает 16-го), вчера же послал с почтою

на имя г. Клеопина 700 рублей. По получении Вами известия о получении этих посылок прошу и меня уведомить.

Дай Вам бог всего хорошего!

Ваш преданный

П. Третьяков

На портрет Толстого буду надеяться — ну, а там, что бог даст!

53. И. Н. КРАМСКОЙ — П. М. ТРЕТЬЯКОВУ

5 сентября 1873 г.
Козловка-Засека

Многоуважаемый Павел Михайлович!

До сих пор я еще не имею никаких известий из Ялты, кроме письма Клеопина, в котором он меня извещает о том, что примет все меры к сохранению вещей Федора Александровича от расхищения; письмо было писано от 14 августа, следовательно, до получения денег.

Граф Лев Николаевич Толстой приехал, я с ним видался и завтра начну портрет. Описывать Вам мое с ним свиданье я не стану, слишком долго,— разговор мой продолжался слишком 2 часа, 4 раза я возвращался к портрету и все безуспешно; никакие просьбы и аргументы на него не действовали, наконец, я начал делать уступки всевозможные и дошел в этом до крайних пределов. Одним из последних аргументов с моей стороны был следующий: я слишком уважаю причины, по которым Ваше сиятельство отказываете в сеансах, чтобы дальше настаивать, и, разумеется, должен буду навсегда отказаться от надежды написать портрет, но ведь портрет Ваш должен быть и будет в галлерее. «Как так?» Очень просто, я, разумеется, его не напишу, и никто из моих современников, но лет через 30, 40, 50 он будет написан, и тогда останется только пожалеть, что портрет не был сделан своевременно. Он задумался, но все-таки отказал, хотя не решительно. Чтобы наконец кончить, я начал ему делать уступки и дошел до следующих условий, на которые он и согласился: во 1-х, портрет будет написан, и если почему-нибудь он ему не понравится, будет уничтожен, затем, время поступления его в галлерею Вашу будет зависеть от воли графа, хотя и считается собственностью Вашею. Последнее обстоятельство было настолько уже безобидно для него, что он как бы сконфузился даже и должен был согласиться. А затем оказалось из дальнейшего разговора, что он бы хо-

тел иметь портрет и для своих детей, только не знал, как это сделать, и спрашивал о копии и о согласии наконец впоследствии сделать ее, то-есть (копию), которую и отдать Вам; чтобы не дать ему сделать отступление, я поспешил ему доказать, что копии точной нечего и думать получить, хотя бы и от автора, а что единственный исход из этого, это написать с натуры 2 раза совершенно самостоятельно, и уж от него будет зависеть, который оставить ему у себя и который поступит к Вам. На этом мы расстались и порешили начать сеансы завтра, т. е. в четверг. Об исходе дела я и тороплюсь сообщить Вам, а затем надеюсь, что портрет его, хотя и будет им задержан, но не надолго — так как не будет причины ему удерживать его у себя. Не знаю, что выйдет, но постараюсь, написать его мне хочется [1].

Уважающий Вас

И. Крамской

54. П. М. ТРЕТЬЯКОВ — И. Н. КРАМСКОМУ

12 сентября 1873
Москва

Многоуважаемый
Иван Николаевич,

Письмо Ваше от 5 с[его] м[есяца] получил своевременно: очень был обрадован, что Вы пишете портрет нашего знаменитого писателя; я так и думал, что только Вам и удастся убедить неубедимого — поздравляю Вас. За себя я боюсь, получу ли портрет, так как едва ли будет граф Толстой сидеть для второго экземпляра, копию же я вовсе бы не желал иметь; невозможно ли будет так устроить, чтобы ему предложить копию, по возможности очень верную, которую Вы могли бы и не сами сделать, а сами только прошли бы ее — впрочем, я уверен, что Вы для меня устроите как только возможно лучше.

Остальные деньги для Васильева Клеопин должен был получить около 19 августа, я удивляюсь, что он не известил Вас о деньгах до сего времени, следовало бы спросить его о том.

Вот что мне пишет от 24 августа о Васильеве один мой знакомый: «Я разыскал и посетил на днях Васильева: он живет на даче фон-Мека по дороге к Массандре, в том же доме, где жил доктор Боткин. На мои глаза — Васильев очень, очень плох: страшно исхудал и бледен, совершенно лишился

голоса и едва дышит, а в груди у него хрипит. Я застал его одетым, но обложенным подушками, и он мне объяснил, что два месяца не встает и не выходит на воздух. Жаловался на здешних докторов, на Крым вообще, на неимение средств, на долги, которые его мучают, и т. п. тяжелые вещи.— Думает, что пребывание за границей поправило бы его. Но вряд ли это исполнимо при его настоящей обстановке и совершенном упадке сил» [1].

Дай Вам бог успеха во всем и доброго здоровья для всего семейства.

Ваш искренно преданный

П. Третьяков

55. И. Н. КРАМСКОЙ — П. М. ТРЕТЬЯКОВУ

15 сентября 1873 г.
Козловка-Засека

Многоуважаемый Павел Михайлович!

Я очень хорошо понимал, что сделать один портрет графа Толстого, с тем, чтобы копию для Вас, или оставить оригинал у графа на неопределенное время, значит сделать дело вполовину. Я знаю, что Вам копии не нужно, и до этого я бы не допустил, самое неприятное, хотя еще и возможное,— это сделать портрет и оставить его у графа с тем, чтобы он считался Вашей собственностью и что поступит он к Вам в галлерею, когда заблагорассудится Толстому; как я Вам и писал; но прошу Вас успокоиться, даже и этого не будет, так как я пишу разом два, один побольше, другой поменьше. Я постараюсь, разумеется, никого не обидеть, и если мне не удастся уже сделать оба портрета одинакового достоинства, то ручаюсь Вам за то, что лучший будет Ваш. Если же, сверх ожидания, выбор будет затруднителен или я встречу со стороны графа какое-либо посягательство, то постараюсь выговорить условия такого рода, чтобы выбор был представлен Вам лично.

Не удивляйтесь, что я пишу так уверенно, это происходит оттого, что я, начавши работать и более ознакомившись с графом, вижу, что и он чувствует себя как бы обязанным не стеснять меня выбором. Все это было видно из разговоров, так, например, после третьего сеанса он и жена его были довольны портретом, на следующий раз я привожу другой холст и начинаю новый, больший, а тому даю время сохнуть. Когда и этот портрет был поставлен на ноги, графиня говорит

мне — лучше этого, второго, сделать нельзя, то же говорит и граф, прибавляя, что ему будет совестно оставить этот лучший у себя. Я молчу, представляя себе говорить впоследствии, а на этот раз ограничиваюсь замечанием, что надо оба портрета сделать так, чтобы выбор был затруднителен, и принимаюсь за прежний. Граф изъявляет сомнение, чтобы его можно сделать так же, но я продолжаю работать, и вчера наконец мне удалось и первый поправить настолько, что он, по общему их отзыву, стал лучше второго. Не знаю, который из них будет лучший, но, как видите, я не преувеличиваю своих ожиданий.

Оба портрета далеко, очень далеко, не кончены ни в сходстве, ни в живописи, они только решительно подмалеваны, и относительно типа, т. е. общего сходства, я обеспечен в обоих. Вот и все, что мною сделано, в чем и даю Вам отчет. Теперь идет перерыв на неделю, так как граф уехал на охоту.

Письмо из Ялты от Клеопина я получил наконец третьего дня, где он извещает, что деньги 1000 руб. им все получены и что он надеется расплатиться так, чтобы рублей 250 или 300 оставалось бы для возвращения матери в Петербург после катастрофы. Между прочим, он обещается спасти все, что Васильев там сделал, и прислать в Петербург. По его мнению, произведений у Васильева на несколько тысяч, но я полагаю, что он преувеличивает. Высланных денег нехватит на покрытие всех долгов, и потому Клеопин распорядится уплатить только денежные обязательства до 600 р., а остальные долги — в магазинах, уплатит теми же вещами, как-то: коврами, вазами и прочим, которые торговцы так нахально навязывали, как он пишет, здоровому Васильеву. И потому он просит не беспокоиться. Я написал Клеопину, чтобы он постарался все счеты привести в ясность и чтобы были приложены расписки, где это нужно.

Уважающий Вас

И. Крамской

56. П. М. ТРЕТЬЯКОВ — И. Н. КРАМСКОМУ

19 сентября [18]73
Москва

Многоуважаемый Иван Николаевич,

Весьма Вам благодарен за все сообщенное Вами в письме от 15 числа. Я с женою сейчас уезжаю в Вену на выставку [1],

вернусь обратно из-за границы через месяц или никак не далее через 6 недель. Желаю Вам, супруге Вашей Софии Николаевне и детям — всем быть здоровыми и успехов.

Ваш преданный

П. Третьяков

57. И. Н. КРАМСКОЙ — П. М. ТРЕТЬЯКОВУ

26 октября 1873 г.

Многоуважаемый Павел Михайлович!

Петр Андреевич Каратыгин перед отъездом моим из Петербурга, еще весной, просил сделать для него фотографию с портрета Грибоедова, так как он участвовал в исполнении его, как он говорил; и по-моему, чуть ли не наполовину [1], я ему обещал в то время, надеясь, что Вы будете так любезны и согласитесь с своей стороны. Но при свиданиях моих с Вами я забывал спросить Вас об этом. В настоящее время Семевский [2], издатель «Русской старины», пишет ко мне о том, что ему рассказывал Каратыгин по этому поводу, и просит позволения приложить снимок с моего портрета при издании и статьях своих о Грибоедове, имеющих быть помещенными в ближайшем будущем [3]. Если Вы ничего не найдете с своей стороны препятствующего снятию фотографии и высылке ко мне их в числе 3-х экземпляров, то прилагаю размер головы для фотографии [4]. Семевскому я должен буду отвечать, когда получу от Вас разрешение.

Глубоко уважающий Вас

И. Крамской

58. П. М. ТРЕТЬЯКОВ — И. Н. КРАМСКОМУ

2 ноября 1873
Москва

Многоуважаемый
Иван Николаевич.

Три экземпляра фотогр[афических] снимков с портрета Грибоедова будут доставлены к Вам в возможно непродолжительном времени, так как стоявшая все последнее время мгла вчера рассеялась и сегодня погода превосходная: портрет я покрыл лаком и надеюсь, завтра буду иметь возможность послать его в фотографию.

С нетерпением жду того времени, когда придется мне быть в Петербурге и увидать портрет графа Толстого. Дай бог, кабы удалось Вам этой зимой написать Гончарова.

Желаю Вам всего лучшего.

Искренно преданный Вам

П. Третьяков

59. И. Н. КРАМСКОЙ — П. М. ТРЕТЬЯКОВУ

15 ноября 1873 г.

Многоуважаемый Павел Михайлович!

Извините меня великодушно, что я замедлил ответом,— со дня на день ждал вещей Васильева из Крыма; теперь они приехали, мы втроем: Шишкин, Григорович и я разбирали их; думаю, что найдется кое-что такое, что, по совести, полагаю, Вы могли бы выбрать в уплату. Цены надо будет поставить сколько возможно умеренные; но что у него есть действительно капитального, то это альбомы. Их много: около 10; из них императрица выбрала 2, еще в Ялте, правда хорошие, но нельзя даже сказать, чтобы лучшие, потому что все альбомы лучшие, альбомы до такой степени хороши, что я не знаю ничего лучше в этом роде. Кроме того, не считая этюдов, числом до 100 (между которыми есть прекрасных десятка два), есть 4 картины очень хороших: 2 маленьких и 2 побольше, одна из них побольше, кажется, вашего болота, к сожалению немного неоконченная, а другая, вероятно вам известная,— с тополями и с фигурами. Вы ее видели в Крыму. Картина для К. Т. Солдатенкова тоже привезена, но она все так же не окончена, как была [1].

Что касается портрета графа Л. Н. Толстого, то и я, разумеется, жду того дня, когда Вы его увидите, что Вы скажете и что Вы найдете, а понравится ли он Вам, не знаю. Я сам слишком хорошо его знаю, чтобы судить, чувствую, что он какой-то странный. Если бы это была не моя вещь, если б я мог его видеть в первый раз, как другие, то, разумеется, что я не затруднялся бы приговором, но теперь просто не могу ясно дать себе отчет.

О портрете И. А. Гончарова я больше подымать вопроса не берусь. Это не Толстой, его я знаю давно, и пустить аргументацию для его убеждения будет бесполезно, тем более, что вот уже теперь, по приезде, и бывши у него, я сказал, что я очень сожалею, что его портрета нет, то он с дрожью в голосе, обиженным тоном сказал мне: «ведь уж мы реши-

ли никогда не подымать этого вопроса, Иван Николаевич, и я признаюсь, что, несмотря на наше знакомство и на то, что я рад Вас видеть, я не могу быть уверен, чтобы всякое Ваше посещение не было бы попыткой завести речь о ненавистном мне портрете». Что тут на это скажешь? Кроме всего этого, есть еще причина, удерживающая и его, а частью и меня от разговоров по этому поводу: это то, что я уже его портрет сделал, правда черный, но все-таки портрет и даже недурной. Правда, он собственность С. А. Никитенко, но я не думаю, чтобы в крайнем случае им никогда нельзя бы было воспользоваться[2]. Приношу Вам мою благодарность за обещанные фотографии с портрета Грибоедова.

Жду распоряжения относительно вещей Васильева, хотя, признаюсь, мне будет не совсем ловко говорить что-либо решительное в пользу их, по известной Вам причине[3]; лучше, если бы Вы сами могли их видеть. Выставка всех его произведений будет около рождества.

Глубоко уважающий Вас

И. Крамской

60. П. М. ТРЕТЬЯКОВ — И. Н. КРАМСКОМУ

21 ноября 1873
Москва

Многоуважаемый
Иван Николаевич,

Письмо Ваше от 15 числа почему-то получил я только 19-го; искренно благодарен Вам за него. Я у Вас буду не далее, как через неделю или дней 10-ть, а может быть и ближе, как только возможно будет уехать; до того, если возможно удержать все вещи Васильева,— очень бы обязали.

Фотографии с Грибоедова — до сего дня даже первый экземпляр еще не готов; я отдал портрет 6 числа, взялись первый экз[емпляр] сделать к 16-му, теперь обещают на днях; я Вам привезу их с собой.

Истинно и глубоко преданный Вам

П. Третьяков

61. И. Н. КРАМСКОЙ — П. М. ТРЕТЬЯКОВУ

30 декабря 1873 г.

Многоуважаемый Павел Михайлович,

Выставка Васильева уставлена, цены окончательно определены, и она будет открыта для публики с 3-го числа, после

нового года [1]. Только сегодня все кончено, все праздники вознлись.

Цены поднялись нижеследующим образом: тополя —700 р., Волжская лагуна —500 р., Крымский вид, с белыми горами — 250 р., улья —125 р., аллея —75 р., не помню более, какие Вами были отмечены еще из масляных картин — список забыл в Обществе, что же касается рисунков, акварелей и сепий, то они остались в прежней цене [2].

Во время установки и возни, третьего дня, было много членов Общества поощр[ения] художн[иков], желающих приобретать вещи Васильева, с одним из них я имел довольно продолжительный разговор, именно: Жемчужниковым [3]. Он желает приобрести: волжскую лагуну, улья и еще что-то, не помню, из других, Вами не отмеченных; я ему сказал, что до тех пор, пока Вы не выразите своего мнения, вещи эти номинально считаются за Вами и что мы обязаны известить Вас, когда будут произведены расценки. Кажется, ему это не особенно понравилось.

Картины все в рамах и покрыты лаком, что до такой степени изменило их, что в новой оценке (если вы лично осмотрите) Вы не найдете преувеличения. Если бы немедленно мы отдавали желающим купить — то большей половины уже не было бы.

Восемнадцать картин небольшой величины требуется в Англию для подарка великой княгине Марии Александровне [4] от англичан — все эти вещи будут вделаны в огромные ширмы. Это заявил Монигетти [5]. Она очень ценила Васильева и желала бы иметь об нем память в Лондоне.

Прошу Вас, многоуважаемый Павел Михайлович, взглянуть благосклонно на те мотивы, которые мною, да и другими тоже, руководили в этом деле, и на все, что я позволил себе в последнем нашем разговоре по этому поводу. Ввиду обстоятельств дела, быть может, Вы позволите в самом деле доплатить нам недостающую часть долга Васильева деньгами [6]. Признаюсь Вам, что участие мое во всем, что относится к покойному, мне стоит не дешево во многих отношениях, и потому надеюсь, что Вы поймете меня правильно и не осудите меня. Его нет больше, потеря очень велика, и хотя ему уже ничего никогда от нас будет не нужно, но та живая связь, которая была дорога для меня лично, странно вплетается во все мои теперешние мысли и действия. То, что им сделано, изумляет меня своей громадностью, особенно когда это все вместе собрано. Вы чрезвычайно обязали бы всех нас, если бы решились прислать его последнюю вещь, конкурсную [7], «Болото» же еще не пришло [8]. «Зиму» наследник не

дает, говоря, что в кабинете будет невозможно оставить место пустым на все время праздников и балов. А это очень жаль, потому что и Вашу мы не можем поставить[9]. Кроме того, много картин есть в Одессе, откуда тоже нет возможности получить[10].

Вместе с этим письмом я отправляю письмо Козьме Терентьевичу Солдатенкову.

Уважающий Вас

И. Крамской

Продажа начнется тоже с 3-го генваря.

1874

62. П. М. ТРЕТЬЯКОВ — И. Н. КРАМСКОМУ

Многоуважаемый Иван Николаевич!

Без меня из Москвы отправлена картина Васильева [1] на Ваше имя, надеюсь, Вы ее уже получили? если ее будут крыть лаком, то прикажите ее вымыть, потому что на ней много грязи; картина эта принадлежит моему брату, и потому покорнейше прошу не выставлять, кому она принадлежит, чтобы не считали ее мне принадлежащей.

Я еще раз был на выставке вечером, и на картине Солдатенковской все еще находился ярлычок с ценой [2] (да и на холсте, вероятно, написанная цена осталась, как была) и г. Бартков [3] спрашивал меня, верно ли, что эта картина Солдатенкова? Что ее желали бы купить за назначенную цену. Насчет маленькой картинки «Внутренность леса» [4] также еще не было выяснено, что ее никак не могли продать г. Монигетти и ни Дм[итрий] Вас[ильевич] [5], ни г. Бартков не решались отметить ее мне без свидания с Вами, говоря, что Вами не были отмечены вещи, выбранные мною. Сделайте одолжение, известите меня: приведено ли это в порядок?

Желая Вам всего доброго, с истинным почтением имею честь быть Вашим покорным слугой *П. Третьяков.*

Я уже видел ящики, пришедшие из Вены [6], если Вы находите принадлежащую мне картину Васильева необходимою для выставки Васильева, то нужно наблюсти, чтобы ее не отправили в Москву вместе с другими.

П. Т.

63. И. Н. КРАМСКОЙ — П. М. ТРЕТЬЯКОВУ

6 генваря 1874
СПБ

Многоуважаемый Павел Михайлович!

Якобий присылал ко мне с просьбой, чтобы я спросил у Саврасова позволения скопировать его пейзаж «Печерский

монастырь» [1], Саврасов позволил, но с оговоркою, что так как эта картина принадлежит Вам, то нужно еще Ваше дозволение. Получил квитанцию на получение картины, вероятно Васильевой [2].

Уважающий Вас глубоко

И. Крамской

64. П. М. ТРЕТЬЯКОВ — И. Н. КРАМСКОМУ

8 января 1874
Москва

Многоуважаемый
Иван Николаевич!

Я решил, что для известной уже Вам моей цели [1] мне непременно нужно иметь Васильева пейзаж с барками [2], так как этот экземпляр дает понятие, какой бы он также был замечательный маринист; и вот я вчера послал Вам телеграмму [3]; я уверен, что Вы сочувствуете моей такой усиленной любви к произв[едениям] Васильева, хотя может быть и находите неудобным отдавать много вещей его в одни руки, но, получа телеграмму и из этого заключа, что стало быть мне очень нужно приобрести этот экземпляр, надеюсь, Вы были так добры, поспешили удержать его, если была на то какая-нибудь возможность, и я заранее глубоко благодарен Вам. Извините ради бога за беспокойство, но вот и еще просьба: если будете иметь время, потрудитесь взглянуть, что за картины Брюллова и Боровиковского продаются по прилагаемому адресу [4].

Искренно и глубоко преданный Вам

П. Третьяков

65. И. Н. КРАМСКОЙ — П. М. ТРЕТЬЯКОВУ

8 генваря 1874 г.
СПБ

Многоуважаемый Павел Михайлович,

Картину Васильева получил в целости, при мне вымыли, покрыли лаком, надписи, кому принадлежит, не будет [1]. Картину из Вены я видел и задержал [2]. На постоянной выставке был тотчас после Вас и должен был сорвать билетик с ценою на картине Солдатенкова [3] — странные люди, несмотря на

несколько заявлений, оставалось по-старому. Телеграмму получил вчера в 11 часу ночи и сегодня в 10-м часу был там, хотя я и слышал от Боголюбова, что она приобретена уже Академией, но хотел удостовериться; и оказалось, что уже третий день как продана, так что, к сожалению, *«барки»* принадлежать Вам не могут [4]; то же самое и относительно «Внутренности леса» [5], купленной Монигетти, не знаю, как это сделать теперь. Когда мы кончили установку в воскресенье 30 декабря, то я говорил им (Григоровичу и Барткову), какие именно Вами отмечены, но прибавил притом, что так как цены изменились и ввиду этого Вы оставили за собою свободу действий в будущем, принять или не принять оценку нашу, то я ограничился только тем, что спросил у Григоровича: когда, он полагает, откроется выставка и начнется продажа? Он мне сказал — не раньше 3-го числа, и я в тот же день написал Вам. Между тем покупатели стали отмечать и раньше назначенного срока,— я не был на выставке с 30-го числа до Вашего приезда и во все дни, когда Вы были в Петербурге, о чем теперь сожалею. Когда я был на выставке в день Вашего отъезда и сейчас же после Вас, то Григорович говорит мне: «теперь уж нельзя, Иван Николаевич, картина «Внутренность леса» продана, да кроме того, Павел Михайлович не оставил за собою некоторые из вещей, которые, я помню, он отметил, например «Пчельник», а вот она и осталась; ведь ждать нельзя, являются покупатели и все обижаются, я не мог иначе». Сегодня, когда я был на выставке, то и «Пчельник» уже продан, остаются альбомы да несколько рисунков, но и те, кажется, берет Строганов [6], а один из альбомов пойдет в Академию; словом, все вещи распроданы. Сколько я ни убеждал Григоровича относительно «Леса», он стоит на своем и твердит, «что ведь это же не было кончено, ведь вы же видите, что Павел Михайлович переменил мнение, могло же быть, что он вместо «Пчельника» оставил бы продавать эту картину». Оказалось, что я же и виноват, и действительно, оно как будто так выходит. Если бы, например, на всех вещах, Вами отмеченных, я бы поставил ярлычки, что они принадлежат Вам и не продаются (чего, по совести, я взять на себя не мог, помня наш разговор), то я мог бы быть еще более виноватым, только уже не перед Вами. Словом, Васильев и после смерти доставил нам много хлопот, как доставлял при жизни. Итак, многоуважаемый Павел Михайлович, повторяю: я не знаю, как это сделать теперь? Если уже «Внутренность леса» так необходима, то если Вам угодно, я поеду к Монигетти и переговорю с ним, может быть, дело устроится иначе; я это делаю потому, что хотя я и не вино-

ват, но так как несколько прикосновенен, то чтобы снять даже тень виновности, я готов попытаться, ввиду именно Ваших целей.

Глубоко уважающий Вас и готовый к услугам

И. Крамской

66. П. М. ТРЕТЬЯКОВ — И. Н. КРАМСКОМУ

9 января 1874 г.
Москва

Многоуважаемый
Иван Николаевич.

Вчера получил Ваш запрос насчет копии с «Печерского монастыря» Саврасова [1]. Против копирования этой картины я ничего не имею и уже написал П. Ф. Исееву, чтобы выдать Вам, если потребуются, пейзажи Васильева и Саврасова [2], и Вам только остается дать г. Якобию записочку на получение картины.

Ваш преданнейший

П. Третьяков

67. И. Н. КРАМСКОЙ — П. М. ТРЕТЬЯКОВУ

11 генваря 1874 г.
СПБ

Многоуважаемый Павел Михайлович,

С третьего дня я захворал и слег и потому не могу исполнить Вашу просьбу: посмотреть по адресу продающиеся: Брюллов и Боровиковского; как только подымусь, сейчас же исполню.

Если возможно, многоуважаемый Павел Михайлович, выслать мне чек на пятьсот руб. за Толстого[1] и тридцать руб. за раму, всего 530 р., то много обяжете.

Уважающий Вас

И. Крамской

68. П. М. ТРЕТЬЯКОВ — И. Н. КРАМСКОМУ

13 января 1874
Москва

Многоуважаемый
Иван Николаевич,

Очень огорчило меня Ваше нездоровье, что это с Вами сделалось? Бога ради берегитесь! Если Вы теперь и здоровы —

все-таки просьбу мою посмотреть картины оставьте без исполнения; помилуй бог, чтобы Вы из-за меня причинили хотя малейший вред своему здоровью. Я буду в Петербурге на масленице и тогда сам взгляну.

Перевод в 530 р. посылаю завтра в заказном конверте.

Преданный Вам

П. Третьяков

69. И. Н. КРАМСКОЙ — П. М. ТРЕТЬЯКОВУ

26 генваря 1874 г.

Многоуважаемый Павел Михайлович,

Деньги пятьсот тридцать руб. я получил, за которые приношу Вам мою благодарность. В настоящее время я уже считаю себя поправившимся, и потому выхожу; был по приложенному Вами адресу и видел Брюллова и Боровиковского. Боровиковского изображает: Иоанна Богослова евангелиста (образ), можно признать за несомненный оригинал [1]; но я остался совершенно равнодушен. Брюллова же (и тоже оригинал) относится к тому времени, когда он только что, вероятно, уехал за границу после своих «трех странников» на большую золотую медаль, и там писал. Изображает: какого-то древнего героя, голого натурщика с разными классическими принадлежностями — луком и стрелами, и даже цепями, нечто вроде Прометея. Все это в натуральную величину и в стиле Егорова, Угрюмова или еще лучше Лосенко, но, конечно, неизмеримо лучше их всех [2]. Вещь очень хорошая, для галлереи — где был бы собран весь Брюллов, тогда вещь эта могла бы иметь интерес, как момент развития, хотя она и не имеет ничего общего с позднейшим Брюлловым. Вот только теперь я увидал свою оплошность, не спросил, за что каждая продается, но так как они показались неинтересными, то я и не интересовался; хотя для отчета Вам обязан был бы это сделать.

Уважающий Вас

И. Крамской

Выставка наша открыта и возбуждает, кажется, интерес [3].

70. И. Н. КРАМСКОЙ — П. М. ТРЕТЬЯКОВУ

23 февраля 1874 г.

Многоуважаемый Павел Михайлович.

Портрет графа Толстого послан уже к Вам вместе с рамами: моею для Христа и Шишкиною для картины Солда-

тенкова [1]. Я очень извиняюсь, что в ящике, который привезут к Вам во двор, будет находиться чужая вещь, да еще такая громоздкая, но я прошу распорядиться относительно ее В. Г. Перова, о чем и написал ему. Мою картину «Христос в пустыне» нужно вставить в раму таким образом, чтобы снизу подложить две пробки или что-нибудь подобное, рама несколько просторна. К светлому празднику, т. е. к открытию выставки в Москве [2], я приеду, чтобы покрыть лаком картину и поставить ее. Довожу до Вашего сведения, многоуважаемый Павел Михайлович, что портрет И. А. Гончарова [3] имеет большое вероятие быть написанным мною. Квитанцию ж[елезной] дор[оги] при сем прилагаю.

Уважающий Вас

И. Крамской

71. П. М. ТРЕТЬЯКОВ — И. Н. КРАМСКОМУ

3 марта [18]74
Москва

Многоуважаемый Иван Николаевич,

Надеюсь, Вы передали мое предложение барону М. К. Клодту [1]. Я ему также пишу сегодня. Я узнал, что за картину Савицкого теперь назначено 1500 руб. и потому, после уже свидания с Вами, осмотрев ее еще раз, я решился предложить за нее 1000 р., что и заявил бывшему на выставке Н. Н. Ге; более этой цены я не могу заплатить, но за эту цену приобрести ее буду очень рад потому, что в ней, несмотря на скучноватый общий тон, — есть много больших достоинств. Пишу Вам и прилагаю письмо г-ну Савицкому на случай, может быть, не забыл ли Ник[олай] Ник[олаевич] передать мое предложение [2].

Если Вы узнаете адрес графа А. К. Толстого, то сообщите его прямо Репину; я пишу ему о моем предложении и скажу, что если Вы узнаете адрес, то ему пришлете [3].

Извините за беспокойство. Желаю всего доброго.

Ваш преданный *П. Третьяков*

72. И. Н. КРАМСКОЙ — П. М. ТРЕТЬЯКОВУ

6 марта 1874 г.

Многоуважаемый Павел Михайлович,

Письмо Ваше Савицкого уже не застало, я ему перешлю завтра [1].

Вы, вероятно, уже получили от него согласие; перед отъездом он был у меня и советовался об этом; тут же написал свой Вам ответ, и затем прямо от меня на железную дорогу; так что я должен был написать адрес, он в хлопотах забыл это сделать.

Адрес А. К. Толстого я получил и пошлю его. Репину. Портрет И. А. Гончарова мною уже начат, работаем каждый день. Сидит он хорошо и совсем стал ручным. Полагаю, что я его привезу к Вам на страстной неделе, так как в это время постараюсь быть в Москве.

Уважающий Вас

И. Крамской

73. И. Н. КРАМСКОЙ — П. М. ТРЕТЬЯКОВУ

12 марта 1874

Многоуважаемый Павел Михайлович,

Не знаю почему, но я хотел писать к Вам и без телеграммы [1]. Сегодня я был опять на выставке, оставался долго, переходя от одного предмета к другому, проверял себя, и вот опять прихожу к тому же заключению, что и в первый раз, не больше, но и не меньше. Жена моя была крайне вооружена против моего мнения после первого посещения выставки мною, и сегодня она была со мною вместе, настроенная враждебно; но как видно было с первых же шагов — присмирела. Когда кончился осмотр, я отправился к Гончарову, не делал ей никаких вопросов, и уже воротясь вечером, узнаю ее мнение. Это, конечно, неважно; ее мнение не имеет, наконец, ни для кого значения, но для меня оно важно: если она говорит мне что-либо относительно моих работ, я беспрекословно подчиняюсь. Одиннадцатилетний опыт меня сделал таким. Она согласилась признать, что картины эти замечательны [...] ей, как и мне (да, кажется, и Вам), не понравилась самая большая картина: «С гор на долины» [2], где, как она выражается, ситцевая вода. Но теперь вот вопрос: вправе ли я делать какие-либо рекомендации. Вопрос так важен, что я перед его развязкой как бы отступаю; и не потому, чтобы колебался в мыслях, а потому, что приобретение всей коллекции стоит больших денег, может быть даже огромных. И хотя я убежден в серьезности значения выставки, но, как Вы знаете, ограничиваю время признания за мною справедливости слишком большим промежутком времени (50 годами), а это равно нулю. Пророк в настоящее время есть — помешанный. Чтобы,

однакож, быть правильно понятым, формулирую свое мнение самым точным образом, чтобы не было надобности когда-либо извиняться в преувеличении. Верещагин не из тех художников (по крайней мере до сих пор, за будущее не поручусь), которые раскрывают глубокие драмы человеческого сердца (что и есть действительное искусство в его настоящем значении и высший его род). Он человек в этой коллекции в огромной доле формальный, внешний (хотя это слово, применяемое к нему, пошло). Лучше сказать, он объективен гораздо больше, чем человеку свойственно вообще. Та идея, которая пронизывает все его произведения, выходит из головы гораздо больше, чем от сердца. Словом, мы имеем дело с человеком новейшей геологической формации, и в этом отношении он принадлежит России не вполне, хотя, как я уже Вам говорил, ни один иностранец не был бы способен на то, что сделал Верещагин. Дальше: его идеи, откуда бы они ни выходили, однакож, такого сорта, что отказать им в сочувствии нельзя, его форма так объективна, сочинение так безыскусственно и не выдумано, что кажется фотографическими снимками с действительно происходивших сцен; но так как мы знаем, что этого нет и быть не могло, то в сочинении и композиции его картин участвовал, стало быть, талант и ум. Его живопись (собственно письмо) такого высокого качества, которое стоит в уровень с тем, что мы знаем в Европе. Его колорит в общем поразителен; его рисунок (не внешний, контурный), который очень хорош, а внутренний, то, что иногда называют лепкой, слабее его других способностей, и он-то, этот рисунок, главным образом заставляет меня отзываться об нем как об человеке, не способном на выражение внутренних, глубоких сердечных движений. Все это я увидал с первого же раза, но уровень его художественных достоинств, его энергия, постоянно находящаяся на страшной высоте и напряжении, не ослабевая ни на минуту (исключая «С гор на долину»), наконец, вся коллекция, где Средняя Азия действительно перед нами со всех мало-мальски доступных европейцу сторон, производит такое впечатление, что хочется удержать ее, во что бы то ни стало, в полном ее составе. Как вы видите, все картины его не производят глубокого, охватывающего собственно мир нашей души впечатления [...]. Нужно знать вперед, что́ приобретается, чтобы не испытывать чувства разочарования. Приобретается коллекция, которая раздвинет очень далеко наши понятия и сведения относительно нашего настоящего (т. е. его некоторых сторон и именно великорусских особенностей), еще более нашего прошлого; но коллекция эта ничем не затронет нашего сердечного, психологического и умственного мира (исклю-

чая политического), она не раздвинет наш теперешний горизонт и не откроет нового. Словом, мы все будем ходить в эту галлерею для того, чтобы что-нибудь узнать, но не для того, чтобы интимнейшим образом побеседовать и вынести успокоение и крепость для продолжения того, что называется жизнью. Ни одной черты родной нам по духу, исключая патриотической, нет в этой коллекции, да и быть не могло. И все-таки это колоссальное явление, и все-таки эта коллекция драгоценна, она слишком серьезна. Я все сказал, что считаю обязанным; утверждаю, что ничего не преувеличиваю, и думаю, что я не ошибаюсь; все эти особенности я видел с первого раза, но не особенно на них указывал потому, что имею правилом говорить о главном; главное же в данном случае Средняя Азия и ее обитатели. Что я был возбужден — это понятно, явление слишком крупное, но чтобы я потерял голову — или, что Вы усмотрите здесь нечто другое, чем я Вам третьего дня говорил, я не согласен и отрицаю. Мнение мое, как сложилось, так и осталось.

Уважающий Вас

И. Крамской

Извините за помарки.

74. И. Н. КРАМСКОЙ — П. М. ТРЕТЬЯКОВУ

14 марта 1874 г.

Многоуважаемый Павел Михайлович,

Еще о Верещагине: я опять был и опять смотрел. Думаю, сравниваю, и глазам не верю: или я ничего не понимаю ровно, или я решительно прав. Но какие слухи разноречивые и неожиданные: говорят, что правительство берет всю выставку, предлагая 6000 руб. пожизненного пенсиона, но автор желает получить разом, т. е. не соглашается на пенсион, говоря, что он может умереть через год, два, завтра, сегодня, а между тем он обзавелся семейством и, стало быть, ему необходимо труд свой реализировать. Не знаю, где узнать верно. Полагаю поехать к Гейнсу [1]. Но зачем, оно немножко странно явиться ни с того ни с сего и зачем же? правда ли вот то или это?.. И только. Положим, в этом беды нет, но ведь и суетиться тоже нет основания, по крайней мере для меня. Разумеется, если я и поеду, то я ничего не знаю ни о Вашем намерении, ни об другом чем-либо, все это до меня не касается. Я написал записку Верещагину и оставил на вы-

ставке, в которой говорил о желании повидаться с ним, и он мне ответил, что перед отъездом постарается побывать у меня. Но до сих пор еще не был. Все, что я написал Вам третьего дня о выставке, остается в силе, прибавить ничего не умею.

Портрет И. А Гончарова двигается, и кажется удачно, хотя боюсь говорить вперед. Думаю, что на страстной привезу.

Глубоко уважающий Вас

И. Крамской

75. П. М. ТРЕТЬЯКОВ — И. Н. КРАМСКОМУ

15 марта [18]74
Москва

Многоуважаемый
Иван Николаевич,

Глубоко благодарен Вам за письмо Ваше. Взгляд Ваш на эту коллекцию, также и заметка Софьи Николаевны — совершенно верны. Во всяком случае явление это колоссальное и настолько, вероятно, драгоценное, что не будет возможности осуществить мою идею; если бы еще кто-нибудь мог быть помощником, но наше общество вырастет не ранее назначенного Вами срока [1]. Итак, дело это не осуществится! но все-таки в какую цену Вы ценили бы эту коллекцию, если бы была возможность приобрести ее? Хотя это будет и толчение воды, но все-таки интересно бы знать Вашу оценку, серьезную, т. е. такую, если бы в самом деле предстояло решить, да или нет? Так как Вы вещи все помните, то, взяв указатель, не трудно отметить ценность более замечательных вещей, а прочие примерно, если это возможно, то помеченные листочки указателя пришлите мне, чем весьма обяжете истинно преданного Вам

П. Третьякова

Прилагаю сб. 1000 (за картину Савицкого) [2], которые Вы можете получить или кому Вы поручите от гг. Томсон, Бонар и К°.

П. Тр.

76. И. Н. КРАМСКОЙ — П. М. ТРЕТЬЯКОВУ

20 марта 1874 г.

Многоуважаемый Павел Михайлович,

Прилагаю Вам листки из каталога Верещагина, с примерным обозначением цен, для толчения воды, как Вы выразились; я старался поставить цены, сравнительно с другими картинами, какие у нас вообще существуют. Цены, казалось бы, не очень дорогие, принимая в расчет путешествия автора, но, не кончив дела, бросил — перепугался. Сумма уж вышла огромная, а между тем между пейзажами и отдельными фигурами есть вещи, кажется, необходимые. Словом, я не могу заниматься этим и прошу Вас меня великодушно извинить. Я бы вовсе отказался от оценки с удовольствием, но так как Вы просили, то я решился дать образчик.

Деньги 1000 руб. сер. я получил и по получении письменного уведомления от Савицкого, куда ему выслать их (которое скоро получу), я отправлю немедленно и буду просить его выслать Вам расписку. Портрет И. А. Гончарова в воскресенье будет совсем кончен.

Полагал я выехать во вторник на страстной, но цесаревич прислал за мной сегодня, чтобы дать мне несколько сеансов [1] до праздника, так как у него это время будет свободно. А потому я буду в состоянии выехать только в пятницу, чего я не сделаю, так как встретить праздник я обещался детям вместе. Стало быть, я выеду только на 1-й день праздника и в понедельник буду в Москве. Картину мою я сам покрою лаком [2]. Поставить же все равно товарищи, я полагаю, сумеют.

Картины укладываются и послезавтра, т. е. в пятницу, будут отправлены в Москву [3].

Глубоко уважающий Вас

И. Крамской

77. П. М. ТРЕТЬЯКОВ — И. Н. КРАМСКОМУ

20 марта [18]74
Москва

Многоуважаемый Иван Николаевич.

Я писал Вам 15-го и в тот же день получил Ваше письмо от 14-го. Ответ на мое от 15-го жду с нетерпением. Дело в том, что, как я говорил Вам, сбирался на другой день пойти к генералу Гейнс поговорить о приобретении всей коллекции; был я у него утром, потом вечером перед отъездом, и из всех переговоров вышло то, что я предложил за всю коллекцию 80 тыс.

Предполагая найти товарищей одного или двух, вместе с которыми устроить так, чтобы эта коллекция была помещена в особом помещении, нарочно устроенном (с верхним освещением), постоянно открытою для публики. Первое время по возвращении предприятие мое не имело успеха, т. е. в случае согласия со стороны автора, или, вернее сказать, со стороны г. Гейнс, коллекция осталась бы у меня одного; мне пришлось бы еще строить помещение, а если бы я вздумал ее теперь же подарить городу (а я даже это думал, делая предложение), то весьма вероятно могло бы случиться, что город затруднился бы принять, как затруднялся принять дар Чертковской библиотеки [1], а может быть, и совсем не принял бы! Не теряя еще надежды, я и просил Вас сообщить Вашу оценку, желая проверить себя, но, к сожалению, не получил еще ее; между тем на другой же день я нашел товарищей: идея может быть осуществлена, предприятие не спекулятивное и не эгоистическое (мы не возьмем себе в квартиру ни одной картины), выставка будет постоянно открытая, на хорошем месте и в особой квартире. Г. Боткин [2] теперь в Петербурге для переговоров по этому делу, и уже от автора зависит выбрать: или сделать некоторую уступку и устроить свой труд не раздробленным, или же получить несколько больше выгод и никогда не знать самому даже — где будет находиться большая часть его произведений? 80 тыс. дают около 5 тыс. не пожизненной, а постоянной пенсии. Что будет еще из этого дела, но вот все, что пока могу сообщить Вам.

Еще покорнейшая просьба: прочтя прилагаемое письмо [3], Вы увидите, в чем дело, прошу Вас взглянуть упоминаемые картины, узнать цену самую последнюю и сообщить Ваше мнение как о вещах, так и о цене. Упоминаемый г. Дюлу в настоящее время, вероятно, уже в Петербурге. Простите за беспокойство.

Будьте здоровы.

Ваш преданный

П. Третьяков

78. П. М. ТРЕТЬЯКОВ — И. Н. КРАМСКОМУ

21 марта [18]74

Многоуважаемый Иван Николаевич,

Посылая Вам 1000 р. для Савицкого, забыл сообщить адрес конторы Томсон, Бонар и К° и вчера опять забыл, пожалуйста, извините, адрес след[ующий]: Галерная, д. Асташева.

С нетерпением ожидаю, что удастся сделать Боткину [1]? Статья Стасова [2] может повредить нашему предприятию, жаль еще, что он о большой картине [3] упомянул, мы предлагали автору ее поднести государю, чтобы покончить с воображаемым им долгом благодарности.

Ваш преданный

П. Третьяков

79. П. М. ТРЕТЬЯКОВ — И. Н. КРАМСКОМУ

Многоуважаемый Иван Николаевич!

Если бы не затруднило Вас попросить А. К. Гейнса написать мне немедленно разъяснение, как и кому продана Верещагинская коллекция? Чтобы решить мне, что вернее: письмо Василия Васильевича [1] или рассказы Боткиных [2].

Пред[анный] Вам

П. Третьяков

80. И. Н. КРАМСКОЙ — П. М. ТРЕТЬЯКОВУ

5 апреля 1874 г.
пятница вечером

Многоуважаемый Павел Михайлович,

Успокойтесь. Дела обстоят благополучно. Вот Вам отчет моего объяснения с Гейнсом. Я сказал ему прежде всего следующее: «Я воротился только что из Москвы, и меня просил П. М. Третьяков просить Вас сообщить ему условия, на которых приобретена коллекция Верещагина; я виделся с ним вчера. Перед праздниками же я получил от П. М. уведомление, что Боткин едет в Петербург от имени образовавшейся компании в Москве для приобретения всей коллекции с тем, чтобы устроить особое помещение, куда поместить, не раздробляя ее, и чтобы галлерея была постоянно открыта для публики». На это Гейнс сказал: мне, собственно, все равно, кто приобретает коллекцию, условий еще не было заключено, но были словесные условия при третьем лице, при Жемчужникове [1], которые все заключались в том только, что *«коллекция не может быть делима, продаваема, и должна быть открыта постоянно»*. Вот и все. На фоминой я жду Боткина, чтобы заключить нотариальным порядком эти условия. Тогда я просил позволения сообщить ему несколько подробностей, мне известных, может быть, более, чем ему, и рассказал, что слышал от Вас в общих чертах, и о письме к Вам от Верещагина [2], и в заключение спросил, что он думает? Тогда

он сказал: «ну, хорошо же. На фоминой неделе Боткин будет, мы заключим условие, как я Вам уже сказал: «что коллекция не должна быть раздроблена, и постоянно открыта», и тогда я сообщу копию П. М. Третьякову». Я говорю: Вы позволите сообщить мне к П. М. наш теперешний разговор, ваше превосх[одительство]? «Хорошо, сообщите». На этом мы расстались. Я только что воротился от Гейнса и пишу к Вам. Дело, как видите, поставлено правильно, и тревожиться Вам нет никакого повода. Надо спокойно выждать развязки. Не принимать никакого предложения о делении коллекции. Мне сдается, что Боткин неосторожно сам себя поставил в затруднительное положение. Гейнс предупрежден. Условия словесные совершенно согласны с теми, которые Вам сообщает Верещагин, только он прибавляет статью и о наследниках еще [3]. Но ведь это согласуется и с Вашими намерениями, стало быть, мне остается только радоваться такому хорошему концу, и сообщая Вам все это, я считаю себя счастливым, что обстоятельства поставили и меня несколько прикосновенным к этой истории.

Извиняюсь очень перед Вашею супругою, что уехал из Москвы, не засвидетельствовав ей лично своего уважения.

Глубоко уважающий Вас

И. Крамской

81. И. Н. КРАМСКОЙ — П. М. ТРЕТЬЯКОВУ

7 апреля [1874]
воскресенье утром

Многоуважаемый Павел Михайлович,

Не сочтете ли Вы уместным прислать копию [1] с своего письма Верещагина к генералу Гейнсу раньше заключения условий с Боткиным?

Прилагаю при сем расписку Лемоха [2] в получении от меня 200 руб. У него очень хорошенькие вещи.

Уважающий Вас

И. Крамской

82. П. М. ТРЕТЬЯКОВ — И. Н. КРАМСКОМУ

9 апреля 1874
Москва

Многоуважаемый Иван Николаевич.

Ваши письма от 5 и 7-го своевременно получил. Благодарю за все сообщенное.

Радоваться еще очень рано: мы имеем дело с очень тонким человеком, недаром много лет жившим вблизи отцов

иезуитов[1]: я этого господина очень хорошо знал по опыту и ни на минуту не ошибался в нем, но Дмитрия Петровича я до сего времени совершенно не знал.

Прося Вас передать г. Гейнсу, я желал выиграть время, но на другой же день, т. е. в пятницу, я ему послал копию письма Верещагина[2], прося как можно скорее разъяснить это дело, причем присовокупил, что я совершенно согласен с В[асилием] В[асильевичем]. Я желал ответ г. Гейнса предъявить Боткиным, но ответа до сегодня не получил, а между тем сегодня узнал, что Боткины вчера уехали в Петербург, не извещая меня и не видавшись со мною более после известного Вам разговора. Теперь, когда я пишу это, может быть все уже приведено в порядок. Из тех условий, которые г-да Боткины от меня скрыли, но опровергнуть которых они будут не в состоянии, а именно: *коллекция не может быть делима, продаваема и должна быть открыта постоянно,* выходит что же: Боткин скажет, что он оставляет всю коллекцию себе и что она будет в его квартире постоянно открыта; и этим вполне удовлетворит бывшие словесные условия; тем дело и кончится; и будет казаться в порядке; Д[митрий] П[етрович] поместит всю коллекцию у себя в квартире, продавать из нее ничего не будет, всегда желающим можно ее будет видеть, чего же еще больше? Только я один не буду удовлетворен: потому, что я этой коллекции (после выставки в Москве) никогда уже не увижу и, главное, буду сильно сомневаться в будущей судьбе коллекции.

Если бы Дм[итрий] Петр[ович] один, без меня, устроил это дело сразу, теперь же, так как я его желал устроить, — о как бы я обрадовался! Какой бы для меня был праздник! И цель была бы достигнута, и человека нашел бы, для меня пропавшего[3].

От Верещагина я ничего не имею.

С нашей стороны и с Вашей все сделано, что можно было сделать, теперь можно и успокоиться — если можно.

Преданный Вам глубоко

П. Третьяков

83. И. Н. КРАМСКОЙ — П. М. ТРЕТЬЯКОВУ

МОСКВА [Телеграмма]

ПАВЛУ МИХАЙЛОВИЧУ ТРЕТЬЯКОВУ
НИКОЛА ТОЛМАЧИ. ЛАВРУШИНСКИЙ ПЕРЕУЛОК,
СОБСТВЕННЫЙ ДОМ.

Мы во-время успели. Обстоятельства переменились. Боткин везет к Вам письмо от уполномоченного и будет предла-

гать то, что Вы ему уже предлагали. Ухватитесь. Вы однакож ничего не знаете.

Крамской

84. П. М. ТРЕТЬЯКОВ — И. Н. КРАМСКОМУ

13 апр[еля 18]74
Москва

Многоуважаемый Иван Николаевич,

Сию минуту получил Вашу телеграмму «Обстоятельства переменились. Боткин везет к Вам письмо от уполномоченного и предложит Вам то, что Вы ему уже предлагали, ухватитесь до поры до времени, Вы ничего не знаете». Благодарю сердечно и жду ее разъяснения. — Виделся ли с Вами брат мой (он теперь в Петербурге с женой [1]) и знает ли он то, что Вам известно — вот это меня беспокоит [2].

Ваш глубоко пред[анный]

П. Третьяков

85. И. Н. КРАМСКОЙ — П. М. ТРЕТЬЯКОВУ

13 апреля 1874
суббота, 12 час.

Многоуважаемый Павел Михайлович,

Пишу к Вам в больших торопях. Сейчас был у Гейнса, он просил запиской прийти к нему. Дело в том, что он не написал Вам до сих пор ничего, потому что был введен в заблужденье, ожидал, когда приедет Боткин, и тогда уже Вас известит. В этом он теперь кается перед Вами. Но Боткины, вероятно, вели дело в самом деле так, как будто не они одни покупают, и потому Ваше письмо последнее к Гейнсу открыло ему глаза [1], и он меня просил Вам телеграфировать (что я уже сделал), что Боткины по разным недоразумениям (о которых мы с Вами говорили уже) едут в Москву и будут предлагать Вам то, что Вы уже раньше им предлагали, после письма Верещагина. Дела повернулись хорошо. Только Гейнс просил *меня* и *вас не знать,* что Вы и я знаем все это от него (то есть пока не знать), до тех пор, пока Д. П. Боткин не явится к Вам с письмом от Гейнса, и что Вы узнаете от Боткина все это в первый раз.

Во всей этой, дурно построенной махинации, несмотря на то, что эту махинацию устроил ученик Лойолы [2], больше все-

го некрасиво положение самого Боткина. Я говорил, что он не знает, с кем имеет дело, с Верещагиным шутить нельзя. Гейнс все время думал, что Боткин уполномоченный и только, но так как дело оказалось иначе, то оно и возвращается к своему главному хозяину. Я полагал бы, что следовало бы теперь уже не допускать Боткина даже в участие, впрочем, виноват, я уверен, что Вы сделаете все отлично и без чужих советов.

Не знаю, что поймете Вы из всего этого маранья, но ужасно тороплюсь, чтобы свезти на железную дорогу письмо и чтобы Вы возможно своевременно получили.

Уважающий Вас

И. Крамской

86. П. М. ТРЕТЬЯКОВ — И. Н. КРАМСКОМУ

15 апреля 1874
Москва

Многоуважаемый Иван Николаевич.

Вчера получил Ваше письмо, вчера же и с Д. П. Боткиным виделся [1]; коллекция уступлена им мне потому, что он не может итти против заявленной мною цели: передать Училищу живописи и ваяния, и я уже принял на себя все обязательства. Итак, дело кончено! Дело, в котором Вы принимали участие не менее меня! В конце недели полагаю быть у Вас.

До свидания!

Пред[анный] Вам

П. Третьяков

87. П. М. ТРЕТЬЯКОВ — И. Н. КРАМСКОМУ

26 апреля 1874
Москва

Многоуважаемый Иван Николаевич,

Вас, вероятно, удивляет, что меня так долго нет в Петербурге? По непредвиденным обстоятельствам, от меня не зависящим, я не мог ранее завтрашнего дня выехать, то так как 28 числа рожденье моей жены, то я и выеду только 28-го вечером и в понедельник буду у Вас. Прошу Вас известить запиской А. К. Гейнса, чтобы он не беспокоился о том, что я

долго не являюсь для окончания дела; в понедельник же может быть все покончено.

Искренно пред[анный] Вам

П. Третьяков

88. П. М. ТРЕТЬЯКОВ — И. Н. КРАМСКОМУ

3 мая 1874.
Москва

Многоуважаемый
Иван Николаевич,

Я вовсе упустил поблагодарить Вас за все Ваше сердечное участие по делу приобретения Верещагинской коллекции — впрочем, Вы знаете, что я искренно благодарен Вам. Не забыли ли Вы попросить В. В. Стасова, чтобы он чего не насвирепствовал бы насчет Училища живописи и ваяния [1], что для меня будет *очень неприятно*. Если Вы не видались с ним, то поскорее увидайтесь. Я даже сам хотел увидать его, да не имел времени. Я поручил принимающему картины, если что-нибудь затруднит его, обращаться к Вам и потому, если он явится к Вам, то не откажите ему, в чем будет нужно.

Ваш истинно преданный

П. Третьяков

P. S. Если г. Гине [2] возьмет за этюд 100 р., то я возьму его.

89. И. Н. КРАМСКОЙ — П. М. ТРЕТЬЯКОВУ

4 мая 1874 г.

Многоуважаемый Павел Михайлович,

Со Стасовым я видался в день Вашего отъезда, встретил его на Невском. Сообщил ему результат всего, что касается до коллекции Верещагина, просил его успокоиться, ничего не писать и все дело передать воле божией, и он согласился. После этого он обратился ко мне с просьбой написать к Вам о том, нельзя ли поместить при выставке Верещагина в Москве выставку произведений покойного Гартмана [1], архитектора. Он очень хлопочет для вдовы, и не столько, впрочем, для нее, как вообще для памяти Гартмана. Места ему, как он говорит, нужно немного. Его просьба, стало быть, заключается в том: чтобы ему позволили распорядители выставки Верещагина поставить где-нибудь возле рисунки и фотографии Гартмана. Расходы он берет на себя, он только просит ука-

зать, к кому обращаться, если вообще взглянуть на это благосклонно. Ему важно то, что народу будет много на выставке, а стало быть, имя Гартмана и его заслуги будут при этом оценены большим числом людей. Адрес его: Угол Надеждинской и Ковенского переулка, дом Трофимова, Влад[имир] Вас[ильевич] Стасов.

Относительно Гине — передам.

Глубоко уважающий Вас

И. Крамской

90. И. Н. КРАМСКОЙ — П. М. ТРЕТЬЯКОВУ

21 мая 1874 г.

Многоуважаемый Павел Михайлович,

Несколько недель тому назад я писал Вам о желании В. В. Стасова показать публике вещи покойного Гартмана и, чтобы их видело возможно большее число посетителей, выставить их при коллекции Верещагина. Не зная, как это сделать и к кому обратиться, я писал Вам, как члену Общества любителей, и просил написать уже прямо к В. В. Стасову, для чего прилагал и адрес. Время выставки Верещагина приближается, а между тем В. В. Стасову еще неизвестно. Будьте так добры, если можно устроить что в пользу памяти Гартмана, то известите, чтобы иметь время Стасову распорядиться послать людей, заведывающих и все устроить на месте. Ни Обществу, ни Вам хлопот не будет никаких. Нужно только знать, когда открывается Верещагинская выставка. Места для вещей Гартмана не много нужно, комнатки две маленьких или одну большую.

Уважающий Вас

И. Крамской

P. S. На всякий случай прилагаю адрес В. В. Стасова: Надеждинская, дом Трофимова (№ 20 кварт.)

91. П. М. ТРЕТЬЯКОВ — И. Н. КРАМСКОМУ

27 мая 1874
Москва

Многоуважаемый
Иван Николаевич.

Возвратясь сегодня из Кунцева (я не был в Москве 4 дня), нашел Ваше письмо от 21 мая.

Простите великодушно, что я не отвечал Вам так долго на Ваше письмо от 4 мая и ничего не сообщил В. В. Стасову по поводу его желания устроить выставку Гартмана; причина тому та, что ответить-то я ничего не мог положительного. Наше Общество имеет такую маленькую квартиру, что не может устроить Верещагинской выставки без увеличения своего помещения; предполагалось удвоить квартиру в том же доме, и вот это дело тянулось, но ничего из него не вышло, и теперь приходится отыскивать квартиру; в Москве же это труд ужаснейший. Во всяком случае о Верещагинской выставке ранее осени нечего и думать; возможно ли же будет поместить при Верещагинской выставке Гартмана? пока ничего нельзя сказать — не зная будущего помещения. Все это я уже сообщил В. В. Стасову [1] несколько дней тому назад — перед отъездом на дачу.

Не знаю, разберете Вы это маранье? — очень спешу.

Будьте здоровы!

Ваш преданный

П. Третьяков

92. И. Н. КРАМСКОЙ — П. М. ТРЕТЬЯКОВУ

9 июня 1874 г.

Многоуважаемый Павел Михайлович,

Быть может, письмо это вручит Вам лично Николай Александрович Александров [1], мой хороший знакомый, которого Вам позвольте рекомендовать; он писатель, заявивший уже себя давно, но в последнее время особенно обративший на себя внимание своими сочинениями по этнографии России и книжками для юношеского возраста: «Народы России» и «Волга». Кроме того, он художественный критик, в последнее время, после изгнания Понютина из редакции «Голоса» [2], он помещает свои статьи там, и все пишущие и читающие этот отдел заметили их. В Москве он желает, между прочим, осмотреть галлереи, и потому, будьте так любезны, способствуйте, чем можете.

Пользуюсь случаем передать просьбу Ивана Александровича Гончарова: сделать с моего портрета фотографии: он нуждается в 2, 3-х экземплярах снимков величиною голова немножко меньше серебряного рубля, да заодно уж и карточки (если можно, прибавляет). Фотографию он обещал г-ну Полевому, издателю «Истории русской литературы» [3]. Туда уже дан портрет и Тургенева.

Последнее письмо мое было написано в Публичной библиотеке у Стасова — вот почему оно такое, если Вы заметили, невежливое, или, лучше, похоже на отношение.

Глубоко уважающий Вас

И. Крамской

12 июня. Так как Александров не был, из чего я заключаю, что он уехал в Москву, то и посылаю Вам письмо по почте.

93. П. М. ТРЕТЬЯКОВ — И. Н. КРАМСКОМУ

20 июня 1874

Многоуважаемый
Иван Николаевич.

На Ваше письмо от 12 с[его] м[есяца] отвечаю только сегодня потому, что не был в Москве. Портрет и карточки с И. А. Гончарова закажу, но не укажете ли Вы, кому их поручить исполнить? я не знаю, как работает Ваш близкий знакомый г. Тулинов [1] — не заказать ли ему?

Г-н Александров не был у меня.

Ожидая Вашего ответа, желаю Вам всего доброго.

Искренно преданный Вам

П. Третьяков

94. И. Н. КРАМСКОЙ — П. М. ТРЕТЬЯКОВУ

26 июня 1874 г.

Многоуважаемый Павел Михайлович,

Фотографию с успехом может сделать Дьяговченко [1], я думаю; все, что я видел его с картин, — очень хорошо. Тулинов, мне кажется, не годится для этого. Впрочем, я не указываю непременно на кого-нибудь; Вам это знать лучше. Я, наконец, и не всех фотографов знаю в Москве, чтобы решать этот вопрос. При этом я передаю Вам просьбу А. К. Гейнса. Он Вам дал письмо [2] В. В. Верещагина, в котором сам Верещагин говорит о своих будущих критиках, по поводу его произведений, то Гейнс просит Вас возвратить это письмо, списав с него копию для себя, у него как-то зашла речь со Стасовым о Верещагине, и Гейнс сказал, что сам Верещагин вперед сказал все, как случилось.

Жарко. В голове ни одной мысли, и я все еще пребываю в городе, вожусь с портретом наследника, и только раз в не-

делю бываю у семьи на даче. Из Петербурга не уеду раньше конца августа, пока дети не поступят в гимназию. Картину[3] подвину до своего выезда здесь.

Глубоко уважающий Вас

И. Крамской

95. П. М. ТРЕТЬЯКОВ — И. Н. КРАМСКОМУ

13 июля 1874
Москва

Многоуважаемый
Иван Николаевич,

Я так занят был все это время, что не мог написать Вам. В это время перед Ниж[егородской] ярмаркой у меня минуты не бывает свободной, почему уже, сделайте милость, извините мою неаккуратность.

Письмо В. В. Верещагина возвращу при первой возможности. Портрет И. А. Гончарова послал к Дьяговченко тотчас же по получении Вашего письма, прося скорее сделать пробные экземпляры, но сегодня получил только карточку, портрет же еще не готов. Не сделаете ли какого замечания? и сколько нужно карточек? Мне казалось и прежде, а теперь на карточке еще более кажется, что фигура очень длинна: по карточке можно думать, что изображаемое лицо огромного роста, а между тем И[ван] А[лександрович] не более среднего роста. Может быть, это кажется неверно — но кажется. Будьте здоровы.

Ваш преданный

П. Третьяков

96. П. М. ТРЕТЬЯКОВ — И. Н. КРАМСКОМУ

22 июля 1874
Москва

Многоуважаемый
Иван Николаевич,

Несколько дней назад послал Вам пробную карточку с портрета И[вана] А[лександровича], до получения от Вас ответа я не буду заказывать карточки потому, что недоволен пробным экземпляром, портрет же вышел прекрасно, и я заказал еще два; как только будут готовы, немедленно вышлю.

Портрет Ив[ана] Серг[еевича] Тургенева вышел у Репина не совсем удачно[1], теперь остается только Вам сделать его портрет! и я сказал Ивану Сергеевичу, что буду просить Вас

о том, как только он опять приедет в Россию, на что Ив[ан] Сер[геевич] изъявил согласие с большим удовольствием, тем более, что он очень желает с Вами познакомиться: он очень был заинтересован Вашим Христом [2], которого он увидал на Передвижной выставке здесь; очень понравился ему портрет Шишкина [3] и этюд мужичка [4] (большой), который он желал очень купить, но он был уже продан; потом ему очень понравились портреты Ивана Александровича и гр. Толстого, трудно сказать, который более, но оба очень понравились. Был он у меня в конце мая, потом видел я его на возвратном пути из деревни при отъезде в Петербург, недели три тому назад, в Петербурге он хотел остаться не более дня, и вдруг теперь я из газет узнаю, что он еще и в настоящее время в Петербурге по случаю разгулявшейся подагры; не найдете ли Вы удобным познакомиться с ним теперь? да может быть и портрет написать? Где он живет, я не знаю, но я думаю, это легко узнать; по случаю болезни он будет сидеть отлично и очень рад будет познакомиться с Вами. Я боюсь, что Ив[ан] Сер[геевич] не приедет в Россию потому, что уже третий раз кряду с ним случается в России припадок подагры. Буду ждать, что Вы скажете. Преданный Вам

П. Третьяков

97. И. Н. КРАМСКОЙ — П. М. ТРЕТЬЯКОВУ

12 августа 1874 г. [1]

Многоуважаемый Павел Михайлович,

И портрет и карточка с портрета И[вана] А[лександровича] вышли, извините, не удовлетворительно, так что я не отправлял к И[вану] А[лександровичу] их. Портрет надо было бы ретушировать, и никому другому как мне, но без оригинала я этого не могу сделать. Что касается самого оригинала, мною писанного, то Вы напрасно осторожно отзываетесь о том, что фигура *кажется* длинна. Она безобразна. Я это видел еще здесь, но как тогда решил привезти его к Вам, то так и оставил, имея намерение поправить его, когда получу от Вас обратно на выставку (И[ван] А[лександрович] согласен). Я глубоко раскаивался, что привез Вам его в Москву, и дал себе слово никогда в другой раз этого не делать. Меня собственно тогда заставил сделать это ложный стыд — о том, что портрет будет в Москве, я и Вам писал и Гончарову сказал, и хотя видел под конец, в чем дело, но повез, имея в мыслях переделать; но Вы меня изобличили, и я наказан. Что касается портрета И. С. Тургенева, то, признаюсь, хотя

мне было бы и очень лестно написать его, но после всех как-то неловко, особенно после Репина, которого я очень уважаю; и, извините, мне не верится, чтобы он написал не совсем удовлетворительно, не поверю, пока не увижу. Извините ради бога, я так привык Вам верить, что мне не следовало бы сомневаться, но все кажется, что Репин, да еще в Париже, должен бы был написать. Я слышал от Стасова месяца полтора тому назад, что Тургенева будет писать еще Харламов [2], которого сам Тургенев чрезвычайно высоко ставит, и именно как портретиста. Судите же, как рискованно приниматься после всех. И все-таки сознаюсь, что попробовать и мне хотелось бы, только едва ли это состоится когда-нибудь. Теперь он уехал надолго. Ваше письмо об этом я получил числа 28 или 29 июля, пока оно дошло до Сиверской [3] станции (а написано оно было 22-го); я тотчас поехал в Петербург и, пока разыскал его, много побегал; в магазине Базунова [4] уже мне указали, что он остановился у Демут [5], но оказалось, что И[ван] С[ергеевич] 20-го июля выехал за границу, и я его, стало быть, не мог увидать ни под каким видом. Что за странность с этим лицом? и отчего оно не дается? Ведь кажется и черты крупные, и характерное сочетание красок, и, наконец, человек пожилой? Общий смысл лица его мне известен, наконец, фотографии тоже делают свое дело — знакомят с лицом, но близко мне никогда не удавалось его видеть, быть может, и в самом деле правы все художники, которые с него писали, что в этом лице нет ничего выдающегося, ничего обличающего скрытый в нем талант; быть может, и в самом деле вблизи, кроме расплывающегося жиру и сентиментальной, искусственной задумчивости, ничего не оказывается; но откуда же впечатление у меня чего-то львиного? издали? Наконец, если и в самом деле нет ничего и все, в сущности, ординарно, ну и пусть будет эта смесь так, как она находится в натуре. Впрочем, все это гораздо легче сказать, чем увидать действительно, и еще мудренее сделать.

Искренно и глубоко уважающий Вас

И. Крамской

98. П. М. ТРЕТЬЯКОВ — И. Н. КРАМСКОМУ

20 августа 1874
Москва

Многоуважаемый
Иван Николаевич.

На днях я получил Ваше письмо от 12-го. Жаль, что я заказал (и уже давно сделана) раму на портрет И[вана]

А[лександровича], если Вы его будете переделывать, то, может быть, придется его обрезать? чего, впрочем, мне кажется, можно избежать. Я думал, что мне длиннота корпуса только так кажется. Странно, что Тургенев ничего не заметил.

Вы говорите, что у Вас впечатление чего-то львиного в фигуре Тургенева? в портрете Репина это есть; но нет того Тургенева, каким мы его знаем; нет того, что есть в портрете И. А. Гончарова, т. е. совершенно живого человека, как он есть (я говорю о голове). Может быть, я ошибаюсь относительно портрета Тургенева, и даже очень может быть.

Выставку Верещагина Общество любителей художеств открывает в своей старой квартире [1] (новой не нашли и не увеличили старой, что можно бы сделать). Помещены картины будут тесно и едва ли удобно; вообще эта коллекция, или, лучше сказать, обращение с этой коллекцией продолжает пополнять бывшие приятные для меня ощущения [2]. Потрудитесь передать В. В. Стасову, что для выставки Гартмана места не остается и одного вершка.

Будьте здоровы! Сегодня еду в Кострому, оттуда в Нижний и возвращусь в Москву 27 августа.

Глубоко преданный Вам

П. Третьяков

99. И. Н. КРАМСКОЙ — П. М. ТРЕТЬЯКОВУ

6 сентября 1874

Многоуважаемый Павел Михайлович,

Я еще не в городе, почтовая бумага вся вышла, и я, как видите, пробавляюсь, какая есть [1]. Это, конечно, неважно, но уж извините, не могу не извиниться.

С глубоким и искренним прискорбием узнал я, что разные невеселые мысли и чувства продолжают возникать как необходимые последствия огромного патриотического поступка относительно картин Верещагина. Если бы Вы сделали такое дело, за которое обыкновенно раздаются в высоте Олимпа награды и внимания, тогда всем бы было это понятно, а огромная, обыкновенно молчаливая в этих случаях (да и во всяких впрочем) толпа людей, составляющих так называемое отечество, усиленно молчала бы, но зато все, кто лично знаком с Вами и с кем Вы живете, постарались бы забежать к Вам, поздравить Вас, пожать Вам руку и потом полетели бы на площади и стогны благовестить о Вашем поступке и как о господнем покровительстве,— награде, которая всегда и не-

избежно настигает настоящего гражданина. А то Вы, к несчастью, тронуты тем, что называется идеей [2], и за то роковым образом вместо награды должны быть наказаны. Зачем так мир устроен?

Я очень тронут тем, что Вы не оставляете и меня в покое, и сообщаете об этом, я считаю себя частью виноватым в том, что случилось, и потому благодарю Вас за внимание — я горжусь этим. Портрет И. А. Гончарова, несмотря на переделки, разумеется, останется в тех же размерах. Стасову напишу.

Уважающий Вас

И. Крамской

100. П. М. ТРЕТЬЯКОВ — И. Н. КРАМСКОМУ

1 октября 1874

Многоуважаемый
Иван Николаевич,

Сердечно благодарю Вас за письмо Ваше от 6 сентября! Только и единственно Ваше теплое участие и утешает меня в продолжающихся разных волнениях по поводу Верещагинской коллекции. Когда буду у Вас — передам все подробно.

Недавно узнал я, что Передвижная выставка уже отправилась в путь [1], а у меня остались две картины: «Железная дорога» Савицкого и пейзаж Куинджи [2]; я их взял к себе для большей сохранности — увидав, в каком беспорядке находились вещи по закрытии выставки в Московском училище; об этом было известно Прянишникову и Перову [3], да, вероятно, и у А. Д. Чиркина [4] была опись вещей, но у меня их не спросили, и я вовсе не знал, что А. Д. Чиркин был в Москве и выставка уже отправилась. Мне очень жаль, что так случилось, если эти вещи были нужны для выставки, но вины моей тут не было.

Ваш глубоко преданный

П. Третьяков

101. И. Н. КРАМСКОЙ — П. М. ТРЕТЬЯКОВУ

5 октября 1874 г.

Многоуважаемый Павел Михайлович,

Что картины Куинджи и Савицкого остались у Вас, я узнал недавно; случилось это таким образом: Чиркин перед

отправлением в путешествие обращался к В. Г. Перову за распоряжениями и указаниями, но тот, к сожалению, на все вопросы отвечал: не мое дело, делайте, как знаете[1]. Бог знает, что с ним случилось. И вот Чиркин, поставленный в необходимость поступать по обстоятельствам, не смел ничего ни спрашивать, ни брать; взял только то, что было в конференц-зале, и, имея еще с весны доверенность и другие бумаги, поехал.

Если бы для Вас, глубокоуважаемый Павел Михайлович, не составило особых хлопот, то было бы хорошо отправить картины в Саратов[2], где теперь выставка. Впрочем, об этом я теперь же, вместе с этим письмом, напишу В. Е. Маковскому[3]. Адресовать и письмо и картины в Саратов на Передвижную выставку картин, Чиркину.

Меня очень занимает во все время знакомства с Вами один вопрос: каким образом мог образоваться в Вас такой истинный любитель искусства? Я очень хорошо знаю, что любить что-нибудь настоящим образом, любить разумно, очень трудно, скажу больше — опасно. Все люди, сколько я их знаю, притворяются, т. е. соблюдают так называемые приличия, и потому, встречая что-либо неподдельное, они чувствуют себя тем самым осужденными; ну посудите сами, есть ли для них возможность оставаться спокойными. Ведь что в сущности сделал Верещагин, отказавшись от профессора?[4] только то, что мы все знаем, думаем и даже, может быть, желаем; но у нас нехватает смелости, характера, а иногда и честности поступить так же; а между тем всякий, имеющий крест, отличие, кокарду или иное вещественное доказательство своих, часто мнимых, заслуг, чувствует себя уничтоженным и обвиненным. Как же ему мочь отдать справедливость, ведь это значит осудить себя, публично признаться, что вся жизнь его есть одна сплошная ложь.

Трудно, очень трудно жить на свете. Одно, чего я от всего моего сердца желал бы, это принять хоть какое-либо участие и долю в неприятностях по поводу Верещагина[5], но все минует. Впрочем, есть одна ошибка и с Вашей стороны, которую я и изложу перед Вами, когда увидимся.

Портрет И. А. Гончарова я бы желал иметь у себя через 2 или 3 недели. Если для Вас это удобно, то будьте так добры, пришлите.

Глубоко уважающий Вас

И. Крамской

102. П. М. ТРЕТЬЯКОВ — И. Н. КРАМСКОМУ

1 ноября 1874
Москва

Многоуважаемый
Иван Николаевич,

Ваше любезное письмо от 5 п[рошлого] м[есяца] своевременно получил. Картины Савицкого и Куинджи не посланы по случаю получения от А. Д. Чиркина прилагаемого письма [1]. Портрет И. А. Гончарова в раме, хорошо упакованный, послан к Вам 29 октября; при сем прилагаю квитанцию Российского общества, которое, вероятно, доставит Вам ящик на квартиру.

До сей поры вылазка только против Верещагина велась московскими художниками, которые также и публику науськивали, но я подвергался насмешкам только втихомолку (за исключением одной личности); теперь же, не угодно ли прочесть прилагаемую статейку [2] — в которой достается мне поболее, чем Верещагину. По подписи Вы узнаете, что это мнение целой компании. Так как В. В. Стасов спрашивал меня о мнении публики и художников (о чем я ему и сообщил) [3], то, вероятно, ему будет интересно прочесть.

Думаю быть скоро у Вас — будьте здоровы!

Ваш преданный *П. Третьяков*

103. П. М. ТРЕТЬЯКОВ — И. Н. КРАМСКОМУ

8 ноября 1874
Москва

Многоуважаемый
Иван Николаевич.

Прошу Вас известить меня, благополучно ли получили портрет Ивана Александровича. На прошедшей неделе, послав Вам квитанцию и письмо А. Д. Чиркина, писал, что скоро у Вас буду, но так как не знаю еще, когда именно соберусь, то и прошу известить о получении портрета.

Будьте здоровы!

Преданный Вам
П. Третьяков

104. И. Н. КРАМСКОЙ — П. М. ТРЕТЬЯКОВУ

9 ноября 1874 г.

Многоуважаемый Павел Михайлович,

Портрет И. А. Гончарова получен мною в совершенной исправности. Не отвечал Вам тотчас же потому, что ожидал

Вашего приезда, полагая Вас видеть на этой неделе. Письмо Чиркина получено также; оно нас удивило именно тем, что Чиркин распоряжается, чего ему делать ни в каком случае не следовало бы.

Так как картины Савицкого и Куинджи составляют несомненный интерес, то их придется, вероятно, отправить в Харьков. Выставка в настоящее время находится в Воронеже [1]. В Казани и Саратове было недурно, особенно в Саратове [2]. Так как Вы остаетесь еще в Москве, то картины Савицкого и Куинджи позвольте уложить и отправить В. Е. Маковскому, который здесь теперь, но на днях уезжает обратно. Мы будем просить его заняться этим.

Присланная Вами статья отличается таким глубоким внутренним неряшеством, побуждения автора так мало нравственны, что и Москве нечего завидовать Петербургу, в которой отыскался свой Тютрюмов [3]. Какой это Брызгалов? неужели это тот самый, что часто бывает у Перова. Если тот, то дело для Перова очень худо. Статью я сообщил Стасову; он собирается писать что-то и просил ему оставить [4]. Вот что значит отсутствие здоровой и сведущей критики. Сколько было восклицательных знаков по поводу Верещагина, а между тем ни один не стал выше художника, что необходимо для критика. Когда русское искусство дождется своего Белинского? а как трудно, как трудно художнику у нас, это невероятно! всюду повальное помешательство в среде художников, нет голоса, достаточно авторитетного, чтобы вывести из мрака всех потерявшихся и потерянных. С одной стороны, чиновник, напортивший и погубивший будущность искусства, с другой — алчность голодных и слабых натур делают и жизнь и труд почти невозможным. Все так грубо кругом, так мало нужды в интересах несколько высшего порядка, чем интерес желудка, чина, улыбки особы, что бежал бы вон, далеко и без оглядки... но куда? вот вопрос. Трудно становится в Петербурге, где же получше? вероятно, там, где нас нет.

Я имею к Вам большую просьбу: нельзя сделать фотографию с головы Христа в моей картине, величиной около вершка, мне она очень нужна [5]. Что будет стоить, я с удовольствием приму на себя. Только одну голову.

Глубоко и искренно уважающий Вас

И. Крамской

105. П. М. ТРЕТЬЯКОВ — И. Н. КРАМСКОМУ

16 ноября 1874
Москва

Многоуважаемый
Иван Николаевич,

После получения письма Вашего получил и от А. Д. Чиркина [1], с просьбою выслать картины также в Харьков, причем просит, если возможно, сделать ящики такой конструкции, как все ящики на Передвижной выставке. В. Е. Маковский еще не явился; я мог бы и без него приказать уложить и отправить в обыкновенных ящиках, но насчет особой конструкции ничего не могу сделать.

Вы знаете, что я почти никогда ни в чем не отказываю, касающемся до искусства, тем более для Вас не желал бы ни в чем отказать, но просьба Ваша насчет фотографии с головы Христа весьма затрудняет меня: картину нужно нести на несколько дней в фотографию, а фотографии у нас все очень тесные и неудобные (Русская уже не существует), картину могут или исцарапать, или прорвать, а я так дорожу ею, что не желаю ее подвергнуть какому-нибудь риску, нельзя ли как-нибудь обойтись? ведь у Вас была снята фотография.

Сбирался сегодня в Петербург, но, вероятно, не удастся выехать ранее среды.

Будьте здоровы!

Ваш преданный

П. Третьяков

106. И. Н. КРАМСКОЙ — П. М. ТРЕТЬЯКОВУ

16 ноября 1874 г.

Многоуважаемый Павел Михайлович,

Быть может, письмо это застанет Вас в Москве еще, и потому тороплюсь написать Вам ответ на последнее. Относительно фотографии я решился так поступить: вместе с этим письмом я пишу к фотографу Дьяговченко, чтобы он сделал фотографию у Вас в галлерее, на месте, не трогая картины. Быть может, даже он явится к Вам немедленно, а быть может, после вашего возвращения. Во всяком случае я не желал бы доставлять Вам никаких хлопот, а всего менее беспокойств, если уладится это дело так, как я полагаю, хорошо; а нет, делать нечего, придется оставить неудовлетворенным

мое желание. Что касается ящиков, то я пишу В. Е. Маковскому, который уже уехал обратно, не повидавшись, впрочем, с нами; а потому приходится переписываться. Вся разница между ящиками обыкновенными и нашими, приспособленными к путешествию, заключается только в том, что крышка и дно наших ящиков не приделываются наглухо, как обыкновенно, а прикрепляются винтами, и ящики как снаружи, так внутри выкрашены черной масляной краской, так что картины во все время путешествия не снимаются, а остаются на досках, так и выставляются. Стоимость каждого такого ящика не превышает 15 руб., и весь расход по отправке картин товарищество, разумеется, принимает на себя. Во всяком случае и это обстоятельство не должно быть лично для Вас сколько-нибудь затруднительно, а должно целиком лежать на ответственности кого-либо из московских художников, и вероятнее всего на Маковском, как члене Правления; и потому я думаю, что он явится к Вам по этому поводу.

Глубоко уважающий Вас

И. Крамской

107. И. Н. КРАМСКОЙ — П. М. ТРЕТЬЯКОВУ

12 декабря 1874 г. [1]

Многоуважаемый Павел Михайлович,

Извините меня великодушно, что я так долго не уведомляю Вас о получении денег, присланных Вами через брата Вашего Сергея Михайловича. Но все это время было такое дурное, неприятное и хлопотливое, что я как-то не мог собраться; к тому же болезнь детей и жены тоже отчасти была причиною; но последнее обстоятельство слава богу миновало, тогда как другое продвигается и по сию пору. Ну да бог даст все уладится.

Еще раз прошу Вас не поставить мне этого в вину.

Фотографию получил, и, мне кажется, хорошо.

Уважающий Вас

И. Крамской

1875

108. П. М. ТРЕТЬЯКОВ — И. Н. КРАМСКОМУ

10 января 1875
Москва

Многоуважаемый
Иван Николаевич.

Сделайте милость извините, что я решаюсь надоедать Вам опять тою же просьбою. Мне желалось бы, чтобы Вы теперь же, не откладывая, отправились к А. К. Гейнс; я не могу быть спокойным, не зная наверное, правда ли, что «Опиумоеды» и «Баччи» у него находятся? [1]. Предлог посещения у Вас такой, что его можно не откладывать: выставка откроется, положим, через месяц, а генерал может уехать куда-нибудь, так что Вам следует условиться заблаговременно о сеансе [2]; неловкости же никакой не может быть, если бы он и заговорил что-нибудь о Верещагинских нападках [3], Вы можете сказать, что слышали от меня только, что Верещагин просит выслать денег, или ничего не слыхали,— это Ваше дело, Вы лучше знаете! Если же Вы пойдете через неделю, то тогда, может быть, В[ладимир] В[асильевич] С[тасов] будет требовать отчет уже, и тогда Гейнсу более неловко будет увидаться с Вами.

Желательно бы было приобрести не только эти две вещи, но и все головки, которые есть у А. К. Гейнса, а также и рисунок «Процессии» [4]. Это весьма бы пополнило Верещагинскую коллекцию. Может быть, теперь самое удобное время взяться за это предположение: авторитет Верещагина — в высших атмосферах, по случаю его протеста против чинов — подорван, так что услужить этими работами не время [5]; деньги могут быть нужны, если вещи эти подарены автором, то продать их только и будет благовидно с целию пополнить самаркандскую коллекцию вследствие, дескать, усиленной, неотступной просьбы.— Все здесь, мною написанное, нескладно и не ясно, но Вы поймете суть, и так как уже при-

нимали деятельное участие в нераздроблении, то постараетесь еще принять в дополнении.

Жду с нетерпением ответа.

Дай Вам бог здоровья и спокойствия

Ваш преданный

П. Третьяков

109. И. Н. КРАМСКОЙ — П. М. ТРЕТЬЯКОВУ

14 генваря 1875

Многоуважаемый Павел Михайлович,

Я не был еще у Гейнса и извещаю, чтобы хоть сделать Вам это обстоятельство известным. Не был я потому, что захворал. Быть может, серьезно, быть может, нет, это покажет время — завтра или послезавтра. Но Ваше поручение (оно будет исполнено немедленно, как я выйду) меня в настоящую минуту еще не тревожит: я видался со Стасовым немедленно после Вашего отъезда и слышал от него, что требовать отчета он не намерен [1], и я его, разумеется, поддержал в этом решении. В самом деле: Верещагину вздумается еще какое-нибудь поручение взвалить, а тут купайся. Ведь дело разъяснилось; — векселя возвращены. 25 т[ысяч] несомненно израсходованы, остаются 15 т[ысяч], ну и пусть в свое время два приятеля объяснятся [2]. Зачем шельмовать человека, когда нет еще никаких фактов, которые обязывали бы всякого, хотя бы и постороннего, ударить в набат.

Итак, первый выход мой будет к Гейнсу, и о результатах я сообщу Вам немедленно.

Глубоко уважающий Вас

И. Крамской

110. П. М. ТРЕТЬЯКОВ — И. Н. КРАМСКОМУ

17 янв[аря 18]75
Москва

Многоуважаемый
Иван Николаевич.

Весьма беспокоюсь о Вашем здоровье: что такое сделалось с Вами? Если можно, напишите поподробнее, меня тревожит выражение Ваше «быть может, серьезно».

Верещагину я послал не 1000 ф[унтов стерлингов], как советовал Стасов В. В., а 2000 фун[тов стерлингов], как просил Верещагин; я решил, что с ним опасно принимать на себя роль опекуна, хотя, может быть, я и не так это сделал, но уже сделано. Брат мой и Жемчужников (здешний) [1] были того же мнения, чтобы послать 2000 ф[унтов стерлингов].

Жемчужников Л. М. (здешний), не выждав моего возвращения из Петербурга, написал А. К. Гейнсу о сделанном и ему поручении [2] — напутал наш В[асилий] В[асильевич] В[ерещагин] порядочно.

Дай бог, чтобы Вы теперь были уже здоровы!

Весь Ваш *П. Третьяков*

111. И. Н. КРАМСКОЙ — П. М. ТРЕТЬЯКОВУ

12 марта 1875

Многоуважаемый Павел Михайлович,

Картину «Чумацкий тракт» Куинджи поставил почти такую же, как она и была [1]: Вы знаете его медленность — ему нужно долго раскачиваться, пока кисть попадет на полотно. Впрочем, он бы ее и кончил, да мы все просили ее поставить к открытию, и к приходу великого князя, после же выставки он ее кончит. Однакож так как она теперь есть не хуже, чем была, и вы, вероятно, заметите кое-какие перемены к лучшему.

Максимов решился обсыпать снегом своего колдуна [2] в изобилии, и от этого дело только улучшилось *значительно*. По моему мнению, ему не нужно больше ничего трогать, исключая балалаешника, да, пожалуй, еще (и то кстати) самого хозяина, чтобы сделать лицо его немножко больше видным.

Я, к сожалению, картины Шишкина [3] не видал больше недели еще перед Вами, а потому не могу судить, как она была тогда, но должен сказать, что в настоящее время это едва ли не лучшая вещь на выставке; такой силы, рельефа, красок и гармонии у Шишкина было мало, да, пожалуй, и совсем не было; и несмотря на это, поэзии все-таки нет. Да он, впрочем, о ней и не заботится. Немного неровное исполнение, именно второй план налево больше выписан, чем ему быть следует, особенно по сравнению с землей на первом плане, но и только, больше я ничего сказать не могу.

И[ван] А[лександрович] не проиграл на выставке (и как мне кажется) лучше Строганова [4]. Штаны и руки не конче-

ны — немного. Когда буду в Москве, — приведу в порядок.

У меня лазарет полный. К больному присоединились еще двое — Толя и Марк, да скоро, вероятно, и Соня [5], не знаю, все ли уцелеют. На беду старуха захворала и крепко. Словом, нехорошо!

Поручение Ваше передам Максимову и Куинджи [6], а лучше, если бы Вы собственным глазом взглянули на выставку.

Глубоко уважающий Вас

И. Крамской

112. П. М. ТРЕТЬЯКОВ — И. Н. КРАМСКОМУ

27 марта 1875
Москва

Многоуважаемый
Иван Николаевич.

Почему же неприятным может быть письмо, если в нем будет просьба? От Вас мне всякая просьба будет приятною, и я сочту долгом удовлетворить ее, если буду иметь возможность к тому, и в то же время нисколько не затруднюсь в отказе в случае невозможности исполнить. Поместить молодого человека в настоящее время положительно никуда не могу, если же, может быть, представится какой-нибудь случай, то не замедлю известить Вас [1].

Я беспокоюсь, кончит ли, как должно, картину Куинджи (т. е. фигуры и воздух главным образом)? Я потому это говорю, что знаю, как иногда, оторвавшись от известной работы, трудно опять за нее же приниматься; потом вследствие разных нелепых отзывов может явиться охлаждение, я главным образом имею в виду Ваше замечание, что он горит желанием улизнуть из Петербурга поскорее.

Не видали ли Вы на постоянной выставке портрет работы Левицкого? [2]. Правда ли, что «вид или взгляд на него возбуждает только одно желание, чтобы современные портретисты так старались писать»? — как было сказано на днях в одной из петербургских газет.

В последний раз я заметил у Вас, что Вы, кажется, намереваетесь привести в порядок этюд мужичка идущего? [3] этот этюд меня почему-то интересует, вероятно, Вы его пришлете с Передвижной в Москву; я не высказываю положительное желание приобрести его, но желал бы увидать его оконченным и еще свободным.

На днях у меня видел портрет Кольцова человек, хорошо его знавший, и нашел его непохожим, в акварели же находит большое сходство, замечая только, что он был смуглее лицом[4]. Вы хотели переписать его в Москве, но может быть, не удобнее ли Вам это сделать в Петербурге? я могу прислать портрет и акварель — мне все равно, как Вам лучше.

Теперь к Вам просьба: я спрашивал у К. Ф. Гуна[5] о его картине «Перевоз через Самарку» и узнал от него, что картина им будет кончена в России, но что на нее есть уже претендент гр. Стенбок (хотя я давно просил его написать для меня именно русский сюжет), причем прислал фотографию с посланной на Передвижную выставку картины «Безвыходное положение», и вот я прошу Вас по получении ее известить меня, что это за картина и какая цена ей назначена, может ли она быть пригодна для моей коллекции или Вы посоветуете подождать другой? Кроме того, брат мой желает иметь работу Гуна; во всяком случае, прошу Вас задержать картину до моего ответа, который будет немедленно по получении Вашего сообщения. Все, что Вы сообщите, будет, разумеется, между нами, т. е. далее меня не пойдет.

Что Ваши дети и Софья Николаевна?

Весь Ваш *П. Третьяков*

113. И. Н. КРАМСКОЙ — П. М. ТРЕТЬЯКОВУ

5 апреля 1875
СПБ

Многоуважаемый Павел Михайлович,

Письмо, в котором заключается какая-либо просьба, считается вообще неприятным, уж это так заведено, и я принял этот слух на веру, особенно, если человек, у которого что-либо просят, поделикатничает; к счастью, здесь этого не случилось; я этому очень рад и извиняюсь.

Деньги Куинджи я передал[1], расписку взять с него поделикатничал, а между тем уже больше недели, как он мне обещал немедленно Вам писать, и третьего дня, при встрече с ним, он ударил себя в лоб и опять обещал писать немедленно: он действительно рвется вон из Петербурга, ни о чем больше не думает, ничего не делает, и я сомневаюсь, чтобы он что-либо мог сделать и был бы способен не портить. Впрочем, при первой встрече я у него узнаю, как он думает быть с пейзажем, и когда он его кончит? На постоянной выставке портрет Левицкого я видел. портрет действительно хо-

роший, но чтобы сказать больше, я его должен видеть еще раз и специально. Этого художника я глубоко уважаю. Кстати (а может быть и нет!), недавно я случайно видел в доме графа Гулевича, на Караванной, портрет Державина, писанный Лампи [2], превосходного качества, и, как я слышал, его готовы продать.

Этюд мой «проходимца» я действительно полагаю кончить до своего отъезда, но быть ему на Передвижной не придется. Он никому не назначается, и наверное о нем ничего сказать не могу. Когда его поставлю да и поставлю ли? О портрете Кольцова я сам Вам высказывал несколько раз заключение, близкое к тому, что Вам и сказали, но переделать его я могу только в Москве, если Вам все равно.

О картине Гуна Боголюбов мне пишет из Парижа: «Гун выслал Вам картину на выставку, о которой озаботьтесь, ибо она идет чрез Беггрова — цена ей 2000 р., кличка «Попался малый» — она очень хороша и окончена, как сам наш Карл Федоров[ич], донельзя. — Давали ему здесь сейчас за нее 1500, но он не захотел, и потому я вчера отправил» [3]. Все это выписано буквально из письма Боголюбова, и потому я ни за что не отвечаю, картины еще нет, а как только придет, то немедленно будет отправлена в Москву, вы ее там увидите прежде других и будете судить сами. Я не имею об ней ни малейшего представления.

Завтра выставка закрывается [4] и отправляется в Москву. Москвичи изъявили желание выставку принять и выставить на праздниках.

Дети ничего, но третий, Марк, все еще не хорош, последствия от скарлатины очень дурные. С[офия] Н[иколаевна] так себе. Может быть, все минует благополучно.

Глубоко уважающий Вас

И. Крамской

114. П. М. ТРЕТЬЯКОВ — И. Н. КРАМСКОМУ

5 апреля 1875
Москва

Многоуважаемый
Иван Николаевич.

Не имею ответа на письмо мое, посланное на прошедшей неделе, между прочим, я Вас спрашивал о картине К. Ф. Гуна, которая по фотографии очень интересует брата моего; картина эта послана на Передвижную выставку

12 марта и потому должна бы быть давно уже получена, выставка же по газетам 6 числа закрывается. Может быть, картина Гуна вовсе не появлялась на Петербургской выставке и будет послана в Москву? тем лучше — здесь мы ее и посмотрим.

Я Вас покорнейше прошу взять под свое попечение и покровительство окончание картины Куинджи и только необходимые поправки в картине Максимова [1], в Москве на выставке Максимову не придется ничего делать, как он рассчитывал, нужно в Петербурге сделать все, что нужным найдете.

Осмеливаюсь напомнить Вам об обещанном мне рисунке [2] и прошу тоже напомнить Ивану Ивановичу.

Искренно преданный Вам

П. Третьяков

P. S. Что Ваши дети?

115. П. М. ТРЕТЬЯКОВ — И. Н. КРАМСКОМУ

7 апреля 1875
Москва

Многоуважаемый Иван Николаевич.

Я положительно надоедаю Вам своими письмами, не неприятными уже, а начисто противными, потому что в каждом из них по нескольку просьб! Куинджи выставил картину неоконченною против своей воли [1], и потому есть нравственная обязанность товарищей постараться, чтобы картина была окончена неиспорченною; но из товарищей Вы только один можете исполнить эту обязанность, да Вы, я знаю, вовсе не по обязанности, а из любви к русскому искусству готовы это сделать. Если бы была возможность Вам дозволить картину г. Куинджи окончить в Вашей мастерской (что делал Шишкин) [2],— я был бы спокоен. Я еще раз прошу Вас картины Максимова и Куинджи взять под свое покровительство.

О портрете Левицкого я спрашивал так, из любопытства, я не знаю, продается он или нет, я желал бы иметь хороший портрет его работы [3]; что же касается до портрета Державина работы Лампи, то приобретение его для меня вдвойне интересно и как портрет Державина и как хорошая работа Лампи [4] (у меня его еще нет) и потому я просил бы Вас узнать о цене и даже приобрести, если Вы найдете цену не дорогою.

Для меня интереснее бы иметь русский сюжет Гуна, эта же его картина интересует очень брата, как я уже писал, но

так как у меня Гуна ничего нет и вопрос, будет ли еще, то меня и интересовало Ваше мнение, не следует ли, может быть, *непременно* эту вещь взять в мою коллекцию? Я бы покорнейше просил Вас приказать картину Гуна[5] послать отдельно ко мне, я у себя бы спокойно осмотрел ее — на выставке я не могу смотреть как должно.

Вы знаете, меня очень интересовал Ваш этюд мужика в белом колпаке[6]; между тем я не изъявил желания приобрести его, после того как увидал его на выставке оконченным; дело в том, что когда я его там увидал, он мне показался странным, но может быть, именно это впечатление и должно быть, и оно придает еще большее значение произведению — свободен ли еще этот странный человек, и если да, то сколько бы Вы за него с меня взяли?

Помните ли Вы картину Перова «Приезд гувернантки»[7] и какого Вы об ней мнения? Она, кажется, продается.

Вот и в этом письме пять просьб, и я настолько нахален, что и не извиняюсь!

Дай бог, чтобы дети Ваши скорее поправлялись.

Ваш преданный

П. Третьяков

Квитанцию с Куинджи брать и не следовало[8].

Картину Гуна на выставку я отошлю немедленно.

П. Тр.

116. И. Н. КРАМСКОЙ — П. М. ТРЕТЬЯКОВУ

19 апреля 1875

Многоуважаемый Павел Михайлович,

Извините меня, глубокоуважаемый Павел Михайлович, за долгое молчание, и именно в такое время, когда всего скорее следовало бы отвечать с моей стороны на Ваши просьбы, как Вы их называете. Дело в том, что картина Гуна получена была в Петерб[урге] 5-го апреля, только. Этого я не знал. Когда же я после Вашего письма (от 7-го апреля) отправился к Бегрову, то узнаю, что он, ввиду закрытия Передвижной выставки, и не думал картину доставить к нам, а преспокойно отправил ее к цесаревичу, никому из нас о том не сказавши. Только теперь картину мне удалось выручить, и как Вы видите по квитанции, она уже в Москве. Судите сами. Кажется, картина хорошая, то есть написана прелестно.

Относительно Державина[1] я тоже не мог узнать раньше и только вчера видел ее превосходительство Елизавету Андреевну Гулевич (Караванная, собств[енный] дом), собственницу портрета; и узнаю, что она желает получить за него *две тысячи пятьсот* руб. серебром. После объявления такой цены я, разумеется, и не мог взять на себя никакой ответственности за переговоры относительно приобретения и сказал, что объявленную цену сообщу. Она мне показалась высока. Портрет этот во всяком случае нужно будет видеть Вам лично,— если Вы пожелаете только пополнить коллекцию ваших портретов этим.

Теперь относительно самого затруднительного пункта — окончания Максимовым и Куинджи их картин. Максимов помоему едва ли мог бы что-нибудь еще там прибавить[2], что касается Куинджи, то я не знаю, как мне быть. Вы говорите о нравственной ответственности Товарищества, я согласен, что она есть, пожалуй, но каким образом этого достигнуть? Когда я, по получении от Вас письма об этом (еще первого), сказал ему — он промолчал, а по получении последнего, увидав его на праздниках, завел об этом речь, то он очень недовольным тоном сказал: «кто же это выдумал, что она не окончена?» (тут сидел Александров). Я говорю, что Вы же сами говорили и при мне, что там неокончены небо и быки, да, наконец, во время выставки была пришпилена записочка под Вашей картиной, что она *неокончен*а? с чьего же это согласия было сделано? Вы сами видели, все время эта записка была, стало быть, нет ничего мудреного, что так об ней и отзываются; во всяком случае прошу Вас написать Павлу Михайловичу, чтобы он не беспокоился. Не знаю, что он сделал и писал ли[3], не знаю, так как я его не видал больше. Просил его также и о деньгах сообщить.

Наконец, последнее: мой этюд в простреленной шапке[4] по замыслу должен был изображать один из тех типов (они есть в Русском народе), которые многое из социального и политического строя народной жизни понимают своим умом и у которых глубоко засело неудовольствие, граничащее с ненавистью. Из таких людей в трудные минуты набирают свои шайки Стеньки Разины, Пугачевы, а в обыкновенное время — они действуют в одиночку, где и как придется; но никогда не мирятся. [...] Я их видел. Назначен он в 400 р. Вы найдете, быть может, это дорогим, но ведь я на Вас и не рассчитывал и назначил цену, что если он и уйдет куда-нибудь, так чтобы не было уж очень жалко. Всего вероятнее,— он у меня останется — и я на это рассчитываю. Не могу кончить, не заявив моего глубокого сожаления по поводу Куинджи. Еще

урок мне, потому что и я был в числе тех, которые просили его картину поставить и говоривших, что кончить можно после. Вот тебе и после! К несчастью, Куинджи такой субъект, с которым мудрено сладить. Ради бога не пеняйте на меня или даже на Товарищество (хотя Вы имеете поводы, я признаю это) за случившееся.

«Приезд гувернантки» я помню очень хорошо. В то время, когда я видел эту картину на конкурсе [5] (что было давно), я думал: как бы это было хорошо, если бы было только две фигуры: гувернантка и хозяин, пожалуй еще девчонка, будущая ученица, и только. Сама гувернантка прелестна, в ней есть конфуз, торопливость какая-то, и что-то такое, что сразу заставляет зрителя понять личность и даже момент; хозяин тоже недурен, хотя не нов: — у Островского взят. Остальные лица лишние и только дело портят, не знаю, как теперь я нашел бы эту картину. За это не отвечаю. Благодарю Вас за память о детях. Слава богу поправляются.

Глубоко уважающий Вас

И. Крамской

117. П. М. ТРЕТЬЯКОВ — И. Н. КРАМСКОМУ

13 мая 1875
Москва

Многоуважаемый Иван Николаевич,

Если Вы извинялись, что не отвечали мне несколько дней, то насколько же более я виноват перед Вами, не отвечая Вам чуть-чуть не месяц? а между прочим я должен был известить Вас о благополучном получении картины Гуна. У меня весной особенно много хлопот по случаю ежегодного торгового баланса, и кроме того, жена чувствовала себя все это время очень дурно до 3 мая; в этот день родилась у нас дочка [1]; сегодня больная моя встала с постели и теперь, надеюсь, будет поправляться. Картина Гуна по получении на другой же день была поставлена на Передвижную выставку; написана она действительно прелестно, но я ее не приобрел; ее взял мой брат [2]. Скажите, что «Перевоз через Самарку», как относительно этой вещи, по Вашему мнению? [3] Относительно портрета Державина — действительно нужно самому посмотреть, да при такой цене можно и не торопясь это сделать.

Долго ли Вы рассчитываете остаться в Петербурге? На поправление жены, надо полагать, нужно около месяца, а мне очень бы желалось, чтобы портрет ее состоялся [4].

Этюд Ваш «Мужик с дубиной» (или в «Простреленной шапке», как хотите?) приобретен в первый же день выставки моим братом (для моей коллекции).

Нет ли чего хорошего на Академической выставке? едва ли я попаду на нее — а интересно бы знать.

Надеюсь, у Вас теперь все здоровы?

Желая Вам всего доброго, остаюсь

Вашим преданнейшим *П. Третьяков*

118. И. Н. КРАМСКОЙ — П. М. ТРЕТЬЯКОВУ

13 мая 1875

Многоуважаемый Павел Михайлович,

Меня с двух сторон спрашивают: из Парижа Боголюбов и из Ревеля Брюллов, где картина Гуна и что с ней вообще? А так как я, отправивши ее к Вам, не знаю, как она дошла, получили ли Вы ее и стоит ли она на выставке, то и не знаю, что отвечать спрашивающим. Кроме того, Брюллов желает знать, продана ли она? [1].

Будьте так добры, сообщите мне это, чтобы я мог удовлетворить запросам. Памятник Пушкину [2] (вчера решено) будет исполнять Опекушин.

Извините, что не пишу ничего, очень тороплюсь.

Глубоко уважающий Вас

И. Крамской

119. П. М. ТРЕТЬЯКОВ — И. Н. КРАМСКОМУ

16 мая 1875
Москва

Многоуважаемый
Иван Николаевич.

Вчера получил Ваше письмо, но теперь Вы уже знаете и о картине Гуна из моего письма, посланного Вам в тот самый день, когда Вы свое послали. Гуна я известил по его назначению в Париж по адресу к Боголюбову о том, что картина приобретена братом, Вас же не торопился известить, полагая, что Вы все-таки узнаете о получении картины на выставку — от Товарищества. Я уже писал Вам, что весьма виноват.

Желая всего доброго, остаюсь искренно преданнейшим

Вам *П. Треть*[*яков*]

120. И. Н. КРАМСКОЙ — П. М. ТРЕТЬЯКОВУ

16 мая 1875 г.

Многоуважаемый Павел Михайлович,

Мы, кажется, писали одновременно, и как я имею в Вашем письме все ответы на то, что мне знать было нужно, то и тороплюсь отвечать на Ваши.

Портрет Веры Николаевны меня очень интересует, и я рад его сделать, у меня уже есть представление о картине, только, к моему сожалению, я не могу назначить времени моего приезда в Москву. От наследника [1] я имел 15 минут в прошлый понедельник — только. Обещал целый час в будущий понедельник 19-го мая; просто беда. Бросить же его я не могу, так как это есть единственные ресурсы, которыми я только могу располагать, с этими-то деньгами я и надеюсь осуществить свои мечтания [2]. После сеанса мне нужно еще 4 недели, чтобы кончить портрет и сдать; следовательно, раньше конца июня нечего и думать выехать. Боюсь и подумать, если что-либо случится — пропал. Правда, портрет ему нравится, так как заказал еще 2 повторения грудных, — но времени-то сколько уходит? Для Вас эта комбинация, быть может, даже выгодна, а я рассчитывал лето работать.

«Перевоз через Самарку» Гуна едва ли будет лучше написана, чем настоящая [3], так как эта очень хорошо сработана, но сюжет как будто ближе, да вдобавок с той картиной у него есть, кажется, обязательство графу Стенбоку; впрочем, наверное не ручаюсь; я помню разговор Гуна с графом, который я слышал, будучи у Гуна, что он (Стенбок) будет ждать, когда картина кончится; но быть может, это только слова и были. Гун скоро должен приехать.

Я не совсем понял, как это мой этюд куплен Вашим братом, для *вашей коллекции* (в подарок?).

На Академической выставке особенного ничего, исключая польского художника Геримского «Итальянская таверна», вещь очень талантливая, сильная, типичная, рельефная, только черна очень и тон фиолетовый, чернильный, но этот художник с будущностью. Что касается Литовченко, то уж очень глупы головы, а то ничего — старательно.

Семирадский написал вещь чрезвычайно блестящую и решительно не хуже «Грешницы», а положительно лучше, но странная публика Русская — (у нее, должно быть, много здоровых элементов) теперь на нее Семирадский не произвел впечатления, не поразил даже, а как-то скоро потерял обаяние в ее глазах, можете себе представить? говорят — глупо! поди ж ты узнай тут. Нет, должно быть, Русского человека благодаря

отсутствию в нем культуры трудно удовлетворить. Бросаются на новое и блестящее с жадностью, а отведают и не понравится — решительные невежды! То ли дело за границей, хотя там и давно такое искусство практикуется, но ему не отказывают в похвалах, а здесь не понимают. Кто же еще есть? Ковалевский? Хорошо рисует, хорошо пишет, тонко оканчивает, но оставляет зрителя равнодушным. Орловский скучен, Лемоха Вы знаете, Чижова я не люблю, а стало быть, и судить не берусь, а больше нет ничего. Впрочем, хороший пейзаж Тизенгаузена вода [4].

Видел у Боткиных Фортуни [5], за которого он заплатил 50 000 франков, что ж для коллекции оно, быть может, и нужно; написано действительно прекрасно, но... что ж тут скажешь — Фортуни.

Уважающий Вас

И. Крамской

121. П. М. ТРЕТЬЯКОВ — И. Н. КРАМСКОМУ

25 мая 1875
Москва

Многоуважаемый Иван Николаевич.

Говоря откровенно, мне на руку задержка Вас в Петербурге, хотя также откровенно говорю, что весьма сожалею о пропадающем для Вас времени для работ более интересных. Мне кажется, когда Вы отправитесь из Петербурга — как предполагали, на довольно долгое время,— то портреты Васильева, Антокольского и Шишкина следовало бы отправить ко мне [1]; зачем оставлять без себя дома лишние вещи? у меня они будут в полной сохранности, и Шишкина, так как это вопрос не решенный, положим под спуд, но так, разумеется, чтобы он не потемнел.

Теперь насчет Вашего этюда [2]. Только что открылась выставка, утром рано я первый пришел; меня встретили Перов и Маковский, веселые и довольные; вещи их [3] освещены были несравненно лучше, чем у Вас в Академии, но мне они показались в том же свете; я обошел выставку, внимательно все посмотрел и решил приобрести Ваш этюд (он поставлен был отлично), но духу нехватило испортить хорошее расположение сопровождавших меня! и вот я попросил на другой день брата приобрести этюд; но приобрел его собственно я, а не брат; мне казалось, говоря между нами, что сочтут за намеренный укол — приобретение и в Москве работы не московского художника; все это глупо с моей стороны, да что же прикажете

делать? не мог: духу нехватило! Но чего не желал я сделать — сделала судьба (ни одной вещи, кажется, не продано на выставке) и в отношении Маковского несправедливо.

Куинджи выставлен был очень плохо [4], но я не жалею о приобретении ни того, ни другого пейзажа. Шишкина картины [5] поставлены были очень хорошо и признаны были лучшими вещами на выставке. Снег на большом его пейзаже так верно написан, что уставлявшие картину замарали себе руки в снегу, т. е., виноват, неверно выразился, замараться снегом нельзя, а остались на их руках следы снега.

Фортуни не видал, но когда-нибудь увижу.

Будьте здоровы!

Преданный Вам

П. Третьяков

122. И. Н. КРАМСКОЙ — П. М. ТРЕТЬЯКОВУ

27 мая 1875

Многоуважаемый Павел Михайлович,

Не думал я, что случится мне обратиться к Вам с просьбой теперь, но делать нечего! С портретом цесаревича расчет наступит недели через три, а может быть и дальше, гораздо дальше. Ведь у них там все бумаги, да за №№, да доклады, и прочая прелесть для чающих движения, и потому, если можно, пришлите за этюд [1].

Что касается портретов Васильева, Антокольского и Шишкина, то я их вышлю вместе с вещами московских художников, которые воротились из путешествия [2]. Васильев и Антокольский Ваши уже, да, пожалуй, буду считать и Шишкина, так как при ликвидации и устройстве дел моих перед отъездом мне деньги понадобятся. Если я и отнекивался с портретом Шишкина, то только потому, что совестно было немножко... а чего? и сам хорошенько не знаю.

Зимою я получил от Вас через брата Вашего Сергея Михайловича 400 р. серебр., их я полагаю возможным засчитать за портреты Васильева и Антокольского, если Вы согласны? за теперешний этюд 400 р. (не очень Вам кажется дорого?), а за Шишкина решим в Москве; если считать так, то я, кажется, не буду состоять Вам должным; впрочем, я уверен, что Вы напишете мне прямо, если бы было какое сомнение. Говоря откровенно, я рад, что этот мужик будет у Вас; не знаю почему, но мне этого хотелось.

Дети и жена перебрались уже на дачу, а я сам здесь оканчиваю портрет; впрочем, почти ежедневно езжу к ним, так как недалеко — за Парголовым.

Извините меня за просьбу — я и сам не рассчитывал на это, и даже просил Брюллова написать в Москву, чтобы деньги за этюд удержали там до моего приезда. (Я тогда не знал, кто купил. Об этом было простое известие от Перова.)

Если я кое-что писал об Куинджи, то больше, как личные ощущения, а не с тем, чтобы вызвать в Вас успокоительные замечания для меня. Я думаю, что не буду далек от истины, если скажу: то что Вы делаете, Вы делаете обдуманно решившись, и потому я глубоко Вам благодарен за деликатное отношение ко мне, совершенно понимаю и ценю его, но мнение мое остается то же, несмотря ни на что, и Куинджи сделал дурно [3], а Товарищество нравственно остается ответственным, и хотя взыскать ничего нельзя, но это скажется в будущем.

Прошу передать Вашей супруге свидетельство моего уважения.

Искренно и глубоко уважающий Вас

И. Крамской

123. П. М. ТРЕТЬЯКОВ — И. Н. КРАМСКОМУ

6 июня 1875
Москва

Многоуважаемый
Иван Николаевич!

Спеша послать Вам деньги, я послал Вам 31 мая (письмо Ваше от 27-го я получил только 30-го вечером, впрочем, оно отправлено Вами не 27-го, а 29-го) 400 руб. в переводе на СПБ отд[еление] Варшавск[ого] банка без письма, хотел написать Вам на другой день, да до сего дня не мог никак — извините.

Если я этюд и нахожу немножко дорогим, то это все равно, на другом сойдет, т. е. с Вашими работами, полагаю, я никогда в накладе не буду, в этом я очень уверен. За портреты Васильева и Антокольского очень доволен. За решение участи Шишкина также очень благодарен. Так как предстоит отъезд Ваш, то и остаток долга Васильева сообщаю Вам; забывал все давно передать Вам, если бы получил я пейзажик лесной [1] да сепии, которые Григорович взял для школы, то долг был бы сполна покрыт [2]. Кстати, не удалось ли Вам Дмитрия Васильевича написать? [3] Хорошо бы его изобразить.

Только его нельзя долго писать, а собраться да вдруг написать.

Жена очень благодарна Вам за память. Передайте мое глубокое почтение Софии Николаевне.

Ваш преданный

П. Третьяков

124. И. Н. КРАМСКОЙ — П. М. ТРЕТЬЯКОВУ

20 июля 1875

Многоуважаемый Павел Михайлович,

Вы, быть может, удивляетесь, что обо мне ни слуху ни духу, как говорится; и не мудрено — я сам удивляюсь. А дело между тем в том, что я все время, кроме большого портрета цесаревича, занимался повторениями для него же. Они были приготовлены, но так как их нужно было довести до совершенного факсимиле, то это и потребовало больших усилий с моей стороны; это раз, второе, чего я боялся — то и случилось: расчет с конторой [1] затянулся и еще, вероятно, надолго затянется. Пропало лето! дорого обходится честь иметь дело с ними. Но положим, через месяц я и получу — это будет еще хорошо; в настоящую минуту я все же двинуться никуда не могу, так как около 14-го августа дети мои должны держать экзамен в гимназию, и для того нужно достать документы и прочее там, что еще нужно. Следовательно, время так расположилось, что я быть у Вас не могу до августа, а потому с величайшим прискорбием я Вас о том извещаю.

И так как, на основании уговора, Вам должны принадлежать вещи: Антокольского портрет, Васильева и Шишкина, то я их и посылаю все три вместе. Если бы рама Шишкина оказалась пострадавшей, то прошу извинить и поправить ее уже на мой счет, но здесь все было в исправности.

В одном из последних писем я получил от Вас расчет всего долга Васильева и его уплаты. Я и прежде это знал, и нельзя сказать, чтобы я забыл об этом обстоятельстве, а для очистки этого долга нужно было сказать об нем матери Васильева, но, сколько мне известно, ей это едва ли будет возможно, и теперь я тоже сказать об этом не решаюсь, но, признавая себя обязанным употребить усилия, чтобы все долги покойного были очищены, тем более, что у меня есть некоторые вещи от него, я прошу Вас, если это все равно, сделать расчет со мной и вычесть из следующих мне за портрет

Шишкина. А сколько следует? Затруднительный вопрос. Вот видите ли, я бы хотел, чтобы Вы мне сказали прямо, если покажется дорого? В последнее время мне делается особенно трудно назначать Вам цену. Например. Я считаю справедливым взять за него 1000 р. Много? если только это слишком, то ради бога пусть будет 800 р., если и это много, то уж спустите сами. Верьте мне, что мне будет легче, если Вы поступите совершенно свободно. Порешив, наконец, этот вопрос, я буду просить Вас, многоуважаемый Павел Михайлович, не поставить мне в вину, что я попрошу Вас выслать мне деньги, потому что я не знаю, когда я получу деньги за портрет цесаревича: быть может завтра (нет, завтра не получу), а быть может... бог знает! между тем известный припев песни: «пить, есть надо», продолжает существовать во всей силе. Что делать, извините!

Квитанцию на получение посланных вещей прилагаю при сем.

Искренно и глубоко уважающий Вас

И. Крамской

Свидетельствую свое уважение Вере Николаевне и глубоко сожалею, что до сих пор не удалось начать интересный для меня труд [2].

Пока займусь кое-что кончить из завалявшихся вещей: портрет матери жены, старушки [3], и Софию Николаевну с дочкою [4].

125. П. М. ТРЕТЬЯКОВ — И. Н. КРАМСКОМУ

31 июля 1875
Москва

Многоуважаемый
Иван Николаевич.

Простите, что никак не мог ответить ранее на Ваше любезное письмо — несмотря на все мое желание. Портреты получил неделю назад в полной исправности. Портрет Шишкина прелестный, за него назначить тысячу добросовестно, но я вообще на портреты столько трачу (в чем Вы неповинны, разумеется), что выбираю вторую цифру, т. е. 800 р., хотя, повторяю, он по его достоинству стоит тысячу и даже более; впрочем, я Вам всегда говорю, что желаю приобретать как можно дешевле, и разумеется, если вижу две цифры, то всегда выберу меньшую; ведь недаром же я купец, хотя часто и имею антикупеческие достоинства. Очень бы желалось, если бы Вы пояснили Ваше замечание: почему в по-

следнее время Вам делается особенно трудно назначить мне цену? Скажите бога ради откровенно. При сем я посылаю Вам 800 р. (Моск. пром. банка для получения из Русского для Вн. торговли банка), а долг Васильева вычту из будущего платежа. Долг Васильева такая безделица, что я мог бы и не помнить о нем и не заявлять, но я иногда, и очень часто, бываю мелочен: я желаю, чтобы за Васильевым у меня не осталось ни копейки потому, чтобы светлая память о нем не задевалась оставшимся долгом. Теперь о главном.

Жена моя до 3 июля была так себе недурна, можно бы, пожалуй, и начать и кончить портрет, но 3 июля она оставила кормить ребенка и вследствие того у ней сделалось воспаление в груди и затем лихорадка; только теперь начинает поправляться; в начале же сентября мы поедем в Крым. Вот это наше положение. Теперь Ваше как? Улетучиваетесь Вы, как предполагали, или нет и когда и как? [1] Если Вы остаетесь еще будущую зиму, то мы к Вашим услугам с 1 ноября во всю зиму, когда хотите. Если же Вы исчезаете, то до этого исчезновения я желал бы, а также и жена, чтобы Вы непременно сделали портрет, и покорнейше Вас просим исполнить это желание. Итак, добрейший Иван Николаевич, скажите же, как Вы намерены поступить? Будем ждать Вашего ответа с нетерпением. Скажите, как бы Вам было лучше и удобнее.

Как здоровье Софии Николаевны?

Желаю Вам от всего сердца всего лучшего.

Искренно преданный вам

П. Третьяков [2]

126. И. Н. КРАМСКОЙ — П. М. ТРЕТЬЯКОВУ

10 августа 1875

Многоуважаемый Павел Михайлович,

Вы ждете ответа, а я задерживаю, но это потому, что письмо Ваше я получил накануне экзаменов детей в гимназию. 4-го и 5-го они экзаменовались во 2-й класс, потом было несколько дней неизвестности, в которые мы готовились, на всякий случай, экзаменоваться в другом месте, но благодаря бога этого не случилось — дети приняты и с хорошими отметками. Итак, большое (для меня) дело окончилось пока благополучно. Я исчезаю во всяком случае, тем более, что третьего дня все кончено с цесаревичем. Я получил, что следовало, и теперь направляюсь к главному делу [1]. Однакож до 20 августа (до переезда с дачи) я пробуду в Петербурге, и в Москве раньше 25-го числа не буду. Вы же уезжаете в

Крым в начале сентября, как быть? А уж как бы мне хотелось написать портрет Веры Николаевны? Но, должно быть, не судьба. Для портрета нужно во всяком случае месяц, а взять его негде. Итак, решайте.

Отчего мне трудно стало назначать цену Вам? Да кто ж его знает, почему трудно. Для всего, вероятно, нужно известное расстояние, чтобы обнять предмет со всех сторон. Видите ли, когда в каком-нибудь деле не все известно из того, что за кулисами, тогда предполагается бог знает что, но когда дело становится открытым, тогда совестно как-то надувать публику — всякий скажет — рассказывай там! Знаем мы. Впрочем, это не то. Короче: Вы так много делаете (в самом деле) для Русского искусства, что когда я об этом думаю, то мне все хотелось бы, чтобы оно выходило бы подобросовестней... ей-богу! Ведь смешно в самом деле: человек тратит сотни тысяч на это и тут предлагается экономия в 200 руб.!... как хотите, забавно! Я вижу, впрочем, что сказать откровенно, почему мне трудно стало назначать Вам цену, для меня невозможно. Чем больше я буду стараться об этом, тем запутаннее будет выходить объяснение. Если можете удовлетвориться этим, очень рад. Мало — не взыщите, что отказываюсь. Благодарю Вас за память о семействе моем, все пока хороши.

Деньги 800 р. получил.

Искренно и глубоко уважающий Вас

И. Крамской

127. П. М. ТРЕТЬЯКОВ — И. Н. КРАМСКОМУ

12 августа 1875
Москва

Многоуважаемый
Иван Николаевич.

Тем более жаль, если не придется писать портрет, что, кроме нас, и Вы очень бы желали этого портрета. Скажите: когда наверно и каким путем Вы исчезаете из России? может быть южным? не подойдет ли Вам сделать портрет в Крыму — в Ялте? для нас это было бы удобно — как для Вас? Потом, если это не годится и если бы мы почему-нибудь не поехали в Крым (хотя, кажется, нужно будет ехать), то где бы Вы писали портрет в Москве, т. е. в городе или на даче? Какого рода помещение удобнее для работы портрета? Сделайте одолжение, поспешите ответить мне на эти вопросы; хочется перепробовать все, прежде чем отказаться от давнишнего желания.

Искренно преданный Вам

П. Третьяков

128. И. Н. КРАМСКОЙ — П. М. ТРЕТЬЯКОВУ

16 августа 1875

Многоуважаемый Павел Михайлович.

Я еду на юг, действительно, только вот как: с конца августа уезжаю из Петербурга через Москву, в Тулу к графу Толстому, и полагаю у него остановиться, так как неподалеку есть одно место для картины (старая барская усадьба) [1]. Я имею адрес от Мясоедова, где это именно находится. Там рассчитываю пробыть сентябрь, а может быть и часть октября, а затем уже, не останавливаясь, через Одессу и Константинополь к цели. Полагаю к будущей весне подняться через Италию в Париж, где и буду работать. Что будет дальше, точно не знаю. Но видно будет на месте. Это будет так, если портрет не состоится. Если же он состоится, то я работать в России, на указанном выше месте, буду меньше, а может быть, и совсем не буду, так как октябрь месяц, еще возможный для плавания по Черному морю, надобно удержать в распоряжении. Разумеется, в Крыму хорошо бы пожить и поработать, но что ж делать? мне надо от этого решительно отказаться. Кроме того, судя по Вашему письму, не решено наверное: едете ли и Вы? Итак, остается (если еще остается) конец августа и часть сентября, где работать: в городе ли или на даче? Мне, собственно, это все равно. Думаю, впрочем, что я предпочтительнее сделал бы на воздухе; но это вопрос такого рода, что он может быть решен в $1/2$ часа, но лично, а не теперь — гадательно; и опять, это будет зависеть от того, долго ли Вы остаетесь на даче? Одно условие, Вам, конечно, так же хорошо известное, как и мне, чтобы было окно одно хорошее.

Выходит, что решать окончательно вопрос о портрете все-таки приходится Вам.

Глубоко уважающий Вас

И. Крамской

129. П. М. ТРЕТЬЯКОВ — И. Н. КРАМСКОМУ

22 авг[уста 18]75
Москва

Многоуважаемый
Иван Николаевич.

Сегодня только получил Ваше письмо от 16-го (оно пришло 18-го, в день моего выезда в Кострому на фабрику) [1], а так как я сегодня же еду в Нижний и еще не видался с женой, то и не

могу ничего сказать окончательно насчет портрета; во всяком случае ведь мы увидимся же в Москве? Вы будете в конце месяца, я буду здесь из ярмарки [2] 27 числа; в Москве Вам необходимо остановиться потому, что Вас ждет Кольцов и панталоны Ивана Александровича [3], вот мы и решим, будет ли писаться портрет, а уж весьма бы хотелось, да и погода-то гонит из Москвы — вот тут и решай! Мне казалось бы, что Вы, побывавши у Толстого Л. Н., могли бы приехать к нам в Крым (я, разумеется, там буду), ведь это два шага от Одессы, и, кончив портрет, еще успели бы за хорошую погоду отправиться в Константинополь.

Глубоко преданный Вам

П. Третьяков

130. И. Н. КРАМСКОЙ — П. М. ТРЕТЬЯКОВУ

2 ноября 1875

Многоуважаемый Павел Михайлович,

Не удивляйтесь, что я не приехал в Москву и даже не отвечал Вам: у меня последний сын [1] (грудной) умирал, и сегодня только лучше ему; быть может, поправится; кроме того, дело о метрическом свидетельстве [2] еще не кончено, и когда кончится — богу известно. Я был уже у преосвященного — просил, но... тянется и только. Надеюсь, однакож, что к 14-му числу буду в Москве; до того же времени прошу Вас закрыть портрет [3] и куда-нибудь поставить подальше от взоров.

Глубоко уважающий

И. Крамской

131. П. М. ТРЕТЬЯКОВ — И. Н. КРАМСКОМУ

12 ноября 1875
Москва

Многоуважаемый Иван Николаевич.

Портрет у г-жи Гулевич я видал; вещь очень интересная, только Державин ли это? [1]. Так он далек от известных его изображений; я не мог поговорить с г-жей Гулевич, так как у ней было несколько посторонних лиц; в следующий раз опять зайду к ней. Портрет Сперанского также осмотрел; это оригинал Варнека [2], но никуда негодный по случаю варварской реставрации. У Д. В. Григоровича приобрел я портрет Я. П. Полонского раб[оты] Жодейко — довольно плохой; я в нем не разочаровался

после (потому что он и теперь еще не у меня), а заведомо покупал плохую вещь, что весьма курьезно [3]. У него же и по его предложению я взял два этюдика (из забракованных) Васильева, они с Вашего позволения могли бы пойти на окончание нашего расчета; я хотел зайти к Вам показать их, но не успел. К. Ф. Гун предложил мне приобрести эскиз Н. А. Зауервейда [4], я ему предложил за него 300 р. и послал деньги, может быть, это и дорого, но в данных обстоятельствах ничего. Я не знаю, может быть, он и другие вещи продает (поставленные на постоянной выставке), там есть этюдик Васильева, который я приобрел бы с большой охотой, если бы он стоил рублей сто, кажется, он был в продаже за эту или около этой цены. Если Вам придется быть на постоянной выставке, не взглянете ли, там есть акварель (большая) Брюллова [5] и картина Шамшина и Майкова [6]. Акварель Брюллова находится у Дм[итрия] Вас[ильевича] в комнате; он весьма желает ее продать, почему нужно смотреть ее осторожно; не подумал бы, что Вы отсоветовали приобретать — хотя я и не подал надежды на то.

Жена Вам очень кланяется и ожидает. Погода пасмурная. Будьте здоровы!

Искренно преданный Вам *П. Третьяков*

Софии Николаевне прошу передать нижайший поклон.

132. И. Н. КРАМСКОЙ — П. М. ТРЕТЬЯКОВУ

19 ноября 1875

Многоуважаемый Павел Михайлович,

Державина ли это портрет у Гулевич? Я, пожалуй, утверждать не возьмусь тоже, так как и у меня мелькнула эта мысль, когда я видел его в первый раз; но скоро в этом отношении успокоился, так как академик Грот [1] не сомневается. Относительно Сперанского — жаль. По старанию Григоровича Вы купили портрет Полонского! Я знаю этот портрет и удивляюсь. Но как это курьезно, как Вы сами говорите, то, вероятно, опасности нет, а только маленькая неприятность. Ваше положение таково, что приходится иногда делать вещи, заведомо удовольствия не представляющие, — что ж делать? вполне это понимаю, хотя и не знаю в данном случае факта. Охотно принимаю на себя ликвидацию долга Васильева, и с Григоровичем покончу. Эскиз Зауервейда я знаю — это лучшее, что он сделал, и хотя, быть может, оно и в самом деле могло (и должно бы) стоить дешевле, но я об этом узнал уже от Гуна, как об вещи конченной, что же касается Васильева карти-

ны, принадлежащей Гуну, то за нее он заплатил ровно 200 р. По получении Вашего письма я попробовал узнать, так вообще, для чего он ставит свои вещи на постоянную выставку и не продает ли их? Например Васильева? Он сказал: нет! А за Васильева я теперь не возьму 500 р., так она мне нравится. Из этого Вы можете судить, что немец непрочь извлечь выгоду. Ну и пусть. Надо подождать. Большую акварель Брюллова я знаю давно, еще во дворце Марьи Николаевны [2], это несомненно оригинал его. Месяца 2 назад Григорович мне говорил об ней и показывал; нахваливал и даже прямо советовал мне *Вам посоветовать* ее приобрести; но я, как Вы знаете, не сказал Вам ни слова. А что он теперь будет думать, что это я виноват, что Вы ее не купили, но с этим делать нечего. Он, очевидно, хотя человек и умный, но кое-чего не смекает; именно: окончательно не знает Вас. Он обо всех судит так, что всякого, особенно любителя, можно настроить как угодно, что любитель не должен иметь своих впечатлений, на то он и любитель, а что достаточно с него только повиноваться. Но здесь есть вот что еще. Акварель эта, как я узнал, была куда-то выброшена великой княгиней; Григорович воспользовался и стал говорить, что как же это так, Брюллов и проч., положим, это вещь не важная, но все же это Брюллов... Вел. княгиня и говорит: ну, так возьмите ее себе в Общество, дарю. Остальное понятно. Шамшина и Майкова не видал. Постараюсь. Но не думаю, чтобы что-нибудь важное.

Дело, меня удерживающее, принимает, наконец, форму; свидетели получили из консистории вызов дать показания, стало быть, скоро, а как? все еще нельзя сказать утвердительно, но, очевидно, не вечно будет тянуться [3].

Верьте только, что рвусь в Москву и при первой возможности буду. Впрочем, Вы будете знать вперед.

Свидетельствую свое уважение Вере Николаевне.

Уважающий Вас

И. Крамской

133. П. М. ТРЕТЬЯКОВ — И. Н. КРАМСКОМУ

25 ноября 1875
Москва

Многоуважаемый
Иван Николаевич.

В чем заключается курьез приобретения портрета Полонского, я расскажу лично, в письме сего не передашь. Мне теперь нужен предлог, чтобы можно было оставить портрет на продажу (деньги за него заплачены — 150 р. сполна) и вот

что пришло мне в голову: не сделаете ли Вы мне одолжение? Не напишете ли с Я. П. Полонского небольшой портрет [1] наскоро, напр[имер] в один сеанс? ведь писали же таким образом маляра своего, и чудесно вышло! Яков Петрович посидит с удовольствием, в этом я уверен, а у Вас все равно время задаром пропадает в ожидании окончания Вашего дела. Если можно — рад очень буду; если же нельзя — ни на минуту не затрудняйтесь отказом.

Весь Ваш искренно преданный

П. Третьяков

134. П. М. ТРЕТЬЯКОВ — И. Н. КРАМСКОМУ

6 декабря 1875
Москва

Многоуважаемый
Иван Николаевич.

У Вас открыта выставка И. К. Айвазовского [1]; скажите, пожалуйста, Ваше мнение: есть там что-либо следуемое приобрести, т. е. такой экземпляр, который дополнял бы его в моем собрании? Дело в том, что мне нужно будет приобрести у него что-нибудь (почему — сообщу лично, — уж, разумеется, только не за долг!) [2], и вот я опять беспокою Вас. Если возможно, напишите поскорее и не очень браните меня.

Глубоко уважающий Вас

П. Третьяков

Жена кланяется Вам.

135. И. Н. КРАМСКОЙ — П. М. ТРЕТЬЯКОВУ

10 декабря 1875

Многоуважаемый Павел Михайлович,

Картины Айвазовского я видел, и решительно ничего не могу сказать что-нибудь, так как я, вероятно, не понимаю их достоинств, одно я вынес из обзора их, что Айвазовский, вероятно, обладает секретом составления красок, и даже краски самые секретные; таких ярких и чистых тонов я не видал даже на полках москательных лавок. Все 18 картин (поставленные под 13 №№) до такой степени выходят из круга моих понятий, что если уже нужно брать что-либо из этих коллекций, то надо

сделать 13 билетов по №№ и, зажмурившись взять какой-нибудь — ошибки не произойдет, наверное, Вы вынете самый лучший №. Извините ради бога, что я так выражаюсь, но я в самом затруднительном положении. Отыскать, что именно есть лучшего в теперешней коллекции Айвазовского, очень мудрено, и я бы дорого дал за то, чтобы видеть подобного храбреца, особенно если он докажет, почему выбранная им картина будет лучшая или наиболее новая. Очень бы был рад служить Вам, но в настоящем случае не в силах. Полонского портрет уже есть. Заказать ли раму? Что же касается моего дела [1], то мне приходится петь ту же песенку, какие обыкновенно пелись блаженной памяти старым судам. Скоро кончится: свидетели уже спрошены, остается... остается кончить. Конечно, я бы мог чудесно уже кончить портрет [2], прожив 2 месяца в Москве, но... что же делать? со дня на день жду и конца не вижу. Министр Толстой [3] обещался наконец, но что будет и когда, не знаю.

Прошу передать Вере Николаевне свидетельство моего глубокого уважения.

Уважающий Вас

И. Крамской

136. П. М. ТРЕТЬЯКОВ — И. Н. КРАМСКОМУ

13 декабря 1875
Москва

Многоуважаемый Иван Николаевич.

Картины Айвазовского, вероятно, те самые, которые я видел у него в Феодосии и о которых я Вам сделал отзыв, почти тождественный с Вашим; там я ничего не выбрал, и полагая, не сделал ли он что-нибудь новое (что иногда, хотя и очень редко, бывает), — спрашивал Вас, и очень Вам благодарен за Ваше сообщение. Придется как-нибудь постараться извернуться. Вот видите, какой молодец Дм[итрий]: Вас[ильевич]? не он бы — так и не было бы портрета Полонского Вашей работы! [1] Весьма благодарен Вам. Насчет рамы, как найдете удобнее, заказать ли ее в Петербурге или здесь, мне все равно, нужно же ее делать здесь, то если не затруднит Вас, можно заказать в Петербурге. Относительно портрета жены мне одного жаль, что не писали его тотчас по нашем приезде: колорит лица был совершенно летний, загорелый, и это продолжалось почти месяц, теперь же уже перешел на зимнее положение. Так как Вы теперь все еще не у дел, то нет ли, может быть, в Петербурге г-жи Хвощинской (псевд[оним] Крестовский) [2], право, следовало бы сделать ее портрет! Адрес ее известен в

ред[акции] «В[естника] Европы», т. е. у Стасюлевича [3]. Все мои предложения в случае малейшей их неподходящности — херьте без церемонии.

Будьте здоровы! Жена Вам кланяется, а от меня прошу передать поклон Софии Николаевне.

Глубоко преданный Вам *П. Третьяков*

137. И. Н. КРАМСКОЙ — П. М. ТРЕТЬЯКОВУ

17 декабря 1875

Многоуважаемый Павел Михайлович,

Не удивляйтесь, если встретите «Биржевые ведомости» 16 декабря, где есть статья Александрова об Айвазовском, и прочтете насчет лотерейных билетиков [1]. Удивительно, до чего я становлюсь особа — мои выражения, сказанные как-нибудь случайно, попадают в печать. Не знаешь, как и быть. Положим, Александров не знал, о ком шла речь — я сказал просто Клодту, в то время сидевшему у меня, тут же был и Александров, сказал это ни к кому не относя, а он и подхватил. Пусть бы уж было стоящее выражение, а то и того нет. Стараюсь быть осторожным, а выходит все-таки не осторожно. Положим, дело неважное, а все-таки неприятно; уж и так много желающих указывать пальцами, а тут подтверждение слухов выходит! [2] Что касается Хвощинской, постараюсь: я теперь почему-то расписался. Она часто бывала (когда приезжала) у Никитенко, с дочерью которой она дружна; я ее видел, познакомился и, если только она здесь, напишу. Скоро буду у Никитенко. Так как праздник пробуду здесь, то и Григоровича кончу [3]. Полонский вышел недурен (жена говорит), может, такой же, как Гун [4], может, получше, а может, и похуже. Увидите сами. Но так как художник не может не попросить денег при всяком удобном случае, то так и я, не успел кончить, как уж — пожалуйте! Дело в том, что я свои капиталы (капиталы!!) перевел на имя жены на двухлетний бюджет, то и нахожусь от нее в зависимости, что свободному художнику несколько неприлично, а тут надвигается елка, то... и т. д. и т. д.; словом, если за Полонского (еще ничего не видя) будет недорого *триста* руб., то я буду очень благодарен Вам за этот подарок к празднику.

Что касается цвета лица Вашей супруги бывшего и теперешнего, то Вы не поверите, как это мне прискорбно, уж разумеется, я мог бы писать по приезде Вашем и, может быть, кончил бы, если бы я был пророк и знал, что со мною будет поступлено таким невероятно скверным образом.

Свидетельствую Вере Николаевне мое глубокое уважение.
Искренно и глубоко уважающий Вас

И. Крамской

138. П. М. ТРЕТЬЯКОВ — И. Н. КРАМСКОМУ

20 дек[абря 18]75
Москва

Многоуважаемый
Иван Николаевич.

Я уезжал из Москвы и опять дня на два уеду. Хорошо, что письмо еще во-время получено мной, чтобы прилагаемые 300 р. не запоздали к Вам. Вы спрашиваете так деликатно деньги, которые вправе требовать! я Вам весьма благодарен.

Обещанию написать Хвощинскую — сердечно рад.

Что выражение Ваше попало в печать случайно и что покупатель не был назван, я и не сомневался, но, впрочем, если бы и нет, что за беда! но я пожалел,— когда прочел о том, — что Вы еще лишнего недоброжелателя можете получить в лице разбираемого художника [1], так как семья петербургских художников так невелика, что можно всегда догадаться (по крайней мере мне так кажется), кто как способен выразиться и чьему выражению придадут значение.

На празднике сбираюсь к Вам.

Будьте здоровы!

Искренно преданный Вам *П. Третьяков*

139. И. Н. КРАМСКОЙ — П. М. ТРЕТЬЯКОВУ

22 декабря 1875

Многоуважаемый Павел Михайлович,

Перевод на триста рублей получил и очень Вас благодарю. Хвощинская здесь не была с тех пор, как я с нею познакомился, т. е. года три назад, и не будет. Дочь Никитенко в постоянной переписке с нею и знает это хорошо; она живет постоянно в Рязани, и если Вы желаете, я съезжу туда, а до тех пор я просил С. А. Никитенко написать Хвощинской, «так, мол, и так, как Вы об этом думаете?» Слава богу — дело наконец кончено! и завтра выдадут свидетельства [1]. Просьба уважена.

Уважающий Вас

И. Крамской

Вере Николаевне кланяюсь.

1876

140. И. Н. КРАМСКОЙ — П. М. ТРЕТЬЯКОВУ

19 февраля 1876
четверг. Рязань

Многоуважаемый Павел Михайлович,

Поручение Ваше я исполню [1], но на условиях, для Вас не выгодных. Портрет останется здесь у Хвощинской впредь на неопределенное время, в противном случае я должен был бы воротиться в Москву на другой день. Может быть, это было бы и лучше?

Вышло так, что я работаю. Надеюсь завтра кончить, а может быть, захвачу и субботы. Вот бестолковое письмо!

Уважающий Вас

И. Крамской

141. И. Н. КРАМСКОЙ — П. М. ТРЕТЬЯКОВУ

7 апреля 1876
СПБ

Глубокоуважаемый Павел Михайлович,

По изменившимся обстоятельствам я чрез Москву не поеду. Из достоверных источников я узнал, что на Востоке теперь такое напряженное время [1], что ехать туда не совсем безопасно, и быть может, чрез какой-нибудь месяц вспыхнет пожар; а потому я еду чрез Вену, прямо в Неаполь.

Мне крайне прискорбно, что не придется самому покрыть портрет [2], но ввиду изменившегося маршрута простите мне невольную неисправность; и прошу Вас поручить кому-либо благонадежному человеку исполнить эту обязанность. 2 флаконов копалового лаку, с прибавлением $^1/_3$ скипидару или немного более (только не доводя до $^1/_2$, а то будет жидко), будет достаточно. Если Вы пропустите еще дня 3—4, беды не будет, чем неторопливее покроете, тем лучше; и прибавлю еще одно заме-

чание; покрывать надобно стараться сразу, чтобы не проводить по одному месту несколько раз.

Я уехал бы уже сегодня (в среду), но нужно же, чтобы меня преследовало несчастье так настойчиво — на другой день моего приезда [3] Марк захворал; у него последствия скарлатины,— опять отделение белка. Сегодня узнаю, есть ли опасность или нету; если нет, то еду завтра, если же она есть, то, вероятно, останусь. Ведь это ужасно! что Вы на это скажете? Не правда ли, что меня преследует злой рок, как выражались древние трагики.

Выражаю мое глубокое уважение Вере Николаевне, детям всем поочередно до Машеньки включительно шлю свой привет и сожаление, что не увижу их, а также всем Вашим низко кланяюсь.

Глубоко уважающий Вас

И. Крамской

142. П. М. ТРЕТЬЯКОВ — И. Н. КРАМСКОМУ

9 апреля 1876
Москва

Многоуважаемый Иван Николаевич.

Так как письмо это едва ли застанет (и дай бог, чтобы не застало) Вас в Петербурге,— то постараюсь написать Вам как можно покороче. Что не пришлось еще раз увидаться с Вами перед отъездом, очень неприятно, тем более, что никак не ожидали сего; хотя и на очень короткое время, но ожидали Вас с нетерпением. Портрет покрыть лаком необходимо, хотя и очень не хотелось бы так рано покрывать; он пожух до невозможности, так что поставлен лицом к стене, а любопытные все пристают посмотреть; завтра покрою его, но боюсь, сумею ли? а поручить кому-либо еще более боюсь. После Вашего отъезда нашел птичку совершенно по-моему лишнею [1], но теперь уж судьба ей оставаться. Не примите Вы это за сетование или вроде того? нисколько! покрою портрет с удовольствием (только бы не испортить), а за лак и работу с Вас получу.

По-моему — слава богу — рок злой Вас вовсе не преследует! а так все это в порядке вещей: раз есть семья, то постоянно жди и жди препятствий к исполнению самых неотложных предприятий, и потому, если кто может ради идеи все другое самое близкое сердцу отодвинуть на второй план,— пользуйся первой удобной минутой и не оглядывайся. После Вас был Мясоедов, было несколько интересных или курьезных статей в газетах; я все откладывал, чтобы показать Вам. Если Вы еще

не уехали, прочтите в мартовской кн[иге] «Отеч[ественных] запис[ок]» Щедрина прод[олжение] Благ[онамеренных] р[ечей] о «Иудушке»[2]. Огромный талант! До настоящего времени я его считал только прекрасным сатириком и даже, замечая повторение одного и того же, некоторое время не все читал даже, теперь же после таких типов, как Иудушка и маменька, да и вообще — мастерского рассказа, я его ужасно высоко ставлю и вперед не пропущу ни одной статьи его. Еще более сожалею, что нет его хорошего портрета.

В такое короткое время Машинька наша ужасно переменилась: начинает ходить и очень повеселела; первое время, когда спрашивали, где Ив[ан] Ник[олаевич]? — быстро показывала на пустой Ваш стул и потом в негодовании отворачивалась, теперь же совсем не отвечает! Прочие все, как были, без перемены, и очень Вам кланяются. Верочка[3] очень жалеет, что обманулась ожиданием и очень Вам кланяется. Позвольте заочно поцеловать Вас и пожелать счастливого пути и всего, всего доброго. Софии Николаевне прошу передать нижайший поклон.

Вам глубоко преданный *П. Третьяков*

На днях в обзоре выставки Академической[4] сказано, что лучший пейзаж Орловского (на выставке) приобретен будто мною. Эк они разоврались-то!

Как можно берегите себя в дороге.

143. И. Н. КРАМСКОЙ — П. М. ТРЕТЬЯКОВУ

апреля 23 пятница 1876 г.
Рим

Многоуважаемый Павел Михайлович,

Пишу к Вам из Рима, чтобы не было никакого сомнения, что я действительно уехал. Здесь я уже 4 дня как живу и даже успел составить заключения, быть может, далекие от истины, но без которых я никогда не обхожусь. Во 1-х, Италия (а Рим в особенности) не произвела на меня никакого впечатления, за исключением переезда чрез Апеннины. Венецию я проезжал ночью, да и к Риму я тоже ночью подъезжал, но сколько я слышал, его окрестности (т. е. я называю на расстоянии 50 верст) непривлекательны. Я не говорю об известных Альбано и других (где я еще не был), а вообще. Самый Рим мне не понравился, за исключением некоторых древностей, и художники, остающиеся здесь для жизни (а не по необходимости), попадают из умственного центра (говоря относительно) в тру-

щобу, даже не на рынок. Хотя тут и много иностранцев. Правда, собрание старых мастеров, в разных Палаццо, как Боргезе [1], Колонна [2], Барберини [3],— удивительны, но основы искусства теперешнего, особенно у большинства находящихся художников здесь, до того различны, что решительно все равно, есть ли здесь эти образцы или нет. Мимо Аполлона в Ватикане [4] и бюстов древнего Рима проходить равнодушно нельзя, и если подумать только, когда все это было, то становится грустно. Говорить же о здешних новостях художественных я не могу, так как видел немного (в мастерских), и, исключая двух-трех русских, ни у кого не был. Видал картину Семирадского «Христианские светочи» [5] (об которой судить не умею), а если бы и взялся, то, вероятно, был бы пристрастным и несправедливым; скажу только, что картина эта представляет наибольшую сумму его достоинств и наименьшую недостатков, а стало быть, картина должна быть хороша. Что касается Антокольского, то и тут мне, вероятно, помешает что-нибудь. Его Христос [6] меня не совсем удовлетворяет, скажу больше — он не согласован в форме относительно его (Антокольского) идеи, а самая идея для меня не симпатична, но за что я порадовался, так это за новую его статую «Смерть Сократа» [7]. Эта вещь производит глубокое и серьезное впечатление, а исполнение ее оставляет за собой все им до сих пор сделанное. Можно сказать даже, что во всей Европе до такой высоты подымались немногие за последние десятилетия. Выходит, стало быть, что дело вовсе не так плохо, как я отозвался вначале, но, несмотря на это, Рим смотрит все-таки мертвецом; самые же итальянцы мне крайне не нравятся. Прочие русские художники, живущие здесь постоянно, своими разговорами об искусстве навели такое на меня уныние, что я думаю с удовольствием о том времени, когда покину и Рим и Италию. Проездом в Вене я видал две выставки, нечто вроде постоянных, и те на меня не произвели хорошего впечатления, главным образом отсутствием какого-нибудь сильного или хотя бы и не сильного напряжения чувства или мысли. Есть много живописи, но мало веских внутренних качеств. Словом, как видите, я разыгрываю роль Русского человека, попавшего за границу и оценивающего все явления со своей провинциальной точки зрения. Худо ли это или хорошо, я не рассуждаю теперь, а сообщаю общие впечатления. Между прочим, по дороге вспоминая встречи, не могу умолчать о М. П. Боткине, который интересовался узнать, заказали ли Вы мне портрет А. Толстого и буду ли я его делать. Я сказал, что теперь отказался, а за будущее не поручусь. Вероятно, рассчитывает сделать на Вас нападение. Он завтра выезжает в Россию через Париж. На днях, т. е. дней через

5, еду в Неаполь и Помпею, где что-нибудь поделаю. Писать ко мне, не знаю куда, но, вероятно, воротясь из Неаполя, найду все письма, которые ко мне будут адресованы (оставить до востребования на почте.) Адреса не имею, а как птица небесная, живу совсем странно, день всюду, прихожу в отель только на ночь заснуть. По выезде из России нахожусь, кроме того, в каком-то смутном состоянии, точно я сделал что-то дурное, в чем-то, перед кем-то виноват, и не знаю, скоро ли минует это состояние, но оно нехорошее. Вот пока отчет всего мною виденного, что дальше будет — узнаете, сообщать буду от времени до времени; а теперь прошу Вас передать мое искреннее и глубокое уважение и привет Вере Николаевне, детям шлю также поклоны поочередно, а об Маше сожалею, что имеет теперь такой уже ветреный характер и забыла меня в течение недели. Немного же... Остальным членам Вашего семейства Вы, разумеется, передадите, что я их помню хорошо и низко кланяюсь.

Искренно и глубоко уважающий Вас

И. Крамской

144. П. М. ТРЕТЬЯКОВ — И. Н. КРАМСКОМУ

5 мая 1876 г.
Москва [1]

Многоуважаемый Иван Николаевич.

На днях, выезжая из Петербурга, я был немножко недоволен, что там уже многие знают, где Вы и что статуя Антокольского понравилась Вам, а я совсем ничего не знаю,— возвратясь сюда, нашел Ваше письмо из Рима. Я воображал, что Вы, минуя Европейскую Турцию, едете через Италию все-таки в Иерусалим. Но теперь мне кажется, Вы туда не едете, да и поздно, лучше осенью или на зиму туда поехать, тогда и болезней не бывает, да и волнение, может быть, поуляжется [2], а поехать следовало бы, ах, как следовало бы, меня бы, кажется, ничто не удержало. Рим скучен, совершенно согласен с Вами, но чрезвычайно интересен. Жить в нем не согласился бы, но побывать несколько раз желал бы впрочем. Я его знаю прежним, папским. Что скульпторы живут там, это я очень понимаю, но живописцев постоянно живущих — совершенно не понимаю. Действительно, если подумать, как давно сделаны те образцы искусств, которые главным образом привлекают в Рим, и посмотреть, что теперь делается (за весьма малым исключением), то делается не особенно весело. Я почему-то так и думал, что Сократ выйдет хорошо у Антокольского, и почти был уверен,

что «Христос» не удовлетворит Вас, не потому, что Вы сам автор «Христа», а потому, что видел фотографию со всех трех сторон, и со всех трех остался холоден; мне говорили на это, что фотографии совсем не передают оригинал, ну я и верил пока. Странно, почему такого шума наделал «Христос» и мало слышно о «Сократе». Даже некоторые восторгавшиеся «Христом» не одобряют «Сократа». Очень странно. В Италии есть еще один хороший скульптор, забыл его имя, на Венской выставке была его статуя «Оспопрививатель» [3]. Вы говорите о «Светочах» Семирадского, а ничего о «Нероне» [4], опять странно. Разве написал Боткин портрет А. Толстого [5], что Вы думаете, он нападет на меня, разве стороной, а прямо не нападет.— В Петербурге Академическая выставка как выставка, все обстоит благополучно. Я там, т. е. на Академической выставке, ничего не приобрел. На Передвижной я сделал следующие перемены: картинку Брюллова и лавочку Васнецова не взял, а вместо их приобрел «Весну» (пейзажик) Брюллова и «Перемену квартиры» Васнецова [6]. Эти обе вещи мне понравились. Из уважения к моей болезни мне, кажется, простили это переселение. Максимов переписал голову дальнего мужика и испортил по-моему [7]. Из Ваших портретов мне очень понравился Дьяконов [8], это по *живописи* по-моему лучший из всех Ваших портретов. Пока не вспомню, что бы еще написать Вам. Жена и дети очень кланяются Вам и желают всего хорошего. Будьте здоровы. С нетерпением будем ждать новых весточек.

Глубоко преданный Вам

П. Третьяков

145. И. Н. КРАМСКОЙ — П. М. ТРЕТЬЯКОВУ

7 мая 1876 г.
Неаполь

Многоуважаемый Павел Михайлович,

Я в Неаполе, на большой станции. Завтра еду в Помпею. То, что я нашел здесь в музее [1] из древностей, чрезвычайно интересно и представляет жизнь древних с удивительною наглядностью. Уже дорога из Рима мне стала нравиться, а чем ближе к Неаполю, тем интереснее,— сам же Неаполь с окрестностями и бухтой, вероятно, один из красивейших уголков земного шара. По крайней мере мне очень понравился, и город чрезвычайно оригинальный, именно оригинальный, и будь я космополитом, я бы для жизни выбрал Неаполь. [...] Перед выездом из Рима я еще был в студии Антокольского и еще раз

порадовался на «*Сократа*». Очень хорошо! Кроме того, видел из мрамора и Грозного и Христа, вещи конченные. Грозный мне показался даже лучше гипсового, Христос же напротив. Впрочем, я и не особенно останавливался — вижу — кончено! ну и пусть их, а Сократ хорош, и не столько голова (хотя и голова хороша), сколько весь. Мы в один день выехали из Рима (5-го мая), он на север, я на юг. Встретил я здесь в Неаполе вывеску на via S-ta Lucia «Беляев», захожу — кораллы. Я отчасти обрадовался и вспомнил своих, думаю, вот я шляюсь (так сказать) по Неаполю, попираю тысячелетнюю почву, в виду моем чудеса природы, а мои дорогие, там, далеко на севере, дай сделаю хоть какую-нибудь память, куплю кораллов, и купил, и послал! Здесь должен быть Гун, он поднимается, бедный, как-нибудь на лето, из Сицилии, едва дышит, постараюсь отыскать. Семирадский выставил свою картину в Академии С. Лука, но итальянцы готовы хвалить так, даром, а за франк смотреть ее не желают, по 10—20 чел. бывают, не больше. Оказывается, что я наполнил письмо чем попало. По крайней мере хоть прибавлю свое приветствие В[ере] Н[иколаевне] и благодарность за туфли — очень хорошо служат — жать перестали.

Уважающий Вас

И. Крамской

146. П. М. ТРЕТЬЯКОВ — И. Н. КРАМСКОМУ

Москва
23 мая 1876

Многоуважаемый Иван Николаевич.

Получив Ваше письмо из Неаполя от 7 мая, я раздумывал, куда бы Вам написать, так как совершенно не видно, куда и когда Вы направитесь (в Рим я послал Вам одно «poste restante» *), и вот сейчас получаю Ваше от 28 мая, также из Неаполя, но только я не 21 день раздумывал, потому что первое письмо помечено стар. стиля, а второе новым, значит Вы акклиматизировываетесь (вот словечко-то: напиши поразгонистей — целая строка выйдет!). Так как Вы направляетесь в Париж, то и пишу Вам туда, также poste restante, хотя писать совершенно нечего, так как, на одном месте сидя, нового ничего не увидишь, а услышишь то, что Вы уж знаете. Неаполь мне не особенно нравился, но Музей его чрезвычайно интересен, а окрестности очаровательны. Из Вашего письма видно, что мы,

* До востребования.

вероятно, в скором времени удостоимся посещения Марка Матвеевича[1]; очень приятно! но еще приятнее бы вместо него увидать «Сократа», если это произведение так серьезно, что может быть в состоянии привести человека в веселое расположение, то, наверно, во всяком случае менее, чем разговоры этого нашего даровитейшего художника. Не люблю я кораллов вообще, а в особенности не терплю ручки для перьев и разного рода брошки, браслеты и тому подобн., но в одном виде очень уважаю их: это бусы или ожерелье, не знаю, как называются, только на шее — не скажу хорошенькой, а даже всякой недурной женщины — чрезвычайно красиво, в особенности к белому платью очень идет! Вот если Вы Софии Ник[олаевне] и Соничке[2] их купили, поздравляю. Нигде так много не продают всякой дребедени художественной и антихудожественной, как в Италии [...]. Что Гун, встретили Вы его? работал он что-нибудь или уже совсем покончил с живописью. Сделайте одолжение, посылайте ко мне кого угодно, это меня нисколько не стесняет. Для торгового дела этот господин, разумеется, не годится, может быть для школы глухонемых, да едва ли[3]. Верочка очень рада, что туфли ее не служат ненужною мебелью, таскаемою за собой из приличия, а действительно действуют и даже без боли. Как хорошо, что Вы не попали на Восток, пожалуй, немножко подрезали бы, впрочем, в Иерусалиме не думаю, чтобы была опасность. Был Султан Азиз[4], и нет его! Бедный Айвазовский![5] очень жаль его, если он не успел сдать все заказанные ему картины. Говорят злые языки, что Ив[ан] Конст[антинович] вместе с другими содействовал разорению султана; другие же говорят, что прежде султан весьма от дел отвлекался только произведениями природы в прекраснейшем ее проявлении, но познакомившись с произведением нашего гениального художника, он был поражен совершенно новою, не знакомою ему морскою стихиею: почасту и подолгу смотрел на это море, сравнивал его с тем, которое привык видеть; не находя положительного сходства, старался более изучить то и другое; потому нельзя же так оставить: великий художник не может же быть не прав, пиша не то, что есть на самом деле? может быть, и действительно природа должна бы быть такая, как он изображает? т. е. так сказать исправляет природу? и вот эти-то еще новые заботы совсем сбили с толку повелителя правоверных и довели до катастрофы. Впрочем, мало ли что говорят, всего не переслушаешь.

Как Вам известно, я довольно часто получаю курьезные предложения.

Доктор Писецкий[6], быв при Китайской нашей экспедиции,

намалевал акварелью (почти по-детски) до 300 разных изображений и выставил в Академии; встретившись там с ним случайно, т. е. в Академии, он спросил меня, как я нахожу его коллекции? я, разумеется, отвечал в общих словах, что очень интересно. На другой день опять встречаю, и он говорит, что очень рад, что пришлось встретиться, так как он желал нарочито увидать меня, чтобы узнать, приобрету ли я его коллекцию? Ив[ан] Петр[ович] Пожалостин[7] в длинном письме предлагает приобрести его портрет работы Харламова, излагая, что он хлопочет не из интереса, а главным образом, чтобы увековечить свою личность в моей «знаменитой» коллекции, цену назначает 5000 франков — прибавляя, впрочем, что если я найду дорогою, то готов и уступку сделать.

Ну уж извините уж, что уж слишком уж расписался. Будьте здоровы, крепко жму Вашу руку, Верочка, дети и все наши очень кланяются.

Глубоко преданный *П. Третьяков*

147. П. М. ТРЕТЬЯКОВ — И. Н. КРАМСКОМУ

30 мая 1876
Кунцево

Многоуважаемый Иван Николаевич.

Я Вам писал два раза. В Рим и в Париж «poste restante», последнее ровно неделю назад. Мог ли я предполагать, что в то самое утро, когда я глупо подшучивал над бывшим султаном, этот несчастный варварски убивался, приготовлялся затем к освидетельствованию и, наконец, освидетельствовался 19 врачами. Зачем потребовалась непременная смерть несчастного Абдул-Азиза — не понимаю! Нового султана он признал и от своих прав отрекся; деньги, которые он скопил, вероятно, были отобраны или могли бы быть отобраны и у живого; восстановлять его права ни одна держава не стала бы, а без поддержки один он не был бы в состоянии ничего сделать, если бы и вздумал, неужели потому, что учение пророка рекомендует упразднение одного калифа, если почему-либо их является два? И эту-то варварскую, невозможную в Европе нацию отстаивает свободнейший и просвещеннейший народ! Да и самое убийство Абдул-Азиза устроила Англия, потому что в Турции не только теперь делается то, чего желает Англия, а и желают только того, чего угодно пожелать этой последней,— может ли же быть, чтобы павший султан был задушен без согласия соотечественников великого Шекспира? Да и новый султан (говорят, чрезвычайно образованный человек)

страстный поклонник великого английского писателя, ну вот и применили искусство к делу! А ведь отличный сюжет для живописцев, а пожалуй, и для скульпторов: — «Царь царей, сознавая ничтожество всего на земле, перерезав жилы на локтевом сгибе одной руки, этой перерезанной разрезает другую руку». Сколько экспрессии может быть в голове и во всей фигуре? Какая правда! и какая драма! Ножницы не какие-нибудь попались, а хирургические — молодцы! Бог знает, что теперь делается и что из всего этого выйдет. Очень жаль, что Вам не пришлось поехать зимой в Иерусалим. Бог знает, скоро ли теперь придется туда пробраться.— Я ожидаю от Вас известий из Парижа о настоящей выставке, да и вообще материалу для художественных заметок, вероятно, много представится там,— не откажите поделиться впечатлением.

У нас стоит чудная погода, вот уже другая неделя я живу в Кунцеве безвыездно и еще проживу так недели две, а там опять каждый день в Москву буду ездить.

У нас все здоровы и все Вам кланяются. Будьте Вы здоровы.

Искренно преданный Вам

П. Третьяков

148. И. Н. КРАМСКОЙ — П. М. ТРЕТЬЯКОВУ

6 июня 1876 г.
Париж

Многоуважаемый Павел Михайлович,

Извините, что замедлил ответом на Ваше письмо, которое исправно получил 4 дня тому назад. Я в Париже, успел уже несколько осмотреться и могу кое-что из наблюдений своих даже сообщить.

Начну с ближайших интересов — искусства. Наши пенсионеры Репин и Поленов меня не обрадовали, да и сами они не радуются в Париже — и тот и другой уезжают скоро (в июле) в Россию — что везут — увидите [1]. Что касается Репина, то он не пропал, а захирел, завял как-то; ему необходимо воротиться, и тогда мы опять увидим прежнего Репина. Все, что он здесь сделал, носит печать какой-то усталости и замученности; видно, что не было настоящего интереса в работе; Поленов же находился еще в потемках и недостаточно проснулся, притом, так как он плохо учился, а может быть, и не мог лучше, то все сделанное им — почти слабо; в колорите же он несколько успел. Савицкий не двинулся ни на волос и тоже уезжает, говорит, что Россия ему даст теперь

то, что он ищет. Все ищут! но мало обретают — общая участь. Харламов... впрочем, я завистлив и потому несправедлив, так Вы и принимайте. Портрет Тургенева [2] в «Салоне» [3] мне не понравился, может быть потому, что он в «Салоне»; мне показалось, что Репина портрет [4] не так уже дурен, каждый в своем роде имеют достоинства и недостатки и один другого стоят. Маковский (Конст[антин]) дебютировал в «Салоне» своим «перенесением ковра» [5] и... обиделся, что его не заметили. Мне кажется (а может быть я и ошибаюсь), что никто здесь из русских не догадывается о настоящей причине, почему их не замечают, они даже как будто не понимают этого, все говорят в один голос, что это потому, что слишком уж велика численность экспонирующих. — Это справедливо только отчасти, настоящая же причина лежит в другом месте. В «Салоне» обращает на себя внимание или что-либо дерзкое до неприличия с какой-нибудь стороны: со стороны ли сюжета, или живописи, или абсурда (это и заметят как таковое), или действительная правда, или даже попытка к ней. И как мал процент последнего — так это удивительно! Признаюсь, не ожидал. Мне сдается, что все принимают дробь, например $^{1570}/_{3000}$, большей, чем $^{1}/_{2}$, потому, что там цифры больше; а не догадываются привести их к одному знаменателю, перевес оказался бы не так велик. Во всем «Салоне» в числе почти 2000 №№ наберется вещей действительно хороших и, пожалуй, оригинальных 15, много 20, остальное хорошее 200 №№ будет все избитое, известное и давно получившее право гражданства, словом, пережеванное, — это обыкновенный европейский уровень — масса. Остальное плохо, нахально, глупо или вычурно и крикливо; скульптура — на высокой степени техники, движений тьма (театральных), но нерва не заметил. Говорят, что варвары и провинциалы все ругают, когда попадают в столицу; это правда вообще, но неправда относительно меня — так как я только в 1-й раз еще говорю и ругаюсь и то в письме к Вам, а здесь веду себя прилично, и даже скромничаю, все нахожу прекрасным, и всем восторгаюсь — словом, подличаю. Встретил Верещагина, потолковали, чайку попили, позавтракали и разошлись довольные друг другом. Он пишет какие-то картины огромного, колоссального размера, для которых, как он говорит, нужны будут площади, обещался сказать, когда будет можно видеть [6]. Напишу, если увижу. Говорят, Бона [7] написал портрет дочери Полякова [8] — удивительный... за... за, не выговоришь... за 200 000 франков! умиляюсь и завидую! Вот что значит Европа — т. е. Париж. Все в один голос говорят, что портрет превосходный... т. е. фигура, платье, рельеф... колорит и... похожа? да, конечно,

похожа! не видал, но завидую; говорят также, что его «Борьба Иакова с богом», находящаяся в «Салоне», тоже вещь... удивительная... видел, но не понял! т. е. не удивился. Знаете, как-то странно видеть сияющие лица и восторженные возгласы — вещам — когда только что видел Веласкеза [9] в Риме — «Портрет папы» и Рибейра [10] «Положение во гроб» в Неаполе в монастыре с.-Мартино. Странные люди, странное время! а что тут говорят по поводу портретов Каролюс Дюрана [11], который в настоящее время в Петербурге и выписан — Половцовым [12], говорят, что косвенно для снятия портретов с лиц высокопоставленных. А мастер, и талантлив — говоря по совести; Вы, вероятно, его знаете, т. е. работы его. Но все же таки опять немножко рискованно считать альфой и омегой — теперь, когда 300 лет тому назад было кое-что. Здесь, я вижу, крепко засело убеждение в том, что в Париже теперь есть настоящее величие. Ну, и пусть их! Хорошего много, учиться есть чему (хотя с разбором), самолюбие и жажда денег делает всех лихорадочно трудолюбивыми, но... право же, не стоит заниматься искусством, чтобы доказать, что можно кистью ворочать миллионами — слишком дорогая игрушка! Никому нет дела до целей и задач искусства... да и где они, эти цели и задачи? не верят им больше. Так лучше! господствующие взгляды и тенденции, т. е. отсутствие их, возведено авторитетами в принцип... весь свет вторит этому, и как не свихнуться, когда все в один голос орут одно и то же. Голова не вмещает всего; нужно иметь я не знаю какую голову, чтобы она не закружилась. Говорят: поживете, втянетесь, и Вы сами перемените Ваши взгляды, — мало ли чего не бывает, но ведь и первые впечатления по каким-нибудь законам, господом богом установленным, получаются? Ведь имеют же они какое-нибудь основание? и если бы это у одного, а то у множества, первое впечатление известного оттенка... и никто на это внимания не обращает!.. Впрочем, извините, все это старо и мало интересно. Довольно об этом. Антокольского «Смерть Сократа» — вещь хорошая; а Семирадского «Христианские светочи» и есть «Нерон».

Адрес мой: Paris — Rue de Rome № 95, в мастерской Боголюбова. Он уезжает на днях на лето, то я взял пока его мастерскую и комнату и работаю офорт наследника [13]. До осени буду здесь, а после переберусь за город работать.

Свидетельствую свое великое уважение Вере Николаевне, детям Вашим кланяюсь, — словом, всем, и благодарю за память.

Глубоко уважающий Вас

И. Крамской

149. П. М. ТРЕТЬЯКОВ — И. Н. КРАМСКОМУ

25 июня 1876
Кунцево

Многоуважаемый Иван Николаевич.

Сердечно благодарен Вам за письмо Ваше от 6 с[его] м[есяца], за сообщенное о наших художниках и впечатление, сделанное на Вас современным французским искусством, которое, т. е. Ваше впечатление, вполне понимаю и сочувствую ему, хотя уже давно не видал чисто французских выставок. Вы говорите о полученном моем письме, я послал Вам одно в Рим и два в Париж, все три poste restante; в них ничего не было сколько-нибудь интересного и, кажется, никаких вопросов, упоминаю только потому, чтобы показать, что я стремлюсь поддерживать корреспонденцию; отсюда совершенно нечего сообщить, а если бы что и было, узнаете или из газет или от своих домашних, но от Вас я в каждом письме могу услыхать что-либо интересное; Ваш взгляд на искусство мне очень дорог да и вообще хотелось бы знать, как Вам будет житься в чужой стороне; и потому весьма бы был рад, если бы Вы положили на себя эпитимию писать мне каждый месяц. Очень жаль, что не порадовали Вас наши пенсионеры, но я так и ожидал. Скажите, в числе работ Поленова была картина, приобретенная мной[1], или Вы уже не застали ее, как ее собственно нашли Вы? Понятно, что Вам многое и многое не понравится в настоящих прославленных художниках, после работ Рибейра в с.-Мартино и портрета «Папы Иннокентия» Веласкеза! Я полагаю, Вы постараетесь увидать портрет Бона, хотя бы уже из-за невероятной цены, которой я не доверяю, во-первых, потому, что часто цены весьма преувеличиваются, в чем я лично убедился по приобретениям брата моего[2], а во-вторых, не может быть, чтобы Поляков мог заплатить такую сумму (зная его положение)! а, впрочем, может быть именно в расчет его спекуляций входит, чтобы было известно, что может платить такие баснословные суммы! ну да если взять и наполовину, то и тогда, полагаю, еще никто никогда за портрет не получал такой платы. Каролюс-Дюран написал в Петербурге 5 портретов, я их не видал, а слышал только от М. П. Боткина, некоторые хвалят, другие же не очень; вот цены их: большой женский во весь рост 30 т. фр., детский во весь рост 20 т.; мужской ниже колен 18 тыс. и два грудных по 8 т.[3], всего заработано им 84 тыс. в два месяца — дело весьма хорошее! если так работать весь год, то лучше всякой торговли, т. е. постоянной торговли, а не спекуляции; от спекуляций можно и в день

нажить миллион, чего не бывает! Да теперь искусство стало совершенно на коммерческую ногу: тот художник и лучше и славнее, который больше зарабатывает! прежде, и даже очень недавно, было не так, но всему свое время.

Верещагин работает уже, интересно очень, что он теперь сделает? выстроил он свою собственную мастерскую или еще на время где-нибудь пристроился?[4]. О себе Вы говорите, что делаете офорт портрета цесаревича; удивляюсь Вашему терпению заниматься несколько раз одним и тем же предметом! Извините за откровенность, но уж у меня такая привычка говорить все, что чувствую. Не помню, писал ли я Вам в одном из первых писем, что вскоре по Вашем отъезде получил я от испр. должн. Моск. городского головы Ладыженского письмо с просьбой позволить сделать для Думы *копию* с портрета Самарина раб[оты] Шервуда[5] и с запросом, кому бы поручить это и не возьмете ли на себя этот труд Вы? я ответил согласием, присовокупя свое мнение, что *копию* кому же лучше сделать, как не самому автору, о Вас же сообщил, что Вы выехали уже на Восток (я тогда еще не знал, куда Вы поехали) и что едва ли скоро возвратитесь. Дело это пока так и осталось — и слуха нет. Распорядители Передвижной выставки просят для предстоящего движения[6] портреты Григоровича, Мельникова и Полонского[7] — что Вы на это скажете?

А ведь Тургенева-то Вам придется сделать, так как его портрета все-таки нет, да Вы же обещали мне сделать за границей некоторые портреты.

Здесь, разумеется, художественных новостей никаких нет, да и быть им неоткуда! но зато, что за художественное произведение природы наше Кунцево! Удивительное дело: вот уже восемь лет каждую осень я думаю, ну на будущий год мало уже будет интереса жить здесь, все слишком знакомо, и каждое лето потом вновь наслаждаюсь, и каждое лето мне кажется, что в прошедшем году не было так хорошо! Вы не знаете Кунцева. Если Вы были, и не один раз, а десять, и тогда не знаете; надо прожить по крайней мере все лето! Каждый день увидишь что-нибудь новое, и иногда не узнаешь места, виденного вчера или даже сегодня,— так изменяет различное освещение. Кунцево, мне кажется, может вдохновить хороший талант на поэтические картины, не пейзажи, а картины.

Через три-четыре дня кончается мое леченье, или, лучше сказать, отдых, и я начну каждый день ездить в город, и конец моим наслаждениям, так как в праздники я делаю длинные прогулки по окрестностям.

У нас все слава богу здоровы и все Вам кланяются. Верочка очень благодарна Вам за память.

Искренно и глубоко преданный Вам

П. Третьяков

150. И. Н. КРАМСКОЙ — П. М. ТРЕТЬЯКОВУ

13/25 июля 1876 г.
Париж [1]

Многоуважаемый Павел Михайлович,

Письма Ваши я все получил, и те, которые были помечены poste restante, и одно на имя Боголюбова с передачей мне, что было совершенно не нужно, так как я нахожусь здесь один, Боголюбова же нет совсем и не скоро будет, а до того времени я владелец его мастерской. Вы удивляетесь, что я занимаюсь одним и тем же несколько раз, портретом наследника, но на это есть причины, довольно основательные. Я уже, кажется, говорил Вам, что думаю сделать офорт, вот теперь и делаю, почему? да потому, что я хочу сделать все зависящее от меня лично, чтобы иметь возможно большее обеспечение. Портрет наследника, изданный гравюрой, может дать порядочный доход (каков практик!). Вещи подобного рода не дают убытка, а так как мне предстоят расходы — и расходы значительные, то... и т. д. словом, подкладка некрасивая, но я решился на это по многим соображениям, а раз решившись, употреблю все средства, допускаемые моим образом мыслей (если уже я писал его). Кроме того, время именно теперь только и есть у меня, пока я занимаюсь языком и пока делается перевод одной книги для меня с итальянского [2], книга очень большая, в 45 печатных листов, и пока я найду для себя помещение, отвечающее моим намерениям, что будет не раньше конца августа или начала сентября — годовые сроки мастерским; потому что здесь, несмотря на громадное их количество, найти в другое время года несколько затруднительно. Видите, сколько причин делать и скучное и нехудожественное дело.

Верещагин забегал уже два раза ко мне, кажется, *так*; а впрочем, не знаю. Он мастерской еще не выстроил и только что приступает к постройке, а пока работает в нанятой — где? никто не знает, словом, та же история. Надеюсь узнать его несколько более и из мифического лица превратить для себя в реальное. До сих пор я только убедился, что он во многих вещах просто избалованный ребенок, однакож не такой, чтобы не знать цену деньгам, и те выходки его, которые так

Вас удивляли (относительно передачи векселей Жемчужникову [3]), основаны были на очень верном расчете в его положении, что дать без расписок 100 или более рублей более рискованно, чем 50 000. Это слишком громко и крупно, чтобы кто-либо решился мошенничать. Словом, его практичность совершенно особого рода, и я теперь более, чем прежде, убеждаюсь, что это художник *последней геологической формации*. Что он работает? Этого не узнаешь, или по крайней мере я не знаю определенно, что именно; он обещает, правда, мне кое-что показать, но когда — я не знаю. Когда же я буду знать, то будете знать и Вы.

Относительно всей французской живописи я не могу сказать, чтобы она мне не понравилась, это будет слишком, но только нужно условиться в точке зрения. Уровень достоинств очень высок, но только это уровень *традиций*. Оригинального же, самостоятельного взгляда, так сказать, субъективного (что всего дороже в художнике), такого, который бы не был старым блюдом, только разогретым, почти нет, исключая маленькой кучки людей (около 15 чел.), так называемых емпрессионалистов [4], но все их вещи не выходят пока из области попыток. Несомненно, что будущее за ними, только... когда оно наступит, я не знаю. Француз ничего не может сделать просто, ему нужно непременно ломаться. Положим, у них у всех ясно, до резкости, намерение делать так, как *кажется,* но зато есть между ними наиболее прославляемые, такие, которые приближаются по наивности к моему сыну в масляных красках. Допустите, что я чуточку преувеличиваю, чтобы сильнее характеризовать, и Вы будете иметь почти настоящее представление. Уж если на то пошло, то я утверждаю, что нет более настоящих емпрессионалистов, как мы русские, начиная с Тропинина [5] вплоть до начинающего мальчика в школе живописи в Москве, и я недаром переношу это начало в Москву, в Петербурге еще есть традиции, а уж в Москве совсем их не видать. Словом, на этом пункте сходятся стареющееся общество с варварством, одно в силу отрицания изолгавшегося искусства, другое в силу круглого невежества, с одной стороны, 40-летние парни, изношенные и бессильные перед задачами природы, делающие умышленно курьезные опыты, с другой, наивные и смышленые мальчики. Если бы можно было предохранить их от разлагающего влияния, например, мазни так называемой иностранной живописи!! Я очень рад, что я попал в Париж теперь, когда могу наблюдать это любопытное брожение.

Что касается Каролюса-Дюрана, то я очень хорошо знаю, что это такое; я уже много видел его произведений и могу се-

бе представить, что это такое. Но должен сказать, что это человек с огромным талантом внешним и что Бона перед ним и глуп и груб (Ого! каково!). Говоря серьезно — Бона человек ограниченный. Портрета его m-lle Поляковой мне видеть не удастся до зимы.

Если нет у Вас причин, совершенно личных, к отказу Товариществу в его просьбе, то я просил бы Вас позволить повезти некоторые портреты, все равно какие. При этом сообщу Вам новость (если Вы ее еще не знаете), что мой «Пасечник» [6] собственность Солдатенкова и не пропадал!!! Каково! он просто находился себе преспокойно в кладовой, где его нашел тот же И. И. Шишкин! Что касается Тургенева, то... как бы Вам это выразить — теперь мне даже как-то не хочется его писать. Мне кажется, что им уж очень много занимаются, и потом, я вижу теперь, что его портреты все одинаково хороши и что ничего нового не сделаешь. Об картине Поленова (я ее еще застал здесь) скажу, что в фотографии она лучше, но все-таки эта лучшая его картина до сих пор. Это барин, медленно просыпающийся, и вероятно, из него выйдет что-нибудь определенное, но когда? не берусь предрешать.

Вполне Вам сочувствую в той скорбной ноте, что Вы покидаете Кунцево и беседу с природой и должны ездить в город ежедневно. Знаю также, что место раскрывает все свои поэтические стороны только после очень и очень продолжительного знакомства. Как видите, места для засвидетельствования моего уважения Вере Николаевне осталось очень немного, но уверьте, что если бы его было бы и больше, оно не могло бы вмещать более значительного содержания. Детям и всем Вашим низко кланяюсь.

Уважающий Вас

И. Крамской

151. И. Н. КРАМСКОЙ — П. М. ТРЕТЬЯКОВУ

$\frac{\text{24 июля}}{\text{5 августа}}$
Париж. 1876 г.

Многоуважаемый Павел Михайлович,

Долго я не обращал внимания на восточные дела, т. е. не то, чтобы не обращал, а как-то *отмахивался;* ну, думаю, что еще будет, посмотрим, а теперь что ж такое; хотя давно уже в Болгарии что-то делалось нехорошее, но все это в порядке вещей — на то турки, думаю; но вот сегодня прочел часть переписки дипломатической, внесенной членами английского ми-

нистерства в парламент, и... признаюсь, потерял хладнокровие [1]. Но что же случилось? Ведь на Востоке не произошло какого-либо нового переворота, ведь дело так тянется уж целый месяц? да, правда, потому-то я и отказывался, что, думаю, турки, а что если газеты говорят кое-что об Англии, то на то они газеты; но теперь даже для меня, ничего не сведущего в этих делах, ясно, что это не турки, к сожалению!..

Что это такое? Боже мой! слишком ясно, что самые цивилизованные и развитые люди позволили! Заведомо позволили. Причем же эта наша хваленая цивилизация, если она не способна обуздать человека от желания сохранить грош во что бы то ни стало! Надо полагать, что министры Англии учились не меньше кого другого, и если там нельзя найти цивилизацию, то я отказываюсь понять, где она есть в Европе? а между тем *они позволили,* они спустили турок; и что всего уместнее, что английские государственные люди знали заранее все последствия, какие происходят, и все, что еще может произойти. Им нет оправдания, они не могут даже притвориться удивленными. Что такое турки? разве не старались англичане быть их друзьями в течение целого столетия, разве им неизвестно, что стоит их турок только спустить, чтобы были перерезаны все гяуры? [2] и они их спустили, просто кровь у меня остановилась, когда правда для меня сделалась очевидна! Это не турки вешают, жгут, истребляют поголовно всех, не турки! Это ужасно! как мрачен мир божий и как печально будущее. Если наука и все успехи знания не вытравили до сих пор ни одного кровожадного инстинкта дикаря из современного человека, то толки об успехах гуманности, цивилизации и прочего просто шарлатанская проделка и мы ничем не отличаемся от первобытных разбойничьих шаек. Прежде темперамент, теперь расчет. С успехами знания человек получил только больший простор и возможность удовлетворять своему эгоизму.

Меня теперь очень интересует, что Россия? То-есть не правительство, а Россия? Правительство наше действовало уже давно и недостойным и трусливым образом [3], оно, как кажется, еще вдобавок обмануто самым чудесным манером Пруссией; разве 5 лет тому назад не от нас все зависело? отчего же мы не обеспечили тогда себе свободу действий на будущее, отчего мы только удовольствовались дружбой и телеграммой Вильгельма, что, дескать, тебе я обязан всеми моими успехами, спасибо тебе, пусть весь свет знает, и этого для нас оказалось достаточным [4]. Поистине не знаю, как назвать такое поведение в политике; и так я не о правительстве, а о народе, о России, о Москве, наконец? как бы мне хоте-

лось что-нибудь узнать, как бьется сердце Москвы, что делают и говорят в городе и вообще в обществах русских, неужели народ не увлечет за собой правительство? Повторяю, что я потерял хладнокровие, и потому говорю, что попало! Но дело слишком жаркое, исход его неизвестен, или, скорее, будет известен слишком поздно. Если до сих пор во всем решительно, во всех ужасах виновата Англия, то с этих пор, я чувствую, будут уже виноваты русские. Как бы хорошо было, если бы Вы откликнулись мне специально на эти вопросы. Жгучий вопрос. Бедные болгары! ведь их всех перережут!

Уважающий Вас глубоко

И. Крамской

Вере Николаевне приношу выражение моего уважения.

152. П. М. ТРЕТЬЯКОВ — И. Н. КРАМСКОМУ

28 июля 1876
Москва

Многоуважаемый Иван Николаевич.

Душевно благодарю за письмо Ваше от 13/25 с[его] м[есяца]. Я весьма бы сочувствовал такой работе, которая дала бы порядочный доход, но от офорта портрета наследника не чаю дохода! по крайней мере в настоящее время! теперь скорее дадут доход портреты предводителей восстания [1], с одной стороны, или Дизраели [2], Андраши [3] и других сквернавцев — с другой! чтобы Вам заняться между дела иллюстрацией Гоголя [4] или чем-либо вроде сего? Простите, что я суюсь к Вам все с своими мнениями.

Верещагин, совершенно верно, избалованный, и даже очень, ребенок, но обладающий иногда практичностью высшего пошиба; во всяком случае, это субъект крупный и интересный, хотя, может быть, и не особенно приятный! но для Вас единственный русский художник в Париже, потому что, какие теперь остались или имеют пребыть, — не художники! за исключением, разумеется, Антокольского.

Антокольский был в Москве, и у меня три раза был; он, кажется, вообще в духе, и несравненно лучше и приятнее против того времени, когда, бывши здесь, творил памятник Пушкину [5]. Жена его, кажется, милая и интересная женщина.

Был здесь Н. А. Ярошенко [6]. Два раза был в нашей Галлерее, но, к сожалению, оба раза не мог его видеть: летом я уезжаю в 2 часа, а он был именно оба раза после двух часов и меня не спросил.

Весьма сочувствую Вашему взгляду на современную живопись, а также и желанию, если бы можно предохранить молодежь от влияния иностранной мазни; но молодежь предохранять всего труднее от вредного, да к тому же молодежь прежде всего желает казаться взрослыми, а иностранная и в особенности французская манера есть для нее признак совершеннолетия.

Вы говорите, что перед Каролюс-Дюраном — Бона и туп и глуп? ну так вот Вам кстати еще заметка одного русского художника: «теперь я вижу, почему француз Бона получил премию за портрет, выставленный вместе с Харламовым. Помилуйте, да он бог мастер! а Харламов купида юный — не больше» [7].

Картину Поленова я получил недели через две после того, как писал Вам, и совершенно то нашел, что Вы теперь пишете. По фотографии мне даже живопись казалась солиднее.

Что отыскался «Пасечник», нисколько не удивляюсь. Это так похоже на всю братию Передвижной выставки да и вообще на всех нас русских!

Что касается Тургенева — совершенно понимаю Вас и нисколько не настаиваю на своем желании; это дело кончено; но только виноват ли Тургенев, что им слишком занимаются?

Не знаю, читаете ли Вы русские газеты? из них Вы несколько бы увидали, какое здесь движение в пользу восставших славян: сбор денег повсеместный и довольно крупный (сообразно с настоящим ужасным безденежьем), отряд за отрядом отправляются врачи и походные лазареты, такого движения, кажется, и во время Крымской войны не было! но это ли нужно? во время пожара нужно прежде всего гасить огонь, а потом уже помогать погоревшим! Ужасно скверное время.

Верочка очень благодарна за память, все наши Вам кланяются. Будьте здоровы!

Искренно преданный Вам

П. Третьяков

153. П. М. ТРЕТЬЯКОВ — И. Н. КРАМСКОМУ

29 июля 1876
Москва

Многоуважаемый Иван Николаевич.

Только вчера утром послал Вам письмо, а к вечеру получил Ваше от 24 июля/5 августа.

Я как будто ждал от Вас подобного письма, но что могу ответить на все Ваши вопросы? Вы сами себе отвечаете на них; одно скажу: скверное, тяжелое, гнетущее что-то на душе постоянно.

В апреле Россия выступила защитницей турецких славян; трио спелось [1]; Франция и Италия, казалось, вторили. Абдул-Азиз, все время вяло укрощавший восстание, находился под влиянием России и Игнатьева [2], казалось, склонен будет на всевозможные уступки в пользу христиан. Была ли же готова Россия поддержать свою защиту делом? нам, т. е. Русскому обществу, не было известно. После революции и многих убийств в Турции все переменилось: там теперь турки пассивны, а заправляют всем англичане, венгерцы, австрийцы, греки и армяне [3]; — на долю России выпала жалкая, печальная роль, и она ее сносит; стало быть, не была готова поддержать свою защиту как следует; стало быть, в двадцать лет не успела приготовиться [4]. Неудача Берлинского меморандума очень многих здесь покоробила, на Англию сильно озлобились, на Австрию тоже, но с началом войны [5] большинство как-то поуспокоилось. Как всегда у нас по большей части, впереди все кажется в розовом свете: казалось, что вот через неделю сербы будут в Константинополе; к тому же, как всегда, газеты поддерживали это самообольщение, даже бухнули, что Черняев [6], уезжая, сказал своим приятелям, что из Константинополя напишет им. Славянский комитет [7], разумеется, не очень заблуждался и постоянно заготовлял помощь раненым, но вообще у русских людей пропало недельки две времени, зато при первом заявлении, что приходится не так легко, что много раненых, мало врачей, нет перевязочных средств,— Общество встрепенулось! Пожертвования стекаются со всей России, врачи, фельдшеры, сестры милосердия отправляются почти каждый день (жаль, что отправка задержалась приготовлениями перевязочных средств, медикаментов и проч.); пожертвования собираются везде, даже в канцелярии Трепова [8]; на улицах Петербурга дамы ходят с кружками; поют торжественные молебны; государыня публично благодарила рыбных торговцев за пожертвование в день ее именин; отъезд русских офицеров, барон Штиглиц [9], пожертвовавший 500 тыс. рублей; Сербский заем [10], устраиваемый несколькими банками; смелые статьи *всех* газет (даже «С.-Пб. вед.», «Голоса» и «Биржевых») в пользу немедленной помощи славянам; — все это как будто поощряется правительством, как будто оно желает быть увлеченным в необходимую борьбу; все как будто идет к тому, и в то же время никакого движения! Прием итальянских гостей, потом датских, грече-

ских; флаги, праздники, парады! Что это такое? или мы совсем готовы, так, что ждется только минута, «когда *чаша* долготерпения переполнится», чтобы сразу показать, что может быть, когда мы наконец проснемся? Или мы совсем не готовы, окончательно! И что страннее всего! Никто не знает наверное: одни говорят, готовы, как пруссаки, другие не готовы более, чем французы в 1870 году [11]. Недели две назад спрашивали у того, чей офорт Вы делаете [12] (так как он заявил уже себя в пользу дела), нельзя ли обратиться с адресом к правительству? но он не посоветовал, сказал, что еще не время! Вы скажете, может быть, зачем спрашиваться? Но ведь адреса нельзя иначе представить, как через генерал-губернатора у нас, или губернаторов в других губернских городах, а губернатор может принять адрес для представления и не принять. Если свыше дозволено — примут. Отправить, обойдя установленный путь, — невозможно [...].

Из общества более других принимает участие в движении — разумеется Аксаков [13]. Если Вы не читали его речь, сказанную в экстренном собрании Славянского общества, я могу прислать Вам ее.

Пожертвования были бы много значительнее, если бы не ужасно тяжелое время. В нашем финансовом мире, говоря проще, торговом быту, я не запомню (с 1845—[18]76) положительно такого трудного года: торговля в застое, безденежье, и то и дело несостоятельности, и довольно крупные.

Более бессвязно — нельзя написать, а более связно — не могу и не умею! Скажу: пока скверно и скверно! а далее что будет — бог знает.

Искренно преданный Вам *П. Третьяков*

154. И. Н. КРАМСКОЙ — П. М. ТРЕТЬЯКОВУ

20 августа 1876 г.
Париж

Многоуважаемый Павел Михайлович,

Целых три недели я не отвечал Вам, это уже непростительно, я знаю и не оправдываюсь; но дело в том, что в это время я был озабочен приисканием себе мастерской, каковую и нашел, потом переговоры с хозяином, заключение контракта и прочее взяло много времени, потому что найденная мною мастерская — единственная, которая отвечает всем условиям, нужным для меня, но она мала немножко, и нужно было ее

увеличить, на что хозяин и согласился, только стоить это мне будет около 3000 франков. Мастерскую мне нужно было непременно внизу, на земле, чтобы при мастерской было что-нибудь вроде сада или дворика и чтобы я был изолирован и хозяин полный двора или сада. Разумеется, фантазии подобного рода не легко удовлетворяются, особенно в Париже. Все, что я видел в окрестностях Парижа подходящее, принадлежит кому-нибудь из художников и не отдается, и только после многих поисков мы наткнулись на эту: Rue de Vaujirarde, cite Talma, № 8 и 10-й, но она оказалась мала, теперь ее увеличивают на 4 метра [1], и недели через 3 я перееду туда. Мастерская стоит в саду, совершенно отдельно, со всех сторон совершенно закрыта, и я один всего этого хозяин. Вчера наконец заключено условие на три года, с правом передачи. Благодаря этим хлопотам и мой офорт не подвинулся, но я полагаю к переезду совершенно от него отделаться. Кто из нас прав относительно практичности этого дела, покажет будущее, разумеется, я не желаю, чтобы Вы были правы, но... все может случиться! Единственно, что меня не оправдает, это самый портрет, если он совсем неудачен! А со времени Вашего письма много воды уже утекло, и политические дела приняли окончательно тревожный характер [...]. Вот к чему ведет усилие правительства *одному* все *знать* и *мочь*. Если бы общество не было устраняемо от знания того, в каком мы положении, то само правительство получило бы такую силу в этот критический момент, какой могла бы испугаться Европа, это, несомненно, кроме того, теперешний момент есть единственный в своем роде, и если он будет пропущен, то я не знаю, где будет предел и негодованию на нас и стыду собственному. Война в настоящее время за дело, поднятое славянами, я думаю, была бы неизмеримо выше многих наших войн, — она нашла бы огромную поддержку и в обществе и в народе и во всяком случае была бы в тысячу раз популярнее Крымской. Во всем этом деле меня очень занимает туманная и мифическая фигура Бисмарка [2]. Все как будто чувствуют, что от этого человека зависит, чтобы вопрос разрешился немедленно, а между тем он где-то там сидит молча [...]. Словом, я совершенно согласен с Вами, что время тяжелое и гнетущее, а тут еще новый переворот в Константинополе [3], выпуск ненумерованных бумаг [4]...до очевидности всякому ребенку, что Турция разложилась уже, и все-таки нас хотят уверить, что мертвец жив и мы должны по желанию англичан и немцев кушать за одним столом с трупом; пусть они остаются с ним, если они потеряли всякое понятие о нравственном чувстве, но как не происходит до сих пор взрыва народного негодования в

России — я не понимаю! Ужасное время, страшное время, особенно после общих хвалебных песен о благах цивилизации, о благородстве самого человека под влиянием этой цивилизации; словом, нет места в человеческом сердце, которое бы не болело, нет чувства, которое бы не было самым нахальным образом осмеяно! Скверная штука жизнь! А как Франция-то богата материально — уму непостижимо! городской заем Парижа покрыт самим Парижем только в 50 раз! чорт знает что такое, золота и серебра девать некуда, а между тем... Скверно, все человеческое, до нитки скверно и гнило. Отовсюду, из всех человеческих сторон, изгнано и выброшено, как ненужное, чувство. Ничему не верится, все регламентируется, все доведено до совершенства формы, удобства, комфорта, остается только: есть, пить, спать, а затем, опять сначала, медленно подвигаясь к ожирению, а затем к вымиранию. Finita la comedia [5], человек совершил все ему предназначенное!

Вот куда завело меня рассуждение. Воображаю, что было бы, если бы письмо подобного сорта кому-нибудь показать, а тем паче обнародовать, какой гвалт поднялся бы, насмешки, хохот! и для всякого очевидно стало бы, что оно писано сумасшедшим, право так!

Верещагин горой за цивилизацию, машет руками, отчаивается в правильности моего умственного здоровья и окончательно советует мне исправить свои взгляды и понятия, заменить, как он выражается, туманные посылки ясными и реальными. А любопытный человек, чрезвычайно интересная натура, но что он делает, не знаю, гордость запрещает мне упрашивать его и набиваться. Я ведь тоже с гонором, пожалуй, кончу тем, что не пойду к нему, когда все пойдут. Говорят, что он приглашает товарищей, когда кончит что-либо, и в это время выслушивает замечания и советы и просит их... Не известно ли Вам, где теперь Антокольский? [6] Я не имею от него никакого известия, а мне бы нужно было знать, в России ли он или нет еще. Кроме того, мне бы интересно было знать Ваше мнение об одной картине Ковалевского [7], которого я не застал уже в Риме, она была отослана в Петербург. Картина большая и, как говорят, превосходно написанная, «Раскопки» римские; правда ли это? она должна быть в Академии; кроме того, теперь уже и картина Репина [8] должна быть в Петербурге, он ее тут значительно поправил в последнее время и она стала вообще лучше, даже хороша, местами же очень интересна и фантастична. Интересно знать Ваше мнение. На самый кончик я оставил самое дурное — скажите мне, могу ли я рассчитывать на некоторую сумму (о которой мы говорили)

так, месяца через два. Может быть, этого не потребуется, а может быть — да. Вере Николаевне свидетельствую уважение и благодарю сердечно за память.

Уважающий Вас

И. Крамской

155. И. Н. КРАМСКОЙ — П. М. ТРЕТЬЯКОВУ

2/14 сентября 1876
Treport

Многоуважаемый Павел Михайлович,

сегодня утром у меня был Верещагин в Париже, а я собирался уезжать в Трепор к Боголюбову на несколько дней с радости, что офорт мой почти кончен, по крайней мере голова, и стало быть, я обеспечен; мастерская готова будет чрез две недели, ну, делать, так сказать, нечего, я и собираюсь, а Верещагин тут как тут; и что я узнал! многое я беру назад, а что именно, тому следуют пункты:

1-е, Я, по свойству моей натуры не доверять, пока не ощупаю, полагал, что Верещагин в денежном отношении не совсем так прост, как кажется, оказывается, что я ошибался, он гораздо проще того еще, чем кажется, с одной стороны, с другой же, остается человеком практическим высшего пошиба, как Вы выразились.

2-е, Детство, чистота намерений, честность простирается до невинности новорожденного и действует чрезвычайно обаятельно (примите это замечание как излишнее, крайнее и отнеситесь к нему самым скептическим образом).

3-е, Безнадежность полная, чтобы натура эта приняла когда-нибудь культурные формы в сношениях своих с обыкновенными смертными (если отнесетесь к этому заключению еще скептичнее, чем ко 2-му, то не будете в проигрыше).

К чему же тогда служат мои заключения, если их надо ограждать такими оговорками; да просто к тому, чтобы они не были ни для кого обязательными, а тем паче Вам. Заключения эти годны только для меня; [...] Картин начата тьма, масса этюдов, деваться некуда, приходится полотна свертывать, чтобы как-нибудь поместиться, а мастерская... если не извернется он теперь, то через месяц наложат запрещение на постройку, и уж я не знаю, что будет! Что это такое, судите сами. [...] Верещагин сказал, что он хотел мне показать постройку, а я подумал — вот случай заглянуть в мастерскую.

Итак, Павел Михайлович, дела очень и очень неприят-

ные! Как подумаешь все это: честность, искусство, гений и разные другие не менее громкие слова — и может быть не одни слова, а и самое содержание этих слов зависит и сводится к чему же? копейкам, рублям, франкам! Знаете ли: тяжело и гадко писать все это [...].

Письмо, как видите, крайне беспорядочное, мало понятное, особенно в деталях, и что и почему, но подробно, обстоятельно нехватит ни времени, ни места, а письмо должно быть брошено хотя сегодня, непременно, и потому до другого раза, если поинтересуетесь узнать, как все происходило, а я знаю и могу кое-что добавить. Через неделю я буду обратно в Париже.

Вере Николаевне свидетельствую свое уважение и шлю поклон.

Уважающий Вас

И. Крамской

156. П. М. ТРЕТЬЯКОВ — И. Н. КРАМСКОМУ

8 сентября 1876
Москва

Многоуважаемый Иван Николаевич.

Я Вам тоже довольно долго не отвечал, хотя и не три недели, а дней 12-ть наберется; я был в Нижегородской ярмарке и в Костроме. Возвратясь на днях, нашел Ваше письмо от 20 августа. Очень рад, что Вы приискали (и устроили уже, полагаю) мастерскую, и очень рад буду, если окажусь неправым относительно офорта.

Если со времени моего предыдущего письма до Вашего 20 авг[уста] много воды утекло, то от 20 августа до сегодня утекло ее еще больше. Я, впрочем, с тех пор на многое переменил свой взгляд. Россия ведет себя относительно славян уж вовсе не позорно! Когда и на какое дело Русские люди столько жертвовали капиталов, сколько жертвуют теперь? и жертвуют бескорыстно! и как ничтожны все эти денежные пожертвования в сравнении с жертвой собственною своею жизнию, а сколько этих жертв принесено уже? и несмотря на все неудачи и разочарования,— количество охотников жертвовать своей особой не уменьшается, а с каждым днем увеличивается. Положим, что и деньги расходуются зря, без должного порядка и экономии, [...] несмотря на все это, как-то приятно принадлежать в настоящее время к Русскому народу. Читаете Вы русские газеты? Движения русского народа не преувеличены нисколько! В Москве мы это видим на каждом шагу; в Ниж-

нем и на Волге от Ярославля до Нижнего я видал и слышал то же самое. За границей говорят, что правительство устраивает все происходящие манифестации; это чистый вздор! Правительство только дает полную свободу, но нисколько не поощряет. После слов государя к войскам по окончании маневров в Петербурге[1] московские купцы хотели подать адрес государю, но адрес этот был отклонен, вообще правительство нисколько и ни чем не поощряет народного движения, хотя, надо правду сказать, почти и не сдерживает. Но как обвинять правительство теперь, что оно не поступило решительно в мае или июне (а я прежде весьма обвинял)? оказывается, что страна совершенно нисколько не была приготовлена к восстанию; что сербы не желали и не желают действительно серьезной помощи России, что если бы Россия тогда ввела свои войска в Сербию и Болгарию, то прямо бы все державы сочли это захватом и война всей Европы против России была бы неизбежна. Теперь так все переменилось, что кажется, все державы не могут уже более сомневаться во всех произведенных и производимых турками зверствах, даже англичане на бесчисленных своих митингах пришли к тому, что турки должны быть изгнаны из Европы,— и несмотря на это, в случае войны, вопрос, кто пойдет с Россией заодно? или, может быть, все будут против нее? Пока, кажется, можно только утвердительно сказать, что Италия не будет против России. Ну а одной против всех — как бы ни было приготовлено — трудно! Вы говорите, вот к чему ведет усилие *одному* все *знать* и *мочь*? Да это правда и очень несладкая, но иначе-то долго еще не будет, по крайней мере нужно одно поколение! Как идут городские самоуправления, все вообще общественные учреждения, все предприятия (хотя бы начать с Тов[арищества] Передвижной выставки), да все, что хотите, хотя, напр., употребление пожертвований в пользу славян, отправка докторов и добровольцев,— все так и заявляет на каждом шагу о нашем детстве.

С другой стороны, вот Вам Англия: там, кажется, должны бы все знать и мочь, а между тем народ хочет и требует одно, а правительство делает совсем другое, а на желания народа и внимания не обращает. Кто хуже во всем этом деле? Трудно сказать, кто лучше! Очень я удивляюсь, как это французы так пакостно ведут себя в восточном вопросе.

Вы спрашиваете об Антокольском, из чего заключаю, что Вы не получили одно мое письмо, где я говорил Вам, что Антокольский был здесь в июле с женой и уехал в Вильно[2]; где он теперь, наверно не знаю, полагаю, что в Риме еще, а на зиму должен быть в Париже, жена его должна была, по

его словам, быть бы теперь уже в Париже. Летом я не был в Петербурге, потому ни Ковалевского, ни Репина картин не видал; сбираюсь на днях съездить. Картина Поленова мне делается просто противна [3], но никто ее еще не видал. На получение суммы можете рассчитывать, как сказано, но не ранее через два месяца, так как полагаю на днях уехать в Италию с женой для поправления нашего общего здоровья.

Преданный Вам *П. Третьяков*

157. П. М. ТРЕТЬЯКОВ — И. Н. КРАМСКОМУ

9 сентября 1876
Москва

Многоуважаемый Иван Николаевич.

Я писал Вам вчера. Письмо вышло длинно и скучно и без конца, как будто знал, что придется писать на другой же день. Вчера же получил я два письма от Верещагина и сегодня утром послал ему телеграмму, «что спрашиваемую сумму он получит в скором времени». Через несколько часов получил Ваше письмо. Очень доволен, что телеграмма отправлена ранее получения письма, т. е. что решение мое не истекло из описанных Вами обстоятельств, и очень благодарен Вам за все сообщенное. Скажу Вам, что об условии при покупке — *«выдаче заимообразно Верещагину, в случае если ему потребуется, 10 тыс. руб.»*,— мне совершенно не было известно ни от Боткина, ни от Гейнса при заключении запродажного условия, иначе Вы это слышали бы от меня; как Вам известно, все переговоры и договоры были между Боткиным и Гейнсом; но *прошедшей зимой* В. В. Стасов просил меня повидаться с ним, когда буду в Петербурге, и от него узнал я, что Верещагин пишет ему об этом условии; я виделся после того с Гейнсом, он мне сказал, что с Боткиным это было выговорено. Вы знаете, что Боткина спрашивать мне об чем бы то ни было по этому делу невозможно, и я отвечал и Стасову и Гейнсу, что хотя в условии, заключенном между нами, этого пункта и нет и потому он для меня не обязателен, но я готов буду сделать эту ссуду, если найду возможным, в то время, когда она потребуется,— словом, вопрос этот, по выражению В. В. Стасова, оставлен открытым. Я полагаю и даже уверен, что между Боткиным и Гейнсом было выговорено о 10 тыс. займе, так как тут Гейнсу не из чего врать *, но мне не было известно

* Он просто забыл сказать мне при заключении условия или полагал, что мне передал Боткин.

совершенно до прошедшей зимы. Я Вам ничего не сказал об этих разговорах потому только, что уж слишком много было говорено по этому делу. Я не буду писать этого Верещагину, но Вы ему скажите. Скажу Вам откровенно, что в настоящее время при крайнем небывалом безденежьи, повсеместном застое торговли, банкротствах,— сделать эту ссуду (не рассчитывая на нее в данный момент), мне было нелегко, но не невозможно, и я очень этому рад, что так случилось, т. е. что было не невозможно.

Верещагина как человека я очень мало знаю, или, лучше, совсем не знаю. Когда я познакомился с ним в Мюнхене [1], он мне показался очень симпатичным, все же дальнейшие его ко мне отношения были вовсе не симпатичны, но я его всегда продолжал уважать, как выдающийся талант и выдающуюся натуру. Вы знаете, как я хлопотал, чтобы выручить остававшуюся у Гейнса сумму; я выбрал из предоставленных мне Верещагиным способов поместить деньги Стасову, Жемчужникову или оставить у себя — последний, считая его более верным; Вы знаете, как при Вас я получил осенью в Москве письмо Верещагина с просьбой дисконтировать векселя и отдать деньги Жемчужникову; Вы знаете, что мне не хотелось исполнить это, но не исполнить не было возможности. Неужели у меня было предчувствие? (во что я совсем не верю). Но несмотря на довольно странную репутацию сего господина [2], я не могу, не хочу верить, чтобы Верещагин поплатился за свою безалаберность; это было бы для меня ужасно грустно, мне было бы этих денег жаль более своих собственных.

Вы предлагаете рассказать, как все происходило, добавить кое-что,— если поинтересуюсь? Еще бы не поинтересоваться! Сделайте милость, расскажите. И в какие руки все попадает Верещагин! Нет, он не совсем последней формации! Но не может быть, чтобы Жемчужников решился надуть Верещагина, это положительно невозможно, это было бы уж слишком отчаянно! да этого, наверно, и не будет. Вы говорите, что у Жемчужникова Верещагинских денег 50 тыс., но он получил от меня около 30 тыс. только.

Я вчера сказал Вам, что едем на днях в Италию для поправления здоровья; из этого можно вывести неверное заключение. В августе у нас перехворал весь дом; жена была очень больна, неделю лежала в постели, теперь она поправляется, и я думаю, для нее будет полезно провести месяц в теплом климате; в Крым ехать нынешний год не хочется, и потому думаем отправиться в Италию, но это еще не наверно; я Вам напишу на днях, куда написать мне обещанные дополнения. Хотелось бы и самому на месяц удалиться от всяких хлопот и

забот, а с другой стороны, хотелось бы и здесь остаться на месте в виду предстоящей войны [3]. Воображаю, что за энтузиазм будет тогда, когда и теперь каждый день на здешней Курской жел.-дор. станции происходят овации отъезжающим добровольцам, демонстрации в пользу войны, играет музыка, и весь народ огромными массами, поют священные гимны [...]. 30-го августа отправлялось знамя [4], и опять демонстрация.

Но я не это называл детством при посылке добровольцев, и в этих движениях есть детство, но детство хорошее, ведь увлечение не только на словах, а и на деле: сколько отправилось из простых хороших людей семейных, не говоря уже о молодежи, которые это делали не по рассудку, а по чувству; много было фактов весьма трогательных; я говорил против неправильного употребления денежных средств при посылке докторов и против отправки без разбора массы негодного люда, который может только позорить Россию; даже и такой господин, как Хлудов [5], мог быть пригодным Черняеву в Ташкенте, а в Европе ему не место! Да и сам Черняев, в такую критическую минуту играющий в короли, — разве не дитя? [6]. Да нам всем нужно очень и очень поработать над собой, чтобы быть готовыми и достойными принять участие в самоуправлении! Наконец, сам Суворин, обрадовавшийся черняевской демонстрации, тоже сыграл в детство [7]. — Я Вам заметил, что французы ведут себя неприлично в восточн[ом] вопросе, но я, впрочем, не знаю, как они ведут себя, а сужу по журнальным статьям. Теперь очень распространяется слух, что, кроме Германии, с нами пойдет заодно и Франция. Дай-то бог! Но как-то не верится, чтобы было на самом деле.

Извините, что я так пространно пишу Вам. Будьте здоровы. Верочка кланяется Вам и благодарит за память.

Искренно преданный Вам *П. Третьяков*

Говоря вообще о денежных затруднениях, не подумайте, что я желаю увильнуть от ссуды Вам? Это дело ведь уже решенное, а, что решено, то у меня не перерешается.

Вчерашнее письмо адресовал Вам по след[ующему] Вашему адресу: Rue de Vaujirarde, cite Talma, № 8, к. 10, но из полученного вчера Вашего письма вижу, что еще рано адресовать по этому новому адресу, и потому это посылаю на прежний.

П. Тр.

Верещагину пошлю завтра 20 тыс. фр., а остальные 13 тыс. вышлю через несколько дней.

158. П. М. ТРЕТЬЯКОВ — И. Н. КРАМСКОМУ

23 сентября 1876
Москва

Многоуважаемый Иван Николаевич.

Наконец завтра мы уезжаем; куда, наверно и сам еще не знаю, но рвусь скорее туда, где потеплее. Здесь так сыро и холодно и такое скверное состояние и нравственное и физическое, что хочется уехать, несмотря на то, что оставляется куча детей, о которых постоянно придется тревожиться. Так как мы в Риме будем непременно, то напишите мне туда «poste restante»; о Верещагине, получил ли он деньги? я послал ему, как уже извещал Вас, 20 000 франк. немедленно по получении его писем, а 17 или 18-го с[его] м[есяца], т. е. около 5 дней назад, остальные 13 100 фр., что по курсу 3 мес.—331 — составляет 10 000 руб.; удачно пришлось вовремя перевести эти деньги, теперь курс 328 и, вероятно, будет еще ниже; все бумаги наши ужасно падают, вероятно, подуло войной! Последние дни я не читаю газет, так как, читая их, просто противно делается, и никак не поймешь, что из всей этой путаницы и чепухи выйдет. Сегодня экстренно проехал через Москву, не останавливаясь, цесаревич — в Ливадию. Русские люди продолжают приносить добровольно себя в жертву — это весьма поучительно и трогательно! но я боюсь, как бы общее воодушевление не затихло, мне это как-то предчувствуется — дай бог, чтобы я ошибался.

До сего времени все нужды, о которых заявлял Черняев,— быстро исполнялись; разумеется, те, которые были в средствах и в возможности частных людей: доктора, фельдшера, сиделки, лазареты, церкви, певчие (это уже роскошь), сапоги, полушубки, наконец, самое дорогое — сколько людей понесло себя в жертву! Было бы и оружие доставлено, если бы не замешались некоторые услужливые личности *. Были и напрасные затраты, наприм[ер], знамя, посланное из Москвы, говорят, стоило 3 тыс. р. Положим, цифра эта преувеличена, но все-таки затрата не производительная. Но посылка Черняеву русской тройки — это уже очень курьезно!

Будьте здоровы! Верочка кланяется Вам.

Искренно преданный Вам *П. Третьяков*

---

* Московское купечество на собранные деньги еще в июле приобрело 20 тыс. ружей Шаспо и 5 батарей; это оружие было бы немедленно доставлено на место, но в этом деле так обязательно предложил свои услуги известный генерал Фадеев [1], так усердно хлопотал по этому делу, разъезжал, писал — обедал, говорил речи, — что оружие до сего времени еще в дороге.

159. И. Н. КРАМСКОЙ — П. М. ТРЕТЬЯКОВУ

5/17 октября 1876 г.
Париж

Многоуважаемый Павел Михайлович,

Наконец-то я в мастерской! вчера отпущены последние рабочие, все устроено, и я получил возможность писать Вам. О Верещагине? [...] теперь больше чем прежде остаюсь при своем мнении, что он человек именно последней, *новейшей формации*; это тип и *порода*, именно порода. У него все другое, чем у обыкновенных смертных, религия, философия, образ мыслей и поступков, и даже чувства другие [...] Но как быстро движутся события в политической жизни! не успеешь оглянуться, как уже вчерашняя комбинация кажется невозможной; так ли это и для тех, кто стоит наверху, у самого дела, и кому открыты все карты, или нет, но нам, обыкновенным смертным, остается ничего не знать и путаться и строить догадки. Одно мне кажется вероятным, что еще никогда политики и дипломаты не были в более глупом положении; никогда еще так далеко не расходились: ум, воспитанный в школе виляния и бумажного разговора, и чувство живого человека и народа. Если одержит верх дипломатия — т. е. соображения кабинетные, и другие тонкости, то русский народ понесет колоссальную нравственную ответственность за те десятки и сотни тысяч народа, которые будут перерезаны. Положим, что Англия, Австрия и некоторые другие государства еще большую подлость делают, но это плохое утешение для совести виноватой, зачем в таком случае $1^1/_2$ года тому назад наше правительство поощряло, т. е. не остановило волнений, зачем дало разгореться пожару, зачем, наконец, не объявило своему народу (нам), что оно ни в каком случае войны не начнет, что оно ее начать не может, не желает! Да, бывают в истории времена, когда самый лучший государь для обыкновенного времени оказывается тряпкой и никуда не годным трусом в моменты исторического волнения! Какое дело нам до того, что Европа не соглашается на дело чести и добра, мы должны сделать свое дело и помочь человеку, которого режут на глазах у всех. Все будут против нас? Ну что же? [...] Говорят, денег нет, правительство наше банкрот (если правда, что сообщают иностранные газеты, что будто бы наш банк объявил, что он не может оплачивать бумаг, и если только это не есть выдумка венской биржи и спекуляции). Правительство ищет 300 милл. в Голландии или где там, не знаю; но если бы не был в настоящую минуту на престоле трус и тряпка, заем мог бы быть внутренний и по-

крылся бы! (впрочем, может быть я вздор горожу). Но для этого нужно только, чтобы не одно правительство все знало и решало, а чтобы и народ знал все; тогда увидали бы, что значит справедливое чувство народа, и не посмели бы так трактовать нас как каналий. Чувство ужаса и краска стыда меня охватывает, когда я только подумаю о том, что делается, и где же, в четырех стенах своей комнаты; и разве я один стыжусь и страдаю?! Да и до войны бы не дошло, если бы правительство наше имело мужество объявить; вот чего я хочу! и буду требовать, разумеется, требования должны быть лишены всяких двусмысленных оттенков, корысти, приобретения и прочей дряни! Есть еще совесть и у народов, нам даже враждебных! Что же касается той чепухи и мальчишества, которая так изобильно проделывается русским обществом, то ведь и это происходит только потому, что старшие молчат и играют недостойную игру. Пускают народ делать демонстрации, чтобы вести несколько смелее свои дипломатические переговоры, и если это только так, игра, то не будет ничего мудреного, если начнет понижаться народное волнение, и, не будучи поддерживаемо серьезными причинами, затихнет. Народ не так глуп, чтобы чему-то долго волноваться. Подумайте только, народ несет деньги и жизнь — и серьезно, никто его не толкал, ведь он в салонах не упражняется в красноречии, ему некогда действительно, он работает, и вдруг узнает, что соседа режут, ну, он и готов помочь; но проходит месяц, другой, год, ...а его все не пускают помогать, да еще, пожалуй, он догадается, что не всерьез его и позвали-то на помощь (а догадается он тем скорее, чем более занят), разумеется, он уйдет домой! Нет, если пропустит наше правительство этот момент, наша репутация между славянами подорвана окончательно [...] Чувствую, что я плохой политик, ибо рассуждаю совершенно неосновательно [...]. Да, мудреное мы время переживаем! и страшное, еще не было такого и вот почему мне так кажется: во всех войнах 19 столетия вопрос чистой гуманности не был еще так затронут, как теперь, так что это время и эта война подводит итоги цивилизации, насколько еще осталось чисто человеческих чувств у европейских народов — покажет будущее,— да оно, впрочем, и показывает уже; нетрудно определение и теперь. По-моему, неутешительно. А как горды, подумают, мы были, с какой развязностью утверждали и высчитывали наши нравственные успехи; на поверку-то оказывается, что мы подвинулись действительно в знании, но употребили его все на то, чтобы получше дикарей устроить наши кармачы; мы не хуже, а в тысячу раз лучше и спокойнее

дикарей смотрим, как на наших глазах умирают племена, и только потому, что мне, привыкшему к камину и сигаре, жаль это потерять!!

Однакож пора остановиться, я вижу, что напорол лишнего, потому что ведь выше лба глаза не бывают, и если денег нет, оружия и материалов нет, и дядя не советует воевать, то глупо в самом деле подымать войну, только скажите, что сделать человеку с той краской стыда, которая так изобильно выступает? проглотить! вероятно, так и придется!! [1] [...]

Лично я еще не собрался с мыслями и ничего не начал — а сколько времени уже ушло! Что-то страшновато, заехал далеко, потратил страшно, и все из-за какого-то идеального намерения! Сорок лет человеку, а он все возится с чем-то, и почему, подумаешь, не поступать практично, сидел бы себе да зарабатывал, может быть, годиков через пяток детки были бы и обеспечены... Точно мальчик, точно впереди в его распоряжении вечность. Знаете, я иногда думаю, что в моей голове что-нибудь не в порядке. Ведь не видал я еще такого никогда. Все люди, посмотришь, как люди! в свое время к ним и обеспечение приходит, в свое время и слава, в свое время и все остальное, даже смерть, полагаю, что гостья эта ко мне пожалует, как и все другое, не во-время.

Вы думаете, к чему это я веду речь? недаром завилял хвостом; ничего больше, как к тому, чтобы попросить денег, не более и не менее. И собираюсь я у Вас просить 1000 руб. потому, что офорт мой, хотя и кончен (почти), но выйдет не ближе 2-х месяцев. На него уже открыта подписка, пока здесь в Париже неделю тому назад, т. е. не подписка, а я объявил, что оттисков avant la lettre [2] будет 50 и каждый, как бы Вы полагали, сколько я назначил? (т. е. не я, а Боголюбов). Ого-го! 100 р.!!!. вот Вам и непрактичность! Заявлений получено уже 5-ть. Не знаю, как дальше будет, а теперь пока недурно — все, кто знает портрет, хотят иметь. Если можно для Вас по получении этого письма сделать ссуду немедленно — хорошо. После всего остается очень мало места, даже для выражения моего уважения Вере Николаевне, и так как пришел мой учитель языка, то и кончаю письмо. Напишите, будете ли в Париже или ограничитесь Италией.

Уважающий Вас

И. Крамской

160. И. Н. КРАМСКОЙ — П. М. ТРЕТЬЯКОВУ

Париж $\frac{\text{30 октября}}{\text{10 ноября}}$ 1876

Многоуважаемый Павел Михайлович,

Я очень буду жалеть, если Вы не получите моего письма [1], посланного в Рим poste restante, как Вы писали перед выездом из Москвы [...]. Письмо мною послано уж очень давно, тотчас же, как я получил от Вас известие, что Вы выезжаете, стало быть, около месяца времени уже миновало, и надо полагать, что письмо залежится и забудется. Кроме того, я писал и о политике, но так как в это время события следовали одно за другим чрезвычайно быстро, то и эта часть письма должна потерпеть значительный урон, одно, что остается во всей силе в том письме, это просьба к Вам о переводе на меня 1000 рублей. Это и теперь имеет для меня все прелести новизны, и одно не утратило для меня интереса. Письмо это передаст Вам Марк Матвеевич Антокольский, которого Вы, вероятно, увидите во всяком случае в Риме. Увидите и статую Сократа, которую я продолжаю считать лучшим его произведением; мне будет очень интересно узнать Ваше мнение об ней; я знаю, что можно там сказать, оно не много, но важно, но несмотря на то, в ней много силы и поэзии. Многие не находят ее таковою, как я, особенно Боткин, а от него (кажется, по рефлексу) и Солдатенков, который недавно проехал чрез Париж.

Вспоминая Италию, я вместе с тем вспоминаю и Ваши слова, что Рим интересный город. Со времени 69 года [2], должно быть, утекло много воды, тогда я нашел, собственно говоря, поучительного немного в Париже, особенно из нового, но теперь и то немногое, что я нашел, как будто еще понизилось; и потому я с особым удовольствием вспоминаю Рим, Неаполь и вообще все, что я видел в Италии, об России я уже не говорю: ибо родина, а в ней даже безобразия имеют кое-что как будто не совсем уж скверное.

Вере Николаевне выражаю свое глубокое уважение и шлю благодарность за туфли, которые по мере носки делаются все лучше, я говорю это совершенно серьезно и прошу извинить меня, что позволяю о туфлях писать, но так как вопрос этот во время óно *был* важным, то я хочу только убедить, что все обстоит благополучно.

Уважающий Вас

И. Крамской

Марочка, мой бедный мальчик, умер 9-го октября! [3]

161. П. М. ТРЕТЬЯКОВ — И. Н. КРАМСКОМУ

5/17 ноября 1876
Рим

Многоуважаемый Иван Николаевич.

Сегодня рано утром прибыли мы сюда. Письмо Ваше с почты и другое от Антокольского получил в одно время; сегодня же пишу в Париж Савве Григорьевичу Овденко [1], чтобы он послал Вам 1000 р. во франках, если же Вам деньги нужны не во франках, а в русских бумажках, то он может выдать Вам русскими бумажными деньгами. Савва Григорьевич малоросс, давно уже переселившийся во Францию, прекраснейший человек и хороший приятель наш, в случае какой-нибудь практической надобности — он может быть Вам полезен. Может случиться (хотя никогда не случалось пока), что г-н Овденко не получит моего письма, то Вы отправьтесь к нему в контору Les fils de N. Seiama, покажите это письмо, и он немедленно выдаст деньги. Очень сожалею, что Вам пришлось так долго оставаться без денег, это даже обеспокоило меня.

Мы выехали из Москвы 24 или 25 сентября; в Петербурге оставались полдня; в Академию заходил, но картин Ковалевского и Репина не видал, их припрятали потому, что была в то время распрепакостная выставка картин Беллол [2] (в пользу славян), ожидалось, вероятно, много публики, а чтобы картины Репина и Поленова не потеряли прелести новизны на предстоящей Академической выставке, то г-н Исеев приказал их заключить и никому не показывать; нужно было итти к нему или отыскать Репина, но я не имел времени; заходил к Софье Николаевне [3], но не застал ее дома, а видал двух старших мальчиков Колю и Толю, бедный же Марочка [4] гулял в то время с Софьей Николаевной и, как мне сказали дети, был совершенно здоров; ужасно жаль мне Вас и Софью Николаевну и самого мальчика. Забежал к Стасову, так как он писал мне несколько ранее Вашего и верещагинского писем, что имеет очень нужное до меня дело, спрашивал, в Москве ли я? и обещал в следующем письме изложить все дело подробно; я ответил, что остаюсь в Москве столько-то, но изложения дела так и не получил, когда же зашел к нему в Петербурге, то узнал, что дело то же самое; что Верещагин был в изв[естных] критич[еских] обстоят[ельствах], но так как на днях от Жемчужникова получены все деньги сполна и отосланы Верещагину, то изложение дела вышло ненужным, и он, зная, что я буду в Петербурге на днях, ничего уже и не писал мне. Я был очень обрадован, что Вере-

щагин не потерпел никакого урона и еще более, что Жемчужников оказался честным, по крайней мере в этом случае несомненно. Как я писал Вам, жена была нездорова и выехала в дорогу еще не совершенно поправившаяся, потому, найдя в Зальцбурге хорошую погоду и приятное местоположение, нужно было отдохнуть, и мы прожили там около недели, потом путешествовали по Северной Италии ровно месяц, погода была холодная и по временам сырая или ветреная; частью это, а более то, что все письма были адресованы в Рим и мы оставались без подробных известий о домашних наших,— побуждало нас спешить в Рим, а то я так увлекся путешествием, что следовало бы еще неделей или двумя позже прибыть сюда, а тогда Вы еще долее не получили бы от меня ответа, а я тогда еще более беспокоился бы.

Во все время, т. е. ровно 6 недель, я ничего не читал и не слыхал о России (кроме так кой-чего вскользь иногда от иностранцев), не встретил ни одного русского путешественника и нигде ни одной русской газеты. Я так много беспокоился, волновался до болезненного состояния всем происходившим в политике в продолжение пяти месяцев и вдруг совершенно изолировался от всего русского, и как-то не хотелось ничего знать, что делается, или, вернее, хотелось не знать, что делается (а то как бы не узнать, если бы желали непременно знать), и вот я, приехав сюда, узнаю, что мы, кажется, уже начинаем войну, но как дошло до этого решения, совершенно ничего не знаю и остаюсь в полном неведении всех событий, происходивших теперь в течение нашего путешествия! не знаю также, что вообще делается теперь в России: не знаю об исходе банковского процесса [5]; от брата нашел здесь два письма, в которых он говорит об ужасно плохих делах, всеобщих тяжелом настроении, банкротствах и говорит, что на нашем месте он бы подолее не вернулся домой, но более он ничего не пишет, полагая, вероятно, что мы читаем газеты и потому все знаем.

Несмотря на дурную погоду, холодные комнаты, мы чувствуем себя очень хорошо; все маленькие болезни мои исчезли, и какое-то покойное, приятное чувство не покидало меня в продолжение всего этого времени; теперь это опять исчезает, и несмотря на то, что здесь нашли много писем от домашних и от детей и даже знаем, что *сегодня* у нас дома все благополучно, жена готова уже ехать обратно в Москву, находя неудобным и неприличным путешествовать во время войны, но меня пока не тянет домой и желалось бы еще попользоваться этим спокойствием; я знаю, что это очень скверно, но это так.

В Италии я и прежде получал большое наслаждение, а теперь еще более; не говоря уже об остатках древнего искусства и лучших памятниках времени возрождения искусства, я преклоняюсь перед многими художниками времени довозрождения; несмотря на их слабые стороны, они для меня много сильнее нынешних иных больших мастеров; я уже не говорю о том уважении, которое чувствуется ввиду отсутствия нынешнего спекулятивного направления.

Сократ мне понравился более Иоанна и Христа — это серьезное произведение! (но странно, он здесь, кажется, никому не нравится). Я желал бы знать слабые части этого произведения, и очень был бы благодарен, если бы Вы мне их указали, я нашел только неисправность в предплечии одной руки, потом, по-моему, он еще не совсем умер, голова его, еще не голова трупа, но это, вероятно, так и хотел выразить художник (в мастерской я был без Антокольского, т. е. не застал его). Я не особенно восторгаюсь перед Антокольским, чтобы не дать ему надежду или виды на приобретение этого произведения; я не приобретаю скульптурных произведений не потому, что не люблю, а потому, что не признаю скульптуры настоящего времени: по моему взгляду вылепленная статуя есть произведение автора пока в глине и не далее гипса, а как только переходит в мрамор или бронзу, я смотрю на него как на произведение фабричное, как на мебель, ковры, ткани и различные вещи, исполненные по рисункам художников; другое совсем чувствуешь перед древними статуями или перед Микель Анджеловскими (этот наверно сам рубил из каменя), например, Христос Антокольского *из мрамора* мне вовсе не понравился.

Очень рад буду, т. е. серьезно, не на словах, если все 50 экз. [6] разойдутся, но никак не могу понять, кому это может быть так интересен портрет, чтобы платить 100 р. Я бы совершенно понял, если бы разошлись *сотни* экземпляров какого-нибудь *рисунка* Вашего или портрета какой-нибудь личности вроде Гоголя, Пушкина и тому под., но тут не понимаю! но от души желаю, чтобы вышло не по-моему.

Верочка очень рада, что угодила туфлями, но все-таки сожалеет, что они нехорошо сделаны. Крепко жму Вашу руку. В Париж не заедем.

П. Третьяков

162. И. Н. КРАМСКОЙ — П. М. ТРЕТЬЯКОВУ

10 ноября 1876
Париж

Многоуважаемый Павел Михайлович, был у меня Авденко, в ту минуту когда и я у него был, затем на другой день, я получил деньги во франках, что я предпочел, так как курс очень падает (или лучше), колеблется, не знаю, что будет впереди, так как было уже несколько раз, что русских денег совсем не принимали к размену. Получил я по 310 *за сто* р.; я считаю это хорошим, так как было хуже, а будет, вероятно, еще скавернее, и в недалеком будущем, так как мы должны вести войну, во всяком случае — этого требует народная совесть, или (в противном случае) мы окончательно подорвем свой нравственный кредит перед славянским миром. Что дело не шуточное и что оно теперь только разгорается, это видно из того потока ненависти, который изливается на нас западными цивилизованными государствами, а также и из того, что дело России — есть дело справедливости и гуманности. Но это политика, в которую Вы окунетесь достаточно по возвращении в Россию, и во всяком случае теперь для Вас подальше от этого получше; Вы пишете, что во все время путешествия вас не покидало чувство покоя, — думаю, что я Вас понимаю в этом случае. Вы, несмотря ни на свое положение, ни на свои средства, трудитесь и работаете так, как немногим работникам достается на долю — и (не знаю, правда ли?) самые эти (кажущиеся громадными) средства в значительной степени зависят от того истощения сил, которым Вы и страдаете. Покой, Вами испытанный, есть тот живительный сон, который дает возможность организму бороться с тем, что мы называем жизнью. Никогда еще у меня не было до сих пор в моей жизни того, что я испытываю теперь,— вот уже несколько недель, как мне нравится мысль умереть. В самом деле, не лучше ли это состояние для человека? покой, но уже абсолютный, вечный, и только шум природы над могилою, как превосходная музыка, свидетельствует, что жизнь не прекращается, но какая жизнь?! и что мы видим на свете? Особенно в толпе животных, названных по ошибке человеками? Мой дорогой мальчик, быть может лучший по сердцу,— умер; и как мне ни страшно от этого, но я считал бы себя счастливее, если бы и я умер ребенком. Маленьких так жаль, они такие беспомощные, такие любящие, такие чистые и такие бедные, что сердце надрывается, и не знать подкладки жизни лучше, чем знать и не мочь двинуть морем и землей, чтобы засыпать и раздавить это злое и

кровожадное племя! Состояние это пришло ко мне не внезапно, оно давно уже подготовлялось и созревало, а смерть моего дорогого мальчика только осветила тот пункт на моей дороге, где я нахожусь. Часто в последние 4 года приходил мне на память честный, горячий и гениальный мальчик Васильев, как он рано догадался о той пропасти, которая разделяет две жизни: природы и животных. Что он говорил по этому поводу! В его пейзаже крымском, находящемся у С[ергея] М[ихайловича][1], есть эта нота — в небесах, горах и вообще в задних планах; там есть такая торжественность, такой торжественный шум далекого леса, и эти три сосны одинокие вызывают в памяти какие-то забытые стихи, где-то, на каком-то старом камне написанные, что я рассказать Вам не могу, что я испытываю, когда вижу этот пейзаж. В то же время в нем так много есть болезненного в первых планах, видна такая усталость руки и такое помрачение глаза, что самый пейзаж много от того теряет, но я никогда не забываю при этом, что это один из наиболее поэтических пейзажей вообще. Васильев любил природу и понимал ее — ведь это так редко дается человеку! и Васильев умер. Он ко мне часто обращался с вопросом: зачем у меня в большинстве случаев такое горестное выражение, когда я счастлив? Он этого не мог понять, что личное счастье еще не наполняет жизни!.. Однакож, извините, я ни к селу ни к городу заговорил совсем о постороннем и выпустил из виду, что в Вашем письме есть пункты, на которые я должен еще отвечать, хотя бы, например, об Антокольском. Сократа его я увидал в глине (это много значит) и после 2—3 раз я писал Вам о своем впечатлении, потом при мне его формовали, и я видел его в гипсе уже, впечатление несколько иное — хотя продолжало быть серьезным; но и в глине было кое-что, против чего я мог бы сказать. Недостатки технические (например, предплечие) меня не особенно смущали, как и вообще я к этому снисходителен, но там было нечто большее; именно: голова была хорошая, но скопированная с существующих бюстов почти слепо, а не живо и глубоко почувствованная художником; я не могу этого высказать ясно, потому что это особенно трудно, но думаю, что Вы понимаете, что я хотел сказать; что же касается общей концепции, положения фигуры, рук и привязки головы, то, признаюсь, я не много знаю так просто и глубоко драматично задуманных произведений. Есть в самой лепке какая-то мелочность отделки, хотя значительно меньшая, чем, например, в Иване, но все-таки еще есть, и это может быть отнесено к недостаткам этого произведения, хотя и второстепенным, главный же —

это копирование головы. Я знаю, что защищаться мне здесь очень трудно, так как всякий скажет: да как же прикажете иначе, когда существуют бюсты и портреты? Конечно, как же иначе? Но только когда я взошел, то увидал человека, положение которого чрезвычайно глубоко прочувствованное от конечностей до шеи и до темени, но этот человек, когда бы пошевелился, то не мог бы иметь такой граненый нос и такие брови, странно, бездоказательно, но мне кажется так. Что касается того, что это не труп, то это верно; но это и не есть еще труп. Трупом он станет через час, а теперь он только что выронил чашу от выпитого яда. Но, повторяю, в заключение, тот Сократ, которого я видел, безвозвратно погиб [2], и я очень рад был встретить Ваш взгляд на скульптуру вообще (современную). Все, что Вы говорите об этом, глубоко верно, помоему, но я рад не тому, что я согласен с Вами, а большему — тому, что существуют любители, одаренные такого рода чутьем. Что касается до спекулятивного направления современного искусства, то взгляд Ваш хотя и редкий, но не новый — об этом уже давно догадались и говорили несколько раз, и мнение это уже можно встретить в некоторых кружках, что же касается скульптуры (т. е. Вашего на нее взгляда), то об этом догадываются немногие и очень немногие, по крайней мере из публики. А Микель-Анджело, разумеется, сам рубил, еще бы! достаточно взглянуть на любой остаток древности, чтобы понять, какая бездна лежит между веком веры и любви в художественные произведения и теперешним, когда законы пишутся Гупилями [3]. А неужели Вы не заедете в Париж? Что касается портрета офорта, то я, как видавший виды, скажу Вам: во все времена царский портрет представлял кредитный билет большего или меньшего достоинства, смотря по исполнению, но непременно денежный знак.

Уважающий Вас

И. Крамской

Вере Николаевне свидетельствую мое глубокое уважение.

163. П. М. ТРЕТЬЯКОВ — И. Н. КРАМСКОМУ

16/28 ноября 1876
Рим

Многоуважаемый Иван Николаевич.

Дней десять назад писал Вам отсюда и совершенно забыл поблагодарить Вас за письмо Ваше и ответить на вопрос Ваш, заедем ли мы в Париж? В Париже мы не будем. На днях выезжаем в Неаполь дня на три, оттуда в Ниццу на один день, навестить одного больного [1], и затем безостановоч-

но домой, так как мне нужно быть в Москве 1/13 декабря. В Париж заезжать на один день не стоит, да и невозможно. Я думаю, у Вас теперь очень холодно. Скажите, пожалуйста, как Ваше здоровье? как Вы справляетесь с холодом и сыростью? а также, получили ли Вы от г. Овденко 1000 рублей? Напишите, пожалуйста, по получении сего в Ниццу «poste restante».

Жена очень кланяется.

Пред[анный] Вам *П. Третьяков*

164. П. М. ТРЕТЬЯКОВ — И. Н. КРАМСКОМУ

Рим $\frac{\text{19 ноября}}{\text{1 дек[абря]}}$ 1876

Многоуважаемый Иван Николаевич,

Так как я не написал Вам, долго ли останемся в Риме, то я и не рассчитывал на получение от Вас письма здесь, но после отправки к Вам второго письма, в котором просил об уведомлении в Ниццу, дня через два зашел на почту и нашел Ваше письмо. Я очень рад был получить его и глубоко благодарен Вам, что высказываете свое душевное настроение, но только оно меня беспокоит. Я понимаю его, если тут причина смерть любимого ребенка, если же есть еще и другие, то очень жаль! Приступая к серьезному труду [1], нужно быть непременно в бодром и твердом духе.

Я охотно бы пожертвовал жизнью за каждого из своих детей (это не слова!), но жить желал бы *как можно долее*, даже если бы я был в совершенно другой обстановке. Человек должен и может устроить себе жизнь сносно; а разве неинтересно жить уж для того только, чтобы видеть, что еще будет делаться на свете?

Кстати, о моих средствах: слово *громадные* весьма растяжимо; не говоря о Фон-Меках и Дервизах [2], в Москве многие много богаче моего брата [3], а мои средства в шесть раз менее моего брата; но я никому не завидую, а работаю потому, что не могу не работать, я и здесь занят не менее Москвы, только дух спокойнее.

Если бы Вам нужно было меня видеть, то я заехал бы на один день, но так, чтобы никто и не знал, что заезжал.

Сегодня уезжаем в Неаполь, через пять дней, никак не далее, будем в Ницце, там, вероятно, найду Ваше письмо.

Будьте здоровы и покойны.

Глубоко преданный Вам

П. Третьяков

165. И. Н. КРАМСКОЙ — П. М. ТРЕТЬЯКОВУ

24 ноября 1876
Paris

Многоуважаемый Павел Михайлович,

Пишу к Вам только несколько строк, чтобы исполнить Ваше желание знать, нужно ли Вам приехать в Париж? отвечаю: не нужно, как потому, что у меня нет ничего, и не нужно в том случае, если бы что-нибудь и было даже; я спросил только так, из желания видеть Вас и помня предполагавшийся Ваш маршрут прежде. Приезд Ваш сюда не мог и не должен состоять ни в какой связи с чьими-либо частными делами, а может зависеть только от потребностей лично Ваших. Интересного здесь мало, кроме, разумеется, самого Парижа и что собрано Народом.

Я очень рад, что Вы получили мое письмо в Риме, а то я был в недоумении, как бы Вас уведомить поскорее как о получении денег, так и просто сделать Вам известным, что я очень хорошо понимаю, что письма, подобные последним, не могут быть оставлены без ответа. Что касается моего личного настроения, то это не вспышка, а давно подготовлявшийся поворот во взгляде на божий мир. Вере Николаевне мое глубокое приветствие.

Уважающий Вас

И. Крамской

Куда Вам писать, уведомьте.

166. И. Н. КРАМСКОЙ — П. М. ТРЕТЬЯКОВУ

10 декабря 1876
Париж
Rue de Vaujirard, cite Talma, 12.

Многоуважаемый Павел Михайлович, работы мои, которые я просил Вас выслать в феврале [1], будут необходимы раньше, так как, оказывается, что 1-го марта уже кончается прием вещей для «Салона» [2], это первое, а второе — с 1-го февраля откроется еще избранная выставка, так называемая «Мерлитон», общества художников, где Боголюбов членом и где я думаю дебютировать тоже... В марте там же будет другая выставка акварелей и рисунков, а потом с мая месяца «Салон». Ни на одну выставку от каждого экспонента больше 2-х вещей не принимают, а потому я буду просить Вас выслать, кроме тех вещей, о которых мы говорили, еще Васильева и Антокольского [3]. Я решаюсь три раза о себе напомнить

в Париже (как громко!), и вещи мне нужны сейчас после Нового года, следовательно, если Вам все равно, будьте так добры вышлите немедленно.

Картинку Ковалевский вышлет Вам на днях, но не ту, о которой я упоминал, так как, зайдя к нему на другой день Вашего ответа, я нашел у него новую, и по-моему лучшую, которую и просил кончить. Сюжет — встреча 2-х саней на дороге зимою, к одним саням к задку привязаны 2 заводских лошади [4]. Я Вам глубоко благодарен, что Вы не отказали моей просьбе и решились взять у него вещь, вам, в сущности, ненужную, но, быть может, когда Вы ее увидите, то жалеть очень не будете. Как бы то ни было я Вам очень благодарен. Дело в том, что хотя я и не особенно симпатизирую Ковалевскому, но он меня подкупает страшной добросовестностью и любовью к своему делу, у него нет нерва, правда, но знания и любви — тьма, и потом он решительно делает успехи в колорите.

Не забудьте приложить юбку платья [5]. Извините за неряшливость письма, но ждет еще пять штук. Очень много нужно писать.

Будьте здоровы, Вере Николаевне глубокий поклон.

Уважающий Вас глубоко *И. Крамской*

Если Вы найдете возможным присоединить Григоровича [6], то пришлите и его, но это, как знаете и как думаете.

167. П. М. ТРЕТЬЯКОВ — И. Н. КРАМСКОМУ

22 декабря 1876
Москва

Многоуважаемый Иван Николаевич.

Мы из Парижа до Москвы ехали безостановочно; в Берлине магазин, где мы оставили на сохранение свое теплое платье,— был заперт, ожидая, пока его отопрут, пришлось бы пропустить утренний поезд и остаться до ночи; мы решили ехать, в чем были, даже без теплых сапог, вот как хотелось скорее домой! Приближаясь к границе, было довольно холодно, а около Пскова мороз в 15 гр[адусов]; в Петербурге имели время только забежать к Королеву купить теплые сапоги, ну и ничего, добрались до дома целы и невредимы. Здесь в продолжение последних двух недель морозы стояли от 20 до 35 град[усов]. Деньги 200 р. я отослал Софии Николаевне уже отсюда, осталось у меня от размена 8 рублей. В скором вре-

мени по приезде получил Ваше письмо, адресованное в Ниццу; в нем Вы между прочим говорите «здесь интересного мало, кроме, разумеется, самого Парижа и *что собрано народом».*— Что Вы разумеете собранное народом?

На днях получив Ваше письмо от 10 декабря, немедленно приступил к делу. Гончаров, Шишкин, «Лесник», Васильев, Антокольский и портрет жены [1] уже уложены, завтра, полагаю, можно будет отправить; рама большая также приготовлена, но я не решаюсь отправить ее, не переписавшись с Вами: она так тяжела, что провоз ее в Париж и обратно обойдется более 100 рублей, да еще ящик нужно сделать, да неизбежная поправка, а в Париже, я полагаю, Вы можете сделать за 400 фр. отличную раму или вполне приличную, которая может Вам пригодиться, тогда Вы ничего не теряете; не подумайте, что я жалею отправить раму, она все равно будет здесь находиться в сарае и может пострадать, но, помоему, укладка и двойная перевозка обойдется Вам очень дорого, посему по получении сего письма телеграфируйте, отправить раму или нет? Если да, то она придет позднее портрета только на неделю.

Юбка уложена вместе с портретом.

Очень рад, что Вы разом три раза дебютируете.

Ваш преданный *П. Третьяков*

168. И. Н. КРАМСКОЙ — П. М. ТРЕТЬЯКОВУ

25 декабря 1876 г.
Париж

Глубокоуважаемый Павел Михайлович, видит бог, я бы не хотел обременять Вас больше, но я возвращаюсь в Россию; оставаться здесь более было бы преступлением. У меня еще один на дороге к смерти (самый маленький) [1] и С[офья] Н[иколаевна], судя по письму, не в нормальном состоянии. И потом, все или почти все, что по политическим состояниям в Европе мне было необходимо видеть, я видел, стало быть, работать почти одинаково, что в Париже, что в России. Придется подождать, пока я буду иметь мастерскую, куда бы можно было внести хоть холст, это правда, но ждать мне не привыкать. Обращусь к другому, что на очереди. Итак, теперь прошу Вас выслать мне еще *тысячу* рублей уже в Петербург, где я буду около первых чисел генваря месяца нового года. Туда же прошу прислать и портрет Веры Николаевны без рамы (если не случилось несчастья и Вы не отправили его в

Париж, о чем я извещал Вас телеграммой) [2]. Кроме того, я бы просил Вас дать мне работу для начала немедленной уплаты, если таковая есть у Вас, т. е. работа. Сегодня суббота, вчера вечером я узнал о необходимости ехать, а выезжаю, вероятно, во вторник. Впрочем, я еще напишу Вам, как только возвращусь в Петербург.

Вере Николаевне мой глубокий поклон.

И. Крамской

1877

169. П. М. ТРЕТЬЯКОВ — И. Н. КРАМСКОМУ

10 янв[аря 18]77
Москва

Глубокоуважаемый Иван Николаевич.

Вчера, так как мы были не одни, то я не мог попросить Вас оставить для меня Вашего «Созерцателя» [1]. Почему я его так называл, я и сам не знаю, но думаю, Вы догадаетесь, о ком речь, так как у Вас на мольбертах не завалено, потом, сделайте одолжение, побывайте у Александровского [2], он живет теперь в Гусевом переулке, д[ом] Сливчанского, теперь портрет уже, наверно, у него, и скажите мне, как Вы его найдете? Родные нашли, что желт, губы черны и шея длинна, но мне кажется, в живописи-то он неважен — ошибаюсь я или нет? Цену он назначил 400 р., хотя, кажется, Вы ему говорили о 300 р.

Картины пришли уже три дня, перевозка в Варшаву и обратно с застраховкой обошлась 145 р. 54 к.; во что же обошлась бы до Парижа и обратно [3], да еще хорошо, что большая рама не была отправлена. Завтра пошлю Вам портрет жены.

В Москву уже приехали немцы, или, вернее, евреи из Берлина открывать фабрику колбасы для армии, только не гороховой, а какой-то иной композиции; а вот и еще предприятие, прочтите в приложенной вырезке [4]. Ну ведь вот какие благодетели! а Софья Николаевна, пожалуй, мошенниками назовет?

Ваш преданный *П. Третьяков*

170. П. М. ТРЕТЬЯКОВ — И. Н. КРАМСКОМУ

13 января 1877
Москва

Извините, глубокоуважаемый Иван Николаевич, что картины посланы с наложением платежа в Петербурге, это вышло по ошибке отправителя. Квитанцию за № 195386 при сем

прилагаю. По получении уведомьте, исправно ли дойдут? Портрет жены как пришел из Варшавы, здесь не вскрывался, там и юбка от платья; портрет Кольцова [1] также послан.

Будьте здоровы!

Преданный Вам *П. Третьяков*

171. И. Н. КРАМСКОЙ — П. М. ТРЕТЬЯКОВУ

22 генваря 1877
СПБ

Многоуважаемый Павел Михайлович, потреты я получил в совершенной исправности, платье тоже. Извините, что не отвечал тотчас, но я только сегодня мог быть у Александровского и видеть портрет Тютчева, и вот мое впечатление — он производит впечатление приятное, но долго нельзя догадаться, чем это сделано, ближе всего это большая и хорошая фотография, покрытая одною охрою, и только, кроме того, я нашел при сличении с оригиналом фотографии, с которого он делал, кое-что в выражении рта, это я все сказал Александровскому прямо, но сказал также и вот что, что как сходство и портрет он удовлетворяет, но я предоставляю себе право вмешаться с советами и попрошу как-нибудь вместе, т. е. при мне, поправить его. Много в живописи он не исправится, это верно, хотя я, говоря Вам откровенно, думаю, что у него есть что-то оригинальное. Это вовсе не живопись, правда, но в нем есть что-то, мне даже нравится и очень, и мое мнение — с ним, с портретом, надо обойтись осторожно. Мы как-нибудь это и сделаем. Нос не отвечает общему характеру в лепке, и волос на черепе над ухом слишком много, все это я постараюсь, чтобы было исправлено.

Относительно цены, он сознался, что, несмотря на мое сообщение, он дал себя уговорить своим знакомым возвысить цену, ну это его дело, только я подтвердил ему, что и Перов и я не получаем больше.

Портрет Веры Николаевны ужасен через фон, и главным образом через фон. Я в изумлении, как я мог соединять в таком малом пространстве два таких несовместимых тона, это для меня чрезвычайно поучительно (немножко поздно, правда), и даю себе слово никогда больше не делать без натуры таких вещей. Теперь же я возьму преобладающий тон зеленый, а летом приеду на две недели в Москву, чтобы обработать в Кунцеве по натуре. Мне даже извиняться стыдно, но Вы, полагаю, так меня знаете, что терпеливо да-

дите мне время загладить мою ошибку. Что касается Кольцова, то София Никол[аевна] дает идею (если Вы согласны) сделать его черным. Не знаю, как Вы взглянете на это, но мне идея понравилась.

Рубинштейн[1] возвратится в мае, тогда и писать будем. Салтыков (Щедрин)[2] в среду уже будет у меня, начинаем. Некрасов[3] же умирает, но с ним хотели переговорить и Гончаров, и Щедрин, говорят, он никогда не был так хорош, как теперь. Не знаю, что будет. Вере Николаевне приношу мое глубокое приветствие и деточкам Вашим кланяюсь.

Уважающий Вас *И. Крамской*

172. П. М. ТРЕТЬЯКОВ — И. Н КРАМСКОМУ

25 января 1877
Москва

Многоуважаемый Иван Николаевич.

Вы надеетесь, что я терпеливо буду ждать приведения в порядок портрета жены? еще бы не быть терпеливым, когда обещается — такое удовольствие, как двухнедельное общество Вашей особы, за это можно и потерпеть! Насчет Кольцова, идея Софьи Николаевны и мне очень нравится; но уж особенное-то спасибо Вам за то, что М. Е. Салтыкова так скоро залучили. Я забыл спросить Вас, какого размера предполагаете сделать этот портрет? Мне кажется, его следовало бы писать с руками. Дай бог, чтобы вышел удачен. Хорошо бы очень было, если бы удалось успеть[1] написать Некрасова, уж очень бы рад я был. Потрудитесь передать Софье Николаевне глубочайший поклон и будьте здоровы!

Ваш преданный *П. Третьяков*

Надеюсь через неделю быть в Петербурге.

173. П. М. ТРЕТЬЯКОВ — И. Н. КРАМСКОМУ

14 февраля 1877
Москва

Многоуважаемый Иван Николаевич.

Сегодня окончилась неделя, которую Вы предполагали всю провести у Некрасова, очень интересно бы мне знать, состоялась ли эта работа и как она идет?

Вы как-то спрашивали меня, кому бы можно поручить продажу в Москве Вашего офорта и какую цену назначить, 5 или 10 р.? Я полагаю, следует во все магазины дать на комиссию, как-то: Дациаро, Осбергу, Беккерсу и Ованцо[1], а также и Обществу любителей художеств; цену же, мне кажется, следует назначить 10 рублей; все же это дело в Москве, мне кажется, можно бы было поручить Вашему приятелю Тулинову. Это я пишу только потому, что Вы меня спрашивали и тогда я не нашелся ничего ответить, но вовсе не с тем, чтобы навязывать Вам свои советы. Ну, а вот насчет Вашего этюда «Путника», или «Прохожего», или «Странника»[2], как хотите его называйте,— остаюсь при своем мнении, что снег там ни к чему, мешает только. Вот видите ли, в чем дело: кроме того, что снег подчеркивает, но он уничтожает или значительно ослабляет впечатление экспрессии лица! Теперь, как я его видал со снегом, прежде всего бросается снег на шапке, на бороде, на рукавах; затем, думается, т. е. будет думаться многим, «как ему холодно, бедняжке»; а по-моему, тут весь интерес в типе фигуры и в выражении лица, а не в желании разжалобить публику. Я его называю созерцателем потому, что я вижу, что он созерцает. Савицкий заметил, что, кроме созерцателя, у него что-то еще есть на уме; да я и не говорю, что он непременно природу созерцает: может быть, он созерцает тихую семейную жизнь свою после окончания пути, может быть, непроходимую бедность и холод, и голод, и злобу, ожидающие его и дома, может быть, веселие первого кабака представляется ему, может же просто представляется, как вот он сию бы минуту стянул что-нибудь — если бы бог помог! Да, а по совершенно-то безукоризненной физиономии иной интеллигенции разве узнаешь, какие мировые вопросы решает она? чем собирается облагодетельствовать человечество? или же находится в мучительном неведении желания осетрины с хреном или ободрать кого-нибудь! Лицо человеческое, хотя и зеркало души, но довольно тусклое! а потому лучше давать полную свободу наблюдателям, чем какой-нибудь сюжет или содержание подчеркивать.

За что закрыт клуб художников?[3] что за история? я его не знаю, никогда не был, а почему-то мне кажется, что хорошо, что закрыли его.

Вы, вероятно, слышали и читали о скандалах в нашем Обществе люб[ителей] худ[ожеств] на годичном и экстренном собраниях?[4] о первом я слышал от любителей и художников *не скандалистов,* а на втором сам был и скажу Вам, что все извращено самым постыдным образом. Александров сказал,

что если его не выберут в секретари, то он уничтожит Общество; и вот он на годичное собрание, кроме себя, привел еще несколько фельетонных собак, даже некоторых членами сделал. Очень сожалею, что с такой личностью мне пришлось познакомиться в Вашем доме.

Жена кланяется Софии Николаевне, она искренно душевно (не на словах) рада, что ей удалось познакомиться.

Будьте здоровы!

Ваш преданный *П. Третьяков*

174. И. Н. КРАМСКОЙ — П. М. ТРЕТЬЯКОВУ

16 февраля 1877
СПБ

Многоуважаемый Павел Михайлович, как я говорил, так оно почти и вышло, я дежурил всю неделю, и даже больше, у Некрасова, работал по 10-ти по 15 минут (много) в день и то урывками, последние 3 дня, впрочем, по $1^{1}/_{2}$ часа, так как ему относительно лучше, а что выходит, не знаю, делаю, что могу при этих условиях; сначала нарисовал кое-что углем, зафиксировал, и затем красками ткнешь то тут, то там, ну оно вышло нечто, говорят похоже; но ведь это говорят; сам же я не слишком доверяю. В настоящую минуту оставил портрет на несколько дней отдыхать, так как Некрасову лучше (временно) и доктора говорят, что ему, пожалуй, будет еще лучше, и это может протянуться несколько недель, и что я, стало быть, успею еще. Когда я начал портрет, то убедился сейчас же, что так сделать его, как я полагал, на подушках, нельзя, да и все окружающие восстали, говорят — это немыслимо, к нему нейдет, что Некрасова даже в халате себе представить нельзя, и потому я ограничился одною головою, даже без рук, дай бог справиться мало-мальски хоть с этим, задача, прямо скажу, трудная, даже едва ли возможная для кого бы то ни было, и если мне удастся сделать хотя что-нибудь сносное, я, право, буду считать себя молодцом.

Поручить офорт Тулинову я бы не хотел, не потому, чтобы я в чем-нибудь сомневался (он для меня вне этого), а потому, что он едва ли годится, он хомяк, я бы сказал, если бы не боялся его обидеть; а кому? решительно не знаю, вероятнее всего, что тому же мошеннику Аванцо. Что же касается «Созерцателя», то я прихожу к мысли, что Вы правы совершенно, положим, я сам увидал, когда сделал снег, что

сюжет уж *очень ясно* выходит, но не обратил на это должного внимания, тем более, что сказали об этом: «недурно», и так как снег сделан мелом, то стереть его легко, что я и сделаю, только совсем не для того, чтобы Вы его взяли, а право же потому, что я убедился доводами [1].

За что закрыт клуб? не знаю, да и не встречал того, кто знает. Говорят, за Литературные обеды, говорят, за студенческий бал, где избили шпиона 3-го отделения, а клуб, вместо того чтобы объявить кому следует, спровадил через какие-то там ходы на улицу; говорят, что кто-то кого-то по щекам прибил, говорят, что студентки собирали на «казанских» сирот, словом, никто ничего не знает верного, или может быть все это вместе верно, и было достаточно для того, чтобы закрыть. Положим, я лично рад, что его закрыли; путного было мало, но жаль, что через это он станет каким-то страдальцем, героем, и таким образом одною ложью будет больше, одним недоразумением прибавится, словом, как ни поверни, мы страдаем за правду [2].

Что Вы познакомились с Александровым в моем доме, я тоже сожалею, но где, укажите, есть на Руси такой дом и такое место, куда бы не залезали лица, с которыми очень жаль, что познакомишься, мне лично это очень неприятно, но я не виноват своей беспомощностью, я не искал его знакомства, никогда не поощрял его к сближению, если что говорил или делал, то после неотступных просьб с его стороны (письмо к Вам) [3] и то, сколько помнится, в осторожной форме. Впрочем, если виноват, то невольно и стою прощения.

Вере Николаевне моя жена что-то хочет написать.

Уважающий Вас *И. Крамской*

175. П. М. ТРЕТЬЯКОВ — И. Н. КРАМСКОМУ

24 февраля 1877
Москва

Многоуважаемый Иван Николаевич.

Весьма благодарен за скорый ответ на мое письмо. Очень сожалею, что написал Вам об Александрове; Вы сожалеете и как будто считаете себя ответственным, между тем я только желал довести до Вашего сведения свой взгляд на него, к тому же мне лично он ничего не сделал (пока) неприятного, даже, напротив, старается быть приятным. Мне поручено спросить у Вас, не согласитесь ли Вы сделать для Московской гор[одской] думы портрет Ю. Ф. Самарина [1] с фотогра-

Многоуважаемый Иван Николаевич

Вы надеетесь, что я терпеливо буду ждать приведения в порядок портретов? Еще бы не быть терпеливым, когда обещается такое удовольствие как двухнедельное общество Вашей особы, за это можно и потерпеть! Начало Кольцова идея Софьи Николаевны и мне очень нравится; но удовольствие то — спасибо Вам за то, что М. Е. Салтыкова так скоро залучили. Я забыл спросить Вас какого размера предполагаете сделать этот портрет? Мне кажется его обязательно нужно с руками. Дай бог, чтобы вышел удачен. Хорошо бы очень было, если бы удалось уговорить написать Некрасова уж очень бы рад я был. Потрудитесь передать Софии Николаевне глубочайший поклон и будьте здоровы!

Ваш преданный
П. Третьяков

Москва
25 Января 1877

Начало через неделю буду в Петерб[урге]

Письмо П. М. Третьякова И. Н. Крамскому
от 25 января 1877 г.

фии? Цену могут заплатить приличную, размер грудной, т. е. без рук; на что покорнейше прошу ответить мне, и в случае согласия — объявите цену. Что как Салтыковский портрет, в каком положении?

Скажите, пожалуйста, не видали ли Вы в Риме у Бронникова[2] картину «Освящение Гермеса», какого Вы о ней мнения?

Ваш преданнейший *П. Третьяков*

176. И. Н. КРАМСКОЙ — П. М. ТРЕТЬЯКОВУ

Многоуважаемый Павел Михайлович,

5-й день я лежу больной и потому буду краток. Портрет Самарина принять не могу, хотя деньги очень нужны. За честь благодарен. Портрет Салтыкова почти кончен — 1 и 2 раза и конец. В живописи не бог знает что, но похож будет. Некрасов тоже похож, и все находят, что хорошо, но я скажу (по секрету), что прежде чем взять его, нужно еще посмотреть. Картина Бронникова «Освящение Гермеса», как все, что он делает,— чисто, приятно, даже хорошо как будто, но особенно в этой картине так чисты краски, что смотреть совестно, впрочем, рельеф большой. Вере Николаевне кланяюсь.

Уважающий Вас *И. Крамской*

177. П. М. ТРЕТЬЯКОВ — И. Н. КРАМСКОМУ

3 марта 1877
Москва

Многоуважаемый Иван Николаевич,

Если только возможно, напишите, что с Вами за болезнь и от чего?

Если нужны деньги, можете получить от меня во всякое время.

Ваш преданный *П. Третьяков*

178. И. Н. КРАМСКОЙ — П. М. ТРЕТЬЯКОВУ

4 марта 1877 г.

Многоуважаемый Павел Михайлович,

Благодарю Вас глубоко за участие, но как рассказать Вам то, что я и сам не знаю? Лихорадка, кашель, кашель,

кашель, дали морфий — заснул. Сегодня хорошо — встал уже. Называют грипп, может быть и так, надо поверить, потому что сам невежа; вот и вся история. Тревога напрасная, говорят, да я и сам думаю то же, впрочем, когда выпустит на воздух доктор, я приму меры и посоветуюсь с Боткиным [1]. В деньгах нужды не имею, благодарю Вас очень.

Уважающий Вас *И. Крамской*

P. S. У меня теперь рисунки и акварели Гуна, полагаем, что сделаем его выставку [2].

179. П. М. ТРЕТЬЯКОВ — И. Н. КРАМСКОМУ

21 марта 1877
Москва

Многоуважаемый Иван Николаевич.

Портрет Самарина для Думы за Вами, деньги за него при сем прилагаются; материал вышлю в скором времени. Нечего и говорить, как бы я рад был, если бы Вы сделали все обещанные портреты для меня, но только как Вы это успеете — недоумеваю? У Вас на руках, кроме царских [1]: — Некрасов, Салтыков, Кольцов, Самарин, затем, чтобы еще до начала серьезного дела [2] успеть написать Аксакова, Толстого и Рубинштейна, едва ли это возможно, но все-таки материал для Аксакова я вышлю вместе с Самаринским. Я бы советовал Вам, т. е. смел бы советовать, не откладывая, покончить Салтыкова и Некрасова.

Ваш преданный *П. Третьяков*

180. И. Н. КРАМСКОЙ — П. М. ТРЕТЬЯКОВУ

29 марта 1877
СПБ

Многоуважаемый Павел Михайлович,

Благодарю Вас очень за 1000 р., которые я получил, и извиняюсь, что не тотчас же написал об этом. Портрет Салтыкова кончен, Некрасова же завтра кончаю [1]. В портрете Салтыкова есть большая перемена в фигуре, и кажется лучше: стола вовсе не существует и обе руки находятся налицо [2]. Портрет Кольцова работаю как старый, так и новый (черный),— оба к Вам и пошлю. На этой же неделе будет

кончен портрет и Веры Николаевны. Полагаю на фоминой послать к Вам. Салтыкова же и Некрасова не могу, так как надобно сделать копии, с Салтыкова одну, а с Некрасова две: для жены и сестры его. Сам Некрасов просит очень: — я отказал сестре, когда она просила. Разумеется, не я буду этим занят. Нужно сказать еще, что портрет Некрасова будет мною сделан еще один, и я его уже начал; в малом виде вся фигура на постели и некоторые интересные детали в аксессуарах. Это нужно — сам Некрасов очень просил, ему он нужен на что-то, потом (говорит) Вы его возьмите себе, *«но сделайте, пожалуйста»,* в этом (маленьком) голова уже кончена, словом, я, кажется, работаю. Что касается М. Е. Салтыкова, то, должно быть, надобно помириться с этим портретом, он вышел действительно очень похож и выражение его (жена очень довольна), но живопись немножко, как бы это выразиться не обижая, вышла муругая, и вообразите — с намерением, я, видите ли, почему-то вообразил, что его нужно написать в глубоком полутоне, ну и написал, а теперь вижу, что мог бы не умничать. Словом, в этом портрете Вы не делаете никакого порядочного приобретения в смысле искусства, но как свой товар нельзя же хаять перед покупателем, то и скажу Вам, что он и не совсем же плох, а только темноват, но зато похож. Я хотел Вам сказать еще, что с Некрасовым чистая беда — ведь дежурить приходится каждый день и весь день, а работаешь $^1/_4$ часа, много $^1/_2$. Ну да теперь, кажется, отделался.

Уважающий Вас *И. Крамской*

Прочел письмо и ужаснулся — ужасная бессмыслица, переписывать очень некогда.

Жду фотографий, чтобы приняться, только Самарина нельзя ли побольше (числом), особенно ту, которую я видел у Вас.

В «Пчеле» статья Прахова [3] о Семирадском очень хороша. Начинаю его уважать — думал, что не посмеет.

181. П. М. ТРЕТЬЯКОВ — И. Н. КРАМСКОМУ

4 апреля 1877
Москва

Многоуважаемый Иван Николаевич.

Ваше письмо от 29 марта получил. Очень рад, что Вы так усердно работаете, и очень сожалею, что так долго не

мсг собрать и выслать Самаринские фотографии и, пожалуй, этим задержал Вас. Сегодня посылаю портрет Самарина работы Шервуда и четыре фотографии да две фотографии портрета Аксакова.

Мне более других нравится фотография Тулинова, но самая похожая, как знали Самарина за последнее время,— это та, которую Вы у нас видели (Русской фотографии), только лицо немного шире натуры, кажет[ся] Варшавская фотография также недурна, но она какая-то черная. Мне кажется, придется держаться более русской фотографии и только немного убавить ширину лица. Колорит лица и волос у Шервуда довольно верен; я разумею цвет, но Самарин не имел вовсе такого неприятного колорита. Портрет для Думы хотя и грудной, но, мне кажется, не должен быть очень мал, то-есть нужно поболее фона, так как он будет в большой раме. Вы увидите в фотографии, что нос крив, — это верно, нос был действительно крив.

Теперь об Аксакове. Аксаков имел волосы на голове белокурые с сильной проседью, но далеко не седые, бороду же белую; цвет лица — в средних летах красноватый, к концу жизни сильно побледневший; глаза серо-зеленые, светлые и ясные до конца жизни; взгляд ясный, покойный, довольный, но не апатичный, а скорее энергический; таково же и выражение лица: лицо т. е. форма лица, была мягкая, во всех частях ничего не было резкого и грубого, да и самое тело лица было мягкое. Аксаков был художник в душе; страстно любил природу, литературу, музыку, театр; сохранил до старости любовь ко всему этому; любил и умел пользоваться всем, что дает нам мир божий, пользоваться без вреда ближним, и потому *мог* до старости сохранить ясное, покойное и довольное расположение духа. Что Вы из всего этого разглагольствования поймете и послужит ли оно Вам к чему-нибудь, я не знаю, но знаю только, что этого ничего нет в портрете, с которого делал Перов [1] (большая фотография, посланная Вам); портрет этот увеличен с фотографии малого размера (также посылаемый Вам), и так как он, вероятно, вышел очень неясен, то и отретушеван так, что все черты изменились; в фотографии малого размера чувствуется то, что я передавал о внешней и внутренней физиономии поэта, т. е. мне кажется это, но на этой фотографии волосы подрисованы и пририсованы борода и усы дочерью его, так как он последние десять лет или около того ходил с бородой. Я постараюсь достать у кого-нибудь фотографию не испорченную, т. е. как она вышла от фотографа, без бороды и усов, и пришлю ее к Вам.

Не следует ли Аксакова на воздухе написать с руками? уж очень типичная фигура его! Разумеется, не за казенную цену. Кафтан носил Аксаков черный, а рубашку синюю.

Насчет Салтыкова увижу, насколько правда то, что Вы говорите.

О получении портретов черкните немедленно.

Не знаю, поймете ли и даже разберете ли, что я Вам тут нацарапал.

Ваш преданный *П. Третьяков*

182. П. М. ТРЕТЬЯКОВ — И. Н. КРАМСКОМУ

5 апреля [18]77
Москва

Многоуважаемый Иван Николаевич.

Не успели еще упаковать ящика, как я уже получил портрет С. Т. Аксакова без подрисованной бороды и приложил его. Как сделать портрет — с бородой или без бороды, представляю на Ваше усмотрение. Прилагаю багажный ярлык за № 4807; когда Вы получите это письмо, то посылка будет уже в Петербурге, так как она послана со скорым поездом.

Стекло на последнем портрете было разбито, но, полагаю, оно не попортит фотографии.

Преданный Вам

П. Третьяков

183. И. Н. КРАМСКОЙ — П. М. ТРЕТЬЯКОВУ

11 апреля 1877 г.

Многоуважаемый Павел Михайлович,

Извините, что не тотчас ответил Вам, но я только сегодня вечером получил посылку. 6-го числа получил Вашу квитанцию (нет, кажется, 7-го?) и отдал ее натурщику Ивану, чтобы он сделал, что нужно. Однакож дело кончилось тем, что он приходил два раза и принес в субботу квитанцию назад, так как нужно было свидетельствовать в полицию, а как в субботу же нельзя было, то я сегодня поехал сам. Все получено в исправности, исключая стекла на фотографии Аксакова работ Бергнера (прекрасная фотография!), но, кажется, Вы об ней-то и писали, что есть стекло разбитое. Написать Аксакова думаю, как Вы советуете, с руками по колена и на воздухе. Недурно. Когда получили фотографии, то С[офья] Н[иколаевна], еще не зная ничего, говорит: вот бы этого

(Аксакова) написать побольше. Хорошо бы было достать его шляпу, какую он носил. Он у меня будет сидеть на травке, то не худо бы в шляпу ему положить записную книжечку и карандашик (если только было что-либо подобное в его привычках). Самарина буду придерживаться Тулиновской фотографии, но, кажется, я у Вас видал не эту?

Портрет Веры Николаевны кончен (т. е. то, что предполагал сделать без натуры), платье совершенно перешил внизу, и теперь С[офья] Н[иколаевна] узнает ее рост, есть хвостик и порядочный, а также и зеленая ветка, которую, впрочем, сделал мне Шишкин. Портрет Салтыкова кончен совершенно, Некрасова тоже, Кольцов переписан и черный тоже готов, и все-таки оба скверные. Решительно заколдованный портрет. Вы увидите.

Скажите мне, оставите ли Вы для себя другой портрет Некрасова, вся фигура на постели, когда он пишет стихи? (а какие стихи его последние, самая последняя песня 3-го марта «Баюшки-баю». Просто решительно одно из величайших произведений Русской поэзии!) Вот проект портрета [1]; хотя есть и перемена. Голова в том же повороте, в руке карандаш, бумажка лежит тут же, слева столик с разными принадлежностями, нужными для него, над головою шкап с оружием охотничьим, а внизу будет собака. Я спрашиваю об этом потому, что у меня его возьмут другие. Размер его $1^1/_2$ арш[ина] [2]. Как только высохнет достаточно портрет Веры Николаевны, не замедлю выслать вместе с Кольцовым.

Уважающий Вас *И. Крамской*

184. П. М. ТРЕТЬЯКОВ — И. Н. КРАМСКОМУ

12 апреля 1877
Москва

Многоуважаемый Иван Николаевич,

5 числа я отправил к Вам портреты Самарина и Аксакова и в тот же день выслал в письме квитанцию для получения посылки с железной дороги; послано было прямо по железной дороге, а не через трансп[ортную] контору для сохранения времени.

Беспокоясь, получили ли Вы посылку, покорнейше прошу уведомить меня. Я беспокоюсь не за портрет Самарина,— бог с ним, а за фотографии Аксакова, это чужая собственность.

Кстати, что на конкурсе у Григоровича [1], нет ли чего замечательного?

Пред[анный] Вам *П. Третьяков*

185. П. М. ТРЕТЬЯКОВ — И. Н. КРАМСКОМУ

15 апреля 1877
Москва

Многоуважаемый Иван Николаевич.

Я послал портреты не через транспортную контору, желая выгадать во времени два-три дня, а прогадал столько же, да еще хлопот Вам наделал; это часто бывает и во многом, когда хочешь сделать получше, как нарочно выйдет хуже! Молодец Софья Николаевна, как это она отлично знает, как и что нужно в искусстве. Насчет шляпы ничего не могу сказать Вам; едва ли осталось то, чем он покрывал голову. И. С. Аксаков говорит, что в последнее время, т. е. многие годы, отец его летом в деревне носил картуз с длинным козырьком (от солнца); если что узнаю положительного — сообщу. Относительно другого портрета Некрасова, или, лучше сказать, картины я могу сказать, только увидавши его, но до того *ради бога не отдавайте его никому,* а я буду у Вас через неделю, именно 23 или 24 числа. Самарина карточку, которую Вы у нас видели, прилагаю, но Вам послана такая же, только эта, кажется, лучше, потому и посылаю ее.

У нас с 12 числа праздник. Дай бог, чтобы эта радостная встреча войны [1] не омрачилась дальнейшими событиями и результаты ее могли бы быть также радостно встречены. В «Голосе» в среду статья Е. Маркова [2] хорошая и дельная, прочтите, если не читали; жаль только, что она появилась теперь, а не ранее несколько месяцев, тогда она могла бы — может быть (хотя и сомнительно), принести пользу, а теперь она как-то не гармонирует с общественным настроением! Впрочем, я еще не читал конца этой статьи — сегодня прочту.

Глубоко преданный Вам *П. Третьяков*

186. П. М. ТРЕТЬЯКОВ — И. Н. КРАМСКОМУ

7 мая 1877
Москва

Многоуважаемый Иван Николаевич.

[...] Я не имею ничего против того, если бы Вы и сделали портрет А. Г. Рубинштейна, но так как мне близка к сердцу Ваша серьезная работа (она должна быть серьезная!), а теперь время самое лучшее для нее, Рубинштейн же не такая огромная личность, чтобы уж так спешить с ним, и к тому же мне желалось бы, чтобы Вы как можно с любовью окончили портреты Аксакова и Некрасова (за последним, т. е.

за аксессуарами, дела не так мало будет, как кажется), то мне кажется, что Рубинштейна и Кольцова решительно нужно оставить до свободного времени. Извините, что я ввязываюсь все с своими советами, но не могу, что Вы прикажете делать? Вот Самарина для Думы нужно кончить, да и то, если хотите, можно и подождать.

У Аксакова руки складывать вместе, кажется, не годится и руки от этого потеряют, да и не в характере подобных людей сжимать руки, мне кажется, придется положить другую руку на колено недалеко от той руки, чтобы она спокойно лежала; нужно кого-нибудь посадить и сделать это с натуры, а рука на фотографии прекрасная. Картуз, кажется, следовало бы положить.

Не знаю, разберете ли?

Софье Николаевне очень кланяюсь.

Ваш преданный *П. Третьяков*

187. И. Н. КРАМСКОЙ — П. М. ТРЕТЬЯКОВУ

21 мая 1877
СПБ

Многоуважаемый Павел Михайлович, благодарю Вас за Вашу заботливость обо мне и о времени, которое мне остается для картины; я послушаюсь Вас относительно Кольцова и Рубинштейна, но относительно прочего — едва ли; все будет, конечно, как я рассчитывал.

Портрет Веры Николаевны я решился послать Вам обратно, как Вы его видели, потому что стоять ему у меня теперь нет причины, потому что то, что нужно еще сделать, нужно сделать с натуры. Прилагаю при этом квитанцию и присовокуплю, что я хотел отпра́вить со скорым поездом и застраховать, но случилось так, что отправлявший пришел без меня и взял ящик, и отправил, как он неоднократно для меня уже делал это. Словом, дело уже было непоправимо. Извините меня ради бога, но это вышло помимо моей воли, и дай бог, чтобы все обошлось благополучно. [...]

Если увидите Максимова, и если он еще там, то прошу Вас передать ему мое угрызение совести, что я еще не ответил ему на его хорошее письмо, но скоро напишу. Уж очень мало времени с 8 час. утра до 9 вечера, а ночей, чтобы писать, нет.

Уважающий Вас глубоко *И. Крамской*

Вере Николаевне свидетельствую свое уважение.

188. П. М. ТРЕТЬЯКОВ — И. Н. КРАМСКОМУ

27 мая 1877
Москва

Многоуважаемый Иван Николаевич.

Портрет получен вполне благополучно, как нельзя лучше. С ним без натуры действительно делать нечего. Фон очень хорош будет.

На днях собирается в Петербург брат, он, наверно, зайдет взглянуть портрет Самарина.

Верочка кланяется Вам и очень Софье Николаевне, и от меня тоже потрудитесь передать.

Максимову передал Ваше угрызение. Он еще здесь, но, кажется, скоро уедет, так как работу кончил и только ждет ящика [1].

Искренно преданный Вам *П. Третьяков*

189. И. Н. КРАМСКОЙ — П. М. ТРЕТЬЯКОВУ

2 июня 1877 г.

Многоуважаемый Павел Михайлович,

Будьте так добры, закажите в Русской фотографии карточку Самарина — напечатать ее, как только возможно чернее,— до черноты сапога. Мне нужно для подробностей в свету. Если они отпечатают так, что никаких контуров нельзя будет разобрать, то и чудесно, с одним условием, чтобы чудесные ручки их художников не дотрагивались бы вовсе до фотографии, и затем, не наклеивая на картон, пришлите мне в письмеце. Я полагаю, что негатив у них должен быть цел. Если же паче чаяния он утрачен, то делать нечего, придется воспользоваться Дьяговченко, он снимал также — стало быть, пусть уж он сделает то же самое. Князь Оболенский [1] прислал мне обязательно фотографию Дьяговченко большую, но она так бессовестно ретуширована, что почти бесполезна, да и совсем не лучше Русской фотографии. Словом, где бы то ни было, но пусть сделают самый черный отпечаток, какой только они в силах получить, и тогда портрет Самарина я кончу на другой же день, как получу фотографию.

Уважающий Вас *И. Крамской*

Вере Николаевне низко кланяюсь.

190. П. М. ТРЕТЬЯКОВ — И. Н. КРАМСКОМУ

8 июня 1877
Москва

Многоуважаемый Иван Николаевич.

Русская фотография уже давно закрыта. Дьяговченко ходил туда, по знакомству думал отыскать там негатив, но отыскать не мог, в его бывшей фотографии Самарин не снимался, а была сделана копия с карточки Русской фотографии; этих снимков он посылает Вам с Максимовым два экземпляра. Так как это копия, и в увеличенном виде, и самый негатив заретушован, то едва ли она Вам пригодится, а если нужно, то лучше сделать у Вас в Петербурге копию с оригинала Русской фотографии (у Вас их две карточки) — какой угодно черноты.

Ваш преданный *П. Третьяков*

Здесь ориг[инала] карточек под руками нет [1].

191. И. Н. КРАМСКОЙ — П. М. ТРЕТЬЯКОВУ

17 июня 1877 г. [1]
СПБ

Многоуважаемый Павел Михайлович,

Фотографии, которые так обязательно сделал Дьяговченко, мне решительно ни к чему не послужили, да и не мудрено, так как они не с того негатива, который был сделан с натуры. А негатива, который нужен, не имеется, стало быть, придется мне обойтись так, а жаль, можно было бы совсем восстановить человека. Ну, на нет и суда нет. В понедельник у меня был брат Ваш Сергей Михайлович, и я сделал колоссальную ошибку, когда он пришел ко мне и посмотрел Самарина, то спрашивает, не нужно ли мне денег? Я совершенно искренне сказал, что не нужно, так как у меня еще было триста руб. и должен был получить в течение недели еще 2000 руб., когда же брат Ваш уходил, я раздумывал, что за присланные рамы нужны деньги на днях, да, пожалуй, затянется с императрицей [2] (так и случилось), я в передней уже и говорю Вашему брату: «я отказался от Вашего предложения, а подумавши, согласен получить», «...сколько же Вам нужно?» — «руб. 300». «Хорошо, в будущий раз приеду — привезу». Ну скажите ради бога, на что это похоже? разве это простительно! Кажется, пора понимать, не маленький!..

Я просто обозвал себя мальчишкой, когда сообразил и вспомнил, что Вы, присылая последний раз мне 1000 руб., написали: «За портрет Самарина», т. е. за портрет для брата Вашего [3]. Ради бога, Павел Михайлович, нельзя ли как-нибудь изгладить это обстоятельство и вместе с тем выслать мне 500 р., если возможно? Максимов передал мне ноты от Веры Николаевны,— София Николаевна от них в восторге, ужасно ей понравились.

Уважающий Вас глубоко *И. Крамской*

192. П. М. ТРЕТЬЯКОВ — И. Н. КРАМСКОМУ

25 июня 1877
Москва

Многоуважаемый Иван Николаевич,

Около недели я позволил себе сделать отдых, и в это время пришло Ваше письмо от 17-го, почему и не мог ответить Вам немедленно. Ошибки с Вашей стороны не было — ведь я Вас также спрашивал, не нужно ли денег; а брат, разумеется, не знал, что Вы получили; он будет в Петербурге в среду или четверг и привезет Вам 500 р. Вы ему скажите, что остальную сумму и за раму [1] — он может передать мне. Впрочем, нам нечего разводить церемонные извинения — сочтемся во всем! Желаю Вам всего лучшего и кланяюсь Софье Николаевне.

Ваш преданнейший *П. Третьяков*

193. И. Н. КРАМСКОЙ — П. М. ТРЕТЬЯКОВУ

Многоуважаемый Павел Михайлович,[1]

Извините, что не тотчас ответил о получении присланных 500 руб., но я рассчитал, что Сергей Михайлович будет в Москве скорее моего письма, а потому ... но все равно оно мало извинительно. Я так принялся работать, что некоторым образом забыл о портретах, которые все еще не кончены, всюду остались кончики; — там борода и руки, там фон, там вообще голова еще не кончена, а там, словом, везде кое-что найдется, но я оставляю до ... до тех пор, пока заказчики не рассердятся, и работаю в мастерской.

Видел я Рубинштейна и согласен совершенно с Сергеем Михайловичем, что если писать, то надо поторопиться, иначе он, пожалуй, потеряет глаза; уже и теперь одного почти нет; и потому я думаю его начать в те дни, когда я бываю у Екатерины Михайловны в Ораниенбауме [2], и я думаю, что, чего доброго, будет толк, так как я его писать намерен во время его работ в его кабинете музыкальном. Это вполне отвечает тому, о чем мы говорим. Чтобы не забыть: Некрасов просил меня узнать от Вас, что бы Вы сказали, если бы он предложил Вам купить у него картину Ге «Пушкина в селе Михайловском» [3]. Одним словом, и Вас и меня, кажется, порядочно желают эксплуатировать гг. литераторы, для одного я должен сделать портрет жены, для другого копию, и все это ... даром!

Глубоко уважающий Вас *И. Крамской*

а рана Верещагина [4], говорят, принимает дурной оборот! вот ведь человек! жалко, ой-ой, как жалко!

194. П. М. ТРЕТЬЯКОВ — И. Н. КРАМСКОМУ

11 июля 1877 г.
Москва

Многоуважаемый Иван Николаевич,

Я и не рассчитывал на уведомление Ваше о 500 р., это совершенно лишнее; вот когда через почту или через кого-нибудь постороннего пересылается — тогда необходимо нужно известить. Портрет Рубинштейна я полагал отложить только в видах большей свободы для Вас, а так как Вы все равно ездите же в Ораниенбаум, то это еще лучше теперь писать, чтобы не пришлось зимой нарочно ездить в Петергоф. Я так и предлагал Вам портреты пока оставить, вот только Некрасова-то следовало бы прикончить, как бы не было после поздно. Но когда нам Вас в Москву ожидать для приведения в порядок портрета жены? Успешно ли у Вас идет работа в мастерской? Верещагина ужасно жаль. Неужели мы его потеряем? Я имею картину Ге, хорошо его представляющую; «Пушкина в Михайловском» ведь я мог бы приобрести, мне эту картину предлагал сам автор, стало быть, теперь приобретать не идет! да я же еще и не переменил мнения о ней.

Будьте здоровы!

Ваш преданнейший *П. Третьяков*

195. П. М. ТРЕТЬЯКОВ — И. Н. КРАМСКОМУ

23 июля 1877
Москва

Многоуважаемый Иван Николаевич.

Несколько дней назад я между прочим спросил Вас, когда нам ожидать Вас в Москву? Из сего Вы не выведите, что я тороплю Вас; дело в том, что для нас нужно знать, когда это будет, а Вы располагайте своим временем, как знаете, как бы это ни было поздно, все равно, лишь бы время для более нужного было в полном Вашем распоряжении. До 18-го августа мы будем в Кунцеве; с 19 по 28 августа не будет нас здесь; с 28 августа и весь сентябрь полагаем пробыть на даче, если, разумеется, погода не будет уж очень плоха.

Я нахожусь в ужасно нервном состоянии, гораздо худшем прошедшего лета! Уже давно, со дня первых неудач наших на Кавказе и в Аз[иатской] Турции, а теперь все хуже и хуже [1]. Азиатское дело пропало; если его и поправят опять, то пятно армянского избиения [2] не смоется. На Европейском театре неудачи и поражения еще не так волнуют меня (конец венчает дело — говоришь, т. е. стараешься успокаивать себя), как то, что мы заходим так далеко, обещаем так много, а потом оставляем занятые места, как, напр[имер], Ловчу [3], зная наверно, что жители, принимавшие нас с цветами, — будут немедленно вырезаны. А тут кругом все то же детство и повальное малодушие. Не говоря о разных праздниках в пользу пострадавших от войны, мы в Кунцеве устроили бал — просто только в свое удовольствие и в день нашего поражения под Плевной [4] — на этом бале были и веселились самые близкие мне люди.

Дай бог, чтобы Вы были здоровы и семейство Ваше.

Поклонитесь Софии Николаевне.

Ваш глубоко преданный *П. Третьяков*

196. И. Н. КРАМСКОЙ — П. М. ТРЕТЬЯКОВУ

26 июля 1877 г.
СПБ

Глубокоуважаемый Павел Михайлович, извините за коротенькое письмо и за молчание.

Я был всю неделю в великих хлопотах, то по случаю болезни Сережи, то по переделкам квартиры, да, кроме того, работаю.

В Москве буду по обстоятельствам моей картины только в

конце августа, а так как Вас не будет там в это время, то постараюсь пригнать так, чтобы быть к 1-му сентября.

Тревога в настоящее время весьма и весьма законна, с своей стороны скажу, что время мрачное, всюду — куда ни посмотри да еще вдобавок недостойные фарсы Черняева! [1]

Воля Ваша, а его телеграмма на Кавказ, что если он необходим — то поеду, хотя и болен! На что это похоже? Потом эти встречи в Саратове, в Тамбове, в Ростове, разъезды по Европе с конвоем... как и это все не просто, и... не хорошо! Впрочем, он не виноват — виноваты мы — мы все еще дети! Да, самый лучший государь и самое лучшее правительство, но абсолютное, роковым образом осуждено на ошибки, от которых больно и стыдно народу.

Вере Николаевне кланяюсь, и за ноты жена чрезвычайно благодарна, они ей очень понравились.

Уважающий Вас *И. Крамской*

197. П. М. ТРЕТЬЯКОВ — И. Н. КРАМСКОМУ

11 ав[густа 18]77

Многоуважаемый Иван Николаевич.

У Вас был болен Сережа, что с ним, уж не опять ли что-нибудь серьезное?

Вы обещаете быть к 1 сентября, но прежде мне желалось бы выяснить, где Вам нужно нас застать — на даче или в Москве? если на даче, то это будет зависеть от погоды; хорошая погода — будем на даче, плохая — в Москве.

Если Вам, Иван Николаевич, нужны деньги будут, то, пожалуйста, обращайтесь без малейшей церемонии, чем весьма обяжете искренно преданного Вам

П. Третьякова

198. П. М. ТРЕТЬЯКОВ — И. Н. КРАМСКОМУ

18 августа 1877

Многоуважаемый Иван Николаевич.

По случаю бывших праздников три дня не был в Москве и потому посылаю Вам 1000 р. только сегодня. Вот об этой посылке нужно известить, так как простое письмо может и пропасть. Очень рад, что угодил. Завтра или послезавтра уезжаю в Кострому и в Нижний, вернусь 28 или 29-го и затем

полагаю на денек съездить в Петербург, тогда надеюсь и переговорить с Вами, когда лучше привести в порядок портрет жены.

Преданный Вам

П. Третьяков

199. И. Н. КРАМСКОЙ — П. М. ТРЕТЬЯКОВУ

30 августа 1877 года
СПБ

Многоуважаемый Павел Михайлович,

Вы хотели приехать в Петербург в первых числах сентября, чтобы уговориться, когда кончить портрет Веры Николаевны, но я думаю, что Вы, может быть, захотите увидать и картину, а потому я хочу довести до Вашего сведения, что картину я Вам показать в настоящую минуту не в состоянии, а видеть ее можно только в последних числах сентября или в первых октября месяца. Чрез недельку увидит ее первый человек — моя жена и затем никто больше. Именно в настоящую пору у меня идет жаркое дело, из ночи переделывается на утро, когда уже совсем светло и даже взошло солнце. Так необходимо. Я расстался с огнем потому, что именно эта сцена *не могла* происходить ночью; да я и не жалею. Смысл картины Вам достаточно известен. Остается сообщить название. Для него мною выбрано евангельское выражение *«радуйся, царю иудейский!»* [1].

Работаю страшно, как еще никогда, с 7-ми, 8-ми часов утра вплоть до 6-ти вечера, такое усиленное занятие не только не заставляет меня откладывать дело, а напротив, часто испытываю минуты высокого наслаждения, может быть, результат и не оправдает моих ожиданий, но уже процесс работ художественных таков. Уже три месяца, как я работаю, но с особым напряжением и наслаждением $1^1/_2$, и с ужасом помышляю о том времени, когда надо будет воротиться к своим обычным занятиям — портретам. Я испытал уже это чувство после первой картины [2] и помню, как мне было больно приниматься за механический труд, но теперь на меня просто находит ужас.

Но как бы то ни было, чего бы это мне ни стоило, а раньше конца я не примусь ни за что. Конец же наступит тогда, когда получится выражение ужасного хохота. Останутся археологические детали, не имеющие уже цены и не представляющие собою содержания. Я понимаю, что многие детали

очень важны, что они дают физиономии, но они у меня и есть уже; я говорю просто об ремешках, узорах и тому подобных безделицах. Портрет Самарина для Думы в сентябре вышлю; он у меня почти готов, и как только в квартире устроится все, так я его и вытащу на свет божий.

Глубоко уважающий Вас *И. Крамской*

Вере Николаевне кланяюсь я и жена моя, которая переехала наконец с дачи, так что у меня теперь и воскресенье не пропадает.

200. П. М. ТРЕТЬЯКОВ — И. Н. КРАМСКОМУ

6 сентября 1877
Москва

Многоуважаемый Иван Николаевич,

Искренно благодарен за сообщенное кое-что о Вашей картине и о том настроении, в каком находитесь Вы. Без подобного духовного состояния не стоит и работать над вещами, требующими не одного механического труда, а самой души человека! Я очень мало говорил с Вами о Вашей будущей картине и потому содержание ее мне почти неизвестно, т. е. содержание, а не сюжет, как у нас говорится, не название, а идея и воплощение идеи; но я, признаюсь, сожалел, что Вы выбрали сцену, происходившую ночью; огонь по-моему непременно мешал бы серьезному впечатлению картины, как бы ни был верно передан, еще другое дело раннее утро и огонь уже в пассивном состоянии; но теперь, так как оказалось, что огонь и не мог быть, — то и чудесно! Разумеется, для меня это будет событие — увидать Вашу картину, но я не желаю насильственно ускорять это событие, и потому, если бы мне и пришлось быть в Петербурге ранее назначенного Вами времени, то я и не зайду к Вам, а к тому времени нарочито приеду. Не зайду потому, чтобы не мешать Вам, а еще и потому, чтобы не ставить Вас в неловкое положение отказывающего — просящему. Впрочем, полагаю, что ранее 1 октября я и не могу быть в Петербурге. Желаю Вам всей душой хотя и энергичной, но покойной работы, чтобы ничто Вас не смущало, не расстраивало и не мешало бы должному духовному состоянию.

Я и жена кланяемся и Вам и Софии Николаевне. Желаем, чтобы все были здоровы.

Ваш искренно преданный *П. Третьяков*

Когда будете посылать Самарина, то нельзя ли тут же в ящик уложить и Аксакова большую фотографию и маленькую с приделанной бородой; ведь у Вас останется чудесная фотография, а эти две совершенно лишние, а мне нужно их возвратить поскорее.

201. И. Н. КРАМСКОЙ — П. М. ТРЕТЬЯКОВУ

11 сентября 1877 г.
СПБ

Многоуважаемый Павел Михайлович,

По мере того как двигается картина, я все больше и больше начинаю трусить. Когда она не реализировалась еще, уверенность в том, что содержание ее стоит того, чтобы работать, была несокрушима, так же точно было непреложно мое намерение не показывать ее никому до конца, но теперь, когда эта решимость приводится мною в исполнение и когда вся тяжесть ответственности ложится только на одного меня (как будто в другом случае ответственность может быть делима), мне становится жутко, и так становится необходимо хоть кому-нибудь показать и посоветоваться! но я так далеко зашел в своем упорстве, что уже и показать и посоветоваться — страшно. Показать теперь жене даже не мог, все еще кажется, что подождать надо. А тут еще Вы употребили (может быть нечаянно) выражение, что для Вас видеть мою картину будет *событие*. Мне было бы легче, если бы Вами слово это было употреблено без умысла, если же Вы и в самом деле так думаете, то... я уж и не знаю, что со мною будет. Я понимаю очень хорошо, что все приготовления мои к ней носят на себе как-то чуть не торжественный характер: ездить за границу, строить нарочито мастерскую [1], взять размеры в 8 аршин... все это такие атрибуты, что заставляют других *ждать*, и вдруг... ведь это ужас. Думаю, что я, может быть, и с этим слажу, т. е. убедившись, что это не то, что нужно, я спокойно перенесу эту неудачу при условии, чтобы никому ее не показывать, кроме 2-х, 3-х лиц, кому я доверять могу и доверяю. Которые точно так же, как и я, смотрят на это — то-есть просто: вот, гг., что я думаю, Вы знаете, а вот, что я сделал, — скажите: есть тут то, что нужно? только (ввиду важности дела) без утайки? думаю, что 2 человека скажут это без утайки, раз найдутся таких два человека, я могу спокойно уничтожить картину, сломать мастерскую, и дело кончено. Я еще пока не сумасшедший, и такое несчастие не сломит меня, опять-таки если оно не будет ославлено, в другом случае мне будет очень стыдно.

Извините ради бога, что я все письмо занял собственной персоной. Портрет Самарина для Думы кончен, и я все сделаю, как Вы просите: т. е. фотографию Аксакова вышлю.

Уважающий Вас *И. Крамской*

Сергей Михайлович просил меня не высылать до его возвращения из-за границы.

Вере Николаевне глубоко кланяюсь.

202. П. М. ТРЕТЬЯКОВ — И. Н. КРАМСКОМУ

19 сентября 1877
Москва

Многоуважаемый Иван Николаевич.

Желал бы по поводу Вашего письма очень многое сказать Вам, но так как письменно всего не сумеешь сказать, что чувствуешь, то лучше оставить до свидания; иногда в двух словах можно более передать, чем в пространном письме. Это я о себе говорю, Вы же в своем небольшом письме очень много сказали. Вы возбуждены и встревожены, и это очень понятно, а работать теперь, может быть, нужно совершенно покойно; если так, то нужно скорее показать 2—3-м, как Вы говорите.

Я употребил слово *событие* совершенно без умысла, даже и не заметил особенного смысла, могущего в нем заключиться! Я никогда не употребляю выражений с умыслом, если же это так иногда кажется, то это выходит у меня так, само собой; разбирая же теперь это слово, я не могу никак отказаться от него, хотя оно и смущает Вас так. Для меня лично, и только для меня, увидать Вашу картину будет событие; удачна она в моих глазах или нет, более ожидания или менее, — это дело другое: почему я могу непременно ожидать непременной удачи? разве это зависит только от человека, а не от бесчисленной массы, может быть, вовсе незамечаемых обстоятельств? Приготовления были по-моему самые скромные; я ожидал бо́льших; если же они могут иными казаться, то в том не Ваша вина была. Что Вы не показывали до поры до времени, — совершенно похвально в моих глазах! нет ничего хуже говорить, как о совершившемся факте, еще о не существующем предмете! Это наша постоянная слабость; но когда является потребность показать, — не будет ли против натуры не удовлетворить этой потребности? Я вовсе не к тому говорю, чтобы Вы мне скорее показали, я могу весьма и очень часто

ошибаться и не понимать, покажите, кому знаете, это мне решительно все равно, но если нужно будет, когда я увижу, чтобы не знали, что я видел, — никто не узнает, в этом можете быть уверены, как никто никогда не узнает, чего говорить не нужно будет.

Ваш взгляд на Ваше дело не могу не уважить. Уверен, что все обстоит благополучно, и от души желаю спокойного продолжения.

Будьте здоровы!

Ваш преданный *П. Третьяков*

203. И. Н. КРАМСКОЙ — П. М. ТРЕТЬЯКОВУ

21 сентября 1877 г.
СПБ

Многоуважаемый Павел Михайлович,

Ваше письмо значительно помогло мне возвратить самообладание. Я находился действительно некоторое время в возбужденном состоянии, и этим (и только этим) можно себе объяснить, что я так принял ваше выражение: «событие». Теперь мне даже несколько совестно, что я допустил себя хотя на минуту толковать так ваше выражение и придавать ему такой смысл. В самом деле — думать так, как я подумал, даже забавно.

Теперь я спокоен, то-есть спокойно работаю, показывать кому-нибудь то, что я делаю, во всяком случае еще рано, хотя композицию (вылепленную) показать готов, и показывал уже — но так как отзыв об ней оказался уже без всякой критики и замечаний, то я усумнился в том, что действительно ли находится налицо то выражение, которое быть должно? Словом, ничего особенного не случилось, и я работаю как ни в чем не бывало. Конечно, если бы сказали, что это нехорошо, то мне было бы прискорбно, но и уверенности, что это действительно годится, я не зачерпнул. Из этого видно, какое странное создание человек.

Портрет Самарина для Думы я постараюсь выслать в воскресенье, ящик не будет готов раньше, а с ним и фотографии Аксакова, о которых Вы писали; портреты Ваши я, к сожалению, кончить не мог и прошу у Вас снисхождения, кончен только один Некрасов, Самарин [1] же и Аксаков еще, вероятно, протянутся на зиму. Это всегда так: с добрыми и снисходительными людьми поступают не церемонясь, и я не исключение. Доказательств слишком много, чтобы на них указывать. Устройство нашей выставки [2] отодвигается на великий пост,

так как теперь время очень неприличное для выставок вообще: война поглощает все общественные интересы, и мы решили подождать, не возьмут ли хотя Плевны[3] к тому времени, чтобы общество немножко отдохнуло и способно было чем-нибудь интересоваться другим.

Жалею, что своевременно не сделал свою мастерскую[4] несколько теплее — теперь надо принимать некоторые меры, хотя и не мог, в сущности, ничего делать солидного, под страхом приказания сломать; не знаю и теперь, можно ли оставить до декабря. На днях узнаю.

Веру Николаевну прошу принять мой усердный поклон.

Уважающий Вас *И. Крамской*

204. П. М. ТРЕТЬЯКОВ — И. Н. КРАМСКОМУ

17 ноября 1877
Москва

Многоуважаемый Иван Николаевич.

Здесь А. И. Сомов[1] для забрания материала в худ[ожественный] отдел наш буд[ущей] Парижской выставки. Прежде чем отдать что-нибудь из Ваших работ — я нахожу нужным спросить Вас: что желали бы Вы поместить на вышеупомянутой выставке?

На днях видел портрет Самарина И. С. Аксаков и был поражен и сходством и передачею характера, т. е. полным сходством.

Ваш искренно преданный

П. Третьяков

205. И. Н. КРАМСКОЙ — П. М. ТРЕТЬЯКОВУ

20 ноября 1877

Многоуважаемый Павел Михайлович,

Со времени Вашего отъезда я заболел и по сей день не брал кисти в руки. В настоящую минуту я чувствую уже себя настолько сильным, что, вероятно, скоро примусь опять за работу. Дурно только одно, что меня в марте посылают отсюда на весну, говоря, что на лето я могу возвратиться. Ну да это там увидим.

Что касается А. И. Сомова и всемирной выставки, то я решился молчать по этому случаю совершенно, и потом, я уже писал своевременно тому же А. И. Сомову, что выбирать не мое дело, а лиц, поставленных свыше для этого, а так как

они суть те именно лица, которые самым высшим начальством указаны, то мы, т. е. художники, и обязаны беспрекословно повиноваться [1]; потому что вообразите, если бы художники, что вздумают, то и пошлют, ведь тогда сии господа смысла не имеют? Я не говорю, что комиссии не нужно, но правила для руководства сей комиссии должны быть другие. Я не буду протестовать, что бы они ни взяли и как бы ни распорядились. Даже дам подписку в этом. Вас же глубоко благодарю.

Чек получил.

Крепко уважающий Вас *И. Крамской*

P. S. Сейчас принесли квитанцию с железной дороги на отправленную к Сергею Михайловичу раму, которую он просил меня заказать. Я воспользовался сим обстоятельством, чтобы послать к Репину его портрет, которому и напишу о сем немедленно [2]. Рама стоит 45 р. Ящик и укупорка 6, отправка 3 р. 32 к., всего около 54-х руб.

206. П. М. ТРЕТЬЯКОВ — И. Н. КРАМСКОМУ

Многоуважаемый Иван Николаевич,

Это просто ужасно — целый месяц Вы хвораете, а я и не знаю! Вы не любите говорить о своей особе, я это знаю, но только нельзя ли сделать исключение на сей раз и написать мне, что такое с Вами было и отчего? Простудились? Я говорил, что опасная штука эта мастерская! а может быть, она тут и ни при чем — простудиться так легко, а Вам очень нужно беречься простуды. Вас посылают на весну — куда? Будете ли Вы работать картину до того времени и покажете ли ее в декабре? Как Вы теперь себя чувствуете, и если пока нельзя будет выходить в мастерскую, — не займетесь ли Аксаковым, Некрасовым и Самариным?

Дай бог, чтобы здоровье Ваше не хромало более.

Ваш искренно пред[анный] *П. Третьяков*

Софье Николаевне прошу передать мой нижайший поклон.

207. И. Н. КРАМСКОЙ — П. М. ТРЕТЬЯКОВУ

7 декабря 1877 г.

Многоуважаемый Павел Михайлович,

Извините меня, что я так долго не отвечал на Ваше письмо. Причина лежит в том, что я в последнее время занят был

и дни и вечера одной статьей, предназначенной для печати, имеющей появиться во вторник и среду на будущей неделе в «Новом времени» об Академии [1]. Безобразия, которые имеют в настоящее время место в Академии, дошли до тех размеров, что не замечать их нет никакой возможности, и, каюсь, я вышел из терпения и настрочил, за что на меня что-нибудь, вероятно, обрушится.

Время, употребленное мною на написание упомянутой статьи, не могло быть с пользою употреблено ни на что другое, так как тьма была (и есть) кромешная, и кроме того, картину переносили из мастерской в Михайловский дворец, где мне дали пристанище. Сегодня только кончено все, и с завтрашнего дня я попробую там работать. Со времени Вашего посещения я не брал кисти в руки: был очень нездоров, а чем? Бог знает. Не знаю, знают ли доктора, вероятно, знают, но что я, конечно, последний готовый поверить опасности, и потому — не верю. Просто спокойно примусь за свое дело, а там, что бог даст.

Разумеется, Вы имеете полное основание быть недовольны моим поведением, что я не употребил времени на окончание портретов Ваших, которые у меня на руках, но смею уверить Вас, что я исполню все свои обязательства раньше какого-либо критического положения, если оно наступит. Во всяком случае не браните меня очень, а простите пока (на этот раз).

Искренно и глубоко уважающий Вас *И. Крамской*

208. И. Н. КРАМСКОЙ — П. М. ТРЕТЬЯКОВУ

17 декабря 1877 г.
СПБ

Многоуважаемый Павел Михайлович,

На этих днях мы все здесь, члены Передвижной выставки, только что узнали некоторые факты из деятельности комиссии по устройству русского отдела живописи на всемирной выставке; факты, которые, надо сказать правду, возмутили нас порядочно. Во 1-х, комиссия не всем разослала даже повестки, а с каким-то странным игнорированием многих членов. Максимов, Прянишников, Брюллов, Мясоедов, Ярошенко и один из Клодтов не получили даже извещения [1]. Это, положим, только невежливость, но она получает более серьезный характер, когда знаешь, что какие-то Богацкие [2] их получили. Во 2-х, картина Максимова «Колдун» [3] даже не была назна-

чена, а уже Сомов будто бы взял ее на свою личную ответственность и страх (как он сам сказал). О Шишкине не позаботились даже узнать, что его следует взять, да и обо мне не особенно снисходительное мнение и действия были допущены. А самое главное — это невежественный принцип, которым комиссия руководствуется; количественное равенство для всех, по 2 произведения от каждого, в ущерб прямо представительности государства, и в довершение всего Якобий [4] — единственный комиссар от художников. Хотя едут Сомов и Матушинский [5], но голос между жюри вручается только Якобии как художнику.

Принимая все это в соображение, мы, собираясь сегодня, толковали между собой и порешили: написать от имени Товарищества в комиссию следующее: Усматривая, что комиссия не знакома с деятельностью Товарищества, и будучи не согласны с самим принципом количественного равенства, мы приняли решение собрать сами то, что Товарищество сочтет нужным послать, и если комиссия не отступится от своего решения (а это может произойти, так как, говорят, дали мало места), то мы будем ходатайствовать перед министром финансов об ассигновании небольшой суммы для устройства добавочного барака, затем путем печати разъясним неправильно понятые комиссией свои обязанности и подвергнем критике самую компетентность ее членов и в конце концов, если все это уважено не будет, то мы объявим, что берем все свои вещи с выставки и везем на собственные средства в Париж и строим добавочный барак [6]. Последнего, разумеется, мы не говорили и не написали, и уже после собрания, когда все разошлись, мне пришла эта идея, и я решаюсь Вам ее сообщить и просить Вас, что если бы дело дошло до такого положения, оказали ли бы Вы материальную поддержку.

Я понимаю, что даже самая мысль и постановка вопроса Вам не может доставить удовольствия, но ответить мне просто, я уверен, Вы ответите. Лучше всего, разумеется, было бы нам вовсе отказаться и не участвовать, а взять свои вещи и конец, но теперь это будет уже невозможно: комиссия нас просто не послушает. А повезет взятое ею, так как тут и государство, и великий князь, и прочее, а добавочный павильон мирит и опрокидывает аргументацию комиссии. Международная выставка, несмотря ни на что, все же или подымает, или роняет достоинство государства, переносить на всенародную площадь наши разногласия, конечно, не следует, но и дозволить уронить себя в глазах иностранцев, повезя не все, что можно и что следует, тоже не годится. По возвращении Сомова из Москвы я говорил (узнав о равенстве количества),

что, таким образом действуя, комиссия только утвердит предположения иностранцев, что нам места давать много не следует и что даже и того, что отведено, — много; а на будущий раз нам предложат еще меньше. Словом, дело поистине стоит так дурно, что куда ни кинь — все клин. О Верещагине (ташкентском) и вовсе нет речи. Но ведь это выходит уже из всяких границ приличия. Положим, Верещагин Юпитер громовержец [7], положим, он и сам, если бы к нему обратилась комиссия, он бы только выругался, но мне кажется, что в данном случае он не противился бы, если бы я ему написал, что Товарищество просит его о помещении его вещей на нашем особом отделе, как члена-экспонента [8] Товарищества. Боголюбов мне пишет из Парижа, что он очень огорчен и обижен комиссией, так как его спрашивали, что он желает поставить, он назначает 6 или 7 картин, а ему говорят: нет, мы возьмем от Вас только 2.... и он ужасно ругается и хочет по приезде туда картин взять и эти. Словом, во многих возмущено чувство. Что вы скажете?

Уважающий Вас глубоко

И. Крамской

209. П. М. ТРЕТЬЯКОВ — И. Н. КРАМСКОМУ

25 декабря 1877
Москва

Многоуважаемый Иван Николаевич.

Поздравляю Вас и Софию Николаевну с праздником, желаю Вам со всем Вашим любезнейшим семейством всего лучшего. Верочка поздравляет и Вас и Софию Николаевну.

Напишите мне, пожалуйста, что сказал Вам доктор Боткин? и еще, спросили ли Вы его и разрешил ли он Вам ходить пешком так далеко, как Вы ходите?

Как дела на Парижской выставке вообще? и что Вы сделали лично? С Стасовым я виделся; говорил ему о предстоящих безобразиях — в общих чертах; оказывается, ему все известно, но он уверен, что устроится должным порядком, и пока писать что-нибудь несвоевременно, а когда нужно будет, то он и в газеты приударит и в Академию письмо напишет — в качестве ее почетного члена; «ведь на прошедшую всемирную выставку не хотели взять картину Маковского «Докторская приемная», а он настоял и заставил взять» [1]. Словно я с ним говорил о какой-нибудь одной вещи, а не об общем безобразии устройства комиссии и ее действий? ну не комично ли это? а ведь это первый страж и оберегатель русского

искусства! — Я ужасно беспокоюсь, что вся эта мерзость (т. е. устройство Париж[ской] выставки) Вас волнует и еще более вредит здоровью, и весьма сожалею, что я дал свои картины [2], но помочь делу, как Вы предлагали, все-таки не могу; да я вовсе и не такой богатый человек, каким могу казаться по некоторым обстоятельствам.

Ради бога берегите себя — прошу Вас.

Ваш искренно преданный *П. Третьяков*

210. И. Н. КРАМСКОЙ — П. М. ТРЕТЬЯКОВУ

26 декабря 1877
СПБ

Многоуважаемый Павел Михайлович,

Благодарю Вас за великую любезность: поздравление с праздником, выходит, что мне совестно; я не догадался, а Вы догадались; и уж это не в первый раз, как я вспоминаю.

Что касается Боткина, то он меня немножко анкуражировал, сказал, что дело не так уж плохо; хотя запретил выходить по вечерам и в сырую погоду. Ходить мне можно, без утомления. Я это буду исполнять. Что касается комиссии, то так как Товарищество юридически не может привязаться теперь ни к чему (время упущено) и притом лишено возможности привести какую-либо свою угрозу в исполнение, я пустил пока брандера один и заявил комиссии, что, насколько факты касаются меня лично, я не признаю комиссию компетентною и требую, чтобы были посланы мои следующие вещи: «Христос», портрет Гончарова, Григоровича, Шишкина, Антокольского (в Париже), рисунок Васильева — портрет (сепия) и еще один, по моему выбору, 2 этюда: «Полесовщик» и «Мельник» (у Орлова) и офорт цесаревича — всего 10 вещей [1]; в противном случае пусть возвратят в Москву и те 2 вещи [2], которые взяты. Затем, если комиссия откажет, то возьмут и другие, а если разрешит, то потребуют и другие. Словом, происходит каша. Уже там в комиссии гвалт! Сомов отказывается от участия, Якобий поджал хвост. Чем кончится — не знаю, вероятно, откажут.

Что же касается того, что Вы не настолько богатый человек, как можете казаться, то мне истинно стыдно, что мне пришлось от Вас это услышать. Если я чего больше всего боялся, так это именно, чтобы мне не сделать чего-нибудь такого, из чего можно было бы заключить, что я на что-либо посягаю или думаю столь бесцеремонно; что ведь, что ж с

Вас можно взять, *«вы богатый»,* и вот в силу совершенно исключительных обстоятельств, когда художникам было брошено в лицо такое оскорбление, когда я не знал, за что взяться и что бы сделать, мне пришлось сделать и сказать нечто такое, чего я так боялся. А оскорбление нанесено заведомо, и чувствительное: комиссия адресовала в Общество любителей в Варшаву, прося назначить, что оттуда будет послано; в Финляндию [3] тоже, и уж что там назначат, то комиссия и берет, без критики, ну, а свои художники... какое-то там Товарищество, чего с ним церемониться, и кому же, не Академии даже, а этому Обществу, член правления которого состоит в самой комиссии и даже будет комиссаром в Париже? [4] Ну да что случилось, то случилось. Сами сделали глупость, нам и платиться за это! Только не думайте ради бога, что я *посягал* (а разве нет?!). Знаете, ради бога, оставьте это, честное слово, не желал бы, чтобы оно так вышло, как вышло.

Глубоко уважающий Вас

И. Крамской

1878

211. П. М. ТРЕТЬЯКОВ — И. Н. КРАМСКОМУ

5 января 1878
Москва

Многоуважаемый Иван Николаевич.

Весьма благодарен за сообщение мнения Боткина о Вашей болезни. Вы очень умно делаете, предпочитая ходьбу езде: полезно и безопаснее! Вот ведь Боткин мог бы более обыкновенных смертных быть гарантирован, а сломал руку, переезжая эти проклятые рельсы; но ходить без утомления — вещь весьма мудреная зимою и в шубе, поэтому, мне кажется, достаточно бы было Вам возвращаться пешком, а утром ездить. Простите, что я вмешиваюсь в Ваши уж совершенно личные дела. Дай бог, чтобы этот наступивший год был для Вас во всем благополучен.

Я сказал, что не настолько богатый человек (как могу иногда казаться), не в упрек, а в извинение, что не мог или не хотел сделать того, на что Товарищество Ваше могло рассчитывать, так как действия Академии действительно возмутительны! И понятно предположить, что человек, близко стоящий к Вашему делу, — мог бы явиться пособником против поганствующей клики!

Ваше предложение 10 вещей превосходно; только, по-моему, «Майскую ночь» также непременно следовало бы послать. Мне на днях сообщил Максимов, что Товарищество получило от Академии предложение самим сделать выбор? ну вот и результат Вашего заявления — превосходный! [1]. Теперь от Товарищества зависит сделать полный выбор, чтобы показаться в настоящем свете или же совсем стушеваться, глядя по обстоятельствам.

Вы хотели Некрасову положить на ноги халат? нужно поскорее захватить его подлинный халат, пока его не захватил как-нибудь горячий поклонник или не отдали какой-нибудь старухе на куцавейку. Может быть, и еще что-нибудь нужно успеть сделать с натуры — пока еще может быть цела обстановка страдавшего поэта [2].

Желая всего доброго, прошу поклониться Софии Николаевне.

Ваш преданный *П. Третьяков*

Академия весьма умно поступит, если оставит Вашу статью без ответа [3],— более ей и сделать тут нечего! Но жаль, Ваша статья так и останется и не принесет тех благих результатов, какие бы могла принести полемика по поводу Вашей статьи (я вовсе не желаю, чтобы Вы полемизировали — избави Вас бог! Вам нужно другое дело делать), и Стасов мог бы, кроме рассказов о том, что первый поздравил автора, сделать еще что-нибудь и пополезнее! Прахов, Григорович, ну кто там еще? что же никто ни слова?

П. Тр.

212. И. Н. КРАМСКОЙ — П. М. ТРЕТЬЯКОВУ

9 генваря 1878
СПБ

Многоуважаемый Павел Михайлович,

На днях Вы получите (если еще не получили) просьбу из комиссии [1] дать на всемирную выставку те произведения членов Товарищества, которые мы тут назначили, так как комиссия (вследствие моего письма) обратилась в Товарищество, мне писать Вам и ходатайствовать у Вас перед комиссией нет надобности, положим, но я только констатирую факт и говорю со своей стороны, что мы все тут действительно назначили все эти вещи и просим Вас выслать в Академию. Кому поручить это дело, это вопрос? Конечно, было бы всего лучше, если бы кто-либо из членов комиссии соблаговолил прокатиться еще раз в Москву, но так как у меня только что был А. И. Сомов с просьбою принять участие чем-нибудь от Товарищества и помочь комиссии, которая теперь сбилась с ног, бегает как угорелая, и все обрушилось на Сомова, другие не помогают, да и не могут помочь ничем, то вот он и просит нас оказать хотя какую-либо помощь. Товарищество могло бы оказать свое содействие только в том случае, если бы А. Д. Чиркин был бы так любезен взять на себя хлопоты по присмотру по укупорке и отправке вещей; или кто-либо из московских членов Товарищества. Но Чиркина адреса я не знаю (а Брюллов уехал в Псков дней на 5—6, и я не знаю, что делать). А кто из москвичей будет настолько добр, чтобы

посмотреть за укладкою, сказать трудно. Да кроме того, здесь нужно будет поехать еще к тому, другому, например, мои вещи надобно взять еще от Куприянова («Мальчик еврей») и от Орлова (этюд мужика в высокой шляпе) [2]. Это уже хлопоты, с потерей времени сопряженные. Товарищество не только не уменьшило моих вещей, но еще и накинуло две: «Еврея» и «Майскую ночь», всего 12 вещей.

Халат от Некрасова я получил 4 дня тому назад, больше ничего, кажется, нельзя уже прибавлять; да, кроме того, все уже разорено в квартире.

У меня просили портрет Некрасова в постели на один вечер поставить в зале (какой еще неизвестно) во время проектируемого литературного вечера на 40 день его смерти. Я ответил, что лично я ничего не имею против, если бы члены распорядители вечера нашли это почему-либо полезным.

Не известно ли Вам, где находится картина *Каменева* «Ручей», за которую он получил лет 8 тому назад первую премию в Общ[естве] поощр[ения] худ[ожников] здесь, в Петерб[урге], вещь превосходная, и мы ее назначили на всемирную выставку? [3]

М. П. Боткин просит также отпустить комиссии его этюд «Старообрядец» [4].

Уважающий глубоко *И. Крамской*

213. П. М. ТРЕТЬЯКОВ — И. Н. КРАМСКОМУ

12 января 1878 г.
Москва

Многоуважаемый Иван Николаевич.

Ваше письмо от 9-го получил вчера, а от комиссии не получал. Я, как уже говорил, очень бы рад был, если бы ничего не брали у меня на Парижскую выставку: Вы не можете себе представить, сколько хлопот и возни снимать, укладывать, привинчивать и т. д.; еще большие хлопоты по возвращении вещей, промывка, починка рам, снова ввинчивать кольца, наблюдать, чтобы должный наклон был при новой развеске, и пр. пр., да почти год смотреть на безобразные оголенные и запятнанные стены; и все это еще слава богу — в сравнении с тем чувством опасения за целость вещей! Утешать можно себя разве тем, что авось это в последний раз? Но так как это нужно, и непременно нужно, то я готов служить всем — что Вам потребуется, и с своей стороны особенно рекомендо-

вал бы Вам Куинджи взять *все вещи*, находящиеся у меня: «Валаам», «Степь» и «Забытую деревню» [1]; они все, по-моему мнению, равно интересны, и я не знаю, которой из них отдать предпочтение. Что касается укладки и отправки, то если бы меня попросили, я взял бы на себя все хлопоты по укладке и отправке вещей: Андрей [2] лучше, чем кто-нибудь, сделает, да и для меня *удобнее*; разумеется, только, чтоб за расходы было мне уплачено, — в этом случае я ужасно мелочен, и рубля не хочу своего затратить безвозвратно. От Орловой получить очень легко и от Куприянова возможно. «Ручей» Каменева я не помню у кого; эта картина и «Похороны» Перова [3] были выставлены на конкурс и проданы во время моего отсутствия за границу, почему и не попали ко мне; по времени, когда это было, я полагаю, так около 1865 г. — 1866 г., и если это верно, то «Ручей» Каменева не может быть послан, так как А. И. Сомов говорил, что картины должны быть написаны после 1867 [4] года, впрочем, год-то можно и уничтожить, а может быть, его и нет даже.

Результат Вашей статьи мог быть троякий (по моему, ни на чем не основанному личному соображению): в Академии могли завести с Вами полемику, или не обратить никакого внимания, или же просить управлять министерством, — то бишь войти в состав Академического управления. Судя по последнему событию [5], — вероятнее последний результат, а я его-то и боюсь!

Будьте здоровы!

Ваш преданный *П. Третьяков*

214. П. М. ТРЕТЬЯКОВ — И. Н. КРАМСКОМУ

15 янв[аря 18]78
Москва

Многоуважаемый Иван Николаевич.

Сию минуту получил от комиссии письмо [1] от 11 января (на четвертый день, вот что значит казна-то!) с просьбою отпустить Товариществу Вашему все, что отберет уполномоченный Товарищества; более ничего пока не знаю, а между тем на устройство ящиков (все картины с Передвижной выставки получаются без ящиков) и укладку нужно неделю времени.

Преданный Вам *П. Третьяков*

215. П. М. ТРЕТЬЯКОВ — И. Н. КРАМСКОМУ

16 янв[аря 18]78
Москва

Многоуважаемый Иван Николаевич,

Сейчас был Маковский с письмами Брюллова и Вашим [1] насчет картин для Пар[ижской] выст[авки]; в этих письмах говорится о картинах только московских членов да о «Мельнике» от Орлова и «Еврее» от Куприянова. Если эти вещи уложить и отправить, а потом еще другой раз придется отправлять? Между тем письмо Брюллова еще от 4 января, а сегодня 16! Ну уж порядок у Вашего Товарищества, не лучше академического! Я ведь могу и уехать из Москвы, что бывает нередко.

Ваш искренно пред[анный] *П. Третьяков*

Уведомьте, когда откроется выставка в Академии [2].

216. И. Н. КРАМСКОЙ — П. М. ТРЕТЬЯКОВУ

16 генваря 1878 г.
СПБ

Многоуважаемый Павел Михайлович,

Товарищество получило также отзыв комиссии о том, что она с удовольствием принимает услуги наши, и принимает вполне список, но не ручается за то, что он останется не измененным, быть может по недостатку места, а быть может и потому, что Совет Академии или лицо, которому великий князь поручит последний просмотр собранных произведений, может сделать сокращения [1]; ввиду столь новой и неожиданной постановки вопроса Товарищество сочло себя обязанным устраниться от всякой помощи комиссии, чтоб не стать в какое-либо невозможное положение, в которое оно становиться не желает, и чтобы избежать всякой путаницы. Лично я рад за такой исход и прошу за себя лично приостановиться отправкою моих вещей; а также, если возможно, предупредить Орлова и Куприянова об том же, что я не желаю. Впрочем, я пишу об этом немедленно к ним.

Все это только что сию минуту кончилось, и собрание разошлось, подписав решение [2]; оговорившись, что если бы комиссия наново пожелала содействие Товарищ[ества], заранее соглашаясь на все его условия, то все дальнейшие сношения прекратить. Так что это решение окончательно.

Уважающий Вас *И. Крамской*

Было бы недурно, если бы Вы помогли мне на основании моего письма истребовать из Академии те картины, которые уже здесь [3]. Впрочем, об этом я напишу особо.

217. И. Н. КРАМСКОЙ — П. М. ТРЕТЬЯКОВУ

19 генваря 1878 г.
СПБ

Многоуважаемый Павел Михайлович,

Во всей истории по всемирной выставке идет такая кутерьма, что рассказать мудрено. С нашей стороны глупостей было сделано довольно. Но позвольте рассказать по порядку. Дело, как известно, состояло в том, что комиссия обратилась в Товарищество (по поводу моего письма), чтобы Товарищество помогло комиссии. На собрании я излагал два пути, по которым может пойти Товарищество: или миновать все мелкие уколы и пойти навстречу комиссии, сделать все возможное, составить список, даже собрать вещи, для чего, если потребуется, кто-либо из нас поедет и в Москву, Киев и Харьков, словом, все сделать, чтобы помочь, и принять, если нужно, некоторые расходы, возлагая на комиссию уплату только укупорки и пересылки и гарантию. Или, ввиду краткости времени, совершенно отказаться и поставить комиссию лицом к лицу с самолюбием Крамского и предоставить дело его естественному течению. Я лично стоял за последнее. Но Товарищество решилось принять первый путь. Сомов выразил радостное согласие и говорил о благодарности комиссии. Затем мы немедленно заготовили письма от Товарищества к владельцам картин, но оставили их пока, до получения ответа из комиссии письменного (вот почему Вы получили так поздно письмо, адресованное к Вам из Товарищества) [1]. Между тем Брюллов, член Правления, уезжал на пять дней в Псков, а в это время пришел из комиссии пакет, запечатанный, на имя Товарищества и 4 бумаги на имя владельцев, не запечатанные, которые я возвратил Сомову обратно, прося их послать от комиссии по адресам; сам же написал к Вам письмо [2]. По возвращении Брюллова было собрание и прочитало отношение комиссии, в котором она ставит на вид возможность исключения некоторых произведений или со стороны Совета Академии, или лица, кому будет поручен велик. князем окончательный осмотр. Товарищество, усматривая из бумаги, что комиссия не есть последняя инстанция, сочло долгом сообщить, что оно отказывается от дальнейшего содействия. А вопрос о списке (нами уже данный) за невозможностью сделать тут что-либо оставить и принять с покорностью

все глупые последствия, какие от того произойти могут. Когда стали расходиться, я спросил, окончательное ли это решение, и только после этого я написал Вам в тот же вечер [3] (т. е. ночь) письмо, решившись снять с выставки свои картины; телеграфировал Вам [4]. Наутро мы получили наконец от москвичей ответ. Видим, что все, что нужно комиссии, почти сделано; начинать наново останавливать, путать, разъяснять и, стало быть, еще более путать будет уже ни на что не похоже. Мы решаемся оставить дело так, как оно есть; не препятствуя ему, чтобы не сказали, что Товарищество было причиною того, что Русский отдел на всемирной выставке или не состоялся, или был представлен неполно; и так как для других все дело будет понятно только с этой стороны, то мы Вас и просим считать мое личное письмо несуществующим, а отправить картины сюда (другим я не писал, чтобы приостановились). Наблюдение же за целостию их здесь мы охотно принимаем, решимость Вашу взять хлопоты по укупорке на себя можно принять только с величайшей благодарностью. Глубоко уважающий Вас

И. Крамской
Гр. Мясоедов

Чтобы Вы не подумали, что я делаю это один, я просил подписать Мясоедова.

Срок последний 15 февраля; ящики могут быть здесь даже не раскупорены, а прямо поедут в Париж. Это на тот конец, если бы нельзя было успеть раньше.

218. П. М. ТРЕТЬЯКОВ — И. Н. КРАМСКОМУ

20 января 1878
Москва

Многоуважаемый Иван Николаевич,

Ваше письмо от 16-го получил вчера, т. е. на третий день. Сию минуту получил письмо Ваше от 19-го. Из этого последнего все-таки не вижу, об отправке каких картин говорится: только ли московских Ваших сочленов? или всех товарищей — передвижников? если всех, то где же список-то? Ведь мы (т. е. я или Маковский) его все-таки не имеем. Разъясните, пожалуйста, поскорее и пришлите список.

Желаю всего лучшего и более всего спокойствия.

Ваш преданный *П. Третьяков*

Когда будет открыта выставка или может быть уже открыта и теперь? [1]

219. П. М. ТРЕТЬЯКОВ — И. Н. КРАМСКОМУ

21 янв[аря 18]78
Москва

Многоуважаемый Иван Николаевич,

Вчера я писал Вам, только что получивши Ваше письмо от 19-го, спешил, боясь опоздать, почему и забыл упомянуть следующее. В Вашем письме говорится, что Вы получили от москвичей ответ, из которого увидали, что все, что нужно комиссии,— почти сделано; я не знаю, в каком смысле и что сделано? до сего дня ничего не сделано и не начинали.

Сегодня еще день прошел, а от Вас или от Вашего Товарищества выписки нет. Какие картины потребуются? и потребуются ли? ведь по меньшей мере нужно неделю на устройство ящиков и укладку, нужно, чтобы я был в Москве, когда это будет делаться,— а я могу уехать в Кострому, я каждый месяц езжу.

Искренно преданный Вам *П. Третьяков*

220. И. Н. КРАМСКОЙ — П. М. ТРЕТЬЯКОВУ

21 генваря 1878. Суббота
СПБ

Многоуважаемый Павел Михайлович,

Картины выслать нужно всех членов Товарищества. Список завтра будет выслан, он у Брюллова, а список московских членов находится у В. Е. Маковского.

Ничего пока не прибавляю, так как отвечать нужно на много писем, а это не терпит отлагательства.

Глубоко уважающий Вас

И. Крамской

Выставка еще не открыта, но скоро открывается; когда — не знаю.

221. И. Н. КРАМСКОЙ — П. М. ТРЕТЬЯКОВУ

22 генваря 1878

Многоуважаемый Павел Михайлович,

Посылаю список картин петербургских членов, восстановленный по памяти (за неимением Брюллова), пропуска нет [1]; нет и лишнего. Прошу извинить меня за клочок бумаги, почтовая вся вышла, а купить поздно, ждать до завтра нельзя.

Список картин московских членов у В. Е. Маковского, и следовательно, выписать его нет надобности.

Глубоко уважающий Вас

И. Крамской

Вопрос об издании офортном и художественном решен; издатели: Шишкин, Крамской и Прахов. Программа выработана, разрешение правительства ожидается. Мою картину «Майская ночь» предполагается дать в первых №№-х, и чтобы воспользоваться ее здесь присутствием, мы Вас просим позволить взять ко мне на квартиру, чтобы воспроизвести, комиссия согласна, делаться будет под моим надзором и у меня в квартире, хромолитографическим способом [2]. Позволите ли Вы?

И. Крамской

222. П. М. ТРЕТЬЯКОВ — И. Н. КРАМСКОМУ

24 января 1878 г.
Москва

Многоуважаемый Иван Николаевич.

Письмо Ваше от 21 числа, в котором Вы наконец обещаете выслать список картин, получил, но и сегодня списка все-таки нет,— может быть, получу к вечеру.

Простите, что я так надоедаю, но я ли виноват? мне совестно и даже более, чем совестно, чуть не каждый день писать все одно и то же! Но я просто недоумеваю, что такое у Вас деется? 9 января Вы мне написали, что получили уже ответ комиссии и что я на днях получу — если не получил уже — просьбу об отпуске картин; стало быть, ровно две недели тому назад Вы, т. е. Ваше Тов[арищество], могли выслать список картин, требующихся от меня. 16-го числа Вы телеграфируете остановить отправку картин; значит, Вы предполагали, что картины могли быть уже готовы к отправке, но в тот же день Вы могли узнать (я допускаю, что можно было забыть выслать список) из моего письма от 15 числа [1] и на другой день из письма Маковского [2], что у нас нет списка, и если бы этот список оставался у отсутствующего Брюллова, то можно было списать с того, который находится у Сомова. Наконец, после окончательного решения Товарищества прошло уже 5—6 дней,— можно бы, кажется, выслать.

Вчера я распорядился — не дожидаясь более несчастного списка — делать ящики на Ваши картины * и просил Маковского озаботиться скорейшим доставлением вещей от Каменева, Камынина [3], Орловых и Куприянова.

Мне ужасно больно, что я волную Вас своими упреками (я еще удерживаюсь) Товариществу, но не вижу другого средства подвинуть как-нибудь дело.

Ваш искренно преданный *П. Третьяков*

223. П. М. ТРЕТЬЯКОВ — И. Н. КРАМСКОМУ

24 янв[аря] 1878
(Вечер)
Москва

Многоуважаемый Иван Николаевич,

Сию минуту получил Ваше от 22-го после отправки моего первого сегодняшнего. Теперь могу распорядиться укладкой своих картин и тех, которые доставят мне; что же касается до двух пейзажей Шишкина, находящихся у Терещенко в Киеве, то, разумеется, не будут же пересылать их ко мне, когда можно из Киева послать прямо в Петербург.

Сожалею, что Куинджи не назначили «Забытую деревню», она интереснее «Полдня» Клодта.

Об издании офортном узнал только теперь впервые и не радуюсь. «Майскую ночь» можете воспроизводить, только покорнейше прошу оригинал оставить в покое, а то Вы находили воздух темным, я же этого не нахожу.

Преданный Вам *П. Третьяков*

224. П. М. ТРЕТЬЯКОВ — И. Н. КРАМСКОМУ

26 января 1878 г.
Москва

Многоуважаемый Иван Николаевич,

Этюд Шифа раб[оты] Ге имеет подпись 1867 г.— может ли он быть послан? [1] а жаль, следовало бы представить несколько портретистов. Портрет Камынина раб[оты] Перова не дают, несмотря на хлопоты мои и самого Перова [2]. Василий Григорьевич предлагает взамен этого портрет Бессонова [3] или Степанова [4], что Вы скажете? Следует ли посылать Брон-

* Хотя столяр и советует обождать лучше, когда все вещи будут известны, чтобы удобнее разместить.

никова «Бедных художников в квартире богатого собрата» [5], ведь в этой картине превосходно написаны аксессуары, а фигуры плоховаты; если не очень следует, то я могу сделать, что владелец не даст.

Ответьте, пожалуйста, немедленно, потому что укладка уже идет и в воскресенье надеюсь отправить.

От Орлова и Куприянова вещей нет до сего дня. Орлова Маковский два раза (по его словам) просил лично и писал еще по моему совету, обещано прислать. В воскресенье думаю сам к нему отправиться.

Ваш преданный *П. Третьяков*

«Устье Невы» Боголюбова и «Попался» Гуна были взяты уже ранее.

225. И. Н. КРАМСКОЙ — П. М. ТРЕТЬЯКОВУ

27 генваря 1878

Многоуважаемый Павел Михайлович,

Жаль, что нет Камынина, конечно, можно заменить этими двумя: Бессоновым или Степановым. Голова Степанова написана ужасно одушевленно, но как весь портрет Бессонова выше, впрочем, это все равно. Даже если заменить и эти Островским и хотя бы Погодиным [1].

Словом, это возможно, а жаль, что не Камынин. Об Бронниковой картине могу сказать, что я удивляюсь, она в списке моем должна стоять, и если ее нет, то, стало быть, я забыл.

Вообще могу только сказать, что мы все здесь глубоко Вам благодарны.

Что касается Шифа, то это жаль, но так как могут в этом усмотреть повод к исключению, то, скрепя сердце, следует воздержаться, чтобы не доставлять торжества ни в чем.

Глубоко уважающий Вас

И. Крамской

226. П. М. ТРЕТЬЯКОВ — И. Н. КРАМСКОМУ

30 января 1878 г.
Москва

Многоуважаемый Иван Николаевич.

Ваше письмо от 27-го получено 29-го, когда картины были уже сданы в транспортную контору; сегодня они отправятся; квитанцию вышлю завтра прямо к Сомову.

Шиф оставлен, так как я был уверен в том ответе, какой Вы дали. О Бронникове я спрашивал, следует ли его посылать? а в списке он был. Портрет Перова [1] вышлю уже отдельно; сегодня или завтра обещали доставить. Вчера был у Н. М. Орлова; он сегодня едет в Петербург и обещал сам доставить Ваш этюд. От Куприянова нет; надеюсь на днях увидать его. Об Каменеве — ни слуха ни духа.

Прилагаю опись содержания отправленных 8 ящиков и напоминаю *непременное* условие, при котором я взялся за это дело: *непременно присутствовать* при открытии ящиков кому-нибудь из членов Товарищества: во-первых, для того, чтобы сдать в целости вещи, и во-вторых, затем, чтобы бережно обращались при раскупорке; а то, так как укладка произведена простым и дешевым способом, и в четыре дня, а распаковывать, вероятно, будет специалист, нарочито выписываемый Андреем Ивановичем [2] из Петербурга, так долго и так не просто укладывавший первый транспорт [3],— то я и буду спокойнее, если буду уверен, что распаковка произойдет при ком-нибудь из Вас, членов Товарищества.

В «Христе» Вы хотели чуть-чуть ослабить облака на горизонте — против этого я ничего не имею. В Гончарове на фоне есть пятна, которые нужно подправить лаком.

Недавно открылась Русская фотография, я там был вчера и отыскал два негатива портрета Самарина, а так как Вы желали иметь самый темный оттиск, то я и велел сделать, может быть, он Вам еще пригодится. Вышлю на днях.

В январе следовало Вам получить от меня по уговору 500 руб., а так как я приеду, когда откроется выставка,— то можно подождать или выслать переводом?

По получении картин и распаковке их прошу немедленно известить меня.

Ваш глубоко преданный *П. Третьяков* [4]

227. И. Н. КРАМСКОЙ — П. М. ТРЕТЬЯКОВУ

7 февраля 1878

Многоуважаемый Павел Михайлович,

Картины (все) доехали в совершенной исправности и целости. Сомов уведомит Вас особо [1].

Уважающий Вас

И. Крамской

228. П. М. ТРЕТЬЯКОВ — И. Н. КРАМСКОМУ

11 февраля 1878
Москва

Многоуважаемый Иван Николаевич,

Посылаю Вам квитанцию железной дороги на ящик с тремя работами Репина: «Чугуевский протодиакон», «Еврей» и портрет Собко[1]; нужно послать за ним, т. е. за ящиком, на железную дорогу и заплатить за провоз 6 р. 25 коп. Репин желает, чтобы прежде, чем выставить в Академии на выставку, решили бы, может ли пойти на Парижскую выставку «Дьякон»? Если может, то выставить, если же сомнительно, то не выставлять. Дело в том, что Репин решил нынешний же год участвовать в Передвижной выставке, то если «Дьякон» *не пойдет на Парижскую выставку,*— он должен быть на Передвижной, и в таком случае нельзя выставлять в Академии[2]; если же «Дьякон» пойдет на Парижскую выставку, то Репин для Передвижной пришлет что-нибудь другое. Разумеется, *пока* не следует знать в Академии да и Сомову о решении Репина.

Ваш искренно преданный *П. Третьяков*

Ваше изв[ещение] о получении картин имею.

229. П. М. ТРЕТЬЯКОВ — И. Н. КРАМСКОМУ

12 февр[аля 18]78
Москва

Многоуважаемый Иван Николаевич,

Вчера в заказном послал Вам квитанцию железной дороги на вещи Репина, прошу Вас распорядиться поскорее взять с железной дороги ящик и известить меня о получении его, а также и о том, как решится участь «Дьякона».

Ваш преданный *П. Третьяков*

230. И. Н. КРАМСКОЙ — П. М. ТРЕТЬЯКОВУ

16 февраля 1878

Многоуважаемый Павел Михайлович,

Картины Репина получены в исправности. Извините, что ничего больше написать не имею времени.

Глубоко уважающий Вас

И. Крамской

231. П. М. ТРЕТЬЯКОВ — И. Н. КРАМСКОМУ

1 марта 1878
Москва

Многоуважаемый Иван Николаевич,

Какое решение положено «Протодиакону» [1]? Если нужно, Репин может прислать два дамских портрета (оба молодых дам) и этюд «Нищего» [2]. Я могу содействовать к отправке одного дамского портрета.

Надеюсь, что Вы выставите портрет Салтыкова? я, разумеется, этого очень желаю в тех только видах, что для этого портрет должен быть скоро окончен.

Если после Маркова [3] будут продавать его вещи, то я желал бы приобрести «Колизей» и рисунок с Леонардо, других вещей я не знаю.

Перед открытием Вашей Передв[ижной] выставки желал бы знать верное число открытия ее [4].

Ваш искренно преданный *П. Третьяков*

232. И. Н. КРАМСКОЙ — П. М. ТРЕТЬЯКОВУ

1 марта 1878
СПБ

Многоуважаемый Павел Михайлович, сейчас получил от Сомова известие, что граф Л. Н. Толстой согласен на то, чтобы портрет его ехал в Париж на выставку. Ему об этом писал Стасов, а потому вместо Полонского, если Вам угодно, можно послать Толстого. Перемене этой я очень рад. Извините за краткость. Чувствую, что что-нибудь забуду.

Уважающий Вас глубоко

И. Крамской

Обо всем этом Вы получите уведомление, вероятно, от Стасова [1], с документальными доказательствами.

233. П. М. ТРЕТЬЯКОВ — И. Н. КРАМСКОМУ

19 марта 1878
Москва

Многоуважаемый Иван Николаевич,

Портрет кн. Черкаского [1] отложить до сентября согласны. Относительно моих портретов я опять буду докучать Вам:

более всего меня заботит портрет Салтыкова, но и Аксаковская фотография тоже тревожит; мне кажется, лучше бы было Вам, прежде чем опять приниматься за картину,— развязаться бы со всеми этими начатыми, и может быть, надоевшими работами (Самарин, Кольцов)? Затем, принявшись вновь за картину, Вас уже не беспокоила бы моя докучливость.

Напоминаю о пейзажике Васильева (у г-жи Гун) [2], если уступят за 200 р., пожалуйста, удержите его.

Ваш искренно преданный *П. Третьяков*

234. П. М. ТРЕТЬЯКОВ — И. Н. КРАМСКОМУ

Москва
5 апреля 1878

Многоуважаемый Иван Николаевич.

По возвращении в Москву, обдумав хорошенько, я решил, что «Горелый лес» нужен, и потому спросил Ивана Ивановича, какая цена будет, если бы я приобрел? он назначил 2000 р. Я ему предложил 1500 р.— одинаковую, как за «Рожь» [1].— *Если* Вы такого же мнения (так как хорошо знаете принадлежащие мне экземпляры Шишкина), что картина эта нужна в мою коллекцию, то, *пожалуйста, уговорите* Ивана Ивановича устроить за 1500 р., так как более я не могу заплатить.—Как Ваше здоровье?

Ваш преданный *П. Третьяков*

235. И. Н. КРАМСКОЙ — П. М. ТРЕТЬЯКОВУ

7 апреля 1878
СПБ

Многоуважаемый Павел Михайлович,

Я думаю, что Вы уже знаете, что Шишкин согласился. Относительно Маркова «Колизея» и рисунков я узнал, что «Колизей» назначен 2500 р., а за рисунки еще неизвестно. Заведует всем этим Андрей Иванович Белянин, его душеприказчик. Этот г-н Белянин живет на В[асильевском] о[строве] угол 7-й линии и Большого проспекта, собственный дом, и желает, чтобы Вы, как он выразился, заявили бы ему документально свое желание приобрести эти вещи Маркова, тогда он не передаст их на аукционную продажу.

Уважающий Вас

И. Крамской

236. И. Н. КРАМСКОЙ — П. М. ТРЕТЬЯКОВУ

14 апреля 1878

Многоуважаемый Павел Михайлович,

Николай Николаевич Ге просил меня выслать к Вам портрет Потехина и Пушкина [1] без рам, что я и исполнил. Портреты отправлены, и прилагаемая квитанция это свидетельствует. Я воспользовался случаем и вложил туда же портрет Некрасова в сюртуке [2].

Уважающий Вас

И. Крамской

237. И. Н. КРАМСКОЙ — П. М. ТРЕТЬЯКОВУ

СПБ
15 апреля 1878 г.

Многоуважаемый Павел Михайлович,

Канун светлого праздника и потому время, свободное для написания письма с содержанием; хорошим или нет — другой вопрос, но все-таки с содержанием. Вы бросьте это письмо под стол, если Вы знаете цену разным фантазиям, или же, время от времени, возвращаясь к мыслям, здесь изложенным, Вы, быть может, найдете какую-либо комбинацию, при которой идея и практическая возможность ее осуществления могут слиться.

Как видите, письмо начинается несколько странно и даже чуть ли не в противность правилам риторики, но это ничего. Излагаю идею.

Русское искусство *народилось* — это несомненно. Как всякий новорожденный, оно требовало и требует некоторого ухода (говорю *некоторого* потому, что я стою за суровую школу истории). До сих пор этот некоторый уход состоял в том, чтобы ребенок не умер с голоду. Он не имеет ни отца ни матери и потому только пропитывается сострадательными людьми. Это и было. Ребенок хворал, но ни разу еще не был при смерти, по крайней мере никто не думал. Теперь оно, искусство, уже мальчик, кое-что этот мальчик лепечет, изредка есть проблески оригинальных мыслей; он учится сам, то у дьячка, то у прохожего солдатика, то так, шляясь по полям, у господа бога. В настоящую минуту он захворал и, по-моему, *серьезно*. Вот пункт, который, если мы будем согласны, решит дальнейшую судьбу Русского искусства. Что он, мальчик, хворает, это верно, все согласны. У него глаза несколько мутны, голова

его горяча, его следовало бы уложить в постель; но кто даст эту постель заболевшему? Может быть, обойдется и так; но я беру на себя роль, быть может, мне не принадлежащую, роль доктора, и говорю: «судя по признакам болезни, исход может быть смертельным, даже предположение, что мальчик умрет, вероятнее, чем предположение обойдется». Конечно, у бога все возможно, но... продолжаю. Я думаю, что этот мальчик не перенесет болезни. Может родиться другой, третий и т. д. ...очень возможно, но то будут *другие,* а не этот, да, наконец, может и не быть вовсе. Но довольно говорить иносказательно. Что нужно делать, какие шаги должно сделать русское искусство, какие ближайшие задачи исторически на очереди? *мастерские* и *школа.* И то и другое должно дать или государство, если оно *русское,* или *общество,* если оно *существует.* Государство не даст теперь потому, что оно *не русское*, общество не даст потому, что его вообще еще нет; а если и есть несколько десятков человек во всей России, то они так разбросаны и места жительства их так мало известны, что единственный адрес мне, да и всем мало-мальски думающим русским художникам известный, один — это: «Лаврушинский переулок, Никола Толмачи». Извините за это. Говорю Вам, бросьте письмо, если оно, по-вашему, фальшиво в основании, и верьте, что ни слова сожаления и упрека не вырвется у меня за это, потому что я глубоко верю, что если Вы не будете согласны, то только в силу *убеждения*, а стало быть Вы будете правы.

Мастерские нужны потому, что их нет вовсе, школа нужна потому, что ее тоже нет вовсе, а между тем есть три, четыре, пять человек, которые уже что-нибудь знают и могут кое-чему научить молодые побеги; но чтобы научить молодежь, нужна *безусловная свобода* преподавания. В Академии нельзя излагать предмета без оглядки, в Школе живописи в Москве тоже. Уложения, регламент, чиновничество сидят уже и там. Молодежь в Академии теперь опять пичкается чорт знает чем, и она решительно не будет способна продолжать традиции народившегося русского искусства, а молодежь Московской школы приливает опять-таки в Академию и здесь портится. Со смертью теперешних представителей русского искусства самостоятельное развитие замрет опять *и надолго.* Товарищество передвижных художественных выставок, исполняя свое дело, может только поддерживать свое собственное существование, но для *продолжения рода* у него нет условий. Чтобы были дети, надо жениться. Желание естественное и самое законное, и если Товарищество не женится, т. е. не устроит *школы, курсов, мастерских,* оно умрет старым холостяком, самым противным типом человеческой породы. Оно будет безнравственным.

А к тому идет. Это я говорю на основании 7-летнего опыта деятельности Товарищества, деятельности, обращенной прямо к обществу, но это обращение и убедило меня в предположении, что русского *общества еще не существует.* Есть любопытные, которые поддерживают личное существование Товарищества,— не более. Доказаны ли мои мысли, или нет? Если доказаны, то необходимо следующее: *дом.* Чей это дом — все равно. В этом доме верхний этаж мастерские и выставки. Как сделать, чтобы капитал не был брошен за окно, а возвратился бы, я детально не знаю, но убежден, что возвращаться он будет. Конечно, не так, как при коммерческих каких-либо приемах, но все же возвратится. И так, Максимов приедет из деревни, картину оканчивать негде, Мясоедов приедет, должен беспокоить Крамского и платить, Савицкий беспокоит Шишкина и опять платит, Крамской в свою очередь платит, все платят и никто не имеет пристанища. Потом к Крамскому пристают уже несколько лет, нельзя ли у Вас заниматься? Нельзя ли брать уроки? Нельзя ли притти за советом хотя раз в неделю... К Н. Н. Ге тоже, и всюду одна песня: нельзя, негде, я не могу! Времени даром пропадает пропасть у всякого, а важное дело ждет, портится, замирает. Самое Товарищество, проплыв опасные моменты своего рождения, увеличиваясь в числе, не имеет пристанища, тратит более *тысячи* рублей не устройство выставок в Петербурге ежегодно да на наем кладовой и не знает, что будет с ним завтра. Оно обновилось новыми членами, к нему примкнули такие силы, как Репин, у него в среде вырос такой, как Ярошенко, к нему готовы примкнуть лекторы по науке и истории искусства, а также художественные критики, и нет места живому слову. Рост требует пищи, чтобы совершенствоваться и развиваться, а нигде нельзя добыть ее даже за деньги. Вы скажете: неужели я готов сделаться учителем? Я отвечаю, готов. Но как? вот в чем весь вопрос. Это уж мое дело, но только не думаю, чтобы это отнимало время, т. е. *мое время.* Даже необходимо в известную пору возраста. Возьмите Шишкина. Это ли не учитель? Вам, может быть, покажется это даже смешно, но я утверждаю, что Шишкин чудесный учитель. Он способен забрать 5, 6 штук молодежи, уехать с ними в деревню и ходить на этюды, т. е. работать с ними вместе. Ведь это только и нужно. 5, 6 человек! Это не шутка, когда подумаешь, что в 10 лет из Академии вырвется один, наполовину искалеченный.

Вы скажете в конце концов, да по какому же праву я к Вам это все адресую? Но ведь я же поставил в начале письма оговорку, что мне пришла охота написать Вам письмо, побе-

седовать с Вами. Вы любите русское искусство, доказали это слишком ясно, и Вам интересны его судьбы. Помните, я даже писал статью «Судьбы русского искусства» — и что же получил в ответ? а то, что теперь *задают программы даже пейзажистам!* А как Вы полагаете, сколько лет проживет начальник; и еще больше: когда наше государство станет *русским?* На горизонте нет даже просвета. Теперь по крайней мере время к полночи, но уж никак не к утру. Последнее возражение: нам не позволят! Да разве мы это сделаем в такой форме, чтобы можно не позволять? Кто в частную квартиру придет и скажет художнику: как Вы смеете учить? Притом Товарищество могло бы кое-что предпринять к тому, чтобы выставки могли быть только у него, и что сделает Академия против *всех* художников. А это возможно.

Общество академическое [1] существует номинально, и мы его завтра же подорвем, если будем иметь *пуповину*. Куда ни поворачиваю я эту идею, всюду нахожу указания, что *время настало*. Единственное может быть соображение, где это сделать лучше: в Москве или в Петербурге? и если бы по зрелом размышлении это следует в Москве, то мы произведем эмиграцию из Петербурга; и будем устраивать Передвижные выставки прежде в Москве, и только приезжая в Петербург, как на одну из станций. Тут есть тоже своего рода пикантность [2].

Если по Вашим соображениям идее этой надо дать ход, то сообщите ее Репину. Я на него готов указывать как на мессию.

Уважающий Вас *И. Крамской*

238. П. М. ТРЕТЬЯКОВ — И. Н. КРАМСКОМУ

25 апреля 1878 г.
Москва

Многоуважаемый Иван Николаевич.

Очень благодарен за присылку портрета Некрасова (и еще бы более был, если бы прислали все остальные) [1]. Вас, вероятно, удивило, зачем это понадобилась мне неважная копия — неважного портрета Пушкина? Дело в том: я предложил Н[иколаю] Н[иколаевичу] за три портрета [2] 2 тыс. как последнее слово, т. е. додать 1 тыс. к тысяче долга, а он отвечал, что по обстоятельствам не может не согласиться, но все-таки надеется, что я не буду против цифры 2½ тыс., если он прибавит копию портрета Пушкина, и что он уже распорядился, чтобы эта копия и портрет Потехина были ко мне отправлены. Я ответил, что остаюсь при своей цифре, а меж-

ду тем портреты от Вас через два дня были уже получены. Не отвечал я Вам до сего дня потому, что на святой неделе по случаю годового баланса я бываю занят, более чем когда-нибудь, не имею минуты свободной. Письмо Ваше я не только не брошу под стол, сохраню особенно тщательно: это исторический документ, обвинительный акт обществу, или тому, что называется этим именем, в то же время показывающий, что есть силы — если не физические, то нравственные,— готовые вести борьбу за существование. Со всем ли я буду согласен — это другой вопрос, но во всяком случае к Вашему письму отношусь с великим почтением.

Если мальчик захворал серьезно, а организм его еще не испорченный, настолько тверд, что болезнь может пройти, не оставив разрушительных следов,— это ничего: похворавший мальчик очень часто после делается еще здоровее. Если же после болезни он останется на всю жизнь хилым, дряблым, искалеченным, бременем для окружающих,— пусть лучше умирает. Это жестоко, бесчеловечно! да, для близких родных, но для хладнокровного рассуждения об общественной пользе — это неоспоримо. Мне кажется, наш больной с здоровым организмом, и я на болезнь эту не смотрю так мрачно, как Вы. Мне он не чужой, но и не ближайший родной — не сын, почему я и могу рассуждать более хладнокровно! Почему же не принять меры против развития болезни, это очень похвально!

Нужны школа, мастерские, курсы, безусловная свобода преподавания; совершенно верно, действительно нужны, и еще нужны: энергия, сила воли, трудолюбие, сомкнутость, здравый смысл, жизненная практичность (не кулачество, а уменье взяться за всякое дело). Может быть, это все и есть у Передвижного Товарищества, но я не вижу; отдельно есть у одного то, у другого другое, все же эти необходимые качества, если бы и слились в одном ком-нибудь из товарищей, то один в поле не воин. Вместо того, чтобы собранный капитал с выставки и проценты с продажи картин хранить и употреблять только на нужды Общества, завели выдачу какого-то дивиденда, словно банк какой-нибудь; разобрали в ссуду или требуют полной выдачи своей доли; пустого отчета свести не могут; петербургские не понимают московского отчета, московские члены петербургского; разлад уже существует между товарищами и теперь, что же будет, когда число членов будет увеличиваться? Что разлад есть, это верно, и он будет постоянно, если мы нравственно не переделаемся! Ге после первого неуспеха [3] оказывается совсем хладнокровным членом Общества, а уж он ли не пел сладкие песни? Перов — делается врагом даже [4].

Мясоедов после своих неуспехов («Горелки», «Опахивание»)[5] хотя и сделался еще более преданным идее Товарищества, но все-таки и у него завелись козелки; и я уверен, что эти козелки будут то у Куинджи, то у того, то у другого, по очереди; если Вы будете исключение — то опять же, один — единица небольшая.

Ваше Товарищество — дети такого возраста, которые еще не могут обойтись без няньки, а няньки бывают разные, хорошие и худые; хорошие очень редки; плохие детей только портят; найдется ли нянька и какая — вопрос? Когда Товарищество вырастет настолько, что действительно будет жить самостоятельно, тогда можно будет заняться ему тем, чем возможно заниматься только взрослым; тогда оно может найти и товарищей и друзей действительно полезных. Если некоторые товарищи переросли других, то им можно и теперь заниматься взрослыми вещами. Вы лично это и делаете, а про Шишкина я постоянно и говорю и думаю: вот чудесный-то учитель мог бы быть! но кто же и что же мешает ему забирать 5—6 человек молодежи и уезжать на этюды?

Идее Вашей я не могу не сочувствовать, но нахожу, что время для ее осуществления еще *не настало,* в этом главное несогласие: Вы говорите, настало уже; по-моему, еще не настало. При мне Шишкину целый час Менделеев[6] толковал, что «настало время Ваше», в чем это господа ученые усмотрели — не понимаю; может быть, в том, что Менделеев собирает фотографии с русских произведений, ходит по мастерским, дружится с художниками, Вагнер[7] пишет художественные туманные картины, Кавелин[8] сбирается написать художественную критику? ну это, положим, лекторы по науке, действительно почтенные, а художественные критики-то, готовые к Вам примкнуть? это кто же? Один Прахов еще мог бы дельно заниматься критикой, почтеннейший Владимир Васильевич[9] [...] затем наш милейший Хамелеон[10]; ну, а потом Александров, Ледаков[11] и др? нет, воля Ваша, тут тоже еще не настало время.

Что обращаетесь Вы ко мне, я это вполне понимаю, иначе и быть не может, но я направляю мои силы на один пункт этого близкого мне дела. Если я делаю недостаточно на этом пункте, я готов и еще напрячь, но не разбрасывать в разные стороны. Например, я не нашел нужным приобрести картину Мясоедова «Засуха»[12], картина не продалась в Петербурге, может не продастся в Москве, и уж наверное в провинции. Художник работал добросовестно во всех отношениях; может быть, потому так и холодно вышло, что уж очень добросовестно! не покупали картины его неудачные — это понятно, но

эту хвалят все — и никто не покупает! Художник тут вправе впасть в апатию и не написать более ничего порядочного; вот тут, может быть, нужно приобрести, хотя прежде и не рассчитывал. Приобретая шире прежнего, потребуется и помещение расширять; словом, мне кажется, уже существующую цель лучше развивать, чем дробить силы на другую, хотя и родственную.

Репин истинный художник в душе, пока не испортился, и идею Вашу я ему сообщу, хотя и нахожу давать ход ей преждевременно, т. е. действительный ход.

Я так торопился писать, что и сам не разберу, что написал, не знаю, поймете ли Вы.

Еще к случаю скажу Вам: со мной в продолжение 22 лет были раза три такие моменты, что я готов был бросить начатое дело. Я не уверен, что и вперед не случится такого момента; разумеется, я и опять постараюсь побороть такое чувство, но, а если не поборю? я на что решусь окончательно — уже не перерешаю.

Будьте здоровы!

Ваш преданный *П. Третьяков*

Уведомьте меня, пожалуйста, за какую цену уполномочил уступить свою картину Мясоедов?

239. П. М. ТРЕТЬЯКОВ — И. Н. КРАМСКОМУ

9 мая 1878 г.
Москва

Многоуважаемый Иван Николаевич.

Выставка открыта 7 числа [1]; помещение хорошо и место удобное; но так как устраивали очень спешно (один день), то некоторые картины освещены очень плохо («Рожь» и «Горелый лес» и «Кочегар») [2]. Выставка могла бы иметь положительный успех, если бы была открыта во-время. Это единственное и лучшее помещение, здесь бывает свободно только весной и летом; публика здешняя никогда так охотно не посещает выставки — какие бы то ни было, как в рождественские и особенно пасхальные праздники (страстная и святая недели), и затем две-три недели после святой — глядя по времени пасхи. Нынешний год пасха была поздняя, и после нее прошли уже две недели; стало быть, удобное время пропущено: многие уже уехали в дальние места, другие — кто сбирается уезжать, кто перебирается на дачу; начались экзамены, итак, на при-

лив посетителей и на хорошую выручку надежды очень мало. Кроме того, на фоминой неделе должен был быть акт в Училище, а так как выставку ждали тотчас после праздника, то просили акт отложить до устройства выставки; теперь же, когда выставка открыта, приехал персидский шах, губернатору уже не до акта; а акта ждут ученики, чтобы после него скорей убираться из Москвы. Вы скажете, к чему я это расписываю? Дело уже сделано, и изменить ничего нельзя? Но подумайте о будущем; говорят, следующая Передвижная выставка назначена уже в Петербурге на великий пост и потому в Москву она опять попадет после праздника; между тем как в Петербурге, в каком бы то ни было помещении,— все равно, сделать ли ее в феврале или в марте, в феврале освещение так же хорошо, как и в марте; почему бы не постараться устроить ее (если она будет) несколько ранее? так, чтобы она в половине поста была уже закрыта и могла бы прибыть в Москву на шестой неделе поста. Если выставка будет открываться не позднее вербного воскресенья, я ручаюсь Вам за постоянный успех; прошедший год показал это, хотя выставка была открыта только две недели. Здесь выставка имеет особое значение, кроме публики: в здешнем училище 300 человек молодежи, положим, большинство архитекторов, но все-таки учеников училища, для них выставка большой праздник. Здесь не требуется ни продавщик билетов, ни дежурных, ни прислуги. Билеты продают и дежурят ученики; прислуга училищная.

Портреты Ярошенко[3] очень нравятся (жаль, что не прислали Максимова), насчет «Кочегара» и «Заключенного» мнения расходятся, но кажется, «Заключенный» более нравится. «Горелый лес» нравится более «Ржи». О Савицком[4] суждения также расходятся, но большинству «Икона» нравится, за исключением священника, на которого единогласно нападают. «Засуха», кажется за малым исключением, всем нравится (скучная картина!). «Лес» Куинджи[5] многим очень нравится, «Хутор», кажется, никому. В целом выставку одобряют.

Не следует ли мне приобрести «Заключенного»? Скажите откровенно и поскорее.

Шишкин обещал прислать рисунки[6] с картиной Савицкого; их не оказалось; не доставил ли он их к Вам?

Репин, да и вся семья его хворает лихорадкой, очень жаль этого симпатичного человека и хорошего художника. «Из робких»[7] его здесь очень проиграл.

Ваш преданный *П. Третьяков*

240. П. М. ТРЕТЬЯКОВ — И. Н. КРАМСКОМУ

11 мая 1878
Москва

Многоуважаемый Иван Николаевич.

Писал Вам 9-го и между прочим спрашивал Вашего совета о «Заключенном» Ярошенко. Сегодня я решил приобрести его, но только цену я желаю сделать не дороже «Кочегара»; в Петербурге при открытии выставки, сколько помню, «Кочегара» ценили дороже, а «Заключенного» дешевле; здесь же Маковский мне сказал сегодня цену 800 р. Я Вас покорнейше прошу попросить Николая Александровича[1] (если цена, сообщенная Маковским, верная) сделать цену, одинаковую с «Кочегаром»; это мое непременное желание, и я надеюсь, Вы совместно с Николаем Александровичем найдете это справедливым. Я не пишу сам Николаю Александровичу потому, что потерял его адрес.— Я знаю, еще недели за три до прибытия выставки спрашивали у Вас цены Мясоедова и Ярошенко; это для К. Т. Солдатенкова; картин он тогда не видал, но теперь выставка открыта уже пять дней, Солдатенков был на выставке, но «Заключенного» не приобрел; стало быть, или он ему не понравился или цену нашел дорогою. Я настолько уверен в принятии моего предложения, что сегодня же скажу, чтобы картину считали за мною. Прошу Вас передать мое глубокое уважение Николаю Александровичу.

Ваш преданный *П. Третьяков*

Поленов поставил очень милую вещь, не пейзаж и не жанр, а вроде того и другого: московский или провинциальный барский дворик, заросший травой[2]. Типично и красиво написано.

241. И. Н. КРАМСКОЙ — П. М. ТРЕТЬЯКОВУ

12 мая 1878
СПБ

Многоуважаемый Павел Михайлович,

Следовало бы обстоятельнее отвечать на Ваши два письма, но так как мне некогда, а ответ необходим немедленный, то я ограничиваюсь только существенным:

Нужно ли приобрести «Заключенного»? Я не знаю. В этой картине серьезная мысль, это правда, но до такой степени замученно написано, что я совсем теряюсь, хорошо это или дур-

но. Вероятно, хорошо, когда все хвалят. Но Вы решили приобрести и потому и разговор об этом кончен, остается цена. Цену он хотел назначить больше 1000 р. сначала; но я ему советовал спустить, насколько возможно (разумеется, частным образом). Когда была объявлена им цена 800 р., то все были очень недовольны (так как это указывало, так сказать, на то, что другие назначали выше нормы). Итак, он остался на 800 р. Когда выставка приехала в Москву, на другой же день была здесь телеграмма: не отдаст ли он за 600 р.? (от кого, не знаю, спрашивал Боткин). Он не согласился, сказав только: «пусть останется так». Ваше желание я ему передам, и только; настаивать не возьмусь, по особым причинам, точно так же как не стану и Вам утверждать, чтобы мимо этого нельзя было бы пройти. Словом, я исполню немедленно Ваше желание, а вот Вам и адрес его. Угол Бассейной и Знаменской, дом Кабат, №11-й [1].

Уважающий Вас глубоко

И. Крамской

242. П. М. ТРЕТЬЯКОВ — И. Н. КРАМСКОМУ

9 августа 1878 г.
Москва

Многоуважаемый Иван Николаевич.

Цель этого письма — что-то в роде оправдания русских людей вообще и московских в особенности, которое я почему-то нахожу нужным преподнести Вам; для чего, почему? я не знаю, но знаю, что, и сделавши это, я не буду спокойнее духом.

Вас может удивлять, почему в продолжение всего конгресса [1] вся Русь молчала, а теперь посыпятся адресы? Разве могли бы не волноваться и молчать в это ужасное, постыдное время, если бы не было строго заказано. Московская дума в начале конгресса хотела подать адрес, но было сказано, что если только речь зайдет там об адресе, то она будет запечатана. Исполнили ли бы это на деле — бог знает, но если обещали такую меру, то, видно, очень боялись, что следом за Москвой пойдут адресы отовсюду. И вот Аксакову пришлось одному публично высказать, что чувствовали все простые русские люди и некоторая часть интеллигентных. Если бы Аксакову сделали какие-нибудь овации, то его сослали бы, может быть, очень далеко, так как за одну пустую благодарность от Товарищей по службе в Славянском обществе его отправили в деревню [2]. Благодарность эту сочли за демонстрацию! Теперь

требуют адресов, и они будут, потому иначе есть ослушание высочайшей воли.

Очень интересно знать, что Вы делаете и как подвигается Ваша картина?

Поклон Софье Николаевне.

Ваш преданный *П. Третьяков*

243. И. Н. КРАМСКОЙ — П. М. ТРЕТЬЯКОВУ

11 августа [18]78
СПБ

Многоуважаемый Павел Михайлович,

Благодарю Вас очень за письмо. Все русские люди в настоящую минуту чувствуют настоятельную нужду что-нибудь сказать друг другу, хотя каждый знает в то же время, что легче от этого не будет. Молчание Москвы во время конгресса для меня лично не было удивительным по тем же самым причинам, по которым и я молчал; т. е. тут нужно если говорить, то заговорить всем, решительно всем, чтобы это не было противузаконно. Для того же, чтобы заговорить всем, еще время, должно быть, не наступило. Море не вдруг подымает свои волны, хотя бы ветер вдруг поднялся очень сильный; ну, да и тысячу лет что-нибудь да значат.

Сколько можно судить по признакам, почти не осязаемым, наверху неспокойны. Это естественно в ту минуту, когда жизнь идет к закату, а смелости стать во главе движения уже не существует, да, наконец, и как стать впереди движения? Этой простой вещи боятся больше всего. Для нас, находящихся внизу, это ясно и просто, но там это terra incognita [1] [...] ужасное время. Точь в точь в запертой комнате в глухую ночь, в кромешной тьме сидят люди, и только время от времени кто-то в кого-то выстрелил, кто-то кого-то зарезал, но кто, кого, за что? никто не знает. Неужели не поймут, что самое настоятельное — зажечь огонь? Но, вероятно, и в самом деле такой пустой вещи никому из тех, от кого это зависит, не приходит в голову. Неужели Аксаков прав, говоря в конце эти ужасные слова: «Замолчите, честные уста» [2], должно быть. Или им сверху все видно? Отчего же они не видали раньше.

Нет, это ужасно! Господь бог, несомненно, отнял разум у тех, кого он накажет.

Но сколько ни говори — легче не будет.

Глубоко уважающий Вас *И. Крамской*

Аксаков кончен [3]. Завтра еду в Гапсаль к семье и по возвращении вышлю Вам его (чрез 2 недели).

244. П. М. ТРЕТЬЯКОВ — И. Н. КРАМСКОМУ

8 сентября [18]78
Москва

Многоуважаемый Иван Николаевич.

Спасибо за письмо, но жаль, что Вы ничего не ответили на вопрос, как идет у Вас большая работа? Сегодня я уезжаю в Париж, то если не послали Аксакова — задержите его до моего возвращения. В конце этого месяца надеюсь увидать Вас в Петербурге.

Ваш преданный *П. Третьяков*

245. И. Н. КРАМСКОЙ — П. М. ТРЕТЬЯКОВУ

9 сентябрь [1]
СПБ

Глубокоуважаемый Павел Михайлович,

Портрет Аксакова я потому не посылал, что только что я воротился из Гапсаля, как был у меня брат ваш Сергей Михайлович и сказал, что Вы должны быть на днях здесь проездом в Париж, я все и ждал, чтобы попросить у Вас 500 руб., во 1-х, а во 2-х, показать портрет, но теперь я удержу его до Вашего возвращения.

Что же касается до картины, то она немножко застряла, так как я все шью костюмы да разные вооружения: кирасы, шлемы, щиты и проч., и проч., и проч. [2]. Работал немного. Пишу моментально и как попало, чтобы только бросить письмо, авось застану Вас в Москве еще.

Уважающий Вас глубоко *И. Крамской*

246. П. М. ТРЕТЬЯКОВ — И. Н. КРАМСКОМУ

4 ноября 1878
Москва

Многоуважаемый Иван Николаевич.

По поручению брата посылаю Вам 1000 р. и к ним присовокупляю следующие с меня 50 р.

Хорошо ли было Ваше путешествие? [1]. Какое впечатление сделала выставка?

Теперь я просил бы выслать портреты, так как фотографию мне очень нужно сдать.

Желая Вам всего доброго, прошу поклониться Софии Николаевне.

Ваш преданный *П. Третьяков*

Иван Николаевич, не упустите Салтыкова!

247. И. Н. КРАМСКОЙ — П. М. ТРЕТЬЯКОВУ

14 ноября [18]78
СПБ

Глубокоуважаемый Павел Михайлович, начну с того, что простите меня за ряд невежливостей или лучше за безалаберность. 1-я, получил деньги и молчу, 2-я, послал портрет и молчу, 3-я, положил туда чужую вещь и не даю объяснения вот уж который день, 4-я, не отвечаю и не пишу ничего о выставке, куда уже съездил и давно воротился. Но... думаю, что Вы догадываетесь о причинах, хотя и знаю, что догадываться Вам нет никакого повода и основания. У нас давно назначено общее собрание на 12-е число ноября и потому мы с кассиром нашим, П. А. Брюлловым, поработали, а потом за неделю до собрания Правление вырабатывало доклад о постройке собственного павильона, ну и выработало [1]. Собрание было в воскресенье, в ночь на понедельник нужно было составить протокол, в котором бы были правильно изложены прения, решение и обязательства, потому что москвичи в понедельник должны были подписать и некоторые и уехать, и потому вот только во вторник я могу сделать то, что хотел и должен. Вот как длинно вышло вступление, совершенно, быть может, ненужное.

Весьма нужную записку [2] Репину передал вчера. Сначала о портрете [3]. Когда я воротился из-за границы, я сам увидал, до какой степени было желто лицо, и потому я вспомнил Ваше замечание и решился немедленно тронуть. Вы мне напишите, хуже ли от этого или лучше, или все равно? потом перед самой отправкой я протер маслом фон и написал палку, а чтобы не попало ничего на сырое масло на фоне, я его, портрет, закутал. Хорошо ли дошел? Кроме того, положил туда же «Созерцателя» [4], чтобы не посылать его в другом ящике, в чем прошу меня простить, так как это Вам, быть может, не будет приятно, когда к Вам за ним явятся (об этом я уже написал Терещенко). Точно у Вас складочное место! За деньги Сер[гею] Мих[айловичу] и Вам великая благодарность (ох, что-то плохо дело пошло — вперед забираю!). Об Салтыкове ежеминутно помню и думаю; и... впрочем, я так много обе-

щался, что на этот раз уже и совестно; но помню! Теперь позвольте перейти к выставке... Репин и Куинджи пришли и помешали.

15-е Ноября

На всемирной выставке я должен был быть и очень рад, что был; я не имел ни малейшего понятия об англичанах (современных), очень мало — об испанцах, не полное — об итальянцах и такое же об народах, населяющих так называемую Австрию; стало быть, много и очень много я не видал; и если прибавить к этому, что я не был в Вене на выставке в [18]74 г.[5], то резонов наберется достаточно. Начать с того, что судить обо всех с точки зрения какой-нибудь доктрины, быть может, будет неправильно, хотя я, в качестве русского человека, не могу смотреть иначе, многого я просто не пойму, и если умом я буду в состоянии оценить ту или другую сторону искусства, то сердечно стать не могу ни на чью сторону, кроме России, и потому начну с нее. Полагаю, что если бы сделать иной выбор, а не тот, который сделан, и расстановить иначе, то русское искусство сделало бы самое сильное впечатление на всех, но, конечно, я это рассуждаю, как русский! Например: что за счастливый народ испанцы! стоит только хотя мельком взглянуть, чтобы не сомневаться в этом. Даже немцы, и те делаются счастливыми, по крайней мере мне так показалось. Что я называю счастливыми? Я разумею тот яд индифферентизма к изображаемым предметам, который везде (за малым исключением в Англии) господствует в европейском искусстве. Я говорю вообще, а об исключениях сейчас упомяну. Первое и самое крупное исключение — Матейко[6]. Вот человек, который, вы чувствуете, не шутит искусством, но он же и последний. Нет другого такого же серьезного ума и сердца; я не говорю таланта, потому что таковых видимо-невидимо, но все они продали себя за чечевичную похлебку. Кроме его, укажу и на Мункачи[7], его «Мильтон» — вещь чарующая, хотя идея картины довольно безразличная. Говорить ли о Прадила?[8] его сумасшедшей королеве, которая возит своего мужа в гробу? Картина делает впечатление, но, к сожалению, только, или лучше, главным образом своим сюжетом. Теперь, если прибавить Кнауса[9] и Вотье[10] да две-три вещи, разбросанные во французском отделе, то вот почти все исключения. Остаются англичане, очень серьезный народ, у которых много мысли, но они в большинстве случаев так грубо пишут, как, например, Геркомер[11], его «в последнем заседании», что не знаю, как к этому и отнестись. Давно я уже за-

метил, что новейшая живопись приближается к декорации, но нигде этого так ясно нельзя заметить, как на таком громадном ристалище. Такой строгий приговор, как видите, совершенно подстать русскому человеку, но я скажу в оправдание, что я говорю это со стороны принципиальной, если же оставить эти тонкости, то придется сознаться, что много, даже слишком много, есть вещей высокого исполнения. Что, например, может быть лучше (в известном роде) Альмы Тадемы [12]. У кого так много ума и образованности? или кто так верно, тонко и окончательно пишет жанр, как Фермен-Жерар [13], в его свадебной процессии, идущей из церкви по аллее, усыпанной осенней листвой. Эта вещь, я готов сказать, совершенство в своем роде; или, у кого когда-нибудь так сверкали краски, как у Мадраццо? [14] но зато какая же чепуха, по-моему, Макарт! [15] или совершенный дурак Бона в его последних произведениях!.. Впрочем, Вы уже знаете мою личную антипатию к этому господину, и потому, вероятно, я несправедлив, по-моему, лучше уже Каролюс Дюран, хоть тоже... гораздо лучше их Жакмар [16], m-me или m-lle, не знаю, хорош также Бастьен Лепаж [17]. Но лучше их обоих, по-моему, немец Ленбах [18] в его портрете «Делингера», там есть его же еще 3 портрета, и они мне вовсе не нравятся, а этот старик, имеющий такой умный, глубокий и несколько холодный взгляд,— замечателен; эти глаза меня преследуют до сих пор. Господина Рихтера [19] с его сладкими тонами и бессовестным рельефом я совсем не переношу, он мне противен, несимпатичен тоже мне и Анжели [20], хоть у него есть один хороший портрет какого-то, должно быть, венгерца с этакими усищами, почти фасом, зато г. Биконсфильд ниже всякой критики. Вы видите — я лечу на почтовых, а ведь этак нельзя, и это я знаю; тем более, что очень внимательно смотрел, и чуть не каждую картину помню. Относительно пейзажей я должен сказать, что лучшие пейзажи у норвежцев. Мунте [21] и Норман [22], по-моему, бесподобны; потом есть еще маленький брильянтик у американцев — знаете, тихая вода, и горы горят в солнце далеко, далеко, чудесно! Скульптура, хочешь или не хочешь, а у итальянцев лучшая. Монтеверде [23] «Оспопрививатель» — вещь серьезная, хотя немножечко слащавая, потом два бюста из терракоты: негр и негритянка, кроме того, двое мальчишек-англичан продают газеты, очень выразительно [24]. Смело и недурно также «Паразиты» [25]. Да всего не перечтешь. Позвольте отдохнуть, до следующего раза. Лучше Вы что-нибудь спросите.

Уважающий Вас глубоко

И. Крамской

248. П. М. ТРЕТЬЯКОВ — И. Н. КРАМСКОМУ

25 декабря 1878
Москва

Глубокоуважаемый Иван Николаевич.

Если Вы свое письмо от 14 ноября начали извинениями, то какими же сугубыми должен бы я начать это письмо? Не уведомил о получении Аксакова, о передаче «Созерцателя», не поблагодарил за все интересные сообщения о выставке и даже не воспользовался предложением дальнейших сообщений, очень дорогих для меня,— чем уже и наказал себя за леность и нерадение. Но не одни эти пороки виною, а и крайняя недостаточность времени. Я хотел спросить Вас о Максе [1], Гебгардте [2], Вотерсе [3], Фортуни, Лорансе [4], Реньо [5], Жероме [6], Месонье [7], Берн-Белькуре [8], Лелуа [9], Воллоне [10], Седерштроме [11], ...[неразборчиво. — *С. Г.*], Нитис [12] и др. Почти все имена уже давно известные, даже о первых восьми как-то и спрашивать странно, но я хотел бы проверить свой взгляд на этих художников. Хотел спросить Вас: стоило ли ехать г-ну Верла [13] в Иерусалим и там на месте писать свою картину? но главным вопрос был бы о Верещагине: как Вы нашли его этюды и вообще его последнюю деятельность? и насколько Ваше замечание, что новейшая живопись приближается к декорации, касается Верещагина, и касается ли? Не помню, что-то и еще сбирался спросить — ну да вот и просбирался.

Поздравляю Вас и Софию Николаевну с праздником и желаю счастливо проводить старый и новый год встретить.

Аксакова я распаковал вечером при огне и нашел его чудесным по всему. Колорит лица был матово-светло-телесного цвета, словом, все вполне хорошо. Но когда увидал днем, то нашел, что все, что тронуто после,— очень розово, и в особенности лоб. Если бы возможно было сделать, чтобы портрет этот днем был точно таким, каким он теперь кажется вечером, — я бы был им вполне доволен. Я говорю прямо, иного Вы и не захотите слушать.

Недавно узнал, что Салтыков был болен, и очень обеспокоился: ну как, помилуй бог, случится портрету остаться неоконченным?

Будьте здоровы!

Ваш преданнейший *П. Третьяков*

1879

249. П. М. ТРЕТЬЯКОВ — И. Н. КРАМСКОМУ

10 января [18]79
Москва

Глубокоуважаемый Иван Николаевич.

Мне как-то не удалось спросить Вас, не нужно ли Вам денег? Так как теперь до Передвижной выставки Вам невозможно принимать какие-либо заказы, то в деньгах может случиться надобность.

Не спросил Вас, были ли Вы на выставке Макса [1]? Я не был потому, что, разумеется, и в Москву привезут сие чудо. Но каков немец [...] развозящий: заплатил художнику 3000 гульденов, нажил уже, говорят, 20 тыс. рублей, да продать картину желает за 20 тысяч! а все четыре глаза, говорят, тому причиной. А сколько фотографий разошлось по всему свету, как не с одной картины, может быть, в последнее время! Вот она, публика-то, да и художники хороши. Фельтен [2] говорит, что Максу та польза, что имя его прославилось по всему образованному свету.

Ваш преданный *П. Третьяков* [3]

250. И. Н. КРАМСКОЙ — П. М. ТРЕТЬЯКОВУ

11 генваря [18]79
СПБ

Глубокоуважаемый Павел Михайлович,

Примите мою признательность за Ваше деликатное отношение к моим нуждам: но я еще дышу и потому утруждать не буду. Кое-как просуществую до выставки. Деньги всегда нужны, особенно в том положении, в которое я сам себя поставил, но уж тут никто и не виноват. Я взрослый человек и должен понимать, что делаю. Кроме того, я уже и так чуть не кругом в долгу у Вас. Если не ошибаюсь, 2100 р. долгу

чистого, стало быть, откуда же я возьму еще храбрости забираться еще в больший долг. Пока не будет очищен этот, мне страшно итти дальше; да, наконец, я, как сказано уже, еще могу дышать, и потому прошу Вас не думать об этом, а что я Вам благодарен за заботу, так и говорить нечего.

Вообразите, как сплетаются обстоятельства, рядом с тем, что я пишу, сейчас же противоречие, которое, надеюсь, Вы не примете иначе, как оно есть. Помните, я Вам рассказывал о г. Павлове, принявшем портрет Соф[ьи] Ник[олаевны] за портрет Лавровской[1], сей самый Павлов сегодня был опять у меня, чтобы увидать портрет Лавровской, и спрашивает, по заказу ли я его пишу? Я сказал, нет, я сам хотел. А если бы я пожелал его у Вас приобрести, то что он стоит? Я говорю, когда будет кончен, то, вероятно, не менее 2000 р., хорошо, я так и думал. Я, видя, что он является покупателем, отклонил заключение условия до тех пор, пока он будет кончен, и прибавил, что, может быть, он будет приобщен к коллекции портретов наших замечательных людей[2] и тогда я предпочту его поместить туда. На этом остановилось. Как Вы думаете? Но позвольте мне сказать вперед, как я думаю. Я думаю, что Вы хорошо бы сделали (хотя Вы ни слова не обронили о том, что Вы его желаете иметь), если бы предоставили его в мое полное распоряжение, потому что... ну да, словом, потому что Вы и так много у меня брали.

Макса не видал все еще, собираюсь со дня на день — не знаю, попаду ли, время дорого. А если и не попаду, то слишком сокрушаться не буду, хотя видеть все-таки необходимо. Об антрепренере я кое-что слышал и, что дело его идет прекрасно благодаря 4-м глазам, — я это знаю; и все-таки не завидую в порядке вещей. Одно жаль, нет человека, достаточно храброго, чтобы разъяснить публике, в чем тут дело[3]. А может быть — этого и не нужно. Публика такая овца, что шерсти на всех хватит.

Уважающий Вас глубоко *И. Крамской*

251. П. М. ТРЕТЬЯКОВ — И. Н. КРАМСКОМУ

17 января 1879 г.
Москва

Глубокоуважаемый Иван Николаевич.

Ваши письма от 11 и 12-го получил оба 13 числа и только за недосугом не мог ответить тотчас же. Насчет портрета Лавровской я ни слова не сказал потому, что он еще не был

кончен. Разумеется, я не могу не предоставить его в полное Ваше распоряжение, но мне кажется, если Вы им будете сами довольны, то и Вам будет приятнее, чтобы он был в известном и постоянно доступном месте, чем бог знает где запропастился; я это не насчет г. Павлова говорю, может быть, он весьма и весьма достоин иметь этот портрет, а потому, что многие вещи, раз проданные, совсем исчезают из вида, и потом очень многим и хотелось бы посмотреть, но уж к этому нет никакой возможности. Я бы *очень желал,* чтобы Вы этот вопрос оставили до масленицы; я буду непременно в Петербурге и портрет тогда наверно будет окончен.

Желаю Вам здоровья и здоровья.

Ваш искренно преданный *П. Третьяков*

252. И. Н. КРАМСКОЙ — П. М. ТРЕТЬЯКОВУ

19 генваря [18]79
СПБ

Глубокоуважаемый Павел Михайлович,

Если откровенно поставить вопрос (а я уже привык говорить Вам вполне откровенно), то вот что руководило мною при написании Вам письма о портрете Лавровской и г-не Павлове, который был так бесподобен, приняв портрет С[офьи] Н[иколаевны] за Лавровскую: если, положим, портрет останется у Вас, то я *не могу* поставить такую цену, какую мне заплатит г. Павлов или там кто бы ни был, а мне это было бы недурно. От Вас не скроются (я в этом уверен) настоящие мотивы, руководившие мною, даже в том случае, если бы я Вам и не сказал бы того, что сейчас сказал. Самая непривлекательная сторона в этом обстоятельстве та, что я как бы косвенно желаю Вам сказать, сколько я желал бы взять. И этого ничем не замажешь, а между тем это не так, во всяком случае, т. е. и теперь, и в первую минуту (когда я Вам написал) я действительно думал, что если портрет Лавровской Вы пожелали бы взять, и если бы не случилось г. Павлова, то цену за портрет я бы не назначил ту, за которую я его продал другому. Как видите, я точно так же, как и все смертные, не прочь поживиться, когда представится случай. Красиво это или нет, я не рассуждаю даже, а высказываю, что думаю. Пусть будет так, как Вы желаете, оставим об этом вопрос до окончания портрета. Но как бы я его ни кончил, хотя бы это вышло чудо искусства, намере-

ния мои от того не изменятся. Я только думал, что *этот* портрет не имеет такого значения, как другие, т. е. необходимые. Мне иногда делается просто совестно за себя и всех художников, когда человек тратит, тратит, тратит, и за что подумаешь? Об этом мы с С[офьей] Н[иколаевной] не раз говорили, и она высказывает ту мысль, что, говорит: «мне кажется, что Пав[ел] Мих[айлович] покупает просто из чувства сострадания».

Приходило ли Вам когда-нибудь на мысль, что как было бы хорошо, если бы люди не выкладывали всего наружу, что у них находится в глубине души? что, смотря по человеку — откровенность оставляет неизгладимое чувство горечи и воздвигает такие непроницаемые стены, что всякое сообщение человеческое становится немыслимо и что гораздо лучше иностранцы, у которых даже братья, даже отец с сыном на благородной дистанции. Не научила ли их история, не имели ли и они вначале тех же качеств, как мы, русские, достаточно еще дикие? Впрочем, Вы все чудесно рассудите сами о том, что я так пространно желал сказать и все-таки выразил темно.

Уважающий Вас *И. Крамской*

253. И. Н. КРАМСКОЙ — П. М. ТРЕТЬЯКОВУ

5 февраля [18]79 г.

Многоуважаемый Павел Михайлович,

Посылаю Вам удостоверение от 2 лиц в том, что граф Л. Н. Толстой позволяет снять фотографию с своего портрета; вместе с тем передаю просьбу Суворина и Стасова вместе взять на себя труд велеть снять фотографию комунибудь в Москве, на счет, разумеется, Суворина, который Вам, впрочем, и сам написал об этом [1].

Глубоко уважающий Вас

И. Крамской

Раньше первой недели поста приезжать не стоит.

254. П. М. ТРЕТЬЯКОВ — И. Н. КРАМСКОМУ

28 февр[аля 18]79
Москва

Многоуважаемый Иван Николаевич.

Рассчитывал в конце этой недели побывать у Вас, но попал в присяжные и буду занят в окружном суде до 10 марта.

О картине[1] брату я сказал, что Вы думаете назначить 3000 р., но *полагаю,* что с него возьмете 2500 р.; я это решил сказать, так как он не совсем публика. Когда Вы ее поставите? не будет ли брат около того времени в Петербурге, очень бы хорошо было, если он сам увидал ее конченною. Поставил ли Куинджи[2] и как он окончил, довел ли до желаемого или мало-мальски попортил? очень бы был Вам благодарен, если бы Вы мне это сообщили.

Выставка открыта в пятницу[3]; за все эти четыре дня, т. е. по вторник, ни в «Новом времени», ни в «Голосе» нет никакого объявления, между тем как в «Новом времени» с начала листа до передовой статьи около 20-ти объявлений о голове Макса и о волшебнике Карло[4] слишком много объявлялось, и потому, может быть, Ваше серьезное Товарищество хочет совсем обойтись без объявлений? но ведь нельзя же без этого: под лежачий камень и вода не течет: да, наконец, для публики Вы обязаны делать публикации.

На днях мой знакомый москвич из гостиницы приказал кучеру везти себя на выставку в Академию наук. Кучер с Николаевского моста подвез прямо к Академии худ[ожеств], знакомый приказывает везти дальше, но кучер говорит: «здесь, будьте покойны, как нам не знать! эта самая выставка и есть», так что мой знакомый должен был осмотреть прежде Академическую выставку и потом уже попал на Вашу. Это был Савва Ив[анович] Мамонтов[5], причастный к делу искусства, ну а другой бы, может быть, и совсем не попал на Вашу выставку.

Да и в Товарищество-то понабирается чуждого элемента порядочно: к чему Вам иноземцы?[6] или Литовченко[7], или мазурик Маковский?[8]

Будьте здоровы!

Ваш преданный *П. Третьяков*

255. И. Н. КРАМСКОЙ — П. М. ТРЕТЬЯКОВУ

1 марта [18]79 г.
СПБ

Глубокоуважаемый Павел Михайлович,

Как Вы сказали, так и хорошо: разумеется, я буду согласен признать С[ергея] М[ихайловича] точно так же, как и Вы, не совсем публикой. Это вопрос решенный, но когда поставлю — вопрос так просто не разрешается; с тех пор как Вы уехали, я ни минуты не имел времени, постоянно устраивал, передвигал, развешивал и до сих пор еще не вполне органи-

зовал, к тому же сын мой Ваня целую неделю уже при смерти, и до сих пор еще между страхом и надеждой. Судите сами: достаточно ли я наказан? Полагаю, что если и есть кое-что, за что бы меня следовало упрятать куда-нибудь, то я получил и достаточное вознаграждение. Словом, дела из рук вон плохи. Что касается серьезности нашего Товарищества, равного серьезности «лежачего камня», то мне остается только удивляться, почему именно в тех №№ газет, которые попадают в Москву, отсутствуют наши объявления? Объявления во всех газетах: (8-ми русских и 2-х французских и немецких) [1] были кряду три дня до открытия, и даже на первой строке, потом 2 раза Товарищ[ество] поместило уже сообщение также во всех газетах в отделе хроники; по открытии выставки Товарищ[ество] разослало опять новое объявление во все газеты на весь месяц вперед. За сообщение в отделе хроники (которые и были помещены редакциями) мы ничего не платили, за объявления же перед открытием и за объявления настоящие Товарищ[ество] заплатило уже. Кроме того, на днях будет разослано новое оплаченное объявление с перечислением картин и имен авторов. Публика идет в достаточном количестве, впечатление выставка производит внушительное, гул о качестве произведений идет тоже довольно громкий, и почему в Москве нет о том никакого признака,— я не понимаю и удивляюсь. Вероятно, нужно на объявления, чтобы они были замечены всеми, истрачивать несколько тысяч и печатать в одной газете и в одном и том же № на всех страницах: и вначале, и в средине, и в конце, да еще и приложить к тем же №№ афиш, но уж на такой расход нехватит наших средств. Мы делаем, что можем, или же (я согласен) мы не умеем это сделать, последнее вероятнее. Куинджи картины поставил и не попортил, хотя и не улучшил. Публика приветствует их восторженно, художники же (т. е. пейзажисты) в первый момент оторопели, они не приготовились, долго были с раскрытыми челюстями и только теперь начинают собираться с духом и то яростно, то исподтишка пускают разные слухи и мнения; многие доходят до высокого комизма в отрицании его картин; ну что ж, на здоровье! Вообще, выставка громовая; и потому лучшая из всех действительно. Академии же не помогает даже и Макарт [2].

К чему нам иностранцы? и разные мазурики? Это вопрос сложный. Чтобы ответить коротко, я скажу так: Мы бойцы, нас немного, правда, т. е. настоящих, но мы не желаем, чтобы те, о ком Вы говорите, были бы против нас. То обстоятельство, что Леман [3], Харламов и Маковский пришли к нам,

произвело очень сильное впечатление даже на такие крепкие лбы, как Исеев и вел. князь[4].

И. Крамской

256. И. Н. КРАМСКОЙ — П. М. ТРЕТЬЯКОВУ

12 марта 1879
СПБ

Глубокоуважаемый Павел Михайлович,

На меня несчастье за несчастьем. Только что умер бедный мальчик[1], только что его похоронили, как на другой день захворала скарлатиной Соня. Быть может, это и было причиной, что София Николаевна не совсем теперь сумасшедшая; с ужасом думаю, что будет, если... Но, быть может, минует пущая беда, и за что это?

По всем этим причинам я не дотрагивался (почти) до картины «Старые тополя»[2], и, очевидно, ее не будет здесь на выставке, а уже в Москве.

Теперь, Вы два раза спрашивали, не нужно ли мне денег, и я два раза полагал, что могу миновать это, но теперь я просил бы[3]... возьмет теперешнюю картину за 2500 р., то было бы не худо для меня сделать следующую комбинацию: выслать мне 2000 теперь, а Вы получите от С[ергея] М[ихайловича], в то время когда картина будет в Москве.

Если ничего на меня не свалится в ближайшем будущем, то я хотел бы приехать в Москву во время выставки, чтобы поправить портрет Веры Николаевны, так на недельку пока.

Уважающий Вас *И. Крамской*

Слышали? государь был![4] а ведь мы и не думали, да-с, оно, того, приятно[5]... вытянутые лица в Академии художеств! На здоровье!!!

257. П. М. ТРЕТЬЯКОВ — И. Н. КРАМСКОМУ

15 марта 1879
Москва

Глубокоуважаемый Иван Николаевич.

О смерти Вани я узнал от Репина и только что сбирался спросить Вас о Софии Николаевне, как получил Ваше письмо. Скарлатина теперь болезнь очень известная, умирают от нее мало; последствия бывают нехорошие, если болезнь злокачественная; дай бог, чтобы у Сонички была простая

скарлатина и легкая; главное, нужно беречь, чтобы не застудить; вероятно, ее натирают салом? Хорошо бы как можно меньше менять белье, пусть так и лежит в сальном белье; но что необходимо нужно сделать,— это отделить других детей; болезнь проклятая по своей заразительности. Дай бог, чтобы все обошлось благополучно. Очень бы был благодарен, если бы время от времени черкнули два слова о ходе болезни. Вы говорите, за что? а за что часто благоденствуют люди, достойные только виселицы?

Деньги будут отправлены Вам завтра или не далее субботы. Я очень рад, что Вы не будете торопиться с картиной на Петербургскую выставку; Вы можете ее взять из Москвы на будущую выставку; картину нужно как можно выдержать, она стоит этого. Вслед за тем нужно покончить с Черкасским: об нем все спрашивают меня и брат и родные Черкасского.

Да, Вы правы! Вам нужны были некоторые лица уж для того только, чтобы не были там[1]. Если бы не было К. Мак[овского], может, не был бы и государь! Адлербергу[2] нужно было устроить продажу, ну вот государь и на выставке! впрочем, может быть, говорю это и неосновательно, но мне так кажется. Я не вижу особой благодати в борьбе с Академией, на это тоже время требуется, а его так мало. Тесный кружок лучших художников и хороших людей, трудолюбие да полнейшая свобода и независимость — вот это благодать!

Искренно преданный Вам *П. Третьяков*

Фотографию с портр[ета] Л. Н. Толстого отослал Вам 14 числа. Ее можно было послать 11 числа, даже 10-го, в этом виноват я, а не Репин.

258. И. Н. КРАМСКОЙ — П. М. ТРЕТЬЯКОВУ

18 марта [1879]

Глубокоуважаемый Павел Михайлович,

Перевод на 2000 р. получил. Портрет Черкасского начал. Самарина для брата его кончаю. Ничего не пишу больше, потому что очень занят.

Тысячу благодарностей.

Вере Николаевне кланяюсь. Болезнь Сони благодаря бога идет правильно. Она веселая и ест. Толя поправляется.

Уважающий Вас глубоко *И. Крамской*

259. И. Н. КРАМСКОЙ — П. М. ТРЕТЬЯКОВУ

20 марта [1879]

Многоуважаемый Павел Михайлович,

Суворин просит, чтобы фотограф, снимавший портрет Л. Н. Толстого, выслал бы к нему — Невский на углу Троицкого переулка, редакция «Нового времени» — негатив; за вознаграждение, какое он сочтет нужным получить. Этого требует Гупиль в Париже, кроме того оттиска, который здесь я уже передал Суворину.

Уважающий Вас глубоко *И. Крамской*

260. П. М. ТРЕТЬЯКОВ — И. Н. КРАМСКОМУ

30 марта [1879]
Москва

Глубокоуважаемый Иван Николаевич.

Фотографию с портрета Л. Н. Толстого делал Дьяговченко; негатив Иван Григорьевич обещал поискать, найти и переслать по адресу; он очень жалеет, что не знал этого ранее, так как ему заказан один экзем[пляр], а он знал ранее, что этот портрет не может распространяться, то и не озаботился сохранением негатива.

Портреты Самарина получил вчера; хотя они и были очень тщательно укрыты, но, несмотря на то, пыль и мелкий сор пробрались на сырую краску; я хотел немедленно отослать портрет Д. Ф. Самарину [1], но оставлю до завтра, так как и сегодня материя на кресле еще совсем сыра. Я портретами очень доволен, и что хорошо еще, что они каждый имеют разные выражения, и оба похожи, трудно сказать, который более. Одно только, оба жидковаты в корпусе, и в особенности в моем, необходимо придется немножко прибавить с одной стороны.

Где же Салтыков? мне очень жаль было не встретить его сегодня на выставке.

Чудеса, как быстро передвигается Ваша выставка: в воскресенье еще не была закрыта в Петербурге, а в четверг уже открыта здесь! [2] Только бы еще на четыре дня пораньше, и было бы совсем хорошо. Ну а в провинции движение безобразно долгое: вот уже восемь месяцев тянется, как взяли у меня картины, а для шести городов слишком достаточно трех месяцев, ну на перевозку месяц, зачем же четыре месяца лишних? не думаю, чтобы это было выгодно? каждый день стоит Обществу денег, а владельцам весьма неприятно такое долгое отсутствие.

Дай бог Вам покойно встретить праздник, прошу поздравить от меня Софию Николаевну.

Ваш преданный *П. Третьяков*

Что за чудесный портрет Васильчикова [3], и как это Вы не совсем довольны им — не понимаю.

261. И. Н. КРАМСКОЙ — П. М. ТРЕТЬЯКОВУ

31 марта [18]79 г.

Многоуважаемый Павел Михайлович,

Корпус в портрете Самарина я сделал при брате его (третьем [1]), который был у меня две недели (или около того) здесь, в Петербурге; этот, третий Самарин, только тогда успокоился, когда я сделал так, как Вы видите. Чтобы не ошибиться без натуры, я взял тулиновскую фотографию и скопировал, а в Вашем экземпляре корпус не сделан меньше против того, как он был, и только с рукава убрана часть складок — их было слишком много.

Вместе с телеграммой к Вам [2] я телеграфировал и Дмитрию Федор[овичу] Самарину о том, когда и где будет его портрет. Я ему писал раньше (4 дня назад), что портрет готов и высылаю его к нему, а в момент отправки я его уведомил, что портрет будет там-то, к Вам же телеграфировал на тот случай, чтобы Вы знали, если бы Самарин прислал за портретом раньше получения Вами ящика, но, как видно, ни письма, ни телеграммы моей он не получил. Адресовал же я по имеющемуся у меня на его карточке адресу: Поварская, собственный дом, Д. Ф. Самарину. Верно ли?

Портрет Васильчикова я знаю, что хорош, но я не доволен самой фактурой. Надо писать жирно, широко и в то же время тонко окончательно, а здесь жиденько красочка лежит, хотя хорошая краска, и лепка есть. Ну да, словом, это все пустяки. Хорошо — и слава богу!

Уважающий Вас *И. Крамской*

262. П. М. ТРЕТЬЯКОВ — И. Н. КРАМСКОМУ

3 апр[еля] 1879
Москва

Многоуважаемый Иван Николаевич.

Самарину портрет я отослал в субботу; он знал, что портрет будет, поэтому, полагаю, получил Ваше письмо, но он

очень болен и уже довольно давно лихорадкой. Я вчера получил от него письмо с благодарностью за присылку портрета [1]. Завтра думаю навестить его. А на вопрос-то мой Вы и не ответили: где же Салтыков? почему его нет на выставке и когда я его получу?

Что Вы скажете о художественных критиках на Передвижную выставку (Стасова, Матушинского и Ледакова) вообще и в особенности на картину Репина? [2] Желал бы узнать Ваше мнение.

Искренно преданный Вам *П. Третьяков*

263. И. Н. КРАМСКОЙ — П. М. ТРЕТЬЯКОВУ

6 апреля [18]79 г.
СПБ

Многоуважаемый Павел Михайлович,

Я был убежден, что Вам известно, почему портрет Салтыкова не приехал, так как я очень обстоятельно написал на бумажке, приклеенной в пустой раме, что он приедет вместе с Поленовой карт[иной] «Лето» [1], которую реставрируют, а портрет Салтыкова повторяется для него самого [2]. Что же касается критиков на Передвижную выставку и в особенности о Репине, то это мне служит лучшим подтверждением того, что они говорят неверно: Стасов считает необходимым какую-то мистическую способность проникновения старины, помимо изучения даже, но что это за проникновение и как его отличить от ошибок и неправильного представления? Я понять не могу; спорил с ним об этом даже, но бесполезно. Матушинский же городит чистую чепуху относительно красоты и какой-то привлекательности как следствие ее (Софии) образования. Ледакова же я, к моему искреннему огорчению, даже и не читал. Я говорю: «к моему огорчению» потому, что Ледаков по своей колоссальной глупости самый веселый человек. У Репина есть все те формальные недостатки, пожалуй, об которых они говорят, и все-таки критики идут мимо настоящих его достоинств.

Мое мнение об картине Репина Вы знаете, оно для меня совершенно определилось при первом же с нею знакомстве, составилось помимо и даже вопреки слухам и остается до сих пор неизменным; да и вообще мои мнения об картинах другого художника довольно постоянны. Я знаю, что есть у Репина и чего нет, но я положительно говорю: укажите мне другую картину из старинного нашего быта, об которой бы

можно говорить серьезно и без смеху? И если в картине Репина много недостатков, то в других ни одного серьезного достоинства (за исключением «Петра с Алексеем» Ге).

К картинам из русской истории (в том-то и беда критики) нельзя прилагать шаблонной эстетики западного искусства. Мир нашего народа (внутренний) так мало нам, воспитанным на западных взглядах, доступен, что мы готовы утверждать, что это не похоже, только потому, что не знаем, какую физиономию имела эта жизнь действительно.

Вере Николаевне свидетельствую мое глубокое уважение.

Уважающий Вас *И. Крамской*

264. П. М. ТРЕТЬЯКОВ — И. Н. КРАМСКОМУ

26 апреля 1879
Москва

Многоуважаемый Иван Николаевич.

Сегодня выставка закрывается окончательно; последние четыре дня она была — бесплатно — для учебных заведений. В три недели было посетителей ок[оло] 18 тыс[яч], в день закрытия, говорят, до 3 тыс[яч]; было бы и еще более в этот день, да помещение не вмещало уже всех желающих, а вместившиеся были как сельди в бочонке и не могли ничего рассмотреть, многие совсем не видали выставки, рассчитывая на отсрочку, и теперь бранят и Товарищество и себя. Разумеется, можно бы смело еще две недели продержать, но для будущего нужно было выдержать характер. Когда пасха поздняя, тогда действительно не следует держать выставку более 3 недель, а при ранней можно назначать 5 недель. Как бы то ни было — успех выставка имела полный.

Я давно хотел Вас спросить, да как-то неловко было, но мы оба стоим на такой ноге с русским искусством, что всякая неловкость должна отбрасываться: можете ли Вы уступить, т. е. продать, портрет Софии Николаевны? [1] Я находил бы его в своей коллекции Ваших работ — необходимым.

Буду ожидать ответа.

Ваш искренно преданный *П. Третьяков*

Когда София Николаевна предполагает переселяться в наши края? [2]

265. И. Н. КРАМСКОЙ — П. М. ТРЕТЬЯКОВУ

29 апреля [18]79

Многоуважаемый Павел Михайлович,

Прежде всего, некогда. Портрет С[офии] Н[иколаевны] должен остаться детям. Если они после моей смерти его продадут, их дело [1]; а мне нельзя, как бы нужно денег ни было. За выставку радуюсь. Наши приедут в Москву в первой половине мая.

Уважающий вас *И. Крамской*

266. П. М. ТРЕТЬЯКОВ — И. Н. КРАМСКОМУ

3 мая 1879
Москва

Многоуважаемый Иван Николаевич.

Преклоняюсь перед Вашим глубокоуважаемым решением. Я уверен, что предложение мое Вы никак не сочли за обиду, за отношение могущего все купить к художнику, могущему продать каждое свое произведение. Вы хорошо знаете, что я не останавливаюсь ни перед какою пробою приобрести имеющее значение произведение русской школы, а этот портрет имеет очень большое значение — и потому надеюсь, Вы извините мое предложение.

Одна из картин Куинджи, «После дождя», прорвана на выставке; я ее еще не видал, так как только что вернулся из Костромы.

Ваш преданный *П. Третьяков*

Портрет Салтыкова в Галлерее стал еще лучше.

267. И. Н. КРАМСКОЙ — П. М. ТРЕТЬЯКОВУ

10 мая [18]79

Многоуважаемый Павел Михайлович,

Вчера у меня был Поленов и сообщил мне также то, что было известно уже мне из Вашего письма, что картина Куинджи прорвана; каким это образом случилось — они не могут себе объяснить, так как еще вечером после окончательного закрытия в[ы]ст[авки] Поленов, Васнецов и еще кто-то обходили выставку, свидетельствовали ее и ничего не было. Это очень печально, тем более, что это случилось с Вами,

которому так много Товарищество обязано. Искренно желаю, чтобы этот случай не послужил бы поводом отказать нам в чем-либо.

Кроме того, Поленов сообщил мне, что Репина нет в Москве, а между тем я просил его (Репина) кое-что для меня сделать по поводу дачи, для чего послал сто рубл. денег; и не знаю, получит ли он их или нет. Теперь я уж и не знаю, к кому мне обратиться, *никто мне так не близок*[1]. Попытаюсь написать к Васнецову. Я нанял в Жуковке, у Василия Яковлевича Ивачева, и София Николаевна приехала бы туда к 15 мая (я думал, что раньше), так как только около этого времени Соня кончит экзамены [...].

Что же касается портрета моей жены, то мне и в голову не могло ничего придти обидного, а просто Вы понимаете, что продать его нельзя.

Уважающий Вас глубоко *И. Крамской*

268. И. Н. КРАМСКОЙ — П. М. ТРЕТЬЯКОВУ

14 мая [18]79 г.

Многоуважаемый Павел Михайлович,

Я слышал, что Репин будет переписывать свою «Софию». Очень уж я этого боюсь. Там есть кое-что, напр[имер], ноги п редвинуть, стола прибавить и срезать немного правой стороны лица, но и только; это не называется переписывать[1], вещь историческая. Она многим не по вкусу, но это потому, что мы еще не знаем нашей старой жизни. Ведь что тогда было? Какая могла быть София? Вот точно такая же, как некоторые наши купчихи, бабы, содержащие постоялые дворы, и т. д. Это ничего, что она знала языки, переводила, правила государством, она в то же время могла собственноручно отодрать девку за волосы и проч. Одно с другим вполне уживалось в нашей старой России. Благодарю Вас глубоко за Соню. Вере Николаевне кланяюсь.

Уважающий Вас глубоко *И. Крамской*

269. П. М. ТРЕТЬЯКОВ — И. Н. КРАМСКОМУ

19 мая 1879
Москва

Многоуважаемый Иван Николаевич,

Репин Софью не переписывал, да ему и не дали бы — так как не его собственность[1].

Давно торопил я Товарищество возвратить картины, не для того, чтобы посмотреть на них, а чтобы занять назначенные им места; теперь ровно месяц, картины у меня, а рам нет! такое безобразное отношение к делу — не похвально.

Прикажите, пожалуйста, разыскать, где рамы, и доставить их поскорее.

Ваш искренно преданный *П. Третьяков*

270. И. Н. КРАМСКОЙ — П. М. ТРЕТЬЯКОВУ

Многоуважаемый Павел Михайлович [1],

Неисправность Товарищества относительно рам дело действительно возмутительное, но дело вот как происходит (положим, Вам от этого знания ни тепло, ни холодно). Неделю тому назад (меньше) я узнаю, что из Москвы требуют рамы. Я говорю: чьи? Сергеев отвечает: Маковский ничего не написал. Как же мы пошлем, и какие мы пошлем? Нужно же узнать, для каких картин и какой выставки? Рам в кладовой много. Мы их спрятали, чтобы не портить в путешествии, да и тяжесть огромная. Я и говорю: напишите Маковскому, чтобы он написал, какие именно. После того получаю Ваше письмо и Репина, из которых я узнаю только, что картины уже больше месяца дожидаются рам и что будто бы начинается история с рамой Солдатенкова [2]. Все это меня очень тревожит. А между тем я более не член Правления [3]. Все это я передал Правлению, которое теперь представляет из себя один Лемох [4]: Ярошенко еще не воротился из Полтавы, а Брюллов уехал на год куда-то. Ради бога извините, сегодня же я непременно сам все узнаю и устрою.

Глубоко уважающий Вас *И. Крамской*

271. И. Н. КРАМСКОЙ — П. М. ТРЕТЬЯКОВУ

26 ноября [18]79 г.
СПБ

Многоуважаемый Павел Михайлович,

Я очень сожалею, что первое мое письмо к Вам по возвращении Вашем из путешествия будет о деньгах, на которые я не имею никакого права, кроме благосклонного Вашего согласия на мою просьбу. На этот раз я прошу прислать, если можно, *пятьсот* р. (500 р.).

На прошлой неделе я только что приехал наконец на свою старую квартиру; в мастерской еще ничего делать нельзя: надо вытопить и дать уйти излишку сырости; работать будет можно, это я вижу уже теперь; когда я проведу там несколько часов кряду, то не чувствую ни малейшей неловкости; запаха сырости особого не чувствуется, словом, мастерская как будто и ничего; работать, работать и работать. Дай бог только, чтоб новых остановок не было.

Шишкин воротился из Крыма с целым ворохом рисунков и этюдов, и я должен сказать, что он взглянул на южную природу по-своему и положительно сделал успехи в колорите. В настоящее время, как Вы знаете, здесь находится Репин. Привез картину [1] к великому князю, и я должен сказать, что картина эта, столь ординарная по замыслу и по прочему, кончилась у него хорошо. Середина положительно хороша, особенно по краскам.

Прошу передать и мой и Софии Николаевны глубокий поклон Вере Николаевне, а дети мои вспоминают частенько время, проведенное в Кунцеве.

Уважающий Вас *И. Крамской*

272. И. Н. КРАМСКОЙ — П. М. ТРЕТЬЯКОВУ

8 декабря [18]79

Многоуважаемый Павел Михайлович,

Перевод на 500 р. получил и, конечно, следует прибавить, что я Вам глубоко благодарен. Но ведь и я вот тоже запаздываю ответом. Вы-то имеете действительное на то право; я знаю, как Вы работаете, ну а я, как бы ни оправдывался, все равно, но вообразите же, что за это время действительно не мог написать. Только сяду — кто-нибудь и придет и помешает, вот и теперь, пишу утром, дети идут в гимназию, а меня требуют наверх, там натягивают картину [1].

Вере Николаевне мой глубокий поклон.

Уважающий Вас *И. Крамской*

273. П. М. ТРЕТЬЯКОВ — И. Н. КРАМСКОМУ

27 декабря 1879
Москва

Многоуважаемый Иван Николаевич.

Всей семьей поздравляем Вас и Софию Николаевну с праздниками и желаем, чтобы наступающий и все будущие

годы были бы для всего Вашего семейства вполне благополучными.

Не нужны ли Вам деньги? уговор был быть со мной без церемонии. Я слышал от Соф[ии] Ник[олаевны], что Вы будете делать портрет Васильчикова с фотографии, между тем Вы в Москве мне говорили, что более писать с фотографий *ни за что* не будете, и я Вас уговаривал, как исключение, еще сделать только один — Иванова [1]. Может быть, Васильчикову — по расположению к нему — не можете отказать сделать портрет его брата, если же деньги опять отвлекают Вас от картины — очень жаль! С фотографии на Вас лежит еще священная обязанность сделать портрет Никитина [2]. Вы сказали мне, что портрет старушки [3], начатый во время нашего приезда, — даровой; что это значит? разве и с Корнилова [4] портрет был даровой? Извините за вмешательство в Ваши дела, но это мне нужно знать собственно для моего дела.

Будьте здоровы!

Преданный Вам *П. Третьяков*

274. И. Н. КРАМСКОЙ — П. М. ТРЕТЬЯКОВУ

29 декабря [18]79 года
СПБ

Многоуважаемый Павел Михайлович,

Прежде всего, в ответ на Ваше последнее письмо, ставлю: я Вам глубоко благодарен за новое доказательство Вашей любви к искусству вообще и сердечному отношению к моим нуждам в частности. Я ставлю это впереди всего для того, чтобы по прочтении всего письма Вы могли бы опять воротиться к этой главной оговорке, а не забыть как-нибудь ее: так как во все время ее из виду упускать не следует.

Несмотря на краткость, Ваше письмо меня взволновало: Вы желаете знать для *своих соображений,* зачем я беру тот или другой заказ? Позвольте, Павел Михайлович, я ведь мог бы Вам не отвечать? Я всегда помню одно: никто человеку не может помочь, если он сам себе не помогает; потом, я человек взрослый, и должен понимать, куда ведет та дорожка, на которую я давно уже вступил. Положим, могут встретиться в жизни люди, серьезно готовые придти на помощь в ту минуту, когда кто-либо изнемогает под давлением обстоятельств? и я говорю прямо: Вас я считаю таким человеком, отсюда источник моего глубокого к Вам уважения, но я таков ли? Я тот ли человек, которому надо придти на помощь?

отвечаю: нет! Я из породы Верещагиных. Во мне сидит великая гордость, и самомнение, я думал, и (к сожалению) продолжаю думать, что я как-нибудь управлюсь сам, а не управлюсь — туда и дорога! Еще будучи учеником, я не побоялся жениться, размышляя: человек выше обстоятельств! Человек сам создает себе обстоятельства! *Мне* надо учиться, *мне* надо еще работать как гимназисту, а я обзавожусь семьей, детьми, и еще там я не знаю чем! Вы думаете, я все это проделывал бессознательно, не понимая (по глупости и молодости), что может встретиться? Нет, я гордо мечтал, что я все сделаю, что все *в моей власти!* В то время, когда всякий понимает, что излишек, как бы он мал ни был, отлагаемый постоянно, может дать человеку со временем устой и избавить его от унижения занимать, я поступаю как раз обратно: Получаю куш за купол [1] в храме Христа спасителя и заранее предлагаю разделить его и Артели и Товарищам, делаю заказ этот общественным (а с общественных заказов положено было взносить 25% в кассу) и таким образом из 16 т. всего на мою долю приходится 4 тысячи за годичный труд, и после года работы немного более тысячи руб. в остатке. А? Хорош? Не глупо это? Дальше. Получаю за картину [2] 6 тысяч, а чтобы ее написать, я делаю поездку за границу [3], в Крым [4], собираюсь с силами несколько лет, чтобы освободить 4—5 месяцев, необходимых для переписки набело; наконец, когда дело кончено и деньги получены — 3 тысячи руб. долгу и за уплатой в остатке 3 тысячи. Семья растет, расходы увеличиваются, годичный бюджет возрастает до 400-х и даже больше рублей в месяц. На очереди много мыслей и картин, а я все такой же нищий, как и тогда, когда жизнь начиналась. Является получение еще: портрет наследника и работа для Вас дает мне однажды около 10 000 рублей, что же я опять делаю: я их опять употребляю для фантазий: около половины расходуется на покрытие разных долгов, очистку всего прошлого, реставрацию жизненной обстановки, и остающиеся 6000 р. делятся на 4000 (годовое содержание семьи, квартира заплачена) и 2000 — мое годичное проживание за границей [5]. Все текущие расходы в эти 17 лет моей женатой жизни покрывались с заказов; так что вышеупомянутые крупные получения стоят как некоторые грани, эпохи. С развитием мне стало ясно, что без мастерской — оставляй живопись! Я дошел, наконец, до возможного для меня (при моей обстановке) предела, ясно вижу, куда и как надобно итти дальше, но ведь для этого нужны и средства другие; я рискую опять! вместо того, чтобы остановиться, образумиться, работать, как все, принимать заказы для храма, принимать предложения

публики и столичной и провинциальной (меня приглашали и в Киев[6] и в другие города) по написанию портретов, благо, думают, что я портретист по призванию, я беру обязательство на новую квартиру с мастерской, что разом почти удваивает квартирную плату, и... виляю от заказов и как-то лихорадочно мечусь. Знаю, что уже больше молодость не воротится, что для деятельности осталось времени меньше, чем прошло, что сил физических в запасе не много, что семья остается ни чуточки не обеспеченною, а я, как закусивший удила конь, направляюсь храбро в темное будущее без фуража; ну скажите по совести, имею ли я право на поддержку? (т. е. виноват, на поддержку имею, и от Вас ее часто получаю), но на удовлетворение всех моих нужд, которые в настоящее время выражаются 7—8 тысячами в год, — никакого! Не нужно себя обманывать. И какой может быть об этом разговор!! Если бы (допускаю на минуту) мне предложили на год, на два эти деньги с тем, чтобы, отказавшись от заказов, я занялся бы тем, чем должен и хочу, то... признаюсь Вам, как это ни заманчиво было бы для меня, я откажусь. Откажусь на очень простом основании — некому будет заплатить за меня! Я говорил Вам: не дай бог писать с фотографии! что я *ни за что не буду!* что мне это надоело до тошноты! это все совершенно искренно и верно, но чтобы казнить меня такими вопросами и напоминаниями с Вашей стороны, это... это несколько жестоко! и скажу уже все: это показывает (несмотря на всю обширность Вашего сердца), что Вы незнакомы с некоторыми сторонами жизни по опыту и что Вы всегда имели возможность не изменять раз принятому намерению. Извините меня великодушно за это последнее, но, если можно, станьте в мое положение и скажите: могу или не могу я рассуждать так, как рассуждаю?! Я уж должен и без того — мой долг Вам простирается сверх 3000 руб., да еще оговоренные заранее 1000, это и без того лежит на мне тяжелым камнем; правда, кроме этого долгу, у меня и нет другого, но он (я допускаю) может как-нибудь с грехом пополам покрыться еще — в случае моей смерти, но больше невозможно. Вы скажете — картина? Ну знаете, что я сам-то думаю? Я велю ее уничтожить, если она не будет написана при жизни; и я знаю, что жена моя меня послушает. Значит, на картину для меня лично надежда плоха, да, кроме того, я всегда помню, что такие вещи должны делаться на собственный страх, остаются те работы, которые есть и останутся налицо. Вот об них-то я и говорю, что покрыть долг как-нибудь достанет. А как же семья? Ну что ж? 5 человеками нищих больше ничего не значит на всю Россию! Да и то, если сосчитать, что

я оставил обществу и что будет *стоить прокормление* моих голодных, то, может быть, мы и будем квиты. Я играю ва-банк, но только на свои. В этом вся моя гордость. Она же не позволяет мне и принять какое-либо предложение, именно потому, что *мои* расходы не расходы *только* на искусство; чтобы сделать понятным, я приведу пример: Иванов, *истинный* и великий художник, все 28 лет был один; его расходы можно предсказать с арифметической точностью, ну а у меня ведь не то: сегодня умер кто-нибудь (не я), завтра платежи за квартиру и обучение детей, а там расход на учителей музыки, после того пришла нужда обить диван наново! и т. д. и т. д., и заметьте, на это хотя тоже может быть такса, но я на таксу не согласен! Повторяю; может ли быть какой-нибудь разговор серьезный о том, что Вы затронули Вашим письмом? *Нет, не может!*

Вот почему я сказал раньше, что я мог бы Вам и не отвечать. Но ведь я знаю и глубоко убежден, что Вами руководит в данном случае не мелкое чувство любопытства или неудовольствие, что я Вам кое в чем будто бы отказал, а от других принимаю, нет, причины Ваши уважительны, я верю, и поэтому-то я изложил все до последней возможности. Не хочу думать, чтобы Вами руководило следующее: «мне нужно такой-то и такой-то портрет, И[ван] Н[иколаевич] не хочет, отказывается, а портреты между тем необходимы, надобно выяснить, чтобы заказать другому, или, словом, принять меры к тому; потому что обидно же в самом деле, когда для другого решается сделать». Хотя я, находясь в том положении, в каком нахожусь, и могу это подумать, но, повторяю, ни на минуту на этом не остановился. Я привык так Вас глубоко уважать и до такой степени освоился с присутствием в Вас сильной любви к искусству, что ищу причин в другом месте, из источника более высокого — сострадания к чужому положению — на это указывает между прочим и вопрос Ваш: не нужно ли мне? и уговор быть без церемоний. Уж, кажется, я без церемоний! и в свое время попрошу оставшиеся те, уговорные деньги, о которых я еще в Москве заговаривал. Итак, вот Вам полная исповедь! Надеюсь, что Вы в душе сознаетесь в правоте моей точки зрения на себя самого и в моей трезвости понимания обстоятельств, т. е., что я говорю ни больше ни меньше того, что есть. А впрочем, может быть, все, что я наговорил, совершенно лишнее. Я принял мои *предположения* за действительность. Ведь предложения мне никто делать не думает? Тогда положение мое несколько забавное. Во всяком случае я верю, что Вы мне раскроете эту загадку.

Теперь оправдательные пункты:

От портрета Иванова я не отказался, а хочу и постараюсь его сделать. Портрет Никитина, как священная обязанность, может подождать, как и все священные обязанности, не материальные, должны уступать по необходимости реальным обязанностям, которые на меня упали сверх ожидания при переезде. Я просчитался, сознаюсь, и отсюда необходимость портрета Васильчикова. Что же касается Корнилова, то портрет его написал по особым обстоятельствам, и написал *не* за ту цену, которую мне платит публика. В Комитете по устройству памятника Пушкину мы познакомились, он хотел портрета, но сказал, что оплатить мой труд ему не под силу (он не богат), тогда я сказал, что моя цена для него будет от 50 до 1000 р. пусть он выбирает. Ну, отсюда недалеко и до старушки, которую я также давно обещался ему сделать. Это портреты такие же, как Менделеева [7], и много еще найдется, т. е. это моя филантропия. Как видите, я еще играю роль и богатого человека — роль уже вовсе ко мне не идущая! Единственное оправдание мне — это искреннее ко мне расположение с их стороны и оценка моих работ — ну, а это струнка у художника чувствительная!! Кажется, я отвечал по всем пунктам. Пишу к Вам выздоравливающий, т. е. поднявшийся с постели, где меня удержали целую неделю. У меня что-то случилось в кишках, начиналась какая-то опухоль на одной из оболочек, четверо суток лежал на одном месте лед. Говорят, надо ехать летом или в Карлсбад, или в Эсентуки. Господи! ведь эдак и до развязки недалеко!

Судите меня как знаете!

Глубоко уважающий Вас *И. Крамской*

1880

275. П. М. ТРЕТЬЯКОВ — И. Н. КРАМСКОМУ

4 января 1880 г.
Москва

Многоуважаемый Иван Николаевич,

Я и опечален тем, что взволновал Вас, и рад, что дал повод Вам высказаться. Странное дело: все, что Вы сказали, мне знакомо, я как будто уже слышал это от Вас, а между тем у нас подобных разговоров, кажется, не было; неужели мне знакома душа Ваша? я считал ее очень закрытою.

Я часто, и очень — делаю всяческие ошибки; бывают плохие, но не из плохого побуждения, а по неуменью, по неловкости. Вы говорите, что я желаю знать *для своих соображений,* зачем берете тот или другой заказ?

Я всегда, и прежде и теперь, извинялся, что мешаюсь в Ваши дела (тогда как нет менее охотника мешаться в чужие дела), но позволяю это себе только в полной уверенности, что Вы не заподозрите никакую другую причину, кроме искренней любви к русскому искусству. Со слов Ваших уже три года назад мог рассчитывать увидать Вашу картину. Если я интересуюсь и нарочно еду взглянуть Академическую выставку, то какой же интерес должна возбуждать во мне Ваша картина? И вот теперь, когда главная причина задержки — неимение мастерской — устранена, когда можно не отрываясь работать над картиной, Вас отвлекают опять портреты и даже с фотографий! я думал, если, может быть, по расположению к Васильчикову нельзя отказать, — тогда другое дело, если же из надобности денег, то, по-моему, лучше бы еще занять сверх предположенного, только бы не отвлекаться пока неприятной работой, тогда как могут еще предстоять и естественные отвлечения: болезнь, усталость и пр. — Вот причина вопроса о Васильчикове. Вопрос же о Корнилове совершенно противоположный. Если Вы, несмотря на то, что портретная работа надоела, время от времени и даже теперь делаете портреты почти бесплатные, если это так, то в таком случае мог бы позволить себе попросить Вас сделать еще

один портрет за уменьшенную обыкновенную нашу цену. Дело в том, у П. С. Шиловского [1] есть этюд Иванова (двух голов дальнего плана); продать его он не хочет, но давно уже обещал поменяться на что-нибудь из ненужных мне картин моих; предложить нужное я и не могу и не желаю, а ненужное как-то неловко мне. За этюд этот он заплатил на первой выставке Иванова [2] 100 р., я предполагаю предложить ему какую-нибудь вещь, не из своих, а с выставки или из мастерской рублей так в 200—300, но нужно, чтобы он увидал ее, чтобы понравилась; вообще это несколько сложно; если же бы я ему предложил портрет его жены — Вашей работы (разумеется, головку без рук), то думаю, он охотно бы согласился. Вот почему я и сказал, что мне это нужно знать для себя. Жена Шиловского бывшая знаменитая московская танцовщица Лебедева [3]. Если признавать искусство танцев, грации и мимики, то талант Лебедевой равнялся таланту Лавровской, и, кроме того, она была безукоризненно честная женщина. О портретах Иванова и Никитина я упомянул как о предстоящих неприятных портретах с фотографии; забыл еще о Кольцове, а то и его бы помянул. *То,* о чем Вы не хотите думать, мною никак не руководило, но что мной руководило? хорошая или дурная мысль? я теперь ей-богу уж и сам не понимаю.

Нехорошо в Вашем письме одно место: это что у Вас случилось, что [-то] в кишках — дай бог, чтобы ничего серьезного!

Искренне преданный и глубоко уважающий Вас

П. Третьяков

276. П. М. ТРЕТЬЯКОВ — И. Н. КРАМСКОМУ

5 янв[аря]1880
Москва

Вчера, многоуважаемый Иван Николаевич, написав письмо, спешил отправить, почти не перечитав, боюсь, нет ли в нем чего опять могущего взволновать Вас. Перечитав еще раз Ваше письмо, я увидал, что не ответил на упрек в замечании моем относительно письма с фотографий. Поверьте, что злостного ничего не было у меня на уме; да и как я могу намеренно это делать, когда сам очень часто изменяю принятым намерениям; а между тем в последнем письме моем, пожалуй, можно опять вывести нечто из слов «что картину Вашу рассчитывал увидать три года назад».

Ради бога верьте, что говорю без умышленно.

Искренно преданный Вам

П. Третьяков

СПб. 9. Генваря 80! года.

Глубокоуважаемый

Павелъ Михайловичъ,

Извините что не тотъ часъ отвѣчаю, причиной книга объ Ивановѣ. Которая въ это время попалась и три дня запоемъ читалъ. Это одна изъ самыхъ сильныхъ трагедій, какія только мнѣ удавалось прочитывать.

Вы напрасно, совсѣмъ напрасно, увѣряете меня что Вами руководитъ любовь къ Русскому искусству. Ведь я съ этого началъ, прошу объ этомъ помнить, и если бы я иначе думалъ — я конечно ничего не написалъ бы. Не знаю, есть ли другой одинаково убѣжденный со мной относительно Васъ, но во всякомъ случаѣ нѣтъ другого такъ мало мѣнявшагося на протяженіи нѣсколькихъ лѣтъ относительно сущности Вашихъ отношеній къ Русскому искусству.

Страница письма И. Н. Крамского П. М. Третьякову от 9 января 1880 г.

277. И. Н. КРАМСКОЙ — П. М. ТРЕТЬЯКОВУ

9 генваря [18]80 года
СПБ

Глубокоуважаемый Павел Михайлович,

Извините, что не тотчас отвечал, причиной книга об Иванове [1]. Как раз в это время получил и три дня запоем читал. Это одна из самых сильных трагедий, какие только мне удавалось прочитывать.

Вы напрасно, совсем напрасно, уверяете меня, что Вами руководит любовь к русскому искусству. Ведь я с этого начал, просил об этом помнить, и если бы я иначе думал — я, конечно, ничего не написал бы. Не знаю, есть ли другой одинаково убежденный со мной относительно Вас, но во всяком случае нет другого, так мало менявшегося на протяжении нескольких лет относительно сущности Ваших отношений к русскому искусству. Что касается специально Вашего первого письма, вызвавшего во мне волнение, то оно грешит только одним: неполнотой. Если бы, например, я знал, что у Вас есть мысль с моею помощью достать этюд Иванова, то разве же я отказал бы?! Неужели Вы не убеждены, что я для Иванова не сделал бы двухнедельного крюка? Ведь я с радостью бы это сделал, и мне кажется, Вы должны бы это знать, и осторожность тут лишняя.

Что же касается того, что Вам как будто знакомо, что я Вам о себе сказал, хотя мы никогда об этом не говорили, то и в этом нет ничего удивительного; я не так закрыт, как кажется.

Я всегда говорю то, что думаю, особенно Вам; все, что я сказал о себе, я действительно говорил, и ни один раз по поводу разных обстоятельств, касавшихся других, так что нет ни одной новой мысли; может быть, некоторые факты новы, да и то едва ли. Относительно картины моей — Вы говорите, Вас интересует; верю; но не лишнее будет Вас познакомить с следующим фактом: *теперь я* вижу, что картина застрянет надолго, если не совсем. Что она медленно подвигалась — причиною не только отсутствие мастерской — это предлог только благовидный, вовсе даже нет, а опять-таки одно и то же — *надо* было работать другое. Она не могла быть сделана своевременно — почему? бог мне судья, но *не могла* действительно; я употребил *все от меня* зависевшее, но... выше лба глаза не бывают! Теперь, наконец, я могу, как видите, даже говорить об этом — потому что не так больно, приучил уже себя к мысли; а раньше — год, особенно два, я так болел этим, что когда у меня спрашивали — я приходил в нервное расстройство. Теперь — другое дело — я скоро всем и каждо-

му скажу то же, что и Вам. Итак, ради бога не думайте, чтобы я хотя на минуту сомневался не только в причинах, Вами руководивших, но и в готовности к помощи, где она *действительно* нужна; но прошу верить также и тому, что я не потерял еще способности соразмерять свои силы с обстоятельствами: я останавливаюсь на пороге и во-время, я не могу себе позволить того, в чем так усердно осуждал других, и потому до тех пор, пока буду иметь энергию для борьбы, я останусь на этом опасном пункте; и повторяю — долг в 4000 р. я еще кое-как вынесу — а больше не могу. Неужели Вы хотели бы, чтобы я рассуждал иначе? Вы пишете, что лучше еще задолжать, чем отвлекаться заказами, и с Вашей стороны это последовательно, я понимаю, но с моей это непростительно. Итак, я считаю это совсем конченным вопросом.

Имеете ли Вы книгу об Иванове? если имеете и имеете время прочитать, то поделитесь впечатлениями. Там есть вещи *высокие!* Спасибо Мих[аилу] Петровичу [2], он исполнил, наконец, то, что на нем лежало как обязанность, и исполнил превосходно.

Вере Николаевне глубокий и сердечный поклон и от меня и от С[офии] Н[иколаевны].

Уважающий Вас

И. Крамской

Сегодня был у меня Сергей Михайлович и так моментально ушел, что я и спросить не успел ничего.

278. И. Н. КРАМСКОЙ — П. М. ТРЕТЬЯКОВУ

12 генваря 1880 [1]

Многоуважаемый Павел Михайлович,

К моему искреннему сожалению, злосчастная *тысяча* рублей потребовалась раньше, чем я думал. Не прибавляю ни одного слова. Читали ли Вы книгу об Иванове? очень хорошо!

Глубоко уважающий Вас

И. Крамской

279. И. Н. КРАМСКОЙ — П. М. ТРЕТЬЯКОВУ

15 января 1880

Многоуважаемый Павел Михайлович,

Директор Эрмитажа Васильчиков [1] просил у меня за одного молодого человека — ученика Московской школы жи-

вописи — фамилии его не знаю, но Вы, говорят, купили его этюд или картину на теперешней выставке учеников школы: «Летописец», что ли; словом, по этим приметам Вы скорее догадаетесь, о ком идет речь [2]. Скажите мне, что это за человек и в какой мере он подает надежду?

Уважающий Вас глубоко

И. Крамской

280. П. М. ТРЕТЬЯКОВ — И. Н. КРАМСКОМУ

16 января 1880
Москва

Многоуважаемый Иван Николаевич.

Ваше письмо от 12 января подано мне только вчера вечером, т. е. 15 числа; из Петербурга оно пошло 13-го, в Москве получено 14-го, и вместо того чтобы по обыкновению прямо быть поданному в магазин, пошло по отделениям почтамта, находящимся в разных частях города (как видно по отметкам на конверте, было в 1-м отделении и в 7-м), и потому странствовало до вчерашнего вечера; полагаю, случилось письма разбирать новому, не знающему чиновнику; но хотя это и первый раз случилось, в будущих письмах Ваших прошу прибавлять «на Канаве Лаврушинский переулок», так как теперь разнос корреспонденции все увеличивается, разносчики писем часто меняются, и потому лучше подробный адрес. Прежде по сокращенному адресу я получал даже скорее.

При сем прилагаю перевод в 1000 р. на СПБ. Междунар. ком. банк.

Я не отвечал Вам на Ваше от 9-го потому, что тоже все свободные вечера с 5 числа читал с женой книгу об Иванове; а так как у меня вечера далеко не все свободные, то чтение и тянулось до сегодняшнего дня. Книга интересная в высочайшей степени! Поучительно и для художников, и для публики, для Академии, для правительства, — словом, для всей русской интеллигенции [1]. Если можно Иванова упрекнуть в том, что с таким трудом доставляемые деньги, часто просто вымаливаемые, раздавал сам взаймы, то упрек этот должен относиться к его чудесному, непрактическому сердцу и людям, пользовавшимся этим сердцем. Зассены [2] всегда были и будут, но, как странно, что Резанов [3] и Моллер [4] задерживали уплату своих долгов. Спасибо Михаилу Петровичу и я с Вами говорю, но только жаль, что без должного приготовления, вдруг заторопились изданием. Если во время печата-

ния прибавлялись письма, то, вероятно, много бы еще можно собрать. На стр. 87-й Иванов упоминает матери о 50-ти или более письмах к отцу, а между тем это письмо в книге по счету только десятое; письма же к отцу самые интересные. Может ли быть, чтобы в 32 году он никому не писал? чтобы в 35 году было только четыре письма? В 40-м четыре? в 37-м три?

Жена Вам и Софии Николаевне кланяется и желает всего доброго. Также и я.

Будьте здоровы!

Вам глубоко преданный *П. Третьяков*

О получении перевода уведомьте поскорее; посылаю его в простом письме, заказное сегодня подать уже поздно.

281. И. Н. КРАМСКОЙ — П. М. ТРЕТЬЯКОВУ

17 генваря 1880

Многоуважаемый Павел Михайлович,

Перевод получил и очень Вам благодарен. Приехал Верещагин [1]: вчера у меня был, а что касается письма, посланного 12-го, а полученного Вами 15-го, то удивительного ничего нет с нашею почтою, вперед буду писать, как надобно.

Уважающий Вас

И. Крамской

282. П. М. ТРЕТЬЯКОВ — И. Н. КРАМСКОМУ

21 января 1880
Москва

Многоуважаемый Иван Николаевич.

Ваши от 15 и 17 получил. Писать можно попрежнему «в Москву». По справке это была случайность, что письмо попало не прямо в магазин, а в отделение почтамта.

В настоящее время в Моск[овском] училище есть несколько талантливых учеников: по истор[ии] или жанру Ланской [1], Лебедев [2], Янов, Коровин [3], по пейзажу Светославский [4], Элерт [5], Левитан [6] и друг[ие]. Из них симпатичнее всех мне кажется Янов; он действительно написал в прошедшем году «Летописца», *но я купил* у него нынешний год *«Ключника»* [7]. Васильчиков, несомненно, говорит о Янове; он должен был быть у меня на днях, и я хотел поболее поговорить с ним и

потом уже написать Вам о нем свое мнение; но до сего дня его еще не было.

Янов обещает художника вроде Шварца [8]; нет, разумеется, того образования, но краски лучше. Он очень еще молод; много делает рисунков.

У Вас был Верещагин, может, и опять будет; он без дела, кажется, — ни к кому не ходит. А что к слову: не следовало ли бы сделать его портрет? Личность крупная! если Вы ничего не имеете против, может быть, он и согласится. Я, впрочем, предоставляю Вам это на полнейшее Ваше усмотрение.

Преданный Вам *П. Третьяков*

Прочли мы статью [9] Стасова об Иванове. Читавшим письма, очерк Боткина и воспоминания [10] — статья эта нового ничего не дает, но для не читавших книги об Иванове — статья необходима, и может быть, многих побудит взяться за самую книгу, а тем уже принесет большую пользу. Очень хорошо он суммировал Иванова в конце стр. 171 и в начале 172.

П. Тр.

283. И. Н. КРАМСКОЙ — П. М. ТРЕТЬЯКОВУ

22 февраля [18]80

Многоуважаемый Павел Михайлович,

На выставке в Академии художеств есть несколько вещей, стоящих внимания. Орловский еще никогда не был так хорош; особенно ферма [1].

Глубоко уважающий Вас

И. Крамской

284. П. М. ТРЕТЬЯКОВ — И. Н. КРАМСКОМУ

9 апр[еля] [18]80
Москва

Многоуважаемый Иван Николаевич.

Последний мой приезд в Петербург нехорошо отозвался на моем организме, и только теперь начинаю успокаиваться понемногу. Очень интересуюсь узнать, заходил ли к Вам Верещагин и сделан ли его портрет? [1]

После приобретения Верещагинской ташкентской коллекции мне долгое время сыпались предложения не только кар-

тин, но инструментов и оружия: вот и теперь [2] уже две картины предлагались.

Свою картину [3] Вы, вероятно, пошлете несколько позже, так как будете переписывать голову, то нельзя ли вместе с ней выслать находящиеся у Вас рисунки [4], да еще, кстати, потрудитесь взять у Ивана Ивановича мои три этюдика [5], я по случаю аукциона не успел зайти к нему. Рисунки и этюдики можно прикрепить к крышке. Не валяется ли у Вас чьих-нибудь (из наших художников) рисунков? я был бы за всякий очень благодарен.

Глубоко преданный Вам *П. Третьяков*

285. И. Н. КРАМСКОЙ — П. М. ТРЕТЬЯКОВУ

апреля 24 1880 г.
СПБ

Многоуважаемый Павел Михайлович,

Извините, что так долго не отвечал, причина весьма неуважительная — я расклеился по всем швам морально, какое-то отупелое состояние, и еще, вероятно, нескоро приду в себя. Все передряги Товарищеские оставляют скверный осадок после себя, поэтому задержал и картину. Завтра посылаю рисунки и акварели, Гуна [1] тоже, от Шишкина не знаю, получу ли, впрочем, я пошлю к нему записочку завтра, давно я его не видал.

Верещагина с аукциона не видал, а спустя неделю получил от него записочку, в которой он объявляет, что не заходил и не зашел ко мне потому, что ему было совестно после обещания и после того, как он не сдержал слова, уезжая, извиняется и просит отложить портрет до другого раза. Так и кончилось.

Дай Вам только бог перенести до конца то тяжелое положение, которое называется «любовь к искусству». Не о награде и благодарности речь — на это нечего рассчитывать — люди неумолимы и жестоки, особенно люди, которых судьба поставила высоко над толпой. Я говорю о Верещагине, я ему его аукциона простить никогда не могу [2]. Одна надежда на всесправедливое время, но эта надежда для личности, как Вы, знаете, мало утешительна. Картину мою поправил, и как будто лучше, впрочем, Вы увидите. Рисунков же русских художников у меня, к сожалению, не валяется никаких, и, стало быть, этим служить не могу.

Вере Николаевне мой глубокий поклон.

Уважающий Вас глубоко *И. Крамской* [3]

286. П. М. ТРЕТЬЯКОВ — И. Н. КРАМСКОМУ

14 мая 1880
Москва

Многоуважаемый Иван Николаевич.

На письмо Ваше от 24 апр[еля] я поспешил сообщить Вам только, что, по словам Маковского и Репина, в ящике с Вашей картиной не оказалось рисунков, и просил Вас поскорее ответить, остались ли они у Вас? так как два года назад также не оказывались рисунки Шишкина, а потом нашлись у Товарищества. Уверен, что рисунки остались у Вас, потому что в противном случае Вы поспешили бы известить. Очень виноват, что так долго не написал Вам о Вашей картине. Голова стала много лучше, но, по моему мнению, все-таки единственно слабое место этой прекрасной картины; мне казалось бы, нужно было взять совсем просто первую попавшуюся натуру безо всякой идеализации. Публика вообще осталась очень недовольна нынешней выставкой [1], и только исключительно одна Ваша картина пользовалась симпатией ее. К картине Маковского [2] полнейшее равнодушие. Ге весьма не одобряют [3]. Васнецова [4] «Поле» менее образованные не понимают; образованные говорят, что не вышло; над «Ковром» смеются, т. е. насмехаются и те и другие. Репин положительно всем без исключения более нравится «Софьи», но и только; сюжет одобряют [5]. О Куинджи, т. е. о его отсутствии, и те горюют, которые осуждали его «Щель» (не мое название, а той же публики) и «Березовый лунный день» [6]. Портреты хвалят и Ваш [7] и Маковского [8]. Егор Иванович [9] говорит: «лучшая вещь на выставке Костинькин портрет; сам Карл Павлович [10] не отказался бы подписаться под ним!»

Как я и предполагал, только что возвратясь из Петербурга после аукциона, получил письменное предложение двух Тропининских портретов [11], хотя — по сообщению владельца — и поврежденных, но вполне могущих быть не лишними в моей коллекции. Осберг [12] просит обратить внимание на находящиеся в его магазине картины Маковского, Прянишникова, Трутовского, Каменева и многих других. Вдова художника Соколова [13] предлагает «Вид одной из зал Кремлевского дворца». Какая-то Колосовская [14] предлагает картину Айвазовского «Переход Шамиля через гору Гуниб». Затем предлагаются картины какого-то Байкова [15], иностранные картины, вышитые шелками, очень редкие, нарочно в Москву привезенная для показа мне плащаница. Какой-то господин из Петербурга привозит мозаичный образ Николая Чудотворца. Император-

ского двора художница Ильина[16] предлагает шелковые мозаичные картины. Г-жа Заикина[17] из Петербурга пишет длинное письмо: прославляя мое покровительство искусству, просит приобрести очень редкостный медальон, в гривенник величиной, портрет Иосифа Понятовского, и между проч[им] говорит, что мне, затрачивая сотни тысяч на картины, ничего не стоит приобрести вещь, стоящую сотую часть или еще менее того. Наконец, какой-то сельский священник пишет[18], что, из газет узнав о моих щедро рассыпаемых благотворениях, осмеливается покорнейше просить соблаговолить какую-либо частицу щедрот моих излить и на него, хотя и не вовсе бедного человека, но имеющего не мало нужды. Московские художники, слышу, негодуют на мою покупку Верещагинских этюдов, да, кажется, и петербургские тоже, судя по некоторым выражениям, проскользнувшим в письмах двоих из них. Перов прямо в глаза говорит, что на меня обижаются, что я хочу в Галлерее какими-то заплатами загородить хорошие картины. Какой-то Прем[19] присылает открытое письмо с выражением удивления, что люди, затрачивающие десятки тысяч на картины, жалеют истратить десятки рублей для очистки грязи у своего дома (грязи же не только не было у нашего дома, но и не у соседнего, а через дом была действительно куча грязи. Вероятно, по понятию этого господина, мне следует — в моем положении бросающего деньгами — очищать грязь со всей улицы на свой счет). В «Голосе» была «в корреспонденции из Москвы»[20] похвальная обо мне статья, в ней говорилось, что будь я в Париже, то в честь меня вышли бы тотчас шляпы или какие-либо платья, и потому очень рекомендовалось булочникам (это было перед пасхой) поскорее наготовить куличей или других каких праздничных пирогов с моим именем.

Еще Перов при мне же рассказал, каким мошенническим образом публика надута была на аукционе, и что он, разумеется, не говорил бы этого при мне, если бы я один попался. — Все это может надоедать, но нимало не сердит меня; а вот, что нет у меня с десяток милых мне этюдов — об этом жалею.

Только кто-то в «Петербургском листке» — по поводу аукциона сочувственно отозвался обо мне, без насмешки[21].

Я не знаю, что с Вами, здоровы ли Вы и Ваша семья? Пишу Вам все это не для того, чтобы вызвать какой-либо ответ, нет, а так только, чтобы сказать кому-нибудь — была потребность.

Семейство уже недели две на даче, а я все еще в Москве кисну. С завтрашнего дня начну ездить и я, но не каждый

день, — далеко. Получил письмо для передачи Вере Третьяковой, полагаю от Вашей Сонички [22]. Завтра передам.

Будьте здоровы! Кланяюсь очень Софье Николаевне.

Преданный Вам *П. Третьяков*

287. П. М. ТРЕТЬЯКОВ — И. Н. КРАМСКОМУ

16 сентября 1880

Многоуважаемый Иван Николаевич.

На письмо Ваше относительно Никитенко [1] я Вам пока ничего приятного не могу сказать, лично, когда буду в Петербурге, поговорим еще.

Ожидая со слов Ваших получить письмо с квитанцией, я вчера, получив прилагаемое [2] (письмо), тотчас же вскрыл его — считая за ожидаемое; прошу не поставить мне в вину эту невольную оплошность. Письма с квитанцией на картину [3] еще не имею и сегодня.

Постом в письме Вы раз упомянули, что рисунки *приложили* в один из ящиков Товарищества; я, тогда же известив Вас, что их не оказалось, просил сообщить мне, остались ли они у Вас? но ответа не получил. Известите, пожалуйста, остались ли они у Вас? Мне они не нужны, могу получить их, когда придется, спрашиваю только, чтобы знать, у Вас ли они?

Поздравляю Вас с дорогими именинницами [4] и прошу их от меня поздравить.

Ваш преданный *П. Третьяков* [5]

288. И. Н. КРАМСКОЙ — П. М. ТРЕТЬЯКОВУ

20 сентября 1880
СПБ

Многоуважаемый Павел Михайлович,

[...] В настоящее время Вы, вероятно, получили уже квитанцию на картину. К сведению Вашему, присовокуплю (если Вы видели картину), что о голове, может быть, еще речь будет, кроме того, она не в общем тоне, немного желта, я думаю ее поправить по возвращении.

Рисунки и акварели Ваши у меня, и я уж их сколько раз забывал. Я писал Вам, что высылаю, вечером, а наутро, когда закупоривал ящик, забыл, потом хотел взять теперь с собою в Москву и опять та же история. Ив[ан] Ив[анович] Шишкин вышлет на Ваше имя 200 р. для передачи *Ольге*

Емельяновне, матери *Васильева.* Она, бедная, больна и находится в Москве, проездом в Крым, живет она у Сухаревой башни, в Первой Мещанской улице, д[ом] Богданова, у своей сестры Замятиной, сестра эта ее там обижает, забрала у нее деньги и все такое, словом, она в беспомощном состоянии. Ив[ан] Иванович не имеет никого в Москве, кому бы доверить навестить Васильеву, и спрашивал у меня, можно ли к Вам обратиться с такого рода поручением, — я сказал, что я думаю. Впрочем, он Вам сам напишет. Теперь он пошел сделать перевод денег в Москву на Ваше имя, а я исполняю только предисловие.

Благодарю Вас глубоко за поздравления и делаю то же задним числом.

Был у Перова, видел картину «Никита пустосвят» [1] и нашел и его самого, а, главное, картину гораздо лучше, чем ожидал. Есть головы положительно хорошие.

Уважающий Вас *И. Крамской*

289. И. Н. КРАМСКОЙ — П. М. ТРЕТЬЯКОВУ.

30 октября 1880

Многоуважаемый
Павел Михайлович,

Извините, что на бланке [1], первый лист попался под руку.

Если к Вам пришлют портрет Черкасского от княжны Черкасской, которой я послал два на выбор, то не удивляйтесь. Я прошу Вас поставить таковой где-нибудь у себя во складе до первого случая и прошу Вас извинить меня за это.

Вере Николаевне мой глубокий и сердечный поклон и привет.

Уважающий *И. Крамской*

Дело с выставкой, т. е. с Боткиным, уладилось [2].
Мы получили почти все, что требовали.

290. П. М. ТРЕТЬЯКОВ — И. Н. КРАМСКОМУ

17 ноября 1880
Москва

Многоуважаемый Иван Николаевич,

На Пушкинской выставке в картине «Вечер у Жуковского» есть фигура Кольцова [1], очень типичная, заметили ли Вы ее? если нет, то взгляните, пока выставка еще существует.

Лучший портрет, по моему мнению, Пушкина № 16 [2] рис.

карандашом и приписываемый по подписи J. V. — Jules Vernet. У меня же есть очень интересный портрет М. И. Глинки работы худ[ожника]-любителя Н. Волкова; работы обоих сходны.

Что за жалкая фигура Пушкина вышла у Опекушина [3], а еще «Иллюстрация» назвала Опекушина *создателем* памятника Пушкина, мне кажется, удачнее других проект Микешина [4]. Лучше увеличенный, колоссальный бюст по Гальбергу [5] или Витали [6], чем оригинальное создание Опекушинского Пушкина.

А Куинджи прав! никогда бы он не достиг такой славы, оставаясь в Товариществе, потому что на Товар[ищеских] выставках говорили бы о нем и рассматривали его в связи с другими, теперь же отдаются всецело ему одному [7].

Искренно преданный Вам *П. Третьяков*

291. И. Н. КРАМСКОЙ — П. М. ТРЕТЬЯКОВУ

23 ноября 1880

Многоуважаемый Павел Михайлович,

Кольцова на Пушкинской выставке я смотрел, и внимательно. Мне тоже понравился портрет Пушкина № 16, приписываемый Vernet'у, но вообще портреты Пушкина никуда не годятся. Я не знаю, говорил ли я Вам раньше об памятнике вообще. Я утверждал и утверждаю, что у Опекушина все обстоит благополучно. Вы находите, что фигура жалкая, по-моему, нет. Это не фигура поэта, это правда, но приличный статский человек, вот и все. По-моему, фигура Пушкина Забелло [1], та, которую он привез из-за границы, в плаще, шляпа в руках, одна нога приподнята о камень, и в высоких сапогах. Она, положим, не бог знает что такое, но некоторое одушевление есть. Что же касается Микешина, то я тут не судья. Так как я не люблю Микешина, то и не могу быть к нему справедливым. Мне кажется, что все, что он делает, — глупо. Бюст Гальберга — другое дело! Это действительно лучшая вещь после маски. Бог с ним, с Куинджи! Пусть его прославляется. Для меня давно вещь решенная, что все выходящие [из ряда вон] люди несоциальны. Обыкновенные смертные нуждаются друг в друге, а не силачи.

Вере Николаевне глубокий поклон. Когда в Петербург по обещанию?

Уважающий Вас *И. Крамской*

У М. П. Клодта хорошая картина. Очень хорошая — не ожидал. «Царица посещает тюрьмы» [2].

1881

292. П. М. ТРЕТЬЯКОВ — И. Н. КРАМСКОМУ

5 февраля [18]81
Москва

Многоуважаемый Иван Николаевич,

Очень больно мне было в Петербурге, что Москва мало участвовала в похоронах Ф. М. Достоевского, бранил себя, что не послал телеграмму брату [1] о том, что похороны отложены до воскресенья; и представьте себе, что я только здесь узнал, что брат был на отпевании, как городской голова, в полной форме. Дума благодарила его за это и постановила послать вдове покойного адрес и венок на могилу. Никак не мог я выгнать из головы плач девиц (о том, не схоронили бы живого Ф[едора] М[ихайловича]), так засел у меня этот рассказ Ваш, что я несколько раз ночью просыпался и думал; утром отправился к Дмитрию Васильевичу [2]; спрашиваю, почему гроб стоял в церкви закрытый? невозможно, говорит, голубчик, открыть было! совершенно невозможно! Духовенство просило не открывать — так разложился! — и тут я тотчас вспомнил и удивился, что это со мной делается? Когда выносили из церкви гроб, я подошел к месту, где стоял он, и, наклонясь, почувствовал сильный трупный запах, и тут же мгновенно вспомнил чудного старца Зосиму [3], а через несколько часов совсем забыл это, и забеспокоился, не схоронили ли Ф. М. живым? На меня потеря эта произвела чрезвычайное впечатление: до сего времени, когда остаюсь один, голова в каком-то странном, непонятном для самого меня тумане, а из груди что-то вырвано; совсем какое-то необычное положение. В жизни нашей, т. е. моей и жены моей, особенно за последнее время, Достоевский имел важное значение. Я лично так благоговейно чтил его, так поклонялся ему, что даже из-за этих чувств все откладывал личное знакомство с ним, хотя повод к тому имел с 1872 г. [4], а полгода назад даже очень был поощрен самим Ф[едором] М[ихайловичем] [5]; я боялся, как бы не умалился для меня он, при более

близком знакомстве; и вот теперь не могу простить себе, что сам лишил себя услыхать близко к сердцу его живое сердечное слово. Много высказано и написано, но сознают ли действительно, как велика потеря? Это, помимо великого писателя, был глубоко русский человек, пламенно чтивший свое отечество, несмотря на все его язвы. Это был не только апостол, как верно Вы его назвали, это был пророк; это был всему доброму учитель; это была наша общественная совесть [6].

Нечего и говорить, как я был бы благодарен Вам, если бы Вы устроили поступление его посмертного портрета в мою коллекцию [7]. Мне кажется, если бы вдова покойного пожертвовала портрет в пользу бедных или как иначе, то можно бы было оценить его и продать.

Чтобы не забыть, не могу не высказать Вам еще. Был в Академии; видел приготовленную к открытию выставку и вынес такое убеждение: Боткин,— как есть по теперешней Академии, а Академия по нем! Что за скучнейший сбор программ на золотые медали (за исключением очень немногих)! Ничего не добыто от частных лиц! Ничего не разыскано из бывших в разное время интересных попыток: Корзухина, Журавлева, Шустова, Петрова, Кошелева, Пескова и многих других! Какой же это отчет за 25-летие нынешнего царствования? [8]. А уж сколько себя понатаскал! [9]. Я одно время осуждал передвижников за то, что захотели обособиться на выставке, а теперь очень, очень одобряю.

Ваш искренно преданный *П. Третьяков*

P. S. Из всего выставленного в Академии ярко выделяется и царит (помимо этюдов Иванова) [10] картина *Ге* [11]. Жаль, что она в Академии — не там бы ей место! Чудесная картина!

293. И. Н. КРАМСКОЙ — П. М. ТРЕТЬЯКОВУ

14 февр[аля 18]81
СПБ

Многоуважаемый Павел Михайлович, извините великодушно, что промедлил ответом. Жизнь все сложнее, времени все меньше и меньше, положение мое все хуже и хуже. Нет момента свободного. К делу.

Очень жаль, что мой рассказ о плаче девиц, их беспокойство о Ф[едоре] М[ихайловиче], как о живом, так Вас встревожил и доставил Вам такие тяжелые минуты. Я не знал интимную подкладку Вашей внутренней жизни и какую роль Достоевский играл в Вашем духовном мире, хотя покойный играл роль огромную в жизни каждого (я думаю), для кого

жизнь есть глубокая трагедия, а не праздник. После Карамазовых (и во время чтения) несколько раз я с ужасом оглядывался кругом и удивлялся, что все идет по-старому, а что мир не перевернулся на своей оси. Казалось: как после семейного совета Карамазовых у старца Зосимы, после «Великого Инквизитора» [1] есть люди, обирающие ближнего, есть политика, открыто исповедующая лицемерие, есть архиереи, спокойно полагающие, что дело Христа своим чередом, а практика жизни своим: словом, это нечто до такой степени пророческое, огненное, апокалипсическое, что казалось невозможным оставаться на том месте, где мы были вчера, носить те чувства, которыми мы питались, думать о чем-нибудь, кроме страшного дня судного. Этим я только хочу сказать, что и Вы и я, вероятно, не одиноки. Что есть много душ и сердец, находящихся в мятеже, но рассказать о том, что девицы беспокоятся, я мог тем более спокойно (относительно), что все же мы живем в такое время, когда доктора меньше ошибаются, чем прежде, что, наконец, это Достоевский, и уж, разумеется, определял смерть действительную человек в медицине авторитетный. Короче, я рассказывал о наивности чрезвычайно трогательной, которая для меня не обязательна. Для меня, к сожалению, не было сомнения в окончательной развязке.

Выходит, точно я оправдываюсь, да оно и следовало бы, если бы мой рассказ был легкомысленный, т. е. если бы я сам сомневался, как и девицы.

О переходе портрета в Галлерею я постараюсь, как сумею, но теперь с нею об эт м говорить нельзя еще.

Что касается осуждения Вашего Товарищества об обособлении, то я увидал еще в сентябре (когда был в Москве), что многое в жизни искусства Вам или непонятно, или чуждо. Извините за резкость. Но сердце, истекающее кровью, сердце бойца, понимающего современные вопросы пока инстинктом, не может иначе оценивать жизненные впечатления, как оно оценивает. Одно свидетельствую Вам: что никакой горечи нет на дне этого сердца. Я настолько вырос, что понимаю, уважаю и признаю права гражданства чужих интересов, хотя бы я лично и не симпатизировал им. Но это материя длинная. Теперь 2 часа, а завтра вставать надо в 8.

Уважающий Вас глубоко *И. Крамской*

Достоевский действительно был нашею общественною совестью! Неужели мы ее утратили? но ведь есть Л. Толстой?! он пишет Комментарии на евангелие [2].

294. П. М. ТРЕТЬЯКОВ — И. Н. КРАМСКОМУ

1 апреля 1881 г.

Многоуважаемый Иван Николаевич.

Так как Вам все равно более или менее послать рисунков, то я позволил себе поручить г. Бегрову передать к Вам два рисунка — пожалуйста, извините. В акварели Гуна Вы были так любезны, хотели написать руку [1] — на всякий случай напоминаю.

Сделайте милость, прикажите раму Писемского [2] непременно обернуть бумагой; я всегда так делаю для того, чтобы в случае какой-нибудь кусочек рамы не повредил холста, и на этот раз из Москвы портрет этот был обделан таким образом. Портрет Маковского [3] старика пришел в Петербург поцарапанным.

Преданный Вам *П. Третьяков*

295. И. Н. КРАМСКОЙ — П. М. ТРЕТЬЯКОВУ

2 апреля [18]81
СПБ

Многоуважаемый Павел Михайлович,

Сегодня я отвез все Ваши рисунки и акварели, чтобы уложить их куда-нибудь в ящик. Возвратясь, нашел еще от Бегрова на Ваше имя — присоединил и их. Вместе с тем положил туда же этюд Максимова, принадлежащий Репину, который Репин забыл в Петерб[урге] у меня. Словом, теперь все от меня отправлено. В акварели Гуна я давно сделал руку, т. е. не сделал, а только, так сказать, закрыл бумагу, придерживаясь общего характера. Относительно завертывания рамы Писемского бумагой, не знаю, как быть. К вечеру должны быть картины уложены, письмо я сейчас получил (8-й час вечера) и иду к Савицкому, там все соберутся, и я узнаю, уложен ли он или еще нет, и если не уложен еще, то я сообщу об этом непременно. В противном случае — Вам придется скрепя сердце прощать насильно. Впрочем, если он уложен в ящике механическом, то и раскрыть его всего 10 минут.

Глубоко уважающий Вас *И. Крамской*

296. П. М. ТРЕТЬЯКОВ — И. Н. КРАМСКОМУ

1881 г. [11 апреля]

Многоуважаемый Иван Николаевич.

Рисунки вчера получил исправно и очень благодарю Вас за них. Рука на акварели Гуна прикрыта очень хорошо, еще раз благодарю. Этюд Максимова Репину передам. Сегодня открывается выставка. Что же Вы, кажется, хотели поставить здесь портрет князя Щербатова? [1] он, наверно, с удовольствием даст.

Поздравляю Вас и Софию Николаевну с праздником, желаю Вам и всем детям Вашим всего доброго.

Искренно преданный Вам *П. Третьяков*

297. П. М. ТРЕТЬЯКОВ — И. Н. КРАМСКОМУ

7 ок[тября 18]81
Берлин

Многоуважаемый Иван Николаевич.

Жаль, что не пришлось увидать днем этюд Вашего Христа [1], но по возвращении, может быть, увидим и всю картину? [2] так как теперь главная фигура — в лице этого этюда — существует. Думал увидать где-нибудь на выставке картину Мункаччи [3], но, оказывается, он после выставки еще работает над картиной.

У Н. А. Ярошенко этюд приобрел [4]; хорошая вещь, очень Вам благодарен. Есть у него еще интересная по живописи вещица: девочка с книжкой [5]; он делается колористом.

Написать хорошую большую картину трудно; особенно мудрено в настоящее время заинтересовать большой картиной. От Кошелева [6] и нельзя было ожидать чего-нибудь особенного, но вот что досадно: окружая картину этюдами, как Иванов, и одевая эти этюды в рамы, как Верещагин,— художник считает все это за что-то серьезное! А ведь обещал интересного бытового живописца! Жаль!

Будьте здоровы.

Преданный Вам *П. Третьяков*

1882

298. П. М. ТРЕТЬЯКОВ — И. Н. КРАМСКОМУ

19 января [18]82

Многоуважаемый Иван Николаевич.

В субботу вечером получил я от Вас телеграмму [1] следующего содержания: «Верещагина Дервиши великие этюд он требует картину внезапно в Париж аукциона не будет».

Так как содержание это не очень ясно, то я полагал, не было ли письма послано перед телеграммой, и ожидал его, но не получил; вообще нынешней зимой писем от Вас не было. Я очень благодарен Вам за телеграмму и всегда буду глубоко благодарен за всякое извещение по части нашего искусства. В Петербурге я рассчитываю быть не ранее масленицы, т. е. около 1 февраля, потому интересно бы теперь услыхать, что это за этюд, какого содержания и достоинства и почему он внезапно потребован в Париж? Нет ли еще каких новостей?

Очень кланяюсь Софии Николаевне и сердечно желаю всем Вам всего лучшего.

Искренно преданный *П. Третьяков*

299. И. Н. КРАМСКОЙ — П. М. ТРЕТЬЯКОВУ

Многоуважаемый Павел Михайлович,

Я Вам телеграфировал о картине Верещагина потому, что мне казалось необходимо ее удержать, тем более, что она относится к Ташкенту.

Это не более как этюд двух фигур, но так изумительно написанный, что, мне кажется, что он превосходит по технике все, что я у Верещагина видел. Дело было так: Верещагин прислал эту картину, чтобы продать с аукциона, а деньги назначил в помощь погоревшим в Венском театре, как бы в признательность за радушный прием [1] (оно немножко бестактно, как Вы видите). Картина только что приехала, про-

стояла день на выставке, на другой день я пошел ее посмотреть и вместе взглянуть и на Куинджи [2], а мне говорят, что картина уже уложена, так как Верещагин утром в тот день потребовал ее телеграммой, но видеть можно, так как ящик открывали для Демидова С. Донато [3], который нашел, что день такой темный, что он когда-нибудь заедет посмотреть еще.

Этюд до такой степени поразил меня, что я нимало не медля дал Вам знать, думая, что, быть может, успеем еще остановить картину, чтобы и Вы могли посмотреть, но, разумеется, картина уехала, даже в тот же день. Что случилось, почему Верещагин потребовал картину,— не знаю. А жаль! Очень уж хорошо [4].

Извините великодушно за медленность ответа, но я не был в Петербурге, а на Сиверской. Дома у меня полу-благополучно — все дети в коклюше.

Уважаемой Вере Николаевне кланяюсь до земли.

Уважающий Вас *И. Крамской*

300. П. М. ТРЕТЬЯКОВ — И. Н. КРАМСКОМУ

15 мая 1882

Многоуважаемый Иван Николаевич.

Возвратились мы благополучно. Были несколько раз в «Салоне», заезжали в Гамбург на Верещагинскую выставку [1] и в Вену на международную. Антокольский переделал своего Петра [2], и теперь чудесная статуя. Боголюбов кланяется Вам, впрочем, теперь он может быть уже в Петербурге. Передвижная [3] здесь посещается, кажется, вяло, да я так и ожидал: лето — не время таких выставок; другое дело, где есть и музыка, и рестораны, и вольный воздух рядом. Вероятно, Вы побываете в Москве, только не спешите, выставка не скоро еще будет в порядке [4].

Как Вы нашли до неприличия пошлую статью Александрова [5] о Перове? Это еще не беда, что он говорит там о ценах, я написал ему ответ [6] на эту часть статьи, но он выставлял Перова каким-то нищим, за которого вправе даже Александров вымаливать и у Академии и у Общества поощрения; между тем как Перов ни у кого не просил помощи и не будет просить. Общество любителей предложило ему деньги на поездку на кумыс в самой приличной форме и вовсе не по настоянию Боткина. Сочувствие публики было оказано Перову с самого начала болезни; вовсе не знакомые ему за-

езжали справляться о его здоровье. Графу Толстому не пришлось очень уговаривать Захарина ехать к больному; этот тяжелый на подъем человек тотчас приехал и ничего не взял за визит из уважения к Толстому, а не почему-либо другому. К чему публике знать, что Перов у нас на даче; это все дела интимные и нет никакой надобности выносить их на площадь. Статья эта крайне огорчила и расстроила Перова. Когда Перов рассказывал Александрову о всеобщем сочувствии, он спросил его, можно об этом написать? Перов отвечал: «если пишут обо всем скверном, почему же не писать о хорошем»; но мог ли он ожидать, чтобы написалась такая статья? Едва успокоили и уговорили его не отвечать, тотчас же в газетах; разумеется, он сам не был и в состоянии, а попросил бы кого-нибудь. Состояние его здоровья очень плохо, надежды мало, чтобы он был в состоянии поехать в Самару.

Надеюсь, что Вы и все Ваши здоровы. Очень кланяюсь Софии Николаевне.

Глубоко преданный Вам *П. Третьяков*

301. И. Н. КРАМСКОЙ — П. М. ТРЕТЬЯКОВУ

9 июня [18]82 г.
СПБ

Глубокоуважаемый Павел Михайлович,

Сердечно прошу простить за долгое молчание, но причин было много.

Прежде всего по поводу Александрова. Когда я получил Ваше письмо, он был у меня в тот же день с жалобой, так сказать, на незаслуженное унижение, как он выразился, и сказал, что ответ свой Вам напечатает. Я выслушал от него и сказал, что это будет с его стороны уже прямо умысел. Что все, что до сих пор случилось, может быть еще объяснено, но что после напечатания ответа всякое объяснение станет излишним, и что ему, чего доброго, после придется сожалеть о своей поспешности. Долго мы говорили на эту тему и, наконец, он от меня ушел с намерением Вам еще раз написать, а не прямо печатать ответ. Не знаю, что он Вам написал, даже не знаю, написал ли? Я его не видал с тех пор. Но Вам по этому случаю хотелось бы мне только выразить свое мнение, что напрасно Вы удержали Перова от возражений, это было бы самое лучшее, что можно было сделать. Ну, да что случилось, то случилось. Вечная ему память! Теперь наступает история.

После этого позвольте занять Вас одним планом, возникшим здесь и уже наполовину осуществленным. Дело идет о *«Художественном съезде»* на всероссийской выставке, в Москве, имеющем состояться в самых первых числах сентября. Дело стоит (или лучше — стояло) так: Воронцов-Дашков [1] убедился в полезности съезда вследствие представленных ему доказательств и даже, больше того, позволил Боголюбову говорить о том с государем и с своей стороны вызвал мнение его. Так что идея съезда одобрена и государем. После этого нужно было уладить вопрос, от кого должно последовать приглашение на съезд и вообще объявления о нем. После многих комбинаций мы, наконец, остановились на следующем: объявление о съезде и приглашение разошлет *«Общество любителей художеств в Москве»* [2].

Сначала мы думали так: если разошлет приглашения Академия — не приедет большая половина художников, вмешается Товарищество — тоже добра не будет, и потому мы составили записку историческую об деле русского искусства [3] и вручили ее Воронцову-Д[ашкову], убеждая его дать толчок от министерства двора, а в председатели съезда представили 3-х на выбор: С[ергея] М[ихайловича], Вашего брата [4], Н. В. Исакова [5], и графа Олсуфьева [6], и государь сказал Боголюбову, что Олсуфьев молод для этого, Третьяков недостаточно силен, чтобы провести все, что Вам (т. е. художникам) нужно (была речь об Академии и вел. князе), а Исаков как раз. Тогда мы были у Исакова. Он принял весьма горячо это дело и стоял за то, чтобы инициативу дела, во 1-х, взяло в руки Товарищество, как частное общество, и во 2-х, исключить из программы все, что может прямо или косвенно задевать Академию. Мне это было симпатично, хотя я продолжал сомневаться в значительности Товарищества для успеха съезда, и наконец сегодня мы, сообща с Исаковым, нашли выход: просить «Общество любителей», как самое симпатичное для художников, как хозяина в Москве и как самое чистое, вне всяких партий стоящее общество, взять почин этого дела в свои руки, тем более, что оно вполне и компетентно и значительно. Остается склонить Вашего председателя [7] помочь делу искусства и уговорить его действовать, если бы он почему-нибудь стал бы уклоняться или бы М. П. Боткин не стал бы отговаривать брата уклониться, чуя косвенное неудовольствие из всей этой истории для Академии. Если Д. П. Боткин согласится и возьмет на себя председательство (что находит Исаков положительно необходимым и по отношению вежливости к Москве и по многим другим причинам), то дело наше выгорит. Наше, в смысле русского

искусства. Пишу к Вам с положительным намерением просить Вас помочь нам и склонять, кого можно и следует. Дело это хорошее. Помогите нам. Программу вопросов, предлагаемых к обсуждению съезда, прилагаю Вам. Это черновой набросок, настоящая же программа выработается Комитетом Вашего Общества и в утверждении ее можно быть заранее уверенным.

Вот какое дело возникло, начато оно недурно, хорошо было бы, если бы Вы повидались бы прежде всего с Боголюбовым до начала с кем-либо об этом разговоров, он многое скажет и подробно, о чем нет возможности писать.

Мы все слава богу пока здоровы — экзамены еще не кончились — еще два дня, а затем будем относительно свободны.

Вере Николаевне свидетельствую свое глубокое уважение.

И. Крамской

Программа

Вопросы общие

1-й. О способах развития любви к искусству в России и о привлечении симпатий Общества к судьбам русского искусства, путем:

а) Устройства художественных выставок.
б) Устройства провинциальных музеев.
в) Устройства рисовальных школ.

Вопросы юридические

1-й. О праве художественной собственности.

Вопросы педагогические

1. О способах преподавания живописи и скульптуры и о господствующих в настоящее время на этот предмет взглядах.

2. Почему иностранные школы живописи находятся на известной нам степени совершенства.

3. Какое преподавание или обучение живописи считать ведущим к цели с наименьшею потерею времени для молодых художников.

Вопросы специальные

1. О технике искусства живописи и скульптуры:

а) Живопись масляными красками

б) Живопись на лаке
в) Мозаика
2. Прикладные искусства:
Гравирование, фототипия и фотография с картин и различные доклады о сравнительном достоинстве воспроизведений выставленных картин.

Можно бы включить еще вопросы о конкурсах с премиями: полезны ли они или нет, и если полезны, то как бы следовало их организовать. Ну, словом, вопросов много и окончательная редакция выработается Комитетом.

302. П. М. ТРЕТЬЯКОВ — И. Н. КРАМСКОМУ

Многоуважаемый Иван Николаевич,

О предполагаемом съезде я слышал ранее получения Вашего письма, и по опыту зная пользу бывавших торговых и фабричных съездов, — к Вашему отнесся не очень одобрительно, но ни с кем об этом не говорил, кроме брата. Вам не отвечал, не повидавшись с А. П. Боголюбовым [1], в субботу я его видел и узнал, что съезд откладывается до зимы, так как Д. П. Боткин хотя и сочувствует этому делу, но не может в настоящее время собрать Комитет; некоторых членов нет и не будет до осени, прочие на дачах (это правда: в должном количестве для решения вопроса — летом собрать невозможно). Алексей Петрович полагает, что до зимы оставить лучше, но зимой нужно непременно устроить. Хотя не было прока от наших съездов, но я не могу думать наверно и утверждать, что и от Вашего не будет, и насколько от меня зависит, буду стараться в Комитете, чтобы съезд состоялся, хотя я не говорил с Дм[итрием] Петр[овичем], но думаю, что он не согласится председательствовать в съезде, и невозможно рассчитывать на выработку программы нашим Обществом. Ничего нельзя *теперь* сказать, как *тогда* отнесется большинство членов Комитета к идее съезда. Потому, по моему мнению, если желать, чтобы съезд непременно состоялся и не откладывать его в дальний ящик, то придется действовать Вам помимо «Общества любителей»; а председателем съезда во всяком случае следует быть Н. В. Исакову.

Теперь по поводу Александрова. Вы думаете, что я напрасно удержал Перова от возражений? Удержал не я (не может быть, чтобы я написал Вам *о себе только*), а родные его, а я только одобрил это, на другой день, когда приехал к нему. Покойный Василий Григорьевич жаловался мне, плакал, бранил Александрова при жене и брате; огорчение его было двоя-

кое: с одной стороны, ему обидно было, что он выставлен таким беспомощным, нищим, за которого взывает Александров к Академии и к Обществу поощрения; с другой, он боялся, как бы я и Д. П. Боткин не подумали, что он сообщил неверные цифры портрету Достоевского и «Учителю рисования»; на это я сказал: бросьте, не думайте о первом, а о втором я напишу Александрову. Василий Григорьевич несколько успокоился и просил меня написать. Я объяснил Александрову неверность его сообщения и спросил, какая надобность была ему печатно сообщить ложь, когда он — если ему нужно было — мог бы узнать верные цифры? Какая разница была бы, если бы я сказал: — «Вы сообщили неверно»? в переводе было бы: «Вы соврали», т. е. сказали ложь; дело не в словах, а в факте; можно говорить, что за такую-то вещь заплачено 1 р., а она стоит 10 р., но первая цифра должна быть верна, а не выдумана. Говоря, что я напрасно удержал от возражения покойного, Вы, может быть, думаете, что мое самолюбие задето? Вы знаете, что я никогда не разыгрывал роли покровителя искусств; всегда старался приобретать, насколько возможно, дешевле и вперед буду так же. Если бы Вы видели Василия Григорьевича, тогда почти уже мертвеца, Вы, разумеется, знали бы, что не только возражать, но никакого самого малейшего волнения допустить нельзя было. Скажу пример: если бы Александров напечатал *теперь,* что за портрет Гончарова заплачено было 200 р., я и не подумал бы возражать; но если бы Вы были в болезненном положении, подобному, в каком Перов находился, я поступил бы точно так же, как в настоящем случае. Вспомните, как я негодовал на Александрова за его статьи против Уварова [2] (потому что они были неверны и недобросовестны), а между тем я уж вовсе не сторонник графа. Орловский для меня противен, но еще противнее вылазки против него — Александрова [3]. Статья Александрова о Перове и его картинах была бы уместна, пожалуй, после смерти, но еще при жизни — она была непозволительна; для меня это было ясно как день; но я все-таки интересовался знать Ваше мнение. Я не верю, чтобы журнал издавался на Ваши средства, но что Александров пользуется Вашей нравственной поддержкою, это мне хорошо известно, и потому я хотел знать Ваше мнение. Александров ответил мне преглупым письмом, которое я покажу Вам позже. Я ему написал на это, что он после смерти В[асилия] Г[ригорьевича] может печатать все, что ему угодно; я возражать не буду.

Искренно преданный Вам *П. Третьяков*

303. И. Н. КРАМСКОЙ — П. М. ТРЕТЬЯКОВУ

27 июня [18]82
СПБ

Глубокоуважаемый Павел Михайлович,

Не знаю, что Вы называете пользой съезда вообще, и в каком смысле думаете, что я одушевлен ожиданием от съезда благодати. Совсем нет. Пользы практической, которая бы сказалась какими-либо очевидными результатами, от съезда художественного я не жду, и всякого, кто будет ждать, готов просвещать в противоположном смысле; но польза вот какая будет. Когда говорят теперь кому-нибудь — положим вел. кн., министру или государю, то всегда есть возможность истолковать это как происки котерии, как интригу и т. д., а когда резолюция съезда будет оформлена, когда дебаты его будут стенографированы, когда, наконец, съезд что-либо постановит и решит, хотя решения его ни для кого не обязательны, то об этом нельзя уже будет говорить как о чем-то темном и недостаточно авторитетном, а волей-неволей надо будет признать все это голосом общественного, а не единичного мнения. Одно лишнее оружие будет у врага исторгнуто — вот и вся польза. Кроме того, в этом разе Обществу любителей в Москве представляется случай взять в свои руки движение, которое так или иначе придется скоро считать историческим. Я говорю об образовании в провинции музеев и школ по художеству. Как хотите, а первое, что необходимо в России теперь,— это необходимость частного почина в таком деле, для которого существует официальное учреждение. Академия не желает реформ и движения — пусть ее остается, никто ее не тронет и никто сна ее не потревожит. Но теперь назрело время, и на съезде, быть может, обнаружится необходимость образования какого-нибудь нового и объединяющего принципа или общества, и, быть может, наступил момент, когда Товарищество способно переформироваться. Но все это пока громкие слова и фантазии. Если Общество любителей не почувствует, что ему будет честь и слава, если оно не возьмет наше предложение и не будет его проводить, как свое, то, делать нечего, за это должно будет взяться Товарищество. Как это ни смешно, повидимому. Как мы ни слабы и как ни мало значение Товарищества в русском обществе, но мы попытаем дела. Очень будет жаль, если Москва отстранится от такого хорошего начала или движения.

Теперь о Перове и Александрове. Если я, как Вы пишете, оказываю поддержку (нравственную) Александрову (хотя

это неверно), то Перов оказывал ему поддержку эту в десять раз больше. Я ничего Александрову не давал, давать не намерен и не знаю, как и чем он от меня пользуется, но Перов ему оказывал действительно поддержку, и многое, что Александров сказал о Перове, я приписывал самому Перову. Вот почему я сказал, что очень жаль, что Перов был удержан от возражений. Потом, очевидно, Вы знаете больше меня про Александрова, и знаете фактически, так как у Вас есть прямое указание на недобросовестность (а Вы не такой человек, чтобы бросать такие слова даром). Я же, кроме некоторой бестактности с его стороны, заведомо недобросовестного — не знаю, кроме того, должен еще сказать (или лучше — прибавить), что я его не знаю близко и мало им интересуюсь, кроме тех отношений, свидетелем которых Вы бывали, т. е. разговоров общих и курения сигар вместе, никаких более тесных отношений не существует. Сознаюсь, по слабости характера, я иногда кое-что ему обещал (по части писания), но всегда неохотно (это он знает) и даже первых 2—3 месяца в прошлом году и исполнял [1], но с тех пор, как оказалось, что он не слушает никакого голоса, а продолжает грубо и бестактно иногда поступать по-своему,— я совершенно устранился и даже неохотно говорю о журнале. Никогда не начинаю сам и только уступаю необходимости высказываю свое мнение. Он его знает. Он знает, что я его не одобряю вообще, хотя не могу не признать, что то тут, то там он говорит дело, как, например, о десятой Передвижной выставке [2], мне кажется, что эта статья верная и хорошая. О Перове тоже много верного вообще, но бестактного в высшей степени тоже много, и когда он пришел ко мне как бы с жалобой, с Вашим письмом, то все это я ему и сказал. Чтобы очистить совесть свою перед Вами,— я должен еще сказать, что в Вашем письме к Александрову есть одно место, о котором я очень пожалел, что оно там есть. Когда он мне читал, то я просто был глубоко сокрушен. После изложения, как Перов продавал свои вещи и за какие цены, и вообще восстановляя факты, Вы пишете, «что память Перова будет светлою», или, что «образ Перова (благодаря его бескорыстию так сказать) останется светлым в памяти». Когда он прочел это место, я невольно подумал: в «чьей памяти». Тут есть какая-то глубокая неловкость, которою он может воспользоваться; и сколько я его знаю, он воспользоваться способен. К сожалению, теперь прошло уже много времени с тех пор, как я его видел, до сих пор я не встречался с ним и не знаю его намерений дальнейших, и только из Вашего письма я узнал, что он уже Вам написал (как он обещался, уходя от меня в последний раз) и даже по-

лучил уже Ваш ответ. Увидим, что он будет такое, когда я его встречу.

Относительно же последнего Вашего решения — не вмешиваться с ним ни в какие печатные пререкания — я совершенно согласен, и даже больше скажу: это само собою разумеется, но в то же время считаю долгом поставить Вас в известность, что *я* считаю своею нравственною обязанностью возражать Александрову всякий раз, когда мне покажется это необходимым.

Выражая мою глубокую признательность и уважение Вере Николаевне, прошу ее и Вас также принять моих мальчиков, будущих студентов, если они приедут в Москву на выставку. Я думаю их отпустить на неделю одних в г. Москву и дать наставление, где остановиться, и т. д., словом, отпущу их поучиться самостоятельности. Разумеется, они будут и у Вас.

Глубоко уважающий Вас *И. Крамской*

304. П. М. ТРЕТЬЯКОВ — И. Н. КРАМСКОМУ.

3 июля [18]82 г.

Многоуважаемый Иван Николаевич,

Не могу не добавить несколько слов к последнему письму, которое спешил тогда кончить. Как хотите, бескорыстие человека всегда непременно оставляет светлую о нем память. Захарин [1] громадное место занимает во врачебной науке и будет занимать, но светлой памяти в народе не оставит по себе, как, например, оставил Иноземцев [2], Поль [3] и Овер [4]. Примеров по разным отраслям могу привести очень много. Но это вообще, скажу теперь лично о себе. Бескорыстие художников лично ко мне (я полагаю, это делается не иначе, как ради цели моего собрания) мне очень нравится и оставляет светлое воспоминание таких отношений в массе всяческих сношений моих с ними: я это прямо говорю и чувствую, и говорить и чувствовать — не нахожу ни малейшей неловкости. Неужели Вы думаете, я не чувствую благодарности к Вам в отношении портретов? Разве это не будет для меня светлым воспоминанием? Были и другие случаи. В особенности подобное отношение было важно для меня в 50 и 60-х годах, и если бы было иное, подобное теперь складывающемуся, то весьма вероятно, моего собрания и не существовало бы. Теперь оно уже волей-неволей должно продолжаться — попало на такую зарубку.

Искренно преданный Вам *П. Третьяков*

305. П. М. ТРЕТЬЯКОВ — И. Н. КРАМСКОМУ

17 июля [18]82 [1]

Многоуважаемый Иван Николаевич,

Я очень рад буду, если наше Общество возьмется за устройство съезда, но мало надеюсь. Вы говорите, делать нечего, возьмется Товарищество, как то ни смешно, повидимому и как оно ни слабо — я не согласен с этим. *Что* сделало Товарищество в 10 лет своего существования — ясно всем; но сомневаюсь, чтобы кто-нибудь мог указать, *что* сделало Общество любителей в более двадцатилетнее свое существование. Могла бы взять съезд в свои руки Школа живописи и ваяния, там тоже есть Общество любителей [2], но это была бы надежда отчаяния. Вы думаете, зачем же я состою членом Комитетов обоих обществ, когда так безнадежно смотрю на них? На это я Вам отвечу, что давно думаю, зачем? и все-таки сам не понимаю, для чего остаюсь, когда знаю, что ничего путного не могу, не умею и не имею времени сделать.

Насчет Вашей заметки по поводу одного места моего письма Александрову. Обмолвиться очень легко, особенно мне, мало искушенному и решительно не имеющему времени на обдуманное изложение своих мыслей, но тут я ничего не вижу неловкого. Григорович на могиле Перова в числе других заслуг указал также на это, и особенно обращал внимание молодежи-учеников, и заслужил общее одобрение присутствовавших. Вы спрашиваете, в чьей памяти? да, разумеется, общества, потомства. Талант, не оцененный при жизни или мало ценившийся, живший в нужде и лишении, — разумеется, всегда остается светлым в памяти потомства (другой вопрос, желательно ли это и впредь), а казнится общество в целом составе или отдельные личности, не ценившие или не умевшие ценить, эксплуатировавшие и так далее. Вы говорите, что Александров может воспользоваться этой моей неловкостью, — да пусть! Я уже сказал, что мне все равно, что бы он ни сделал.

Сердечно рады будем увидеться с Вашими будущими студентами.

Крепко жму Вашу руку.

П. Тр.

306. И. Н. КРАМСКОЙ — П. М. ТРЕТЬЯКОВУ

14 ноября [18]82
СПБ

Многоуважаемый Павел Михайлович,

У меня в чужом пиру похмелье. Вот в чем дело:

Ф. А. Терещенко недавно прислал ко мне письмо с вопро-

сом: нет ли чего нового в Петербурге по части картин? Я ему пишу: есть — картина Савицкого и картина Максимова [1]. Цена одной около 1500 р. (Максимова), а другой около 2-х т. (Савицкого). Эти цены я написал по соображению своему личному — не зная на самом деле. Чрез 4 дня — (вчера) получаю телеграмму: «картины Максимова и Савицкого купите для меня и высылайте немедленно». Видя такую стремительность, я немножко струсил и пошел прежде всего справиться о ценах, не говоря уже о том, что картины высланы быть не могут немедленно. Оказывается, что Савицкий действительно желает за свою 2000 р., а Максимов 1200. В разговоре с Савицким выяснилось, что надо подождать, так как он картину еще, быть может, перепишет, а Максимов на то, что его картину желает купить Терещенко, заявил, что эта картина, *кажется,* понравилась Павлу Мих[айловичу]. А я говорю, в таком случае, пожалуйста, уведомьте П[авла] М[ихайловича], что у Вас ее покупают. Он обещался, а сегодня приходит ко мне и говорит, что он старался и у него не выходит и что ему неловко и проч. и проч., тогда я вызвался сделать это сам и, как видите, делаю.

Считаю долгом не утаивать от Вас еще одного обстоятельства: Максимов потом уходя прибавил, что для Терещенко и для всех других цена его картине 1200 р., а для Вас 1000.

Исполнив то, что собственно до меня не касается, я буду ждать от Вас известия, прежде чем писать Терещенко.

Вере Николаевне глубоко кланяюсь я и жена моя.

Уважающий Вас глубоко ***И. Крамской***

307. П. М. ТРЕТЬЯКОВ — И. Н. КРАМСКОМУ

16 ноября [18]82

Многоуважаемый Иван Николаевич,

Очень порадовало меня такое отношение к моему собиранию и Ваше и Максимова. Скажу прямо: картина Максимова мне понравилась, но покупать ее я не имел намерения, т. е. в данный момент не находил необходимым взять ее (хотя часто необходимость эта является позже на выставках), так как нынешний год я пополнил свое собрание двумя номерами Максимова: «Умирающий» и «Этюд женщины» [1]. Продав Терещенко, Вас[илий] Макс[имович] получит лишнего 200 р., то нужно это дело кончить. О картине Савицкого я не имею никакого понятия, почему сказать ничего не могу. Вот у Н. А. Ярошенко я видел этюд молоденькой девочки курсистки [2] (я ему ничего не

сказал, так как еще вещь не кончена), эту я попросил бы пока не рекомендовать никому.

Спешу кончить, очень занят — не делами, которых в настоящее время совсем нет, или, если есть, то очень скверные, а работой в Галлерее, закрытой для публики с 1 октября [3].

Поклон Софье Николаевне, Верочка кланяется и ей и Вам.

Ваш *П. Третьяков*

308. И. Н. КРАМСКОЙ — П. М. ТРЕТЬЯКОВУ

Многоуважаемый Павел Михайлович,

Я потому Вам предложил теперь этюд Гуна [1], что послезавтра мне встретится опять большая нужда в деньгах, в размере 400 р. (это все уплата по векселям за время постройки) [2], и так как я с Вас за этот этюд не могу взять более, то и посылаю его к Вам, чтобы долг мой старый и большой не увеличивать.

Уважающий Вас *И. Крамской*

1883

309. И. Н. КРАМСКОЙ — П. М. ТРЕТЬЯКОВУ

12 генваря [18]83
СПБ

Глубокоуважаемый Павел Михайлович,

Несколько лет уже, как у меня мелькала мысль исповедоваться Вам, да так и тянулось до сего момента. Хорошо ли или дурно, что я пропустил столько времени, не знаю, и даже не знаю, хорошо ли я делаю и теперь; но так как мне не остается другого выхода, перед тем как погрузиться окончательно, то попробую.

Двадцать лет тому назад я женился. Когда доброжелательные люди (семейство Поленова), [где] я давал уроки [1], он был тогда только что поступившим в Университет и приготовлялся в Академию; так вот, мать его, узнав, что я женился, соболезновала обо мне и прямо в лицо говорила: напрасно! Художнику этого делать не следовало бы, Вам еще нужно учиться! Я на это очень храбро и с глубоким убеждением (как теперь помню) сказал: «Если из меня при тех условиях, в которые я стал, ничего не выйдет, то «жалеть об таких людях не стоит». Я тогда был и обижен и зол на людей. Я живо чувствовал тогда потребность нравственной жизни, чтобы иметь возможность развиваться. Не знаю, отчего мне тогда казалось, что чтобы итти вперед, нужно жениться. Кроме того, я и тогда понимал (хотя мне было всего 25 лет), что женитьба — это лотерейный билет (и один) на выигрыш в 200 т., особенно художнику. Не знаю также, отчего я угадал человека; но я угадал его; потому что во всех критических случаях жизни (когда именно человек и сказывается) этим человеком все приносилось в жертву, если, по моему мнению, мое искусство того требовало, и все-таки, несмотря на это, чрез 20 лет напряженного состояния я сознаюсь, что *обстоятельства выше моего характера и воли.* Я сломлен жизнью и далеко не сделал того, что хотел и что был должен.

Еще 6 лет тому назад я смотрел бодро и хладнокровно выжидал времени, когда можно будет приняться за труд, но... время шло, а планы мои все откладывались, точно мне отведено целое столетие. Наконец, наступил момент, когда упускать не только года, а даже месяцы — риск огромный, потому что мне 45 лет, волосы поседели и глаза начинают подаваться. Сколько у меня осталось времени? Это вопрос мучительный. Под влиянием этого же мучительного вопроса и в ужасе, что по моей милости, пока я занимался своим совершенствованием в живописи, дети мои остаются нищими, я начал строить дом, чтобы хотя что-нибудь осталось им. Но как и следовало ожидать, простроился и вошел в долги до 4-х, 5 т. Истратив слишком 24 т. Короче, в настоящую минуту я банкрот, так как дачу нужно заложить во что бы то ни стало, но вот горе: дачи в залог не принимают! Когда я узнал это обстоятельство, я, седой человек, рассмеялся над собой самым беспощадным образом. Начать строить, знать, что мне после постройки придется закладывать, и не знать, что дач нигде в залог не принимают! А как хорошо, казалось, рассчитал: деньги (несчастные 14—15 да во время постройки заработал около 6-ти), думаю себе, у меня все равно уйдут, мы их проедим, а я лучше сделаю вот что: 10—12 т. простроюю, на остальные буду писать картину, а когда не хватит — заложу и кончу в год наверное, да, кроме того, по дороге кое-что напишу еще, а уж за портреты — ни-ни!.. Только все подобные детские приемы в жизни оказываются никуда не годными. Не нам этими делами заниматься!

Вы удивляетесь, к чему это я подъезжаю, рассказывая Вам эти сказки, Вы догадываетесь, что я какие-то питаю на Вас виды; Вы полагаете, что я хочу взять денег у человека, который, по моему предположению, их имеет, и основательно, быть может, желаете, чтобы все поскорее кончилось, — сказал, что нужно, и шабаш! Да, но только я не могу не сделать Вам всего до очевидности ясным, прежде чем окончательно успокоиться.

Итак, вот мои дела: в эту зиму я сделал с августа месяца 2 портрета, Строгонова и Васильчикова[2] и на это пока живу, от 2-х отказался (Стенбок и Полежаев), хотя согласны были на мои условия, но это все не то.

Тому, что за сим последует, будьте *Вы* судьею, потому что от Вашего убеждения будет зависеть мое дальнейшее, так сказать, поведение.

Как по-вашему: я иду вперед или остановился? или иду назад?! От убеждения Вашего будет зависеть то или другое. С осени, когда для меня обнаружились мои дела вполне, я

себя продаю: кто купит? С этим предложением я пошел прежде всего к Беггрову и сказал ему: не можете ли Вы меня взять на аренду? все, что я сделаю, будет Ваше (исключая картины) [3], а Вы мне платите (т. е. выдавайте) 1000 р. ежемесячно. Он говорит: что же Вы намерены мне дать? — Да все, что сделаю! Да, но это неопределенно, я согласен вот на что: давайте мне Ваши головки ежемесячно, а я Вам за них буду уплачивать по уговору (это все те же портреты). Тогда я ему предложил комбинацию следующего рода: я ему обязуюсь сделать в течение года *школу рисования,* состоящую приблизительно из 60 рисунков, а он мне должен будет, кроме 1000 ежемесячно, заплатить еще от 8 до 10 тысяч, когда я школу кончу, а школу взять на вечные времена себе, издавать ее и т. д. Словом, как мне казалось, я ему давал действительно цельную вещь для издания. Он обрадовался школе, как бог знает чему, согласен был заплатить единовременно, но только поменьше. На этом мы расстались. Он у меня купил 3 этюда, заплатил за них 2000 и еще Гуна, а потом, когда я получил от Строгонова за портрет, я Гуна возвратил обратно. Но со школой он мне не дает теперь покою. Школу же эту я начал года 4 тому назад, да остановился вследствие замечания Прахова на общий план моей задачи. С тех пор я школу еще раз наново обдумал и теперь опять приступил к рисункам, вполне уверенный, что если я ее выпущу, т. е. кончу, то это будет вещь оригинальная, новая и действительно такая, как надо. Если мне удастся ее довести до конца, это будет наследство детям. Школу нужно, нужно и нужно. Итак, я школу делаю [4], а картины мои стоят, так как я не знаю, что мне делать: сжечь ли корабли и приняться за заказы и портреты, пока не прекратились еще желающие, или Вы решитесь сделать со мной такой опыт: я у Вас года не потребую, нет, я предлагаю срок короче. Положим, с момента договора пройдет 2 месяца. Вы даете по 1000 р. каждого первого числа, и чрез 2 месяца я открываю Вам картину. Это будет 1-го апреля, положим, и тогда Вы решаете дальнейшее. Если я со своими затеями (у меня еще есть *одна,* кроме всего известного Вам) гожусь еще в строй,— прекрасно, тогда я на апрель и май поеду в Палестину (денег увеличивать сверх 1000 ежемесячных будет не нужно); если же Вы забракуете картину и начатые мои планы, хорошо, я и на это согласен; но тогда, быть может, найдется у меня еще достаточно таланта на что-нибудь другое. Ведь я за картину, в сущности, не принимался с тех пор, когда, помните, я работал в кадетском корпусе в своем дощатом бараке и когда я писал Вам об этой работе. С тех

пор она стоит, и я, что заработаю, то и съем,— это ужасно. А ведь я мог бы дать в год вдвое больше, если бы все время было мое, и я не должен бы был ходить за хлебом. Все дело, стало быть, теперь в том: выгодно ли кому-нибудь прокормить меня год, что *обойдется в 12 т., и взять себе все, что будет сделано* *. Я знаю, что 1000 р. в месяц — это огромные деньги, но, к сожалению, только текущие расходы, ежедневные обходятся в 1500 р. да квартира 200,— а присоединив еще 100 р. учителям и учительницам на детей и плату за ученье, выходит — минимум 800 р. в месяц, да 200 рублей нужно иметь всегда в запасе на работу мою. Но и независимо от этого, я понимаю, что все эти вычисления страдают одним — неизвестно, стоит ли моя работа 12 т. в год? Не знаю. Судите вы, я только могу в настоящее время страдать от неудавшейся жизни; у меня в голове буря, а как найти выход — не понимаю. Перебираю всю свою жизнь, выглядываю ошибки и не нахожу, по совести, кроме женитьбы, и как следствие ее — многочисленной семьи. Но... дальше откровенность меня покидает. Я сказал все.

Извините меня великодушно, если письмо мое прибавит Вам новую моральную тяжесть, как, вероятно, Вам часто приходится. Ведь богатый человек — это цель всех голодающих; но обо мне Вы не скажете так. Я честно бился всю жизнь и устал вот только под конец, да и то потому, что не знаю, сколько господь бог отпустит мне еще времени на работу.

Я всегда думал, что любителю искусств следует быть милостивым только до тех пор, пока человек еще может что-нибудь, а как только машинка попортилась — в архив. Кончено! Надо повернуться к нему спиной и искать нового, на которого и обратить внимание. Верный этой мысли, я и приглашаю Вас решить (да оно, вероятно, уже решено), иду ли я вперед или назад, и в случае отказа Вашего я помириться со своим положением сумею.

Уважающий Вас *И. Крамской*

По залогу дачи мне обещался помочь Сюзор [5] — он директор Общества городского кредита. Не знаю, что будет. Говорит, надежды мало.

---

* Подчеркнуто Третьяковым.

310. И. Н. КРАМСКОЙ — П. М. ТРЕТЬЯКОВУ

15 генваря [18]83
СПБ

Глубокоуважаемый
Павел Михайлович,

Очевидно, Вы боялись, чтобы не сделать мне больно, такие сердечные движения нельзя не оценить, и за них-то Вам я глубоко благодарен; но это я, положим, знал и в этом был уверен, гораздо более я боялся другого, очень естественного движения с Вашей стороны, что Вы отнесете меня в число желающих поживиться от *богатого человека*. Извините. Вас все считают *таким*, кроме меня. Говорю это с чувством глубокого убеждения, т. е. я считаю Вас человеком *только со средствами*, и знаю очень много людей *гораздо богаче вас*, которые считают Вас потому богатым, что если Вы тратите на картины, т. е. на прихоть (по их мнению), столько денег, то сколько же Вы должны тратить в таком случае на свои нужды?!! Наивные люди, и тупые люди, а главное, беда та, что они даже и не люди!

К счастью, я усмотрел в Вашем письме [1], кроме особой деликатности, еще *и доверие ко мне*. Вот за это-то уж, как за сверхкомплектное обстоятельство, я просто не найду и слов благодарности. Теперь к делу.

Я положительно удивлен, как Вы угадали одну несчастную черту моего характера — приведшую меня к банкротству — это *неуменье* и даже невозможность для моей натуры *«хвататься слегка всяким посторонним делом»*, а увлекаюсь и отдаюсь вполне тому, за что берусь. Я давно в себе это знаю, а такая черта характера, вместе с большой семьей, обучением и всякими хлопотами, задерживала меня ужасно. Господи, сколько раз я ловил себя (теперь даже) на том, что, положим, какой-нибудь заказ, вовсе неважный в художественном смысле,— какие он мне доставляет искренние мучения. Недавно является одна знакомая дама и просит нарисовать с умершей по фотографии, я говорю: *не могу*, ах, как жаль! я рекомендую Вам, пожалуйста! Хорошо, я отдаю, цена неважная,— рисунок готов, и я же должен был переделывать, убивать время, мучиться. Как будто я виноват! и так во многом. Потом практичные люди говорят: позвольте, почему Вы не положите два дня для публики, а в другие дни запритесь и работайте, что хотите? В самом деле, отчего? Как же иначе? Как же весь свет делает? Я себя сам сколько раз спрашивал, а как же вот Павел Михайлович с 8-ми до 12 час. в конторе, потом едет делает дела и т. д. и т. д., все

так! а иностранные художники!! Ну, словом, это такой неисправимый недостаток, что я еще себе удивляюсь иногда, почему я так долго верчусь и давно уже не выброшен жизнью за борт. Словом, это печально верно. Дальше: — Вы еще верите в меня, когда говорите *«Вам следует предаться только своему делу пока, бросить всякие дебаты (какие дебаты??!), придворные уроки и проч.»*. Вот это именно оно и есть, да как же это сделать? Научите! Это есть мечта всей моей жизни, особенно последнего десятилетия, но, как я говорил, это еще все откладывалось, пока была молодость — все терпелось — теперь терпеть больше нельзя — или продолжай то, что делал до сих пор, принимал портреты, совершенствуйся, если можешь, не отказывайся уже ни от одного заказа, тогда не будет нужды — заработаешь 25—30 тысяч в год, кое-что и отложишь и таким образом, если можешь жить, — живи! или же — все прочь! Потому что я портретов, в сущности, никогда не любил и, если делал сносно, то только потому, что я любил и люблю человеческую физиономию. Но ведь мы понимаем, что человеческое лицо и фигура не суть портреты, потребные публике. Я ее слишком хорошо знаю. Дело у меня дошло до боли, я готов кричать: «помогите!» Вот откуда и мое письмо к Вам. Я прихожу и говорю Вам: помогите и при этом *предлагаю Вам взять себе все, что будет мною сделано. Дайте мне год жизни на пробу — и все, что будет сделано в этот год,— ваше* *! Это не значит — берите себе все, что я сделаю, вовсе нет, я говорю: *это ваше*. Вам не нужно — пусть продается, а деньги ваши, и берите их себе. Я только хочу один год *художественной* [2] жизни, чтобы не быть вынужденным бегать за хлебом, только это. К сожалению, этот *хлеб* — равняется 12 т. в год, но, может быть, Вы и вернете все, что дадите, чистыми деньгами — и, быть может, также не будет убытка. Я говорю: купите меня, пока не испортился как машинка; может быть, я даже доходная машинка, и это *на один год,* т. е. *пока,* понравится — прекрасно, будем продолжать, невыгодно — я первый сумею подчиниться обстоятельствам, я не самообольщен настолько, чтобы чорт знает что о себе мечтать, но знаю также и то, *что* я знаю и *что* я могу. Другие не знают, правда, и знать неоткуда. Ну, надо попробовать. Я, конечно, предпочел бы войти в сделку с купцом, который моим товаром торгует, но, во 1-х, у нас такого нет, а во 2-х, если бы и был, то все-таки у купца есть свои *задачи,* которые он, зная публику, и будет стараться осуществить, ну, а это дело не подходящее. Мне

* Подчеркнуто Третьяковым.

нужна полная и безусловная свобода, к такому человеку, какой *мне нужен* (нужен, сознаюсь, потому, что сам не сумел справиться с жизнью), подходите только Вы. Знаю, что Вам трудно, знаю, что Вы *служите искусству действительно до истощения сил,* знаю также, что и близкие Вам люди даже сокрушаются об этом и боятся Вашей страсти, но что же мне делать? Подумайте, дело терпит, хотя я уже изнемог. Потому что если я опять примусь за портреты, то эта теперешняя моя тоска будет уж последняя вспышка сожаления художника о неудавшейся жизни.

Не думайте ради бога, что я Вас хочу разжалобить! Я только говорю откровенно.

Два слова о Вашем непонимании искусства: во всей вашей практике я знаю 2—3 случая, когда мне казалось, что Вы не поняли, и только, да и то я еще всех мотивов не знаю, почему так случилось, а что при жизни своей Вы будете слышать только возгласы,— это ничего, это нужно знать вперед; вспомните, что я Вам писал еще тогда, когда были истории с картинами Верещагина. Как хорошо, что я был настолько осторожен, что тогда же высказал *и то, что* такое *Верещагин,* и то, зачем нужна его коллекция. Что делать? Иногда бывает действительно трудно разобраться в гамме ярмарочной жизни, в кругу современников.

За письмо и мысли Ваши глубокая благодарность.

Уважающий Вас *И. Крамской* [3]

311. И. Н. КРАМСКОЙ — П. М. ТРЕТЬЯКОВУ

20 января [18]83
СПБ

Многоуважаемый Павел Михайлович,

Я написал что-то очень много прошлый раз, но, кажется, вздор или по крайней мере много лиризма, не нужного. Правда, только в одном — я устал иметь дела с публикой — по заказам. Воротиться к юности нельзя, чтобы начать сызнова, и поставить себя так, как все художники себя ставят, т. е. работают, что хотят, а публика покупает. Для меня это благополучие не осуществилось. Я сделался портретистом по необходимости. Быть может, я и в самом деле ничего больше, как портретист, но я пробовал раза 2—3 того, что называют творчеством, и вследствие того попорчен; а потому не хочу умирать, не испробовать еще раз того же. Вы пишете, что боитесь не понять достоинства моих затей. Вот это,

собственно, и есть пункт, который меня ставит в тупик в Вашем письме; если перевести это место на язык откровенный, то это значит, по-моему, вот что: я (т. е. Вы) буду поставлен в весьма конфузное положение в том случае, если мне не понравятся начатые, а тем более конченные вещи Ваши (т. е. мои). Ах, если бы Вы знали, как я это понимаю! И если бы можно было передать Вам уверенность мою в том, что я буду в состоянии без малейшей горечи подчиниться совершившемуся факту и признать, что Вы потеряете из-за меня 12 т. (как видите, я все толкую о годичном сроке), да с прежним долгом составит более 16 т. Ну, думаю, однакож, что все же не совсем потеряете, так как уже есть кое-что, что Вы хотели купить, и стало быть часть, хотя и малая, обеспечена. Очень возможно, что я приеду на день или два в Москву, чтобы повидаться с Л. Н. Толстым.

И. Крамской

312. П. М. ТРЕТЬЯКОВ — И. Н. КРАМСКОМУ

13 ноября [18]83
Москва

Многоуважаемый Иван Николаевич,

Сделайте одолжение, не откажите поскорее сообщить мне, были ли Вы учеником Московской школы и, если были, то с какого и по какое время [1]. Через неделю сбираюсь побывать в Петербурге.

Желая Вам всего доброго, остаюсь глубоко преданный

П. Третьяков

Софии Николаевне прошу передать глубочайший поклон.

313. П. М. ТРЕТЬЯКОВ — И. Н. КРАМСКОМУ

27 ноября [18]83

Многоуважаемый Иван Николаевич,

Простите, что лезу с советами. Мне то, что хочу сказать, пришло в голову еще в Петербурге после последнего свидания; хотел написать тотчас, но подумав, кстати ли вмешиваться,— оставил; но так как мысль все сидит в голове, то, чтобы отвязаться от нее, решился написать. Мне кажется, Вам следовало бы сделать копию с головы Христа [1] (Вы ее

скоро сделаете) для отформовки, тогда этот первый экземпляр остался бы в неприкосновенности, полнейшей целости; хотя бы копия вылепилась бы и не совсем так, зато первый-то вполне бы уцелел.

Преданный Вам *П. Третьяков*

314. И. Н. КРАМСКОЙ — П. М. ТРЕТЬЯКОВУ

29 ноября [18]83

Многоуважаемый Павел Михайлович,

Благодарю Вас за интерес, выказываемый Вами к моей скульптуре; к сожалению, я не могу поднять тот труд, о котором Вы говорите. Копия для меня каторга, и если я за оригиналом работаю с последних чисел августа, то за копией итого больше. Нет, я не могу, не могу даже и в том случае, если бы этот экземпляр погиб вовсе. Не правда ли странно? Бывает.

Уважающий Вас *И. Крамской*

1884

315. П. М. ТРЕТЬЯКОВ — И. Н. КРАМСКОМУ

11 марта [18]84
Москва

Многоуважаемый Иван Николаевич,

К крайнему сожалению, у возвратившегося А. А. Киселева[1] не оказалось подписных листов на стипендию и на памятник В. Г. Перову[2]. Бога ради вышлите их *поскорее* в заказном конверте, а то без них мы не знаем, кто внес деньги и с кого еще следует получить, да и подписку нужно продолжать.

Как Ваше здоровье? Уменьшился ли кашель?
Желаю всего доброго и низко кланяюсь Софье Николаевне.

Ваш преданный *П. Третьяков*

316. И. Н. КРАМСКОЙ — П. М. ТРЕТЬЯКОВУ

12 марта [1884]

Многоуважаемый Павел Михайлович,

Списки подписей я передал накануне обеда Киселеву, с просьбою предложить членам и гостям, бывшим в сборе на обеде. Сам на обеде не был; куда девался список — не знаю, и у кого спрашивать — тоже. Пошлю к Лемоху, Савицкому, и если окажется, то немедленно пришлю в Москву. Но теперь я никуда не выхожу, а уезжаю в четверг.

Глубоко уважающий Вас *И. Крамской*

Прошу Вас прилагаемое письмо[1] передать О. П. Орловой, я не знаю ее адреса.

317. П. М. ТРЕТЬЯКОВ — И. Н. КРАМСКОМУ

10 апреля [18]84 г.

Христос воскрес! С праздником поздравляю Вас, дорогой Иван Николаевич. Как Ваше здоровье? На шестой неделе

поста, быв в Петербурге, заходил к Вам, в тот день только что получены были два первые письма — Ваше и Соничкино [1], после же того ничего не слышал о Вас, но уверен, что климат оказал уже доброе влияние.

Я желал бы приобрести Ваше «Неутешное горе» [2]. Я не спешил приобрести эту картину в Петербурге, зная наверно, что по содержанию она не найдет покупателей, но я тогда же решил приобрести ее; сегодня я узнал от Ивачева [3], что она назначена 6000 руб.; сделайте одолжение, уведомьте меня; что для меня эта же цена остается? или по прежним примерам будет другая?

Что же касается Майкова [4], то я его не возьму; по более обстоятельном соображении я пришел к тому заключению, что, имея его довольно хороший портрет [5], этот будет лишним; все-таки Майков не такая личность, чтобы иметь его два портрета.

Ожидая от Вас ответа, крепко жму Вашу руку и целую Вас. Поклон Соничке, т. е. Софье Ивановне.

Ваш преданный *П. Третьяков*

На шестой неделе был аукцион Варгунинского имущества [6]; я там купил портреты Брюллова, пейзажик Васильева «Осень» и Суходольского «Болото».

Академическая выставка очень плачевная, не нашел там ни одной вещи для приобретения.

П. Тр.

318. И. Н. КРАМСКОЙ — П. М. ТРЕТЬЯКОВУ

19 апреля [18]84 г.
Ментона

Многоуважаемый Павел Михайлович,

Получил я Ваше хорошее письмо здесь, отправленное Вами 10 апреля. Благодарю Вас за то, что не забываете моих и были у нас.

Совершенно справедливо, что картина моя «Неутешное горе» покупателя не встретит, это я знаю так же хорошо, даже, может быть, лучше, но ведь русский художник, пока остается еще на пути к цели, пока он считает, что служение искусству есть его задача, пока он не овладел всем,— он еще не испорчен и потому способен еще написать вещь, не рассчитывая на сбыт. Прав ли я или ошибаюсь, но я в данном случае хотел только служить искусству. Если картина никому не будет нужна теперь, она *не лишняя* в школе русской жи-

вописи вообще. Это не самообольщение, потому что я искренно сочувствовал материнскому горю, я искал долго чистой формы и остановился, наконец, на этой форме потому, что больше 2-х лет *эта форма* не возбуждала во мне критики.

Все, что я написал, не относится к ответу, т. е. не служит ответом, но служит мне вот к чему: если картина эта не будет продана, я ее самым спокойным образом поворачиваю к стене и забываю о ней, я свое дело сделал. Все равно,— *или она вещь,* и тогда она стоит того по крайней мере, чего стоит в жизни — *кровь и нервы художника,* которому надобно еще родиться, расти и развиваться; или она *не вещь* и тогда ее надобно покупать и пристраивать для поощрения из милости. Кто бы я ни был, в каком бы положении ни очутился, я лично не хочу и не желаю поощрения, мало того, не приму его, когда оно ко мне постучится. Но Вы, лично Вы, конечно, не можете быть поставлены в зауряд с покупателями вообще. Это было мое мнение всегда, оно останется таковым, вот почему, несмотря на материальную разницу между нами, я готов поступиться частию того, что я считаю себе принадлежащим, и для Вас назначаю 5 тыс. Повторяю при этом, что я совершенно убежден, что картина эта не найдет себе покупателя не только за 6 или за 5 т., но и за 4 и за 3 и т. д. до 25 р. включительно. Это не шутка, да, наконец, этими вещами и не шутят. Итак, мой ответ Вы теперь имеете. Что же касается Майкова, то это мне жаль искренно. Я знаю, что вещь эта неважная в техническом отношении (т. е. собственно в живописи), но в ней есть выражение. Что у Вас есть уже его портрет и что он не из тех поэтов, кого надобно и можно иметь не один,— мне кажется причиною неубедительною. Ближе всего я боюсь, что на Вас повлиял слух, что будто я написал иронию [1]. Слух этот до меня дошел и, признаюсь, очень огорчил меня, так как я ничего не имел дурного, работая портрет.

Уважающий Вас глубоко *И. Крамской*

319. И. Н. КРАМСКОЙ — П. М. ТРЕТЬЯКОВУ

31 мая [18]84
Сиверская

Глубокоуважаемый Павел Михайлович,

Возвратившись домой, я узнал от Карла Викентьевича Лемоха, что картина моя «Неутешное горе» объявлена принадлежащею Вам; так как я не получал от Вас ответа на

мое письмо и был в неизвестности, принимаете ли Вы ту цену, которую я объявил Вам из Ментона, то понятно, что я был обрадован известием Лемоха, сказавшего мне, что в Правлении есть письмо Ивачева, которому Вы объявили, что картина за Вами. Словом, это можно считать конченным. Долг мой так давно затянулся, что для меня было большое моральное облегчение узнать о его погашении. Сколько я помню, я состоял Вам должным 4100 рублей; если моя память и записи неверны, то благоволите меня поправить. Во всяком случае мне кажется, что более *пяти* тысяч я должным состоять не могу. «Головка» Гуна была по нужде продана на чистые деньги и, стало быть, уменьшить долг не могла, а также не уменьшается он и оттого, что портрет Майкова остается у меня, скорее долг может увеличиться, так как за мной есть неисполненный портрет Кольцова в 300 р., который я, однакож, надеюсь осилить этим летом.

Возвратившись из-за границы, я нахожусь первое время в затруднительных обстоятельствах и просил бы Вас, если для Вас это не будет неприятно (*очень*) (приятно оно во всяком случае быть не может), выслать мне 1000 рублей, т. е. задолжать Вам по моему счету 700 рублей, которые рассчитываю или возвратить деньгами в августе или сентябре, время когда я сдам образа для Копенгагена [1], или предоставляю Вам погасить долг этот последний (надеюсь) таким путем, каким Вам угодно.

Во всяком случае мне было бы приятно, если бы Вы уведомили бы, можно ли так устроить, как я пишу?

Здоровье мое слава богу поправилось, но только по возвращении в Россию я опять немного закашлял, правда, что и погода здесь убийственная: постоянный ледяной ветер, так как ладожского льда в этом году по Неве не шло.

Вере Николаевне мой глубокий поклон.

Уважающий Вас *И. Крамской*

320. П. М. ТРЕТЬЯКОВ — И. Н. КРАМСКОМУ

25 ноября 1884 г.
Москва

Глубокоуважаемый Иван Николаевич,

Долг Ваш не 700 р., как Вы писали летом, а 650 р., с Кольцовым будет 950 рб.; как Вам угодно погасить — напишите; письменно может быть удобнее даже эти дела кончать. Что я желал получить из работ Ваших — Вам известно: это

Литовченко и портрет Сонички, т. е. Софьи Ивановны [1]. Дай бог, чтобы здоровье Ваше поправлялось, берегитесь, насколько возможно.

Искренно и глубоко преданный *П. Третьяков*

321. И. Н. КРАМСКОЙ — П. М. ТРЕТЬЯКОВУ

29 ноября [18]84 г.
СПБ

Многоуважаемый Павел Михайлович,

Долг мой в 950 рублей я готов погасить указанными Вами работами, но позвольте мне (в моем теперешнем положении) по справедливости отнести и Вас к публике вообще, т. е. просить Вас платить мне столько же, сколько платят мне все; а именно: за портрет такой, как Литовченко, я беру теперь $1^1/_2$ тысячи и даже две. Принимая несколько лет разницы, когда я брал за такой портрет, как Литовченко, 1000 руб., я и отдаю Вам его за эту цену, т. е. за 1000 р. Если Вы согласны, я очень рад, если нет,— придется оставить погашение до того времени, когда можно будет уплатить деньгами.

Сообщаю, к сведению Вашему, что у меня есть портрет В. М. Жемчужникова (Кузьмы Пруткова) [1]. Сегодня я получил письмо от московского Жемчужникова Л. М. с просьбою уступить ему портрет и на каких условиях, отвечать ему я не буду до получения Ваших распоряжений.

Искренно и глубоко преданный *И. Крамской*

322. П. М. ТРЕТЬЯКОВ — И. Н. КРАМСКОМУ

1 декабря 1884 г.

Многоуважаемый Иван Николаевич,

Я совершенно согласен с Вами и портрет прошу выслать. Портрета В. М. Жемчужникова я не знаю или не помню; как литератор он особого значения не имеет для моего собрания и потому можете его уступить Льву Михайловичу. За сообщение прежде мне — глубоко благодарен. Кстати: вот не пришлось ни Вам, ни Репину написать Горбунова [1], а ведь это иногда большой художник.

Искренно и глубоко преданный *П. Третьяков*

323. И. Н. КРАМСКОЙ — П. М. ТРЕТЬЯКОВУ

Многоуважаемый Павел Михайлович,

Портрет Литовченко будет у Вас по приведении его в порядок. Портрет Жемчужникова я уступаю его брату в Москве. Что же касается И. Ф. Горбунова, то я много раз уже думал об нем, и Ваш вопрос только окончательно решает дело; к выставке (если буду здоров) сделаю [1].

Уважающий Вас и преданный *И. Крамской*

324. П. М. ТРЕТЬЯКОВ — И. Н. КРАМСКОМУ

5 декабря 1884 г.

Многоуважаемый Иван Николаевич,

Портрет Литовченко, мне кажется, приведения в порядок не требует. Когда будут упаковывать, прикажите приложить находящийся у Вас акварельный портрет Кольцова [1], я удовольствуюсь уже им, все-таки он сделан с натуры.

Я бы просил Вас с портретом Литовченко ничего не делать; если Вы его тронете, то после со временем будут пятна.

Более всего желаю доброго здоровья.

Ваш преданный *П. Третьяков*

Нельзя ли бы как-нибудь выручить портрет Крестовского, т. е. г-жи Хвощинской? [2] очень бы мне хотелось получить его.

325. И. Н. КРАМСКОЙ — П. М. ТРЕТЬЯКОВУ

5 декабря [18]84 г.

Многоуважаемый Павел Михайлович,

Вчера я получил 50 р. от брата Вашего Сергея Михайловича. Портрет Литовченко я называю привести в порядок — значит выгнать пятна на пальто и покрыть лаком, затем уложить в ящик, что и будет сделано, вероятно, в понедельник или во вторник на будущей неделе.

Уважающий и преданный Вам *И. Крамской*

326. И. Н. КРАМСКОЙ — П. М. ТРЕТЬЯКОВУ

6 декабря [18]84

Многоуважаемый Павел Михайлович,

Я совершенно понял Ваше беспокойство относительно *приведения в порядок* портрета Литовченко: я так много раз *приводил* в порядок и столько лет делал этим пятна, что Вы думаете, что и теперь будет то же самое. Успокойтесь ради бога. Теперь я, во 1-х, знаю, от чего происходила порча, и потом знаю, что больше пятен не будет. Словом, то, что нужно, — то нужно (портрет тронут не будет), и Вы получите без всякого *улучшения,* а именно таким, каким Вы портрет знаете. А. Кольцова позвольте мне попробовать еще раз.

Уважающий и преданный *И. Крамской*

1885

327. И. Н. КРАМСКОЙ — П. М. ТРЕТЬЯКОВУ

1 генваря [18]85
СПБ

Многоуважаемый Павел Михайлович,

Извините меня великодушно, что задержал отправку портрета Литовченко, но меня задержал в свою очередь Сидоров [1].

Вы увидите, что ничего на портрете не тронуто сравнительно с тем, как Вы его помните. Остается покрыть его лаком через 3—4 недели после получения. О получении 50 р., переданных мне Сергеем Михайловичем, я тоже не написал по оплошности.

Прошу передать мои сердечные пожелания на Новый год Вере Николаевне и всему Вашему семейству.

Уважающий и преданный *И. Крамской*

328. И. Н. КРАМСКОЙ — П. М. ТРЕТЬЯКОВУ

19 ноября [18]85.

Многоуважаемый Павел Михайлович,

Благодарю Вас за письмо и за фотографии с Верещагина, очень сожалею только, что эти фотографии не останутся у меня [1]. Что такое сделал Верещагин, я только предполагал, но теперь я и убедился. Очень хорошо, что Вы приложили размеры картинам: это многое объясняет. Несмотря однакоже и на это, я все-таки не теряю надежды самому видеть выставку; если я до ее окончания очищу себе деньги.

Жаль, глубоко жаль, что Верещагин выпустил из рук роль и роль великую в искусстве, для которой у него были налицо все средства, кроме, впрочем, одного — искреннего и сердечного чувства.

Конечно, и теперь значение его значительно для современников, так как он разрушает и разрушил много предрассудков, но эта деятельность публицистическая и рассудочная, а картин как картин (помимо времени и пространства) и самих по себе, по своей внутренней доброкачественности и нужных людям *вообще*, мало, даже слишком мало.

Хотел что-то сказать, да, кажется, начинаю отвыкать, и вижу, что необходимо было бы написать специальное письмо. Ну когда-нибудь в другой раз.

Глубокий и сердечный поклон Вере Николаевне

Уважающий Вас *И. Крамской*

329. И. Н. КРАМСКОЙ — П. М. ТРЕТЬЯКОВУ

2 декабря [18]85.

Многоуважаемый Павел Михайлович,

Мне давно хотелось Вам написать о картине «Неутешное горе» следующее: она в таком ужасном виде, что ее необходимо промыть (и хорошо и долго), потому что она была перед путешествием покрыта белком с сахаром, и потом после промывки хорошо бы покрыть ее лаком; кроме того, я просил бы Вас выслать сюда портрет Л. Н. Толстого к Сидорову в Эрмитаж, чтобы он сделал (на мой счет) дублировку и смыл бы пятна на фоне. Я Вам об этом как-то говорил, но Вы чего-то боитесь, я же теперь так уверен в том, что это сделать необходимо, и так уверен, что будет хорошо и ничего не испортится, что я, не знаю чем, готов отвечать.

Уважающий и преданный Вам *И. Крамской*

Вере Николаевне глубокий поклон.

330. П. М. ТРЕТЬЯКОВ — И. Н. КРАМСКОМУ

14 дек[абря] [18]85 г.
Москва

Многоуважаемый Иван Николаевич,

За недосугом не мог ответить Вам тотчас, извините! Картина Ваша «Неутешное горе» давно уже в самом лучшем виде. Получив ее, я думал, что она пожухла и оттого такая седая, покрыть же лаком отложил до перевески картин по открытии пристройки, но на другой же день после того, как

узнал от Репина, что она покрыта белком, хорошо смыл и покрыл лаком. Я никак не воображал, чтобы Вы стали покрывать такой гадостью, а то давно бы смыл! Он положительно портит краски и производит трещины, каковые оказались (очень мелкие) и на Вашей картине.

Очень я боюсь отправлять портрет Л. Н. Толстого [1]; не за Сидорова, я знаю, какой он мастер, а мало ли что: может пропасть, сгореть в дороге; ведь вот на днях чуть-чуть не сгорел в вагоне наш новый городской голова — ехал в Петербург представляться.

Когда поеду сам, постараюсь захватить с собой. Надеюсь, Вы давно уже отослали фотографии? Я, пожалуй, Вам привезу, если Вам они нужны? У меня есть еще экземпляр.

Желая всего доброго Вам и всем Вашим, остаюсь Ваш

преданный *П. Третьяков*

1886

331. П. М. ТРЕТЬЯКОВ — И. Н. КРАМСКОМУ

16 янв[аря 18]86 г.
Москва

Многоуважаемый Иван Николаевич,

Мне кажется, не будет ли ошибкой изобразить Горбунова на сцене рассказывающим? По-моему, он замечателен не как актер и рассказчик, а как литератор, его некоторые вещи высокохудожественны, вспомните, например, записки дворового человека. Не лучше ли его написать просто в натур[альную] величину, вроде, напр[имер], как Григоровича.

Ваш преданный *П. Третьяков*

332. П. М. ТРЕТЬЯКОВ — И. Н. КРАМСКОМУ

1 февраля 1886

Многоуважаемый Иван Николаевич,

На днях я был у Ник[олая] Ник[олаевича] Ге, остановившегося в доме графа Толстого; оказалось, что Лев Николаевич возвратился в Москву еще на праздниках; я его видел, он точно такой же, как был в прошлом году, без перемены, и слава богу — здоров.

Сегодня в Троицко-Сергиевой лавре похоронили Ивана Сергеевича Аксакова. Не услышим более его сильного, смелого и правдивого слова!

Желаю всего доброго и более всего здоровья.

Ваш преданный *П. Третьяков*

333. И. Н. КРАМСКОЙ — П. М. ТРЕТЬЯКОВУ

4 февраля [18]86 г.
СПБ

Многоуважаемый Павел Михайлович,

Извините, что я не отвечал на одно Ваше письмо, по поводу Горбунова И. Ф., я становлюсь очень неаккуратен на письма. Не знаю, будет ли ошибкою изобразить Горбунова рассказчиком или нет, но думаю, что оно будет типично. Он и писатель, правда, — но будь он только автор некоторых рассказов, я не знаю, — нужен ли был бы его портрет. Вся Россия его знает так, как я хотел его написать, а, впрочем, кто же его знает, быть может, я и ошибаюсь. Мне кажется, однакож, что в портретах известных людей следует держаться изображения такого, как и чем он заслужил свою известность.

Какой удар и потеря смерть И. С. Аксакова! Вот уж действительно! и в какое тяжелое время! Именно тогда, когда он скоро будет нужен особенно! Бог знает что будет нужно весной [1].

Не привез ли чего нового Н. Н. Ге? Вы не пишете, и почему он приехал в Москву?

Вере Николаевне низко кланяюсь. Здоровье мое все то же, т. е. неважно и весьма.

Уважающий Вас *И. Крамской*

P. S. А все-таки мне жаль, что Вы уклонились вовсе от ответа по поводу портрета моего А. Н. Майкова. Право, это любопытно. Считаете ли Вы портрет с моей стороны недостойной шуткой? или просто полагаете, что будет много иметь два портрета такого поэта? или самый холст очень неважен, просто интересно, мне лично. Конечно, Вы не обязаны удовлетворять любопытства, но тут статья особая, и как бы Вы ни думали, я очень огорчен не буду. Конечно, жаль, если это очень плохо, — но все остальное я докажу, что не имеет основания.

334. П. М. ТРЕТЬЯКОВ — И. Н. КРАМСКОМУ

13 февраля [18]86
Москва

Многоуважаемый Иван Николаевич.

Н. Н. Ге приехал в Москву, полагаю, потому, что здесь живет его сын Николай [1], занимается в Училище живописи и

ваяния и помогает графине Толстой в деле издания сочинений графа Льва Николаевича. Николай Николаевич живет у графа, с собой ничего не привез, но здесь сделал несколько довольно больших рисунков (около 12-ти) к известной легенде графа «Чем люди живы»[2]. Кроме того, он сделал очень интересный эскиз углем «Омовение ног спасителем»[3]. Жаль, что он не сделал его ранее, так как это могла быть очень интересная картина, вроде «Тайной вечери» его, теперь же трудно полагать, чтобы в состоянии написать картину. Теперь он пишет портрет графини[4] и на днях собирается уехать.

Относительно портрета А. Н. Майкова я не уклонялся в ответе, а высказал, что нахожу достаточным иметь один портрет, удовлетворяющий меня; да и вообще достаточно иметь по одному портрету желаемого лица, так как многие (из публики) находят, что и теперь в собрании портретов слишком много, а между тем у меня многих еще нет: нет Вашего большого портрета, нет Репина, Маковского, В. Верещагина, Прянишникова, Ярошенко[5], Каткова[6] (никто не хотел написать его) и еще кого-нибудь — вдруг не припомню.

Относительно Горбунова, как его написать, — очень может быть, я и ошибаюсь.

Очень бы приятно было выручить портрет Хвощинской (Крестовского), она, кажется, теперь в Петербурге. Да и Кольцова хорошо бы получить.

Дай бог, чтобы здоровье Ваше поправилось и поскорее дало бы Вам силы окончить Вашу картину; ничего так не желаю.

Крепко жму Вашу руку и кланяюсь всем Вашим.

Надеюсь скоро увидаться, не далее во всяком случае 2 марта.

Ваш преданный *П. Третьяков*

1887

335. П. М. ТРЕТЬЯКОВ — И. Н. КРАМСКОМУ

8 янв[аря 18]87 г.
Москва

Глубокоуважаемый Иван Николаевич,

Я устраиваю в своем собрании отдел акварелей и черных рисунков; мне нужен один из Ваших черных портретов, разумеется, желалось бы более интересной для меня личности, для чего прошу Вас покорнейше прислать мне через Фельтена (он уложит и перешлет) портрет В. М. Васнецова, чем весьма обяжете, и чем скорее, тем более. Не затрудняйте себя ответом, я на масленице буду у Вас и заплачу, сколько прикажете.

Дай бог Вам здоровья!

Ваш преданный *П. Третьяков*

336. И. Н. КРАМСКОЙ — П. М. ТРЕТЬЯКОВУ

10 генваря [1887] [1]
СПБ

Многоуважаемый Павел Михайлович,

Вы говорите, не пишите — а мне нужно.

Рисунок Васнецова [2] я Вам вышлю, хотя с ним-то мне расстаться будет всего менее приятно, но это все равно, в раме или без рамы? Вот о чем я хотел Вас просить: навести справки в моих письмах, которые касаются погашения моих долгов. Это относится, кажется, ко времени моего пребывания в Ментоне.

В то время, сколько мне помнится, я старался погасить все настолько, что, например, если бы я умер, не сделавши копии с Кольцова вторично, то и то должен бы не был. Я хотел включить в долг и взятые мною за Кольцова когда-то

300 р.; именно не надеясь тогда оправдаться в этом, но не помню, включил ли? Из моих писем можно бы извлечь указания. Мне что-то помнится, но что — утверждать не берусь, а потому будьте так добры, помогите с ясностью восстановить цифры как долга, так и погашения. Боюсь что-либо напутать, наприм[ер], пишу к Вам, кажется уверенно, а между тем сомневаюсь. Погашен долг или не совсем?

Исполнением просьбы очень обяжете.

Уважающий Вас глубоко *И. Крамской*

337. П. М. ТРЕТЬЯКОВ — И. Н. КРАМСКОМУ

14 янв[аря 18]87 г.
Москва

Многоуважаемый Иван Николаевич,

Не мог скорее ответить Вам, так как должен был справиться в бумагах своих и Ваших письмах (в книгах Вашего счета у меня никогда не было), и оказалось, что я Вам должен 300 р. за портрет Кольцова, что я совершенно забыл и без справки никак не мог припомнить. Деньги эти я Вам доставлю на масленице или же могу прислать. Не зайдет ли к Вам брат Серг[ей] Мих[айлович], он теперь в Петербурге на короткое время, то скажите ему, чтобы он Вам уплатил эту сумму. Рисунок Васнецова, т. е. портрет, прошу послать в раме, как он есть, так бережнее дойдет.

Нельзя ли Вам или кому-нибудь из Ваших написать г-же Хвощинской (Крестовскому, псев[дони]му), попросить, чтобы она отдала мне свой портрет, так как он все-таки есть моя собственность. Мне очень хотелось бы его иметь.

Извините бога ради мою неаккуратность.

Ваш глубоко преданный *П. Третьяков*

338. И. Н. КРАМСКОЙ — П. М. ТРЕТЬЯКОВУ

15 генваря [18]87
СПБ

Многоуважаемый Павел Михайлович,

Я очень рад, что не ошибся. Мне помнилось только, что я так серьезно (будучи больным) сожалел, что не сделал этот несчастный портрет, и, полагая также, что мне в будущем не представится времени сделать, я хотел, когда представится

случай, очистить долг, очистить его совсем; а потому, как мне казалось, включил его в счет и писал об этом; но точно так же безгранично Вам веря и привыкнув к Вашей точности, которая превосходит мою в значительной мере, я сомневался. Радуюсь, что дело разъяснилось; что же касается уплаты, то это все равно — время терпит, приедете на масленицу, тогда отдадите за оба. Не знаю только, не покажется ли Вам дорого за Васнецова 300 р.? Но ведь я становлюсь все дороже по мере приближения к... Впрочем, Вы скажите мне тогда, если бы Вы нашли цену дорогою.

Что же касается Хвощинской, то я постараюсь возбудить этот вопрос, разъяснить его окончательно, и сообщу Вам.

Пишу так неуверенно вот почему: г-жа эта на меня очень, оказывается, *зла,* именно зла, и она, к сожалению, такова и есть да еще и... женщина. Когда я узнал от друга ее (бывшего), женщины-писательницы, об этом обстоятельстве, я безгранично был удивлен и долго не мог добиться причины. Но, наконец, мне удалось узнать следующее: она на меня рассердилась за то, что я не показал ей своей картины (большой), которая семь лет тому назад стояла однажды в Петербурге в мастерской. Дело было так.

По возвращении моем из-за границы я с Хвощинской не видался с тех пор, как писал ее в Рязани. Однажды она приехала в Петербург и была у меня с 2-мя своими друзьями и приятельницами (и моими знакомыми), которым она сказала раньше, что едет ко мне смотреть мою картину, те ей сказали, что я никому ее еще не показываю, но она им отвечала: все равно, мне покажет — поедемте. Дело было вечером. За чаем она говорит: ну, Иван Ник[олаевич], пойдемте смотреть картину — я затем и приехала. Я извинился и сказал, что не могу показать, она стала обижаться, чтобы оправдать отказ, я сказал, что даже жена моя (показываю на Софию Николаевну) не видала ее!.. вот и только. И вообразите, это, говорят, истинная причина, да другой и быть не может, так как я с нею никогда не видался [1].

Уважающий Вас *И. Крамской*

ПРИМЕЧАНИЯ
И
УКАЗАТЕЛИ

1869

1

[1] Риццони Александр Антонович (1836—1902) — жанрист, портретист. Третьяков находился с ним в дружеских отношениях.

Почти в самом начале своей собирательской деятельности, в 60-х гг. прошлого столетия, Третьяков приступил к созданию в своем собрании галлереи портретов выдающихся деятелей русской культуры. В этих целях он заказывал Крамскому портрет писателя Ивана Александровича Гончарова. Не будучи лично тогда знаком с Крамским, он обратился к посредничеству А. А. Риццони.

[2] Крамской уехал за границу 10 ноября 1869 г. и оставался там до конца декабря того же года. Это была первая поездка художника за границу, во время которой он посетил Германию и Францию.

[3] Крамской имеет в виду портрет писателя А. Ф. Писемского, исполненный В. Г. Перовым в 1869 г. для Третьякова. В настоящее время портрет находится в Ивановском областном краеведческом музее.

3

[1] Портрет герцога Георга-Александра Мекленбург-Стрелицкого, исполненный с фотографии, Крамской 14 ноября 1869 г. привез в г. Ней-Стрелиц, где в это время находилась заказчица портрета, вел. кн. Екатерина Михайловна.

1870

5

[1] Третьяков ждет получения приобретенной им картины И. И. Шишкина «Полдень. В окрестностях Москвы», находившейся на Академической выставке 1869 г. в Петербурге.

6

[1] Письмо ошибочно датировано декабрем 1869 г. в книге «Иван Николаевич Крамской. Его жизнь, переписка и художественно-критические статьи», СПБ, 1888, стр. 67, и в книге: И. Н. Крамской. Письма, т. I, 1937, стр. 70—71. При сопоставлении его с письмом Третьякова, очевидно, что оно является ответом на письмо от 5 февраля 1870 г. (см. письмо 5).

[2] Григорович Дмитрий Васильевич (1822—1899) — писатель. Был секретарем Общества поощрения художеств (1864—1884); заведовал музеем прикладного искусства, организованным при Обществе по его инициативе.

В 1876 г. Крамским был написан портрет Григоровича, находящийся в Третьяковской галлерее (см. письмо 123 и примеч. 3 к нему).

7

[1] 20 февраля 1870 г. Третьяков обратился непосредственно к Гончарову с просьбой позировать Крамскому. 4 марта 1870 г. Гончаров ответил ему, подтверждая свой отказ позировать ввиду нездоровья.

Крамской, как это явствует из комментируемого письма, склонен был считать портрет Гончарова неосуществимым. Третьяков же, со всей свойственной ему в подобных случаях настойчивостью, продолжал принимать все меры к тому, чтобы портрет писателя был создан.

Будучи в Петербурге, он лично посетил Гончарова, но не застал его. Гончаров ответил ему на это посещение письмом от 5 ноября 1870 г. Высоко оценивая деятельность Третьякова, его заслуги перед русским искусством, он тем не менее снова подтверждал свой отказ, мотивируя его на этот раз не только нездоровьем. Гончаров выражал сомнение в том, что его портрет может представлять какой-либо интерес в ряду портретов других деятелей русской литературы.

Переговоры о создании портрета возобновились между писателем и художником лишь в 1873 г. Портрет Гончарова был написан Крамским в 1874 г. (см. письма 70, 72, 74, 76).

1871

8

[1] Солдатенков Козьма Терентьевич (1818—1901) — московский коллекционер, издатель научно-популярной литературы и литературы по вопросам искусства. Свое собрание картин и скульптур русских мастеров завещал московскому Румянцевскому музею, откуда в 1925 г. его коллекция вместе с другими произведениями русского искусства была в большей своей части передана в Третьяковскую галлерею.

[2] Речь идет о статуе М. М. Антокольского «Иван Грозный», появление которой было выдающимся событием в художественной жизни 1870-х гг.

Предполагалось одновременно несколько заказов на исполнение статуи в различных материалах.

Как это следует из текста комментируемого письма, Солдатенков предполагал получить экземпляр, исполненный из дерева. Третьяков не собирал произведений скульптуры с той последовательностью, с какой он это делал в отношении живописи, но статуя Антокольского глубоко заинтересовала его. Он заручился устным согласием скульптора исполнить для него бронзовый отлив.

9

[1] Исеев Петр Федорович (р. 1838 г.) — конференц-секретарь Академии художеств (1868—1889) (см. о нем примеч. 1 к письму 207, примеч. 4 к письму 208, примеч. 3 к письму 211, примеч. 1 к письму 247).

[2] Портрет Тараса Григорьевича Шевченко (1814—1861) был исполнен Крамским для Третьякова в 1871 г. по фотографии. Экспонировался на первой выставке Товарищества передвижных художественных выставок. Размер портрета 84×65.

10

[1] П. М. Третьяков имеет в виду свой заказ на исполнение «Ивана Грозного» из бронзы и заказ Солдатенкова на исполнение той же статуи из дерева (см. письмо 8 и примеч. 2 к нему).

[2] В то время как Третьяков беспокоился о том, будет ли возможность у Антокольского исполнить для него бронзовый отлив «Ивана Грозного», заказ, данный скульптору от «высочайшего имени» на исполнение мраморной статуи (см. письмо 9), не только не получил окончательного оформления, но был заменен заказом бронзового отлива. Сообщая об этом Третьякову 25 февраля 1871 г. Антокольский спрашивал его, согласен ли он получить повторение бронзового отлива или же предпочтет иметь мраморную статую.

Избегая повторений и авторских копий, Третьяков отказался от второго бронзового экземпляра статуи.

Антокольский же между тем в ожидании оформления какого-либо заказа находился в крайне тяжелом материальном положении. Состояние его здоровья требовало немедленного отъезда в Италию. Третьяков, независимо от решения вопроса о заказах, субсидировал больного скульптора. Антокольский получил тем самым возможность уехать, доверив Н. Н. Ге возвратить Третьякову деньги из аванса, как только будет оформлен заказ статуи.

7 мая 1871 г. Ге исполнил поручение Антокольского.

Убедившись в том, что вопрос о заказе бронзовой статуи царем получил свое окончательное разрешение, Третьяков, прибегнув также к посредничеству Н. Н. Ге, торопился выяснить возможность исполнения для него Антокольским статуи из мрамора.

Антокольский ответил согласием на предложение Третьякова.

В августе 1871 г. между собирателем и скульптором было заключено условие, по которому Антокольский обязался выполнить для Третьякова мраморную статую «Иван Грозный» за 8000 р.

Статуя эта была завершена им в 1875 г. в Риме. После доставки ее в Москву она была помещена в доме Сергея Михайловича Третьякова (на Пречистенском, ныне Гоголевском, бульваре), который принимал участие в этом приобретении. Здесь статуя оставалась до 1892 г., когда вместе со всей коллекцией С. М. Третьякова, после его смерти, согласно завещанию, была включена в Галлерею П. М. Третьякова в Лаврушинском переулке.

Бронзовый отлив, заказанный в 1871 г. Александром II, находится в Русском музее.

11

[1] Выставка у Полицейского (ныне Народного) моста — постоянная выставка Общества поощрения художников, т. е. функционировавшая постоянно с переменным составом экспонатов.

[2] Беггров Александр Иванович, торговец картинами, эстампами и художественными принадлежностями.

12

[1] Портрет А. С. Грибоедова был исполнен Крамским для Третьякова в 1873 г. (см. письмо 44 и примеч. 5 к нему, письма 47 и 48).

Портрет Д. И. Фонвизина (монохромный) Крамской исполнил еще в 1870 г. в серии портретов исторических деятелей по заказу московского Румянцевского музея. В настоящее время он находится в Государственном Историческом музее в Москве. Заказ Третьякова не был осуществлен.

Портрет поэта А. В. Кольцова не удался Крамскому. Художник неоднократно возвращался к работе над ним. Сделав первый портрет, он затем пытался создать второй, монохромный (см. письма 171, 180 и 183). Однако оба портрета не удовлетворили не только заказчика, но и самого художника.

13

[1] Крамской выехал из Петербурга 11 июля в Москву. Здесь он задержался в связи с получением денег за исполненные им портреты историче-

ских деятелей для московского Румянцевского музея, а также за работу по росписи храма Христа.

Из Москвы он проехал в деревню Хотень, Харьковской губернии, куда приглашал его художник Ф. А. Васильев, живший там в имении П. С. Строганова. Приехав в Хотень 1 августа 1871 г., Крамской, однако, не застал уже там Васильева, который, будучи тяжело болен, выехал в Крым. Оставшись здесь на некоторое время для работы над картиной «Майская ночь», Крамской поехал затем в Крым к Васильеву и лишь в октябре возвратился в Петербург.

[2] См. примеч. 2 к письму 10.

14

[1] Третьяков пишет об акварельном портрете поэта А. В. Кольцова, исполненном в 1838 г. с натуры художником Кириллом Антоновичем Горбуновым (1822—1893).

Приобретя этот портрет, Третьяков торопил Крамского с исполнением масляного портрета Кольцова, несмотря на сообщение Горбунова о том, что он также намеревается писать масляный портрет поэта. Можно предположить, что Третьяков решительно предпочитал тогда Крамского как портретиста многим современным ему мастерам портретного жанра; в данном случае он оказывал ему предпочтение по сравнению с художником, который лично знал Кольцова и писал его с натуры.

16

[1] Третьяков цитирует статью И. С. Тургенева «Литературный вечер у П. А. Плетнева».

18

[1] Жена художника — Софья Николаевна Крамская (1840—1919), рожденная Прохорова. К этому времени у Крамского было три сына: Николай Иванович (1863—1938), впоследствии архитектор, Анатолий Иванович (1865—1941?), впоследствии математик, и Марк, умерший ребенком в 1876 г. О ком из них пишет Крамской — неясно.

[2] Неясно, в связи с чем Крамской дал слово Л. В. Шиповой (Хомутовой) приехать в Москву.

Известно лишь, что еще в 1860-х гг. он совместно с Н. С. Шустовым написал по заказу, поступившему в петербургскую Артель художников через Общество поощрения художников, портрет наказного атамана Хомутова. В письме к М. Б. Тулинову от 23 декабря 1868 г. Крамской пишет о том, что этот портрет, как и портрет сына Хомутова, находится у Л. В. Хомутовой «в приходе Пимена, около Малой Дмитровки».

19

[1] Крамской имеет в виду свою работу над портретом поэта А. В. Кольцова.

20

[1] Картина Крамского «Майская ночь» на сюжет одноименной повести Н. В. Гоголя была исполнена художником в 1871 г. Гоголь принадлежал

к числу любимейших писателей Крамского. В дневнике, который вел художник еще в юности, под названием «Современные записки» (Рукописное отделение Ленинградской публичной библиотеки им. Салтыкова-Щедрина), в записи, датированной 13 августа 1853 г., мы читаем его восторженный отзыв о «Повести о том, как поссорился Иван Иванович с Иваном Никифоровичем».

Впоследствии Крамским была задумана и частично осуществлена серия иллюстраций к произведениям писателя. Две из них, к повести «Страшная месть», были воспроизведены в альбоме «Вечера близ Диканьки» (изд. Голяшкина, М.). Наброски к той же повести и к повести «Тарас Бульба» имеются в Государственном Литературном музее в Москве, в Государственном Русском музее, а также в Киевском государственном музее русского искусства.

«Майская ночь» была экспонирована Крамским на I выставке Товарищества передвижных художественных выставок. Еще до экспозиции на выставке ее приобрел Третьяков.

[2] Николай Николаевич Ге (1831—1894) — был одним из учредителей и наиболее активных деятелей Товарищества передвижных художественных выставок в период его возникновения; состоял членом первого состава Правления Товарищества.

[3] Речь идет о передвижении I выставки Товарищества. Выставка была открыта в Петербурге, в залах Академии художеств, с 29 ноября 1871 г. по 23 января 1872 г., затем в Москве с 18 апреля по 1 июня 1872 г. в помещении Московского училища живописи, ваяния и зодчества. Далее выставка состоялась в Киеве в помещении Актового зала Киевского университета с 6 сентября по 3 октября 1872 г. и в Харькове с 15 октября по 6 ноября 1872 г.

Выставку сопровождали Г. Г. Мясоедов и В. Г. Перов. Картина Крамского «Майская ночь» экспонировалась во всех четырех городах.

21

[1] Третьяков имеет в виду окончание портрета А. В. Кольцова.

[2] Третьяков беспокоится о судьбе принадлежащих ему произведений В. Г. Перова, посланных им для экспозиции на I Передвижной выставке: «Охотники на привале», «Рыболов» и «Портрет А. Н. Островского».

[3] Третьяков заботится о наиболее выгодной экспозиции картин Перова, имея в виду то обстоятельство, что пейзаж в картине «Охотники на привале» написан художником с натуры, в картине «Рыболов» — в мастерской.

22

[1] I Передвижная выставка встретила множество откликов при своем открытии в столице. Среди экспонатов выставки в центре внимания современников была картина Н. Н. Ге «Петр I и царевич Алексей» (Третьяковская галлерея). Всеобщее внимание привлекали к себе произведения В. Г. Перова «Охотники на привале», «Портрет А. Н. Островского» (оба в Третьяковской галлерее), картина А. К. Саврасова «Грачи прилетели» (Третьяковская галлерея), картина И. М. Прянишникова «Порожняки» (вариант-повторение в Третьяковской галлерее) и картина Г. Г. Мясоедова «Дедушка русского флота» (Государственный музей искусства в Ташкенте).

Крамской экспонировал на I Передвижной выставке семь произведений: «Майская ночь» (Третьяковская галлерея), «На тяге» (местонахождение неизвестно), «Этюд с натуры» (Киевский музей русского искусства),

портрет гр. Ф. П. Литке (Собрание Академии наук СССР), монохромные портреты художников Ф. А. Васильева и М. К. Клодта (оба в Третьяковской галлерее) и такой же портрет скульптора М. М. Антокольского (до 1941 г. находился в Государственной картинной галлерее Белорусской ССР в Минске).

Из числа этих произведений Крамского наибольшее количество похвальных отзывов получили монохромные портреты, картина «Майская ночь» и в особенности «Этюд с натуры», представляющий собою погрудное изображение крестьянина. Этим произведением художник начал ту замечательную серию портретов людей из народа, в которой с особой силой проявилось его мастерство портретиста.

1872

23

[1] Третьяков интересуется ценой картины И. И. Шишкина «Сосновый бор», которая была экспонирована на I Передвижной выставке и за которую Шишкин в марте 1872 г. получил первую премию на конкурсе Общества поощрения художников.

После экспозиции картины в Петербурге художник продолжал ее дописывать. Третьяков окончательно решил вопрос о приобретении этого произведения, увидя его в Москве в числе экспонатов Передвижной выставки, привезенных сюда (об этой же картине см. письма 24—30, 32).

[2] Третьяков имеет в виду письмо к нему Ф. А. Васильева от 11 февраля 1872 г. из Ялты, в котором художник извещает его о том, что он свою картину «Мокрый луг» выслал в Петербург на имя Крамского для представления ее на конкурс в Обществе поощрения художников («Ф. Васильев». Вступительная статья и подготовка писем к печати А. А. Федорова-Давыдова, Изогиз, М., 1937, стр. 89).

Крамскому Васильев писал об этой своей картине 16 января 1872 г. Он просил его поставить картину на конкурс, а также назначить ей цену.

Картина была удостоена 2-й премии, приобретена Третьяковым, но оставлена на некоторое время в числе экспонатов постоянной выставки Общества поощрения художников (об этой же картине см. письма 24, 25, 31, 32).

24

[1] Иконников Яков Михайлович — художник, состоявший в дружеских отношениях с Крамским и Васильевым. Жена его, Евгения Ивановна, болевшая туберкулезом, находилась на излечении в Ялте тогда же, когда там жил Васильев. Я. М. Иконников, навещавший свою жену, встречался там с Васильевым.

25

[1] Третьяков ссылается на свои устные высказывания Крамскому по поводу картины Васильева «Мокрый луг». Говоря об «исключительном положении» Васильева, он имеет в виду его тяжелую болезнь.

26

[1] Академическая выставка 1872 г.

27

[1] Седов Григорий Семенович (1836—1886) — исторический живописец. Крамской указывает Третьякову на его произведение «Курская мещанка в старинном костюме», находившееся на Академической выставке 1872 г. и тогда же приобретенное Третьяковым.

[2] Крамской ошибается. Он имеет в виду скульптора Шохина Михаила Федоровича, экспонировавшего на Академической выставке 1872 г. три произведения: «Евреи музыканты», «Встреча знакомых барышников», «Разговор выпившего с собакой».

[3] Очевидно, Крамской имеет в виду финляндского художника Мунстергельма, Магнуса Ялмара (1840—1905), представленного на Академической выставке 1872 г. тремя пейзажами.

[4] Т. е. письма Третьякова к Крамскому от 3 и 5 марта 1872 г. (см. письма 25 и 26).

[5] Маковский Константин Егорович (1839—1915) — исторический живописец, портретист, жанрист.

Его картина «Похороны ребенка в деревне» была приобретена К. Т. Солдатенковым, находилась в московском Румянцевском музее.

[6] Корзухин Алексей Иванович (1835—1894) — жанрист.

Упоминаемая Крамским картина «Разлука» была приобретена Третьяковым.

[7] Журавлев Фирс Сергеевич (1836—1901) — жанрист и портретист. Местонахождение упоминаемой Крамским его картины «Ветреная жена» неизвестно.

28

[1] Анненков Павел Васильевич (1812—1887) — литературный критик, издатель первого собрания сочинений А. С. Пушкина.

Третьяков цитирует его письмо от 27 марта [1872 г.], несколько перефразируя его текст.

29

[1] Т. е. отправкой экспонатов I Передвижной выставки в Москву.

[2] Мясоедов Григорий Григорьевич (1835—1911) — жанрист. Инициатор и один из учредителей Товарищества передвижных художественных выставок.

[3] Клодт Михаил Константинович (1832—1902) — пейзажист.

Речь идет о его картине 1872 г. «На пашне», приобретенной вскоре затем Третьяковым.

[4] Т. е. Передвижную выставку.

30

[1] Картина неоднократно варьировалась автором. Первоначальный вариант ее был исполнен М. К. Клодтом в 1871 г. Находится в Русском музее. Известен также вариант 1879 г., принадлежащий Таллинскому художественному музею.

[2] Перов Василий Григорьевич (1833—1882) исполнил в 1872 г. по заказу Третьякова портрет писателя И. С. Тургенева. В настоящее время портрет находится в Русском музее.

[3] Николай Николаевич Ге, Анна Петровна Ге (1832—1891), урожд Забелло,— жена художника, Иван Иванович Шишкин.

31

[1] Картину «Мокрый луг» (см. письмо 23 и примеч. 2 к нему, письма 24 и 25).

[2] Григорович Дмитрий Васильевич, в ведении которого, как секретаря Общества поощрения художников, находилась постоянная выставка.

[3] «Майская ночь».

32

[1] Н. Н. Ге заканчивал в это время повторение картины «Петр I допрашивает царевича Алексея Петровича в Петергофе», приобретенной Третьяковым.

Повторение было заказано ему Александром II, в настоящее время находится в Русском музее.

[2] Сочлены москвичи — члены Товарищества передвижных художественных выставок, живущие в Москве.

[3] Василий Григорьевич Перов.

33

[1] Летом 1872 г. Крамской вместе с Шишкиным и Савицким жил на даче у станции Серебрянка, близ Петербурга, по Варшавской железной дороге.

34

[1] Третьяков пишет о международной выставке в Вене, которая состоялась в 1873 г. «Майская ночь» Крамского была в числе экспонатов выставки.

35

[1] Третьяков имеет в виду возвращение картин после окончания I Передвижной выставки.

36

[1] Крамской пишет о своей картине «Христос в пустыне», экспонировавшейся на II Передвижной выставке в Петербурге.

По собственному признанию художника евангельский образ являлся для него «иероглифом», посредством которого он стремился выразить свои представления о современном ему передовом общественном деятеле, человеке высокого духовного склада, сильной воли, который глубоко сознает свой долг перед обществом.

Идея произведения подсказывала художнику реальную интерпретацию евангельского образа. «...Это не Христос, — писал Крамской, — это есть изображение, представление (определите, как хотите) той скорби человечества, которая всем нам так знакома. Я хотел нарисовать глубокодумающего человека...». Однако воплощенная именно в данном образе, традиционно воспринимаемом как «общечеловеческий», эта идея теряла свою реальную основу. Художник пришел к отвлеченному решению замысла.

Еще до открытия выставки он получил предложение от К. Т. Солдатенкова продать ему свое новое произведение; от лица Академии такое

же предложение сделал ему А. П. Боголюбов. Крамской писал Ф. А. Васильеву о том, что он отклонил эти предложения, поставив дальнейшую судьбу своей картины в зависимость от решения, которое примет по этому поводу Третьяков. Васильеву же Крамской сообщил о том, что Академия намеревалась удостоить его звания профессора, однако он написал письмо П. Ф. Исееву, в котором просил, чтобы члены Совета Академии, внесшие это предложение, сняли его, так как, в противном случае, он вынужден будет сам отказаться от предложенного звания.

Крамской остался верен своему принципу независимости от Академии. В данном случае он оказался предшественником В. В. Верещагина, который в 1874 г. публично, через печать, заявил о своем отказе принять данное ему Академией звание профессора (см. письмо 101 и примеч. 4 к нему).

Новая картина Крамского глубоко заинтересовала Третьякова еще до окончания ее художником. На полях комментируемого письма написан текст его ответной телеграммы: «И. Н. Кр. Петербург Бир. Пер. д. Елисеевых. Буду у Вас в субботу. Если не можете подождать прошу уведомить». Вслед за телеграммой Третьяков приехал в Петербург. Крамской писал Васильеву о том, что стоимость картины его «огорошила». Однако Третьяков принял цену, назначенную Крамским.

37

[1] Третьяков беспокоится о принадлежащих ему портретах А. Н. Майкова, В. И. Даля, И. С. Тургенева, М. П. Погодина и Ф. М. Достоевского работы В. Г. Перова, посланных им для экспозиции на II Передвижной выставке.

[2] После приобретения Третьяковым картины «Христос в пустыне» Крамской все еще продолжал дописывать ее.

[3] II Передвижная выставка, открытие которой состоялось 26 декабря 1872 г.

38

[1] Каменев Лев Львович (1833—1886) — пейзажист.

Крамской пишет о его картине, которая экспонировалась на II Передвижной выставке под названием «Пейзаж». В 1948 г. это произведение было приобретено Государственной закупочной комиссией. В настоящее время принадлежит Третьяковской галлерее.

[2] Боголюбов Алексей Петрович (1824—1896) — пейзажист.

Крамской рекомендует Третьякову его картину 1872 г. «Устье Невы», находившуюся на II Передвижной выставке. Картина тогда же была приобретена Третьяковым.

1873

39

[1] Картина «Христос в пустыне» была продана Крамским за 6000 р., 1500 р. он получил в декабре 1872 года. В настоящем письме он просит уплатить ему 1000 р. в счет остальной суммы, которая полностью была получена им лишь в мае 1873 г.

40

[1] Академическая выставка 1873 г., которая была одновременно и выставкой произведений, предназначавшихся для посылки на международную выставку 1873 г. в Вене.

Выставка в Академии состоялась в течение февраля — апреля 1873 г. Международная выставка в Вене была открыта 1 мая 1873 г.

[2] Речь идет о костюме, в котором Крамской намеревался изобразить поэта А. В. Кольцова на портрете, заказанном ему Третьяковым.

[3] Письмо Третьякова к Мясоедову неизвестно.

[4] Николай Николаевич Ге, Григорий Григорьевич Мясоедов, Иван Иванович Шишкин.

41

[1] Академия художеств приобрела на II Передвижной выставке картину И. И. Шишкина «Лесная глушь» (1872), которая находится в настоящее время в Русском музее.

[2] Картина Шишкина «Полдень» (1872), приобретенная К. Т. Солдатенковым, находилась в Румянцевском музее под названием «Перелесок» (Московский и Румянцевский музей. Отделение изящных искусств. Каталог Картинной галлереи, 1915, стр. 159). В настоящее время — в Иркутском областном художественном музее.

[3] Якоби (Якобий) Валерий Иванович (1834—1902) — жанрист, исторический живописец.

Крамской пишет о его картине 1872 г. «Шуты Анны Иоанновны», в которой художник изобразил Анну Иоанновну окруженной своими иностранными фаворитами и придворными шутами.

Еще задолго до окончания картины, 25 апреля 1871 г., конференц-секретарь Академии художеств П. Ф. Исеев, посетив мастерскую Якоби, в своем донесении вице-президенту вел. кн. Владимиру Александровичу высказывал предположение о том, что «картина с таким сюжетом неудобна для музеев Академии» (ЦГИАЛ. Фонд Академии художеств).

Тем не менее картина была выставлена на Академической выставке 1872 г., но вскоре затем снята с экспозиции.

Третьяков, будучи в течение двух дней в Петербурге, видел картину Якоби, но от приобретения ее воздержался.

Свое мнение о картине, а также причины, по которым он не приобретает ее, Третьяков изложил в письме к П. П. Чистякову 4 января 1873 г.: «...у Якоби я был. Он герой дня, в настоящее время у него бывает много публики, о нем говорят во всех модных и немодных гостиных. Картина хорошая и ее, наверно, купят; я же не имею ее намерения купить уже по тому одному, что он намерен делать с нее несколько повторений, а я и одного не люблю» (Отдел рукописей Третьяковской галлереи). Можно предположить, что Третьяков не был в данном случае до конца откровенен. Он обладал двумя произведениями Якоби: «Разносчик» (1858) и «Привал арестантов» (1861). Этими произведениями Якоби зарекомендовал себя в свое время как один из наиболее передовых художников-реалистов. Второе из них принесло ему заслуженную славу одного из создателей жанрово-обличительной картины. В конце 1860-х гг. художник перешел к работе в области исторического жанра. Внимание его привлекали события, связанные с дворцовыми переворотами, различные эпизоды дворцовой жизни. Историческая живопись подобного рода не отвечала художественным вкусам Третьякова; в его собрании не было исторических произведений Якоби.

Картина «Шуты Анны Иоанновны» была приобретена К. Т. Солдатенковым, находилась в московском Румянцевском музее. В 1925 г. была передана в Третьяковскую галлерею.

[4] Академическая выставка 1873 г., бывшая одновременно и выставкой произведений, предназначенных для посылки на международную художественную выставку в Вену, включала произведения не только русских художников, но и художников Польши и Финляндии, входивших тогда в состав России.

На выставке были представлены следующие художники, жившие в Варшаве: Герсон Войцех-Альберт (1831—1901), Лессер Александр (1814—1844), Сыпневский Феликс Феликсович, Миллер Карл Карлович (р. 1838 г.), Кочеровский Петр Каспрович, Ивановский Никодим Ксаверьевич, Красносельский Александр Андреевич, Кухаржевский Людвиг Антонович, Ляхницкий Киприан Игнатьевич.

42

[1] Верещагин Василий Васильевич (1842—1904). На академической выставке 1873 г. находились два его произведения: «Духоборы на молитве» — собственность В. М. Жемчужникова и «Этюд с натуры». Повидимому, Третьяков интересовался вторым из них.

В 1883 г., при распродаже коллекции В. М. Жемчужникова им был приобретен рисунок «Духоборы на молитве».

43

[1] Письмо написано на цветной бумаге.

[2] Можно предположить, что обладателем этюда В. В. Верещагина был генерал А. К. Гейнс. Известно, что Гейнсу принадлежали некоторые этюды В. В. Верещагина, подаренные ему самим автором (см. письмо 108 и примеч. 4 к нему).

44

[1] Третьяков был деятельным членом попечительного комитета Московского училища глухонемых (так называемого арнольдовского училища).

[2] Савицкий Константин Аполлонович (1844—1905) — жанрист. Неясно, о какой картине его пишет Третьяков.

[3] У Третьякова были сложные денежные взаимоотношения с Ф. А. Васильевым. Высоко ценя талант молодого пейзажиста и учитывая тяжелое материальное положение, в котором находился больной художник, он время от времени субсидировал его. Третьяков посылал деньги Васильеву по просьбам, исходившим непосредственно от самого художника, а иногда и от Крамского, который принимал самое близкое участие в судьбе больного друга.

Посылая деньги, Третьяков рассчитывал, что они будут компенсированы произведениями Васильева. В связи с этим он подходил с особой тщательностью к оценке работ художника. В настоящем письме он имеет в виду оценку картины «В Крымских горах». Под прошлогодней картиной он разумеет «Мокрый луг».

Картину в «Крымских горах» Третьяков видел еще не оконченною в сентябре 1872 г., во время своего кратковременного пребывания в Крыму. В письмах к Васильеву он особо интересовался этой работой и приблизительной оценкой ее самим автором.

Васильев писал ему, что оценку картины он может доверить только Крамскому.

По прибытии картины в Петербург Третьяков приобрел ее. Обстоятельства оценки и покупки ее Третьяковым Крамской подробно описал Васильеву в письме от 1 апреля 1873 г.

[4] 15 февраля 1873 г. Н. Ге от лица Товарищества передвижных художественных выставок обратился со следующей просьбой к Третьякову: «... Товарищество поручило мне обратиться к Вам с покорнейшей просьбой дать нам две картины для выставки в Риге: мою «Петр I» и Перова «Птицелов». Посылая первый раз в Ригу, нам хотелось бы представить и наше искусство и наших художников возможно полно и хорошо, зная Ваше расположение и к искусству нашему, и к нам, грешным,— мы надеемся, что Вы не откажете...» (Отдел рукописей Третьяковской галлереи).

Третьяков удовлетворил просьбу Товарищества. Картины Ге и Перова были отправлены для экспозиции на II Передвижной выставке в Риге. В данном письме Третьяков интересуется прибытием их в Петербург.

[5] Каратыгин Петр Андреевич (1805—1879) — актер Александринского театра в Петербурге, брат трагика В. А. Каратыгина. Современник Грибоедова, исполнитель роли Загорецкого в грибоедовской комедии, он консультировал Крамскому при исполнении им портрета писателя. Каратыгин предоставил в распоряжение художника исполненную им самим акварелью миниатюру на кости с изображением Грибоедова (см. об этом письмо 47).

46

[1] Третьяков интересуется передвижением II выставки Товарищества. В Риге выставка состоялась с 21 марта по 15 апреля 1873 г., в Вильне — с 27 апреля по 15 мая 1873 г.

[2] Третьяков посылает Крамскому письмо Васильева от 22 марта 1873 г., в котором Васильев информирует его о своих денежных расчетах с заказчиками и просит выслать ему 1000 р. («Ф. Васильев». М., 1937, стр. 189—191).

[3] «В Крымских горах» (см. примеч. 3 к письму 44).

[4] Т. е. для Сергея Михайловича Третьякова (1834—1892), собирателя произведений западного и русского искусства. Свое собрание С. М. Третьяков завещал брату П. М. Третьякову с тем, чтобы он распорядился им

так же, как своей коллекцией. П. М. Третьяков в 1892 г. вместе со своей Галлереей принес собрание С. М. Третьякова в дар городу Москве, после чего Галлерея получила наименование Городской галлереи Павла и Сергея Третьяковых; в 1918 г. Декретом от 3 июня, подписанным Лениным, преобразована в Государственную Третьяковскую галлерею.

Произведения западного искусства находились в составе Галлереи до 1925 г., после чего были переданы в Музей нового западного искусства. В настоящее время находятся в Музее изобразительных искусств имени А. С. Пушкина в Москве и в Государственном Эрмитаже в Ленинграде. Произведения русских художников и скульпторов, имевшиеся в собрании С. М. Третьякова, нередко приобретавшиеся совместно с П. М. Третьяковым или по его совету, включены в состав Третьяковской галлереи.

[5] 22 июля 1872 г. Васильев сообщал Крамскому о том, что К. Т. Солдатенков изъявил желание приобрести что-либо из его произведений. «Я уступил одну картину,— писал он Крамскому,— «Болото утром» за 1200 рублей... дожидаю или отказа, или задатка...»

В феврале 1873 г. он продолжал работать над этой картиной, связанный получением задатка.

Картина осталась неоконченной. Она была привезена в ноябре 1873 г. в Петербург в числе других произведений Васильева, оставшихся в Крыму после его смерти. Впоследствии она была передана владельцем ее, К. Т. Солдатенковым, в Румянцевский музей, где экспонировалась под названием «Рассвет». В настоящее время находится в Кировском областном государственном художественном музее им. А. М. Горького.

[6] 11 марта 1872 г. Васильев сообщал Крамскому о том, что он пишет для вел. кн. Владимира Александровича картину, «которая не задается... А между тем необходимо окончить и еще хорошо, ибо задаток взят и изменить нельзя...»

Картина эта была окончена к августу 1872 г. 21 июля того же года Васильев писал о ней Крамскому: «Сказать по чистой совести, картина вышла хороша, если взять в расчет все условия, а в особенности совершенную новизну сюжета: горы и море». Местонахождение картины в настоящее время неизвестно.

[7] Третьяков имеет в виду ежемесячное пособие в 100 р., которое Васильев получал от Общества поощрения художников.

47

[1] Письмо написано на бланке Товарищества передвижных художественных выставок.

[2] Васильев писал Крамскому 14 марта 1873 г. о том, что он намерен просить у Третьякова 1000 р., предполагая погасить этот долг картиной «В Крымских горах».

[3] Стенбок-Фермор Юлий Иванович (1812—1878) — граф. Исполнял должность вице-президента Академии художеств (1864—1865), с 1871 г.— почетный член Академии художеств. В 1875 г. Крамской написал его портрет.

[4] 7 августа 1872 г. Васильев получил от вел. кн. Владимира Александровича заказ на исполнение четырех панно для ширм. Работа эта чрезвычайно тяготила Васильева. Она требовала подготовительных этюдов, отрывала от окончания начатых ранее картин, завершение которых гораздо более отвечало творческим интересам художника. В октябре 1872 г. заказ этот был заменен другим с тем, что панно для ширм будут закончены Васильевым в апреле 1873 г.

26 февраля 1873 г. Васильев сообщал Крамскому о том, что он «одно

панно почти уже окончил в 7 дней всего...» Работа в целом не была завершена художником.

[5] Общество поощрения художников. Поездка Васильева за границу не состоялась.

[6] Крамской имеет в виду письма к нему Васильева от 14—15 и 25 марта 1873 г.

[7] В письме к Третьякову от 22 марта 1873 г., которое Третьяков посылал для прочтения Крамскому, Васильев писал: «... скоро извещу о своих планах на это лето, которое я проживу не в Ялте, а с Крамским в Воронежской губернии...» («Ф. Васильев», М., 1937, стр. 191).

48

[1] Крамской собирался провести лето 1873 г. вместе с Шишкиным и Савицким в окрестностях Воронежа. Поэт А. В. Кольцов был уроженцем г. Воронежа. Крамской надеялся, живя там, найти какие-либо материалы, которые помогли бы ему при создании портрета поэта.

[2] Никитенко Александр Васильевич (1804—1877). Двадцати лет получил освобождение от крепостной зависимости благодаря содействию К. Ф. Рылеева. Впоследствии академик, историк русской литературы. Преподавал в Петербургском университете, был одним из оппонентов Н. Г. Чернышевского при защите его магистерской диссертации. С 1833 г. состоял цензором. Автор изданного после его смерти дневника под названием «Моя повесть о самом себе и чему свидетель в жизни был» (СПБ, 1893). Примыкал в 1840-х гг. к кругу «Современника», впоследствии придерживался консервативных взглядов. Крамской, поселившись в Петербурге, сблизился с ним. В дневнике Никитенко нашли свое отражение некоторые факты биографии художника. Крамской исполнил два портрета Никитенко в 1860 и 1879 гг. Первый из них, исполненный карандашом, принадлежит Русскому музею, второй, живописный, — Академии наук СССР.

В данном случае Крамской апеллирует к авторитету А. В. Никитенко, поскольку он, также уроженец Воронежской губернии, знавший лично Кольцова, мог своими советами корректировать работу над портретом.

[3] Федоров Павел Степанович (1803—1879) — драматург, автор популярных в 30—40-х годах водевилей, переводчик. Состоял начальником репертуарной части театров (с 1853 г.).

49

[1] Крамской получил одновременно два письма Васильева. Одно из них от 29 мая 1873 г. с припиской, датированной 31 мая; другое — от 25 июля 1873 г. Это были его последние письма к Крамскому. Они были наполнены жалобами на безденежье; в тексте их, вместе с тем, пробивалось отчетливое предчувствие самим художником своего близкого конца. Васильев скончался в Ялте 24 сентября 1873 г.

[2] Видимо, в устной беседе с Крамским Третьяков ставил вопрос о чьем-либо поручительстве за Васильева, которому он периодически посылал деньги.

[3] Крамской имеет в виду портрет писателя Льва Николаевича Толстого.

[4] Крамской, повидимому, застал в Воронеже старшую сестру поэта Марию Васильевну, в замужестве Башкирцеву. Неясно, о каком портрете А. В. Кольцова, исполненном «карандашом с натуры», пишет Крамской.

[5] Портрет работы К. А. Горбунова (см. письмо 14 и примеч. к нему).

[6] Клеопин Платон Александрович, любитель живописи, ялтинский знакомый Васильева (см. о нем письмо 51).

50

[1] Третьяковы жили в течение ряда лет на даче в Кунцеве, под Москвой.

Крамской выехал с семьей из Петербурга 25 мая 1873 г. в Воронежскую губернию, предполагая прожить там лето. Найдя условия жизни здесь неподходящими, он отправился на поиски дачи в окрестностях Москвы. В этих же целях он проехал из Москвы по железной дороге вплоть до Харькова. Лишь после этого ему удалось поселиться на лето в Козловке-Засеке, близ Тулы. Во время этих разъездов состоялась встреча Крамского с Третьяковым в Кунцеве.

[2] Третьяков имеет в виду написание портрета Л. Н. Толстого.

51

[1] Мысль о написании картины «Осмотр старого дома» должна быть отнесена к более раннему времени. В каталоге посмертной выставки произведений Крамского (Иллюстрированный каталог... составил и издал Н. Собко, СПБ, 1887, стр. 11) наряду с картиной 1873 г. значится произведение под таким же названием, датированное 1867 г. Обозначенное в каталоге, оно тем не менее не было экспонировано на самой выставке. Неизвестно, как был решен художником этот первоначальный вариант картины. Судя по тексту комментируемого письма, он не удовлетворил автора.

Размышляя зимой 1873 г. о предстоящем летнем отдыхе, Крамской в письме к Васильеву от 27 января 1873 г. упоминает «Осмотр старого дома» в числе тех произведений, над которыми он намеревается работать. 18 августа в письме из Козловки-Засеки, адресованном также Васильеву, он уточняет замысел нового варианта картины: «Сюжет заключается в том, что старый породистый барин, холостяк, приезжает в свое родовое имение после долгого, очень долгого времени и находит усадьбу в развалинах: потолок обрушился в одном месте, везде паутина и плесень, по стенам ряд портретов предков. Ведут его под руки две личности женского пола — иностранки сомнительного вида. За ним покупатель — толстый купец...»

Известен рисунок (Третьяковская галлерея), фиксирующий лишь с незначительными отступлениями именно этот вариант.

Однако перейдя к работе маслом на холсте, художник существенно изменил композицию. Он отказался от многофигурного, а вместе с тем и от повествовательного характера ее, пришел к более простому композиционному решению, пытаясь дать более углубленную психологическую трактовку главного действующего лица. Одновременно приобрело еще более глубокий характер его понимание исторического, социального смысла изображаемого явления. Справедливо писал один из современников Крамского об этой картине: «Она не только страница из повести какой-нибудь отдельной жизни, — она картина перехода одной исторической эпохи в другую. Тут дореформенная Россия, с помещичьим бытом и поминки по нем» (П. М. Ковалевский. Посмертная выставка произведений Крамского, «Новое время», № 4231, 8 февраля 1887 г.).

Над этим произведением художник продолжал работать и в дальнейшем. Однако картина осталась неоконченной. Третьяков приобрел ее на посмертной выставке произведений Крамского по совету И. Е. Репина.

[2] Крамской пишет о работе К. А. Савицкого над картиной «Ремонтные работы на железной дороге», которая была экспонирована на III Передвижной выставке и тогда же, в 1874 г., приобретена Третьяковым.

53

[1] Иметь в своем собрании портрет Л. Н. Толстого было давнишней мечтой Третьякова. Еще в 1869 г. он обратился к А. А. Фету с просьбой убедить Толстого позировать. Толстой ответил категорическим отказом.

Не менее упорно сопротивлялся он намерению Крамского писать его портрет. С. А. Толстая вспоминала об этом в письме к В. В. Стасову: «Он (Л. Н. Толстой. — *С. Г.*) не хотел ни за что допустить И. Н. Крамского писать свой портрет. Но Крамской приехал в Ясную Поляну сам и своей симпатичной личностью и беседою привлек Льва Николаевича, и он согласился на портрет». (Лев Толстой и В. В. Стасов. Переписка. Изд. «Прибой», 1929, стр. 75).

Сеансы начались 6 сентября 1873 г. и происходили ежедневно по 3 октября лишь с перерывом во время отъезда Толстого на охоту. Крамской писал поочередно два портрета писателя.

Сам Толстой и члены его семьи, как об этом пишет далее Крамской, наблюдая за работой, затруднялись отдать предпочтение какому-либо из двух портретов. С. А. Толстая писала сестре о том, что оба портрета «замечательно похожи, смотреть страшно даже» (П. И. Бирюков. Биография Л. Н. Толстого, т. II, изд. 3-е, Госиздат, 1923, стр. 115).

Один из портретов находится в настоящее время в Третьяковской галлерее, второй — в музее-усадьбе «Ясная Поляна».

54

[1] Третьяков цитирует письмо И. И. Соца, брата воспитательницы детей Третьяковых, написанное им Вере Николаевне Третьяковой.

56

[1] П. М. и В. Н. Третьяковы ездили осенью 1873 г. в Вену с целью осмотра международной выставки. В дневнике В. Н. Третьяковой помечено: «Осматривали последние дни выставки» (Отдел рукописей Третьяковской галлереи).

57

[1] См. письмо 44 и примеч. 5 к нему и письмо 47.

[2] Семевский Михаил Иванович (1837—1892) — журналист, редактор-издатель историко-публикационного журнала «Русская старина». Первой литературной работой Семевского было исследование о предках Грибоедова — «Несколько слов о фамилии Грибоедова».

[3] В 1874 г. в №№ 5, 6, 7, 8, 10, 11 и 12 журнала «Русская старина» публиковались различные исследования и материалы о Грибоедове. В майской книге журнала была воспроизведена гравюра с портрета Грибоедова работы Крамского, исполненная гравером Л. А. Серяковым.

[4] На свободном листе письма Крамским сделан набросок пером с портрета Грибоедова с надписью: «Размер, данный Семевским».

59

[1] «Болотом» Крамской называет принадлежащую Третьякову картину «Мокрый луг». Неоконченной картиной является, повидимому, картина «Осень в лесу» («Болото осенью»), находящаяся в Русском музее. Картина «с тополями и фигурами» известна по материалам фототеки Третьяковской галлереи (негатив № 1295). «Картина для К. Т. Солдатенкова» — «Рассвет», упоминающаяся также под названием «Болото утром» (см. письмо 46 и примеч. 5 к нему).

[2] Крамской имеет в виду овальный портрет И. А. Гончарова, исполненный им в 1865 г. в технике соуса. Портрет принадлежал Софье Александровне Никитенко, дочери А. В. Никитенко. В настоящее время портрет принадлежит Институту литературы Академии наук СССР (Пушкинский Дом).

[3] Крамской напоминает о своем поручительстве перед Третьяковым за Васильева (см. письмо 49 и примеч. 2 к нему).

61

[1] Посмертная выставка произведений Ф. А. Васильева была открыта в помещении Общества поощрения художников. Выставка не имела каталога. В газете «Биржевые ведомости» была опубликована статья, посвященная рассмотрению ее (№ 24, 25 января 1874 г., П-въ [Петров] «Художественная выставка в Петербурге. Выставка работ умершего пейзажиста Ф. А. Васильева»). Автор статьи ограничился общим обзором выставки, в котором, однако, дал высокую оценку таланту преждевременно умершего художника.

[2] «Тополя» — картина, о которой Крамской упоминает также в письме к Третьякову от 15 ноября 1873 г., называя ее там картиною «с тополями и фигурами» (см. письмо 59 и примеч. 1 к нему); «Волжская лагуна» — произведение, приобретенное тогда же Третьяковым; «Крымский вид с белыми горами» — вероятно, картина «Крымские горы зимой», также приобретенная Третьяковым. Неясно, какое произведение Васильева имеет в виду Крамской, называя его «Улья»; о картине «Аллея» см. письмо 62 и примеч. 4 к нему, письмо 65 и примеч. 5 к нему.

[3] Жемчужников Владимир Михайлович (1830—1884) — поэт. Один из авторов, писавших под псевдонимом «Козьма Прутков». Любитель искусств, собиратель произведений русской живописи. Крамской в 1884 г. исполнил его портрет (см. письмо 321 и примеч. 1 к нему, письмо 322).

[4] Вел. кн. Мария Александровна (р. 1853 г.) герцогиня Эдинбургская. После смерти Васильева ей были преподнесены ширмы, украшенные восемью картинами художника («Вестник изящных искусств», 1889 г., вып. 4, стр. 339).

[5] Монигетти Ипполит Антонович (1819—1878) — архитектор. Работал также в области декоративно-прикладного искусства. По его эскизам были сделаны ширмы, для которых Васильев писал свои панно-пейзажи.

[6] Третьяков отбирал для себя произведения на посмертной выставке Васильева в счет тех авансов, которые он посылал художнику в Крым. Крамской беспокоился о том, что Третьяков не получит, таким образом, должной компенсации за помощь, оказанную им в свое время Васильеву,

так как цены на произведения умершего художника «поднялись», как он пишет. Именно поэтому он снова напоминал Третьякову о своем и Шишкина поручительстве за Васильева (см. письмо 49) и предлагал частично погасить его долг деньгами. Об окончательных расчетах Третьякова с Васильевым см. письмо 123 и примеч. 2 к нему.

[7] Конкурсной вещью Крамской называет картину «В Крымских горах», за которую Васильев в 1873 г. получил первую премию по ландшафтной живописи на конкурсе Общества поощрения художников.

[8] «Болотом» Крамской называет картину 1872 г. «Мокрый луг», находившуюся на Венской всемирной выставке 1873 г.

[9] «Зимой» Крамской называет картину Васильева «Оттепель». Он пишет о том, что наследник (впоследствии Александр III) отказался выдать для выставки Васильева принадлежащее ему повторение картины (в настоящее время находится в Русском музее) в то время, как нет возможности получить и оригинал, принадлежащий П. М. Третьякову.

[10] Неясно, о каких картинах Васильева, находящихся в Одессе, упоминает Крамской.

1874

62

[1] Третьяков пишет по возвращении из Петербурга, куда он ездил осматривать выставку произведений Васильева. Он уведомляет Крамского о том, что картина «В Крымских горах», которую Крамской хотел видеть в числе экспонатов выставки, выслана.

[2] Третьяков указывает на то, что картина «Рассвет», принадлежащая К. Т. Солдатенкову, числится продающейся.

[3] Бартков Михаил Васильевич (р. 1842 г.) — классный художник 3-й степени по портретной живописи. Состоял надзирателем постоянной выставки Общества поощрения художников.

[4] Под названием «Внутренность леса» Третьяков имеет в виду произведение «Аллея», упоминавшееся ранее (см. письмо 61 и примеч. 2 к нему, письмо 65 и примеч. 5 к нему).

[5] Дмитрий Васильевич Григорович.

[6] Т. е. ящики с произведениями, находившимися на международной выставке 1873 г. в Вене, среди которых была картина Васильева «Мокрый луг», принадлежавшая Третьякову.

63

[1] Саврасов Алексей Кондратьевич (1830—1897). Речь идет о копии с его картины «Печерский монастырь близ Нижнего-Новгорода», за которую в 1871 г. художник получил 2-ю премию на конкурсе Общества поощрения художников. Картина была экспонирована на выставке Московского Общества любителей художеств в 1871 г. и приобретена Третьяковым. В настоящее время находится в Горьковском государственном художественном музее.

[2] Т. е. на получение картины «В крымских горах» для экспозиции на выставке произведений Васильева.

64

[1] Третьяков имеет в виду свое намерение создать национальный музей русского искусства, сделав его впоследствии общественным достоянием. В этих целях проявляет он заботу о том, чтобы творчество крупнейших русских художников было представлено в его собрании с наибольшей полнотой.

[2] «Пейзаж с барками» — картина «Вид на Волге», за которую вместе с картиной «Приближение грозы» Васильев в 1872 г. получил звание художника 1-й степени по пейзажной живописи.

Просьба Третьякова запоздала. Картина была приобретена Академией

художеств, откуда впоследствии была передана в Русский музей, где находится в настоящее время.

[3] Текст телеграммы неизвестен.

[4] К письму приложена вырезка из газеты «С.-Петербургские ведомости» № 5, 5 января 1874 г., со следующим объявлением: «Картина К. П. Брюллова выставлена и продается в помещении Общества взаимного вспомоществования русских художников. Тут же продается картина Боровиковского и др. художников и принимаются заказы на художественные произведения, как-то: образа, картины, портреты и проч. Адр. на углу Пантелеймоновской и Моховой, дом Кноппа, № 12—18».

65

[1] Крамской уведомляет Третьякова о том, что получена картина «В крымских горах».

Еще в апреле 1873 г. Третьяков писал о ней Крамскому: «Последнюю картину я приобрел для брата более для того, чтобы покрыть долг» (см. письмо 46). Различные обстоятельства побуждали П. М. Третьякова иногда производить покупку художественных произведений совместно с братом С. М. Третьяковым или же покупать от его имени для своего собрания. В данном случае, как это следует из приведенных выше слов Третьякова, он, приобретая произведение Васильева фактически для своего собрания, делал это от имени С. М. Третьякова.

Именно поэтому он просит не уточнять имя владельца картины на выставке.

[2] «Мокрый луг».

[3] См. письмо 62 и примеч. 2 к нему.

[4] См. письмо 64 и примеч. 2 к нему.

[5] К произведению Васильева под названием «Внутренность леса», проданному И. А. Монигетти, Третьяков проявлял особый интерес (см. письмо 61 и примеч. 2 к нему, 62 и примеч. 4 к нему). Оно служило предметом его неоднократных настойчивых исканий. Однако картина была приобретена у Монигетти А. П. Боголюбовым и передана в основанный им музей им. А. Н. Радищева в Саратове, где находится и в настоящее время.

[6] Строганов Павел Сергеевич (1825—1911) — почетный член Академии художеств с 1861 г., действительный член Общества поощрения художников. Собиратель картин и предметов искусства. Покровительствовал Васильеву, который неоднократно гостил в его имении.

66

[1] См. письмо 63.

[2] Третьяков дает свою санкцию на выдачу Крамскому картины Ф. А. Васильева «Мокрый луг» и картины А. К. Саврасова «Печерский монастырь близ Нижнего-Новгорода», посланных им в свое время для экспозиции на Венской всемирной выставке 1873 г. Доставленные в Академию художеств, они находились в ведении конференц-секретаря П. Ф. Исеева, которому Третьяков писал тогда же, 9 января 1874 г. (ЦГИАЛ. Фонд Академии художеств).

67

[1] Крамской имеет в виду уплату за портрет Л. Н. Толстого.

69

[1] Боровиковский Владимир Лукич (1757—1825). Образ евангелиста Иоанна был исполнен им в числе других работ для Казанского собора в Петербурге; в настоящее время находится в Русском музее. Очевидно, Крамской пишет об эскизе этого образа или повторении его.

[2] Брюллов Карл Павлович (1799—1852). «Тремя странниками» Крамской называет картину Брюллова «Явление Аврааму трех ангелов у дуба мамврийского», за которую в 1821 г. художник получил Большую золотую медаль. Картина находится в Русском музее.

По описанию, приведенному Крамским в данном письме, неясно, какое произведение Брюллова осматривал он по просьбе Третьякова.

[3] Крамской имеет в виду III Передвижную выставку, открытие которой состоялось в Петербурге 21 января 1874 г.

70

[1] Крамской посылает вместе с портретом Толстого раму для своей картины «Христос в пустыне» и, очевидно, для картины Шишкина «Полдень» («Перелесок»), которая принадлежала К. Т. Солдатенкову (см. письмо 41 и примеч. 2 к нему).

[2] Крамской имеет в виду открытие III Передвижной выставки в Москве, которое состоялось 2 апреля 1874 г. Картина «Христос в пустыне» экспонировалась в Москве в составе этой выставки, так как II Передвижная выставка в Москве не состоялась.

[3] См. письма 72, 74, 76.

71

[1] Третьяков предлагал Михаилу Константиновичу Клодту приобрести у него картину «Вечерний вид в Орловской губернии», экспонировавшуюся на III Передвижной выставке. 8 марта 1874 г. Клодт ответил Третьякову согласием и просил зачесть следуемые ему за эту картину деньги в уплату своего долга Третьякову.

[2] Третьяков предлагал К. А. Савицкому приобрести у него картину «Ремонтные работы на железной дороге», экспонированную на III Передвижной выставке.

Письмо Третьякова разошлось в пути с письмом к нему Савицкого от 2 марта 1874 г., в котором художник изъявлял свое согласие на продажу картины, прибавляя при этом, что он польщен предложением Третьякова.

[3] 6 марта 1874 г. Третьяков писал Репину в Париж о том, что просит его исполнить портрет писателя графа А. К. Толстого, жившего тогда на юге Франции (И. Е. Репин. Переписка с П. М. Третьяковым, «Искусство», 1946, стр. 25).

Репин отказался от предложения Третьякова, мотивируя свой отказ тем, что А. К. Толстой нездоров, а также и тем, что предложение это невыгодно для него (там же, стр. 26).

72

[1] К. А. Савицкий в начале марта 1874 г. выехал за границу.

73

[1] Текст телеграммы неизвестен. Судя по комментируемому письму, которое является ответом на нее, можно предположить, что Третьяков те-

леграфно запрашивал мнение Крамского относительно целесообразности приобретения им всей серии туркестанских картин и этюдов В. В. Верещагина, экспонировавшихся тогда в Петербурге.

Третьяков смотрел выставку в самые первые дни после ее открытия. Однако это было отнюдь не первое знакомство его с коллекцией среднеазиатских произведений Верещагина. Третьяков видел ее еще в 1872 г., при посещении мастерской художника в Мюнхене, и тогда же глубоко заинтересовался ею. Еще до открытия выставки в Петербурге он высказал Верещагину свое желание приобрести коллекцию.

[2] «С гор на долины», — одна из больших картин среднеазиатской серии Верещагина; изображает передвижение киргизов на зимовку с гор на долины.

74

[1] Гейнс (Гейнц) Александр Константинович (1834—1893) — генерал-лейтенант. Действительный член Русского географического общества, член Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии. Был на административных должностях в Туркестане, где Верещагин сблизился с ним во время Ташкентской экспедиции.

При организации выставки Верещагина Гейнс был распорядителем ее; ему же принадлежит предисловие к каталогу выставки. Верещагин облек его полномочиями доверенного при продаже своей коллекции туркестанских картин и этюдов.

75

[1] Третьяков имеет в виду срок в 50 лет, в течение которого, как пишет Крамской (см. письмо 73), может быть апробирована правильность его суждений о Верещагине.

[2] Третьяков посылает деньги за картину Савицкого «Ремонтные работы на железной дороге» (см. письмо 71 и примеч. 2 к нему).

76

[1] Крамской работал над портретом вел. кн. Александра Александровича (впоследствии Александр III). Портрет был закончен в 1876 г. и экспонировался на V Передвижной выставке.

[2] Картину «Христос в пустыне».

[3] Крамской пишет об экспонатах III Передвижной выставки.

77

[1] Чертков Александр Дмитриевич (1789—1858) — археолог и историк, обладатель ценнейшей коллекции книг и рукописей, которая в 1873 г. была передана городу Москве. Первоначально эта коллекция была помещена в московском Румянцевском музее, в 1880-х гг. перемещена в Исторический музей в Москве. В настоящее время коллекция книг находится в составе фондов Московской Государственной публичной исторической библиотеки; коллекция рукописей и старопечатных изданий — в собрании Государственного Исторического музея в Москве.

[2] Боткин Дмитрий Петрович (1829—1889) — московский коллекционер, собиратель произведений русской и иностранной живописи; состоял председателем Московского общества любителей художеств (1877—1888).

П. М. Третьяков предполагал приобрести коллекцию произведений Верещагина вместе со своим братом С. М. Третьяковым и Д. П. Боткиным.

[3] Третьяков пересылает Крамскому письмо А. П. Боголюбова из Парижа от 21 марта (н. с.) 1874 г.

Напоминая Третьякову о том, что несколькими годами ранее он, уезжая в Италию, осведомлялся относительно адресов, по которым можно было бы там найти произведения Сильвестра Щедрина, Боголюбов сообщает ему о приезде в Россию французского торговца художественными произведениями Дюлу, у которого имеются два пейзажа Щедрина: «Marina di Vico» и «S-ta Lucia». Третьяков не приобрел предлагаемых Дюлу произведений.

78

[1] П. М. Третьяков имеет в виду переговоры Д. П. Боткина с А. К. Гейнсом относительно продажи коллекции Верещагина (см. письмо 77 и примеч. 2 к нему).

[2] Третьяков упоминает статью В. В. Стасова «Выставка картин В. В. Верещагина», опубликованную в газете «С.-Петербургские ведомости», № 77, 19 марта 1874 г.

Он опасается того, что похвальный характер этой статьи привлечет особое внимание к выставке в Петербурге и там найдутся желающие приобрести коллекцию.

[3] Публикуя свою статью «Выставка картин В. В. Верещагина», Стасов в виде послесловия к ней публиковал тут же, в газете «С.-Петербургские ведомости» (№ 77, 19 марта 1874 г.) следующую заметку: «Вот что мне пишет один русский художник: «Не могу говорить хладнокровно о Верещагине. По моему мнению, его выставка — событие. Это завоевание России гораздо больше, чем завоевание территориальное. Теперь вопрос, будет ли наше общество на высоте задачи? Я слышал, будто Верещагин принужден коллекцию свою распродать в разные руки желающим. Мне сдается, что этого допускать не следовало бы... По-моему, это нечто невероятное. Эта идея, пронизывающая невидимо всю выставку, эта неослабная энергия, этот высокий уровень исполнения за редкими исключениями, напр. «Перекочевка киргизов» (самая большая и самая слабая картина), этот, наконец, прием, невероятно новый и художественный, в исполнении вторых и последних планов в картине, заставляет биться мое сердце гордостью, что Верещагин русский, вполне русский...». Я решаюсь напечатать эти строки, потому что я с ними согласен от первой до последней буквы, потому что наши художники слишком редко выражают печатно свое мнение перед публикой, а она должна знать, что думают и говорят лучшие между ними, наконец, потому, что все это высказал живописец Крамской, один из самых передовых по таланту и мысли художников наших».

Приведенные Стасовым в этой заметке слова Крамского представляли собою несколько перефразированную цитату из письма к нему Крамского от 15 марта 1874 г.

Третьяков, как и Крамской, был невысокого мнения о достоинствах картины Верещагина «С гор на долины» («Перекочевка киргизов»). От приобретения ее он считал возможным отказаться без ущерба для целостности коллекции. Именно поэтому он полагал, что картина может быть подарена художником царю. Говоря «предлагали», он имеет в виду свое мнение и мнение С. М. Третьякова и Д. П. Боткина как будущих совместных покупателей коллекции Опубликование же Стасовым приведенной выше

заметки делало как бы общепризнанными невысокие художественные качества картины, что, по мнению Третьякова, лишало Верещагина возможности поднести ее царю.

79

[1] Третьяков находился в недоумении. Верещагин перед своим отъездом в Индию, в последних числах марта 1874 г., прислал ему письмо следующего содержания:

«Милостивый государь Павел Михайлович.

К тому условию, которое Дмитрий Петрович Боткин со слов Александра Константиновича Гейнса, вероятно, уже сообщил Вам (а именно, что коллекция купленных Вами картин не может быть разрознена ни Вами, ни потомками Вашими), я позволяю себе прибавить просьбу отправлять картины на выставки всемирные или иные, если бы это случилось, не иначе, как в составе всей коллекции или по крайней мере трех четвертей ее, а также не дозволять при таком случае Академии разбрасывать ее с тою бестолковостью, которая ее везде и всегда отличает.

Если Вы захотите черкнуть мне пару слов, то вот адрес мой: Киев, на почту до востребования — теперь, и Константинополь, на почту до востребования — позже.

Я приложил к коллекции альбом с очерками моих скитаний как в Азии, так и по Кавказу — Закавказью, Дунаю и проч.

Кроме того, крепко-накрепко наказываю Александру Константиновичу Гейнсу ни из каких видов не вытаскивать чего-либо из этюдов, а тем паче картин.

Если Вы хотите, я дополню к каталогу объяснения для всех работ, вроде того, как это было сделано для Лондона; коли Вы не имеете этого лондонского каталога, то спросите у человека Якова, находящегося при картинах, он имеет их множество.

Спешу на чугунку. Прощайте. В. Верещагин.

Дмитрию Петровичу Боткину буду писать на днях, передайте ему мой поклон» (Отдел рукописей Третьяковской галлереи).

На основании этого письма Третьяков имел все данные заключить, что Верещагин, как и Гейнс, видел в Боткине уполномоченного от лица трех покупателей.

[2] Из рассказа Д. П. Боткина, вернувшегося в Москву после переговоров с Гейнсом вместе со своим братом художником Михаилом Петровичем Боткиным (1839—1914), Третьяков понял, что он, как и С. М. Третьяков, отстранены от участия в покупке. Это побудило его 3 апреля 1874 г. направить Верещагину в Киев письмо, в котором он писал: «...Через неделю после того, как Д[митрий] П[етрович] поехал в Петербург, узнаю я от него ...что он купил лично всю Вашу коллекцию, а на вопрос мой: «а условие наше» — ответил, что это было одно предположение, которое он передумал и никак на него не пойдет, а мне уступит половину коллекции, что он так с тем и покупал, чтобы уступить половину мне: я возражал... мне на это отвечали: «В[асилий] В[асильевич] желает, чтобы картины были все у Боткина, а не у Третьякова, и прислал альбом в подарок Боткину, чтобы он был именно у Д. Боткина...» (Отдел рукописей Третьяковской галлереи).

Ответное письмо Верещагина должно было полностью рассеять сомнения Третьякова, но оно получилось с опозданием, так как цитируемое письмо Третьякова не застало Верещагина в Киеве и было переслано ему в Бомбей, где он получил его лишь в июне 1874 г., когда вопрос о приобретении коллекции Третьяковым был уже окончательно решен.

80

[1] Жемчужников Владимир Михайлович (см. примеч. 3 к письму 61) был близко знаком с Верещагиным, принимал участие в продаже его коллекции туркестанских картин и этюдов.

[2] Крамской имеет в виду письмо Верещагина к Третьякову, написанное им до отъезда в Индию (см. примеч. 1 к письму 79).

[3] А. К. Гейнс, по указанию Верещагина, должен был в условиях продажи коллекции оговорить, что в случае смерти покупателей коллекция не может возвратиться в частную собственность наследников, но должна остаться в ведении того учреждения, которому покупатели передали ее при жизни.

81

[1] Копию письма Верещагина (см. примеч. 1 к письму 79) Третьяков еще 5 апреля послал Гейнсу. При этом он писал ему от себя лично:

«Возвратясь из Петербурга, Д. П. Боткин сообщил мне, что он купил у Вас коллекцию В. В. Верещагина в полную свою собственность, но что мне он может, если я желаю, уступить половину. Я считал это совершившимся фактом, хотя все газеты сообщали, что коллекция продана Третьякову и Боткину. На днях я получил письмо от Василия Васильевича, копию с которого при сем прилагаю. Я писал Вам два раза; в первом говорил, что встречается затруднение в помещении, во втором просил поскорее сказать, можно ли надеяться на приобретение коллекции, так как я все придумываю, как бы устроить ее помещение; в обоих я разумел не помещение в своем доме, т. е. квартире, если бы помещать у себя, то для этого нечего придумывать. Безусловное приобретение Дмитрием Петровичем изменило все предположения, но теперь, как Вы увидите из письма В[асилия] В[асильевича], дело представляется совершенно в ином свете, и я покорнейше прошу Вас, Ваше превосходительство, поскорее разъяснить это недоразумение. Я с своей стороны совершенно согласен с тем, что В[асилий] В[асильевич] заскобил в своем письме.

С истинным почтением имею честь быть Вашего превосходительства покорнейший слуга

П. Третьяков

Москва

5 апреля 1874

Я предъявлял Д[митрию] П[етровичу] письмо Василия Васильевича, предлагая исполнить теперь же желание автора, вместе с ним, Д[митрием] П[етровичем], или мне с моим братом, но он на это не согласился.

П. Т.»

(Отдел рукописей Третьяковской галлереи.)

Сообщая Гейнсу о том, что он совершенно согласен с тем, что Верещагин «заскобил» в своем письме, Третьяков имел в виду свое полное согласие с желанием Верещагина не раздроблять коллекцию.

[2] Лемох Кирилл (Карл) Викентьевич (1841—1910) — жанрист. Очевидно, Крамской передал ему 200 р. за приобретенную у него Третьяковым картину «Девочка с котенком».

В настоящее время картина находится в Ивановском областном краеведческом музее.

82

[1] Третьяков пишет о художнике Михаиле Петровиче Боткине, который способствовал решению своего брата Д. П. Боткина обойти Третьякова при покупке коллекции Верещагина. Говоря о нем, как о человеке «много лет жившем вблизи отцов иезуитов», Третьяков имеет в виду его многолетнее пребывание в Риме.

[2] См. примеч. 1 к письму 79.

[3] Третьяков имеет в виду свое возможное в таком случае примирение с Д. П. Боткиным.

84

[1] Сергей Михайлович Третьяков и жена его Елена Андреевна Третьякова, урожд. Матвеева.

[2] П. М. Третьяков беспокоится о том, чтобы брат его Сергей Михайлович, не будучи в курсе изменившихся обстоятельств покупки коллекции, не связал себя преждевременно каким-либо словом по этому поводу с Боткиным.

85

[1] Т. е. письмо П. М. Третьякова к Гейнсу от 5 апреля 1874 г. (см. примеч. 1 к письму 81).

[2] Игнатий Лойола — основатель иезуитского ордена в XVI в. Учеником его Крамской называет М. П. Боткина, имея в виду его тайную и неблаговидную роль в деле приобретения коллекции Верещагина.

86

[1] Д. П. Боткин привез Третьякову письмо от А. К. Гейнса следующего содержания:

«Милостивый государь Павел Михайлович.

На достойнейшее письмо Ваше от 5 апреля честь имею уведомить Вас о нижеследующем: В качестве доверенного В. В. Верещагина, 23 марта я запродал картины этого художника Д. П. Боткину. Согласно выговоренным условиям, между прочим, договорено, что 40 000 руб. должны быть уплочены в течение настоящего месяца, а остальные 50 000 руб. — в течение 1875, 1876 и 1877, равными кушами.

В письме Вашем от 21 марта к В. В. Верещагину высказаны те условия, на которых Вы полагали возможным приобрести коллекцию. Эти условия суть следующие: 1) всю коллекцию Вы полагали поместить на большой улице, в галлерее, освещенной сверху и открытой для публики, и 2) после Вашей смерти эта коллекция должна перейти в собственность города Москвы.

В дополнение к тому Д. П. Боткин передал мне, что Вы делали ему предложение уступить Вам всю коллекцию с тем условием, что она тотчас же, в полном ее составе, передана будет Вами Московскому училищу живописи для помещения ее в отдельном здании.

Такого рода высокая цель, которая, конечно, увековечит Ваше имя, заставила г. Боткина, несмотря на его страстное желание остаться обладателем картин г. Верещагина, побороть свои личные чувства и дать преимущество сделанному Вами ему предложению, как имеющему в виду исключительно общественное благо.

На этом основании Дмитрий Петрович спросил меня, буду ли я иметь что-либо противу того, если он передаст Вам всю приобретенную им коллекцию.

Я отвечал, конечно, что не встречаю к тому никаких препятствий.

С целью известить об этом Вас, глубокоуважаемый Павел Михайлович, я передал настоящее письмо Д. П. Боткину для вручения его Вам, тем более, что оно будет служить удовлетворительным ответом на Ваше ко мне письмо от 5 апреля.

При переговорах, которые Вы будете вести с Дмитрием Петровичем, не забывайте, что мы должны будем заключить с Вами условия нотариальным порядком относительно нераздробления, неотчуждаемости и публичного характера коллекции, а равно порядка уплаты В. В. Верещагину денег. Прошу принять уверения в моем искреннем к Вам уважении и преданности.

А. Гейнс

13 апреля 1874.
Петербург».
(Отдел рукописей Третьяковской галлереи).

88

[1] Третьяков, приобретя Верещагинскую коллекцию, принес ее в дар Московскому училищу живописи, ваяния и зодчества с тем, что Училище сделает пристройку специального помещения с верхним светом для размещения этой коллекции. Однако Совет Училища отказался от расходов по постройке такого помещения, а тем самым и от дара Третьякова.

Третьяков опасался, что Стасов, со свойственной ему горячностью, опубликует обстоятельства этой несостоявшейся передачи коллекции Верещагина Московскому училищу.

Между тем, встретив равнодушное отношение к своему дару со стороны Училища, а, следовательно, и Московского художественного общества, в ведении которого оно находилось, Третьяков предложил коллекцию Московскому обществу любителей художеств с тем, чтобы оно в течение ближайших трех лет построило отдельное помещение для постоянной экспозиции ее.

Об этом он писал 1 сентября 1874 г. Стасову, который, по поручению Верещагина, интересовался условиями, на которых будет доступно посещение выставки Верещагина в Москве, а затем и посещение постоянной экспозиции этой коллекции (Переписка П. М. Третьякова и В. В. Стасова, «Искусство», 1949, стр. 5—6).

Общество любителей художеств приняло дар Третьякова на предложенных им условиях, организовало открывшуюся 15 сентября 1874 г. выставку коллекции, однако оказалось также несостоятельным в отношении выполнения самого существенного условия дара — постройки постоянного специального помещения для коллекции. Третьяков намеревался вследствие этого еще в 1877 г. возвратить ее к себе. Общество сделало еще одну попытку поднять вопрос о постройке перед городскими властями. Попытка эта не увенчалась успехом, и в 1881 г. Третьяков возвратил коллекцию в свое собрание, разместив ее в заново построенных для этого залах своей Галлереи (см. примеч. 3 к письму 307).

[2] Гине Александр Васильевич (1830—1880) — пейзажист.

В собрании Третьякова имелось два этюда Гине: «На Ладожском озере» (1861) и «На острове Валааме». Очевидно, один из этих этюдов Третьяков намеревался тогда приобрести при посредничестве Крамского.

89

[1] Гартман Виктор Александрович (1834—1873) — архитектор, работал так же как театральный декоратор. Стасов был горячим поклонником таланта Гартмана, неоднократно выступал в печати со статьями, посвященными его творчеству. Выставка работ Гартмана, о которой пишет по просьбе Стасова Крамской, не была устроена в Москве (см. письмо 98).

91

[1] Третьяков ссылается на свое письмо к Стасову от 23 мая 1874 г. (Переписка П. М. Третьякова и В. В. Стасова, стр. 3).

92

[1] Александров Николай Александрович (1840—1907) — художественный критик, журналист, автор научно-популярных книг для юношества. Редактировал и издавал «Художественный журнал» (1881—1887).

Критические взгляды Александрова не отличались принципиальностью. Крамской в письме к Ф. Ф. Петрушевскому 3 марта 1881 г. писал о нем: «У него есть несколько крупиц ценных в критике, но они висят в воздухе, мелькают отдельными точками и не составляют крепкой нити, привязанной к одному какому-нибудь главному положению или принципу».

Характеризуя Александрова, Крамской упоминает две книги его: 1. «Народы России». Этнографические рассказы для детей. Иллюстрировано М. Микешиным, А. Шарлеманом и другими. СПБ, 1873. 2. «Волга». Этнографические рассказы для детей. Иллюстрировано гг. Васнецовым и Пановым. Изд. В. П. Печаткина, СПБ., 1874.

О взаимоотношениях Третьякова с Александровым в дальнейшем см. письмо 300 и примеч. 5 и 6 к нему, письма 301, 302, письмо 303 и примеч. 1 и 2 к нему, письмо 305.

[2] «Голос» — ежедневная политическая и литературная газета умеренно-либерального направления, выходившая в Петербурге (1863—1883).

Панютин Лев Константинович — фельетонист «Голоса», писавший под псевдонимом «Нил Адмирари».

[3] Речь идет о книге П. Н. Полевого «История русской литературы в очерках и биографиях», изд. 2-е, СПБ, 1874.

Портрет Гончарова работы Крамского не был воспроизведен в этой книге.

93

[1] Тулинов Михаил Борисович (р. 1822 г.), — неклассный художник. Работал ретушером, затем лаборантом у известного петербургского фотографа Деньера. Впоследствии имел собственную фотографию в Москве.

Земляк и близкий друг Крамского, одним из первых одобрил его влечение к искусству в юношеские годы. Первые краски и кисти были получены Крамским в подарок от Тулинова. В дальнейшем он оказывал Крамскому немало услуг, чем заслужил навсегда его глубокую признательность. Крамской исполнил два портрета Тулинова (1867 и 1868 гг.); местонахождение их неизвестно.

Воспоминания Тулинова о Крамском, написанные им в виде письма к В. В. Стасову, частично опубликованы Стасовым в книге «И. Н. Крамской. Его жизнь, переписка и художественно-критические статьи», СПБ, 1888.

94

[1] Дьяговченко Иван Григорьевич, известный московский фотограф.

[2] Письмо В. В. Верещагина к А. К. Гейнсу не обнаружено.

[3] Крамской предполагает начать работу над картиной «Радуйся, царю иудейский» («Хохот»), замысел которой возник у него еще в 1872 г. Однако известно, что вплотную к работе на холсте над этой композицией он приступил не ранее 1876—1877 гг.

96

[1] При получении портрета И. С. Тургенева для своего собрания Третьяков проявил исключительную настойчивость и требовательность.

Его не удовлетворяли портреты писателя, созданные В. Г. Перовым (в настоящее время в Русском музее), К. Е. Маковским (местонахождение неизвестно) и И. Е. Репиным.

В 1877 г. Репин заменил свой портрет в собрании Третьякова портретом И. Е. Забелина. Портрет И. С. Тургенева приобрел С. И. Мамонтов, принесший его затем в дар московскому Румянцевскому музею.

В 1925 г. портрет этот вместе с другими произведениями русской живописи, принадлежавшими Румянцевскому музею, был передан в Третьяковскую галлерею, где находится в настоящее время.

[2] Картиной «Христос в пустыне», которая экспонировалась в Москве на III Передвижной выставке.

[3] Портрет И. И. Шишкина в рост, на фоне пейзажа с этюдником и зонтом, исполненный Крамским в 1873 г., экспонировался также на III Передвижной выставке. Находится в Третьяковской галлерее.

[4] «Этюд мужичка (большой)» — произведение Крамского, известное под названием «Мельник»; экспонировался также на III Передвижной выставке, принадлежал Н. М. Орлову. В настоящее время — в Русском музее.

97

[1] Письмо ошибочно датировано 13 августа 1874 г. в книге И. Н. Крамской. Письма, т. I, 1937, стр. 273.

[2] Харламов Алексей Алексеевич (1842—1922) — портретист.

В 1875 г. исполнил портрет Тургенева, принадлежавший певице Полине Виардо (1821—1910). В настоящее время портрет находится в Русском музее.

Третьяков относился крайне сдержанно к творчеству А. А. Харламова и за всю свою многолетнюю собирательскую деятельность не приобрел у художника ни одного произведения.

После смерти С. М. Третьякова вместе со всей коллекцией его произведений в состав Галлереи был включен портрет Елены Андреевны Третьяковой — жены С. М. Третьякова, исполненный А. А. Харламовым.

[3] Сиверская — станция по Варшавской железной дороге под Петербургом, где обычно жил Крамской летом. Впоследствии, в 1880-х гг., он имел там собственную дачу.

[4] Базуновы — известные книгопродавцы и издатели, имевшие книжные магазины в Петербурге и Москве.

[5] Демут — владелец гостиницы, в которой обычно жили приезжавшие в Петербург писатели и художники.

98

[1] Выставка произведений Верещагина была открыта в помещении Московского общества любителей художеств на Малой Дмитровке в доме Воейковой (ныне улица А. П. Чехова, д. № 1).

[2] Третьяков имеет в виду свои переживания в связи с вышеописанными обстоятельствами приобретения коллекции В. В. Верещагина и несостоявшейся передачей ее в дар Московскому училищу живописи, ваяния и зодчества (см. письма 79—86, 88 и примеч. к ним).

99

[1] Письмо написано на полулисте белой бумаги, сложенном вдвое.

[2] Крамской подразумевает глубоко идейный характер собирательской деятельности Третьякова.

100

[1] Третьяков пишет об отправке III Передвижной выставки в провинцию после закрытия ее в Москве.

[2] Картины К. А. Савицкого «Ремонтные работы на железной дороге» и А. И. Куинджи «Забытая деревня» были экспонированы на III Передвижной выставке и взяты Третьяковым, как принадлежавшие ему.

[3] Третьяков называет в данном случае Прянишникова Иллариона Михайловича (1840—1894) и Перова Василия Григорьевича (1833—1882) как представителей московской группы передвижников.

[4] Чиркин Александр Дмитриевич, художник-любитель. Состоял уполномоченным Товарищества по организации выставок и передвижению их в провинции с 1872 по 1880 г.

101

[1] У В. Г. Перова возникли в это время разногласия с Товариществом передвижных художественных выставок. Конфликт завершился впоследствии выходом его из организации. В протоколе Правления Товарищества от 14 марта 1878 г. записано: «Вследствие заявления В. Г. Перова о желании его выйти из членов Товарищества, сделанного Правлению год тому назад, постановлено: выдать ему фонд, не вступая в детальные разъяснения причин его выхода; причем вменить Правлению в обязанность, чтобы все счеты по расходованию сумм Московским отделением были выяснены и очищены» (Отдел рукописей Третьяковской галлереи).

24 июля 1878 г. В. Е. Маковский сообщал Крамскому о том, что с Перовым произведены последние расчеты: «Перову... выдано 167 р. 34 коп. по расчету, сделанному Московскими членами» (там же).

[2] III Передвижная выставка была открыта в Саратове с 4 по 22 октября 1874 г.

[3] Крамской обращается к В. Е. Маковскому (1846—1920), как к одному из наиболее деятельных представителей московской группы передвижников, утвержденному в правах члена Правления Товарищества в Москве 3 января 1874 г.

[4] 29 мая 1874 г. Академия художеств, как об этом писал Стасов Верещагину (Переписка В. В. Верещагина и В. В. Стасова, т. I, «Искусство», М., 1950, стр. 16), удостоила его звания профессора. Соответствующее уведомление было прислано Академией на имя А. К. Гейнса, с тем, что публично об этом будет объявлено на Годичном академическом акте, который должен состояться, как обычно, 4 ноября.

Будучи человеком крайне независимым в своих убеждениях, не желая связывать себя какими-либо обязательствами по отношению к Академии, Верещагин, получив письмо Стасова, прислал ему из Бомбея, где он находился в то время, заявление об отказе принять данное ему звание профессора и просил Стасова опубликовать его.

Заявление Верещагина было опубликовано в газете «Голос» № 252 в сентябре 1874 г. Оно произвело огромное впечатление на современников. Консервативная печать предприняла жестокую травлю художника. На защиту Верещагина самоотверженно встал Стасов, подняв общественное мнение в его пользу. Крамской, как это явствует из комментируемого письма, был всецело на стороне Верещагина, полагая, что Верещагин нашел в себе в данном случае мужество сделать то, на что у всех прочих художников «нехватает смелости, характера, а иногда и честности».

[5] Крамской имеет в виду неприятности, пережитые Третьяковым в связи с приобретением коллекции Верещагина, несостоявшейся передачей ее Московскому училищу живописи, ваяния и зодчества и Московскому обществу любителей художеств (см. письма 79—86, 88, 98 и примеч. к ним).

102

[1] Письмо А. Д. Чиркина не обнаружено.

[2] Третьяков прилагает к письму статью за подписью «В. Брызгалов», опубликованную в газете «Современные известия», № 276, 28 октября 1874 г. под названием «Картины г. Верещагина «Туркестан».

Статья эта начиналась с упрека Верещагину в том, что он пренебрег титулом, который дала ему «императорская Академия художеств». Далее автор подвергал краткому критическому разбору отдельные наиболее крупные произведения Верещагина, указывая на чрезмерную эскизность письма, невыразительность лиц и другие недостатки, которые художник, по мнению автора статьи, маскировал искусственным освещением, применяемым им в залах своих выставок. В заключительной части статьи автор упрекал Третьякова в том, что он приобрел коллекцию Верещагина, соблазнившись ее размерами. Он утверждал, что Третьяков заплатил за эту коллекцию исключительно большую сумму, находясь под влиянием положительных отзывов печати о творчестве Верещагина. Очевидно, автор имел в виду отзывы Стасова, который одним из первых выступил с восторженной оценкой произведений художника. Не случайно Третьяков, посылая эту статью Крамскому, пишет о том, что и Стасову «будет интересно прочесть» ее.

Автор статьи — Валентин Александрович Брызгалов (р. 1841 г.) — художник, учившийся в Московском училище живописи. В 1867 г. он получил звание классного художника 3-й степени за этюд «Читальщик», который был исполнен, по сведениям, приведенным Н. П. Собко, при ближайшем участии и с помощью В. Г. Перова (Словарь русских художников. Составил Н. П. Собко, т. III, вып. 1. СПБ, 1899, стр. 112—113). Отношения, существовавшие между Перовым и Брызгаловым, дали повод современникам подозревать самое близкое участие Перова в написании статьи. Стасов впоследствии высказал предположение об этом в печати («И. Н. Крамской. Его жизнь, переписка и художественно-критические статьи», СПБ, 1888, стр. 239). Повидимому, это имеет в виду и Третьяков, когда пишет Крамскому, что и он подвергается насмешкам со стороны «одной личности».

[3] Третьяков имеет в виду свое письмо к Стасову от 13 октября 1874 г. (Переписка П. М. Третьякова и В. В Стасова, стр. 10—11).

104

[1] III Передвижная выставка находилась в Воронеже с 1 по 12 ноября 1874 г., после чего состоялась в Харькове с 1 декабря 1874 г. по 6 января 1875 г.

[2] В Казани III Передвижная выставка была открыта с 12 по 26 сентября 1874 г., в Саратове — с 4 по 22 октября 1874 г.

[3] Тютрюмов Никанор Леонтьевич (1821—1877) — художник-портретист салонно-академического направления. Его именем был подписан пасквиль на В. В. Верещагина под названием «Несколько слов касательно отречения г. Верещагина от звания профессора живописи» («Русский мир» № 265, 27 сентября 1874 г.). Тютрюмов, как и В. Брызгалов (см. письмо 102 и примеч. 2 к нему), обвинял Верещагина в том, что свои картины из туркестанской серии он писал «компанейским образом» и, стремясь скрыть свойственные им недостатки, применял при устройстве своих выставок искусственное освещение и т. п.

Крамской справедливо считал, что, подписав эту статью, Тютрюмов являлся лишь орудием в руках самой реакционной группы академических профессоров, считавших себя оскорбленными самим фактом демонстративного отказа Верещагина от звания, которым они его наградили.

Проводя аналогию между Тютрюмовым и Брызгаловым, Крамской хотел сказать, что и Брызгалов, подобно Тютрюмову, являлся орудием в руках группы художников, враждебно настроенных по отношению к Верещагину.

[4] Стасов опубликовал три статьи в виде писем в газету «С.-Петербургские ведомости» (№ 269, 30 сентября, № 294, 25 октября; № 358, 30 декабря 1874 г.), в которых самым решительным образом опровергал клеветнические выпады Тютрюмова против Верещагина. В последнем из этих писем он упоминал об «уклончивой» и «двоязычной» позиции московских художников по отношению к Верещагину.

[5] Просьба Крамского связана с его намерением писать картину «Радуйся, царю иудейский» («Хохот»).

105

[1] А. Д. Чиркин в письме из Воронежа 12 ноября 1874 г. просил Третьякова прислать в Харьков картины Савицкого и Куинджи.

107

[1] Письмо ошибочно датировано 10 декабря 1874 г. в книге «И. Н. Крамской. Его жизнь, переписка и художественно-критические статьи», СПБ, 1888, стр. 243, и в книге: И. Н. Крамской. Письма, т. I, 1937, стр. 304.

1875

108

[1] Третьяков интересуется двумя произведениями Верещагина, исполненными в связи с первым путешествием художника в Туркестан в 1867—1868 гг., «Опиумоеды» и «Обожатели бачи». Первая из этих картин, принадлежавшая генералу К. П. Кауфману, находится в настоящее время в Ташкентском государственном музее искусств. Вторая — была уничтожена самим автором в 1868 г. в Париже. На выставке 1869 г. находилась лишь фотография с этой картины. Очевидно, до Третьякова дошли неверные слухи о том, что эти произведения находятся у А. К. Гейнса, чем и была вызвана его просьба к Крамскому.

[2] Третьяков полагал, что поводом для посещения Крамским А. К. Гейнса могла служить необходимость договориться о сеансах для написания портрета Гейнса к IV Передвижной выставке, которая открылась в Петербурге 27 февраля 1875 г. Портрет Гейнса был написан Крамским, однако на выставке не экспонировался.

[3] Уезжая в Индию, Верещагин поручил ведение всех своих денежных расчетов А. К. Гейнсу. Не имея писем от него, он беспокоился о судьбе своей коллекции. Художника интересовало, получил ли Гейнс своевременно следуемые за нее деньги и распорядился ли ими согласно его воле. Между прочими своими поручениями Верещагин просил также Гейнса послать определенную сумму во Францию для расходов по предпринятой им постройке мастерской в окрестностях Парижа. Еще в августе 1874 г. Верещагин жаловался Стасову на то, что А. К. Гейнс, несмотря на обещание быть аккуратным, не написал ему ни одного письма. В декабре 1874 г. он готов был сделать более решительные выводы по отношению к Гейнсу. Опеку над причитающимися ему суммами Верещагин стремился передать Стасову и Л. М. и В. М. Жемчужниковым. В письме от 5/17 декабря 1874 г. он просил Стасова совместно с Л. М. Жемчужниковым взять на себя дальнейшее ведение его денежных дел (Переписка В. В. Верещагина и В. В. Стасова, т. I, «Искусство», М., 1950, стр. 25—26).

Подобные «нападки» Верещагина на своего доверенного имел в виду Третьяков, прося Крамского быть у Гейнса.

[4] Третьяков пишет о рисунке 1865—1866 гг. «Религиозная процессия мусульман в Шуше». Рисунок принадлежал А. К. Гейнсу, впоследствии был приобретен Третьяковым.

Гейнсу принадлежали также этюды для невыполненной Верещагиным картины «Бурлаки», приобретенные Третьяковым.

[5] Очевидно, Третьяков имел в виду попытки Гейнса реабилитировать Верещагина в мнении правящих кругов путем преподнесения его произведений некоторым высокопоставленным лицам. Об этих намерениях Гейнса писал Верещагин Стасову (там же, стр. 26).

109

[1] Крамской пишет о том, что Стасов воздерживается от активного вмешательства в денежные взаимоотношения Гейнса и Верещагина, несмотря на просьбу, с которой обратился к нему Верещагин (см. примеч. 3 к письму 108).

[2] Речь идет об уплате денег Третьяковым Верещагину за приобретенную у него коллекцию, в соответствии с условленными сроками и размерами платежей.

1 мая 1874 г. Третьяков подписал с А. К. Гейнсом соглашение о приобретении коллекции (Отдел рукописей Третьяковской галлереи).

Согласно условиям этого соглашения Третьяков уплатил Гейнсу наличными деньгами 40 000 р. и выдал векселя на имя того же Гейнса на сумму 50 000 р.

Верещагин, не будучи осведомленным о том, как распорядился его деньгами Гейнс, в письме от 6/18 сентября 1874 г. просил Третьякова уничтожить векселя, данные на имя А. К. Гейнса, деньги же, следуемые по этим векселям, хранить у себя либо передать их В. М. Жемчужникову. 5 декабря 1874 г. он снова повторил свою просьбу Третьякову: «Я вас почтительно и настойчиво прошу уничтожить векселя, данные на имя А. К. Гейнса, и деньги держать у себя, оформивши это лишь настолько, сколько нужно на случай Вашей или моей смерти. Затем прошу Вас выслать мне 2000 фунт. стерлингов...» (Отдел рукописей Третьяковской галлереи).

Третьяков выслал Верещагину просимую сумму (см. письмо 110). К договору, заключенному между Гейнсом и Третьяковым 1 мая 1874 г., была сделана приписка, из которой явствует, что векселя, выданные Третьяковым в свое время Гейнсу, последним были возвращены в соответствии с пожеланием Верещагина. Это обстоятельство имеет в виду Крамской, когда пишет: «Ведь дело разъяснилось — векселя возвращены». Под израсходованными деньгами Крамской, видимо, подразумевает деньги, отосланные Гейнсом во Францию для строительства мастерской Верещагина. Двумя приятелями, которые должны объясниться между собою, он называет Верещагина и Гейнса.

110

[1] Сергей Михайлович Третьяков и Лев Михайлович Жемчужников.

[2] Т. е. о поручении, с которым обратился к Л. М. Жемчужникову и Стасову Верещагин относительно их вмешательства в денежные расчеты Гейнса (см. примеч. 3 к письму 108).

111

[1] Картина А. И. Куинджи «Чумацкий тракт в Мариуполе» была экспонирована не вполне оконченной на IV выставке Товарищества.

[2] Крамской сообщает о картине В. М. Максимова «Приход колдуна на крестьянскую свадьбу», также экспонировавшейся на IV Передвижной выставке.

[3] На IV Передвижной выставке находились три картины И. И. Шишкина: «Сумерки», «Родник в сосновом лесу» и «Первый снег». Третьяков заинтересовался второй из них. На полях комментируемого письма имеется набросок следующего текста телеграммы, сделанный рукой Третьякова: «...Если Шишкина картина не приобретена попросите подождать я

приеду ответ Толмачи уплачен. Третьяков». Картина была приобретена Ф. А. Терещенко.

[4] Крамской сопоставляет исполненный им портрет И. А. Гончарова, экспонированный на IV Передвижной выставке, с портретом графа Г. С. Строганова своей же работы, экспонировавшимся на той же выставке.

[5] Крамской пишет о болезни своих сыновей Анатолия и Марка и дочери, впоследствии художницы Софии Ивановны Крамской (1866— ум. 1930-х гг.), в замужестве Юнкер.

[6] Третьяков поручил Крамскому переговоры с Максимовым и Куинджи о продаже ими своих картин, экспонировавшихся на IV Передвижной выставке (см. примеч. 1 и 2 к данному письму). Обе картины были приобретены Третьяковым.

112

[1] Третьяков отвечает на просьбу Крамского принять участие в судьбе его земляка, уроженца города Острогожска, А. С. Долженкова.

[2] Левицкий Дмитрий Григорьевич (1735—1822) — крупнейший русский портретист.

Третьяков цитирует заметку о портрете Ланского работы Левицкого, появившуюся 20 марта 1875 г. в газете «Биржевые ведомости» (№ 77) в разделе «Художественные новости».

Описываемый портрет из коллекции кн. Лобанова-Ростовского в 1897 г. был приобретен в музей Александра III (ныне Русский музей), где находится и в настоящее время.

Третьяков усиленно разыскивал для своего собрания произведения Левицкого.

К концу своей собирательской деятельности он обладал четырьмя произведениями, которые значились в изданных им каталогах Галлереи (с 1893 по 1898 гг.) как произведения Левицкого: «Портрет Ивана Ивановича Дмитриева», «Портрет Гавриила Романовича Державина», «Портрет Александра Николаевича Оленина (?)», «Портрет неизвестного лица в красном кафтане».

Все четыре произведения находятся и в настоящее время в Галлерее, однако атрибуция некоторых из них пересмотрена. К числу бесспорных работ Левицкого относятся три из них: «Портрет неизвестного в красном кафтане», «Портрет писателя Ивана Ивановича Дмитриева» и «Портрет неизвестного в сенаторском мундире», ранее считавшийся портретом А. Н. Оленина. Что касается портрета Г. Р. Державина, то и авторство его и определение лица, изображенного на портрете, подвергнуто сомнению. В каталоге Галлереи в настоящее время он определен следующим образом: «Неизвестный художник конца XVIII в. «Портрет молодого человека с мопсом», ранее приписывался Д. Г. Левицкому» (об этом последнем портрете см. письмо 113 и примеч. 2 к нему).

[3] Очевидно, Третьяков имеет в виду произведение Крамского «Созерцатель», законченное художником лишь в 1876 г. (см. о нем письма 113, 169, 173, письмо 174 и примеч. 1 к нему).

[4] Речь идет о портрете А. В. Кольцова, исполненном Крамским, и об акварельном портрете поэта работы К. А. Горбунова.

[5] Гун Карл Федорович (1830—1877) — исторический живописец, жанрист, портретист. Уроженец бывш. Лифляндской губернии. Окончив Петербургскую академию художеств, прожил значительную часть своей недолгой творческой жизни за границей. Приобрел известность главным образом историческими композициями на темы французской истории

XVI в. и жанровыми произведениями на темы крестьянского быта современной Франции.

Существенно отметить, что, стремясь приобрести что-либо из произведений Гуна, Третьяков настойчиво интересуется картиной, которую художник создал под впечатлением своих поездок по России. Собиратель, коллекция которого легла в основу национального музея русского искусства, отдавал предпочтение произведениям, отражающим быт родной страны.

113

[1] Деньги за картину «Чумацкий тракт в Мариуполе».

[2] Лампи Джованни-Баттиста, старший (1751—1830), работал в России в 1792—1797 гг.

Несколькими годами позже Третьяков получил предложение приобрести портрет Державина его работы, исходившее от нового владельца портрета, поэта Арсения Аркадьевича Голенищева-Кутузова (1848—1913), находившегося в родстве с упоминаемым Крамским Гулевичем.

Повидимому, портрет был приобретен Третьяковым, но ко времени издания первого каталога Галлереи авторство его было изменено. Может быть, именно это произведение является тем портретом Г. Р. Державина, который значился в каталогах Третьякова (с 1893 по 1898 гг.) как портрет работы Левицкого (см. письмо 112 и примеч. 2 к нему).

[3] Крамской цитирует письмо к нему А. П. Боголюбова от 2 апреля 1875 г. «Попался малый», или «Попался» — картина К. Ф. Гуна, называемая также «Безвыходное положение» (см. письмо 112).

[4] IV Передвижная выставка закрылась в Петербурге 6 апреля 1875 г.

114

[1] О картине Куинджи см. письмо 111 и примеч. 1 к нему.

По поводу своей картины «Приход колдуна на крестьянскую свадьбу» В. М. Максимов писал Третьякову: «Многоуважаемый Павел Михайлович! По окончании выставки я сделал необходимые поправки в моей картине, насколько позволило время. Белок, которым покрыта была картина, смыт дочиста. Снег на колдуне прописан; голову балалаечника я сделал светлее, хотя не изменил типа, надо было задержать картину на неопределенное время, что в настоящую пору сделать нельзя. Когда картина была слабо протерта лаком, то даже не оказалось надобности поправить голову белокурого мужика, что в середине картины. В Москву я не могу в скором времени выбраться, между тем уже есть надобность в последней части суммы; прошу Вас, Павел Михайлович,— вышлите мне, если найдете удобным, в начале фоминой недели.

Имею честь быть Вашим покорным слугою

В. Максимов.

С. П. Бург. 11 апреля 1875 года.

Адрес мой: Вас. Остр. Бирж. пер. д. Елисеевых, кв. 18» (Отдел рукописей Третьяковской галлереи).

Видимо, исправления, сделанные Максимовым, удовлетворили Третьякова. 25 апреля 1875 г. художник уведомил его, что им получены все деньги, следуемые за картину.

[2] Собирая систематически живопись, Третьяков лишь в конце 1870-х гг. начал так же систематически собирать графические работы. Однако интерес к рисунку был всегда присущ ему, и собиратель стремился к тому, чтобы в его собрании имелись графические работы крупнейших русских живописцев. Многие из них приносили ему свои рисунки в

дар. В числе графических работ Крамского в собрании Третьякова были следующие рисунки, принесенные им в дар: «Старик-крестьянин» (1873), «Деревенский дворик во Франции», «Портрет художника Н. А. Ярошенко»; Шишкин принес Третьякову в дар рисунки «Срубленное дерево в лесу», «Цветы в лесу», «Паутина в лесу».

115

[1] Третьяков имеет в виду слова Крамского в письме от 12 марта 1875 г. (см. письмо 111) о том, что Куинджи экспонировал свою картину «Чумацкий тракт в Мариуполе» неоконченной по настоянию членов Товарищества, которые считали нужным показать это произведение в числе экспонатов выставки в момент ее открытия.

[2] И. И. Шишкин дописывал в 1872 г. в мастерской Крамского свою картину «Сосновый бор», приобретенную Третьяковым.

[3] О произведениях Д. Г. Левицкого в собрании Третьякова см. письмо 112 и примеч. 2 к нему.

[4] О портрете Г. Р. Державина см. письмо 113 и примеч. 2 к нему.

[5] О К. Ф. Гуне см. письмо 112 и примеч. 5 к нему. Третьяков просит прислать ему на дом картину Гуна «Безвыходное положение» («Попался»).

[6] Третьяков запрашивает Крамского относительно этюда «Полесовщик», экспонированного на IV Передвижной выставке (см. об этом же произведении письма 116 и примеч. 4 к нему, 117, 120, 121 и примеч. 2 к нему, 122 и примеч. 1 к нему). Неясно, почему он называет его «Этюд мужика в белом колпаке». Этюд этот представляет собою поясное изображение крестьянина в войлочном, низко надвинутом на лоб колпаке серовато-коричневого тона.

[7] Третьяков интересуется картиной В. Г. Перова «Приезд гувернантки в купеческий дом», за которую вместе с картиною «Тройка» Перов в 1866 г. получил звание академика. Картина была приобретена им не ранее 1884 г. у М. Н. Барановой.

[8] Третьяков имеет в виду квитанцию на получение Куинджи денег, переданных ему Крамским от Третьякова за картину «Чумацкий тракт в Мариуполе».

116

[1] О портрете Державина см. письмо 113 и примеч. 2 к нему.

[2] О поправках В. М. Максимова в своей картине «Приход колдуна на крестьянскую свадьбу» см. письмо художника к Третьякову — примеч. 1 к письму 114.

[3] После неоднократных настояний Крамского Куинджи 11 апреля 1875 г. написал Третьякову о том, что считает свою картину «Чумацкий тракт в Мариуполе» оконченною, а также и о том, что получил через Крамского 1000 р.

[4] Этюдом в простреленной шапке Крамской называет свой этюд «Полесовщик».

[5] Крамской мог видеть картину В. Г. Перова «Приезд гувернантки в купеческий дом» на выставке Общества поощрения художников в 1867 г.

117

[1] 3 мая 1875 г. у Третьяковых родилась дочь Мария Павловна, в замужестве Боткина.

[2] Картина К. Ф. Гуна «Попался» («Безвыходное положение») была приобретена С. М. Третьяковым. В настоящее время в Третьяковской галлерее.

[3] Картину «Перевоз через Самарку» Гун писал по заказу графа Ю. И. Стенбока. Картина осталась неоконченной. Местонахождение ее в настоящее время неизвестно.

[4] Портрет Веры Николаевны Третьяковой (1844—1899), урожд. Мамонтовой. Крамской начал работу над ним в сентябре 1875 г., будучи в Москве.

118

[1] Письма Крамского и Третьякова, написанные одновременно, 13 мая 1875 г. (см. письмо 117), разошлись в пути, чем объясняется недоумение Крамского.

[2] Конкурс на сооружение памятника А. С. Пушкину в Москве был объявлен в 1872 г. После ряда туров конкурса Комитет по сооружению памятника в 1874 г. признал наиболее удачными проекты, созданные А. М. Опекушиным и П. П. Забелло. Обоим скульпторам было предложено исполнить свои модели в увеличенном размере. В мае 1875 г. был окончательно утвержден один из шести проектов, представленных Опекушиным.

Крамской был членом комиссии экспертов по сооружению памятника.

120

[1] Крамской пишет о портретных сеансах наследника (впоследствии Александра III), портрет которого он закончил в 1876 г.

[2] Крамской мечтал осуществить поездку на Восток для того, чтобы собрать материал для задуманной им картины «Радуйся, царю иудейский» («Хохот»).

[3] Т. е. картина «Попался», приобретенная С. М. Третьяковым.

[4] Отвечая на вопрос Третьякова, Крамской имеет в виду следующие экспонаты Академической выставки 1875 г.: Геримский Александр (1850—1901) «Таверна», Литовченко А. Д. (1835—1890) «Иоанн Грозный показывает сокровища английскому посланнику Горсею», Семирадский Г. И. (1843—1902) «Продавец амулетов», Ковалевский П. О. (1843—1903) «Кавказский вид», Орловский В. Д. (1842—1914) «Пейзаж». К. В. Лемох (1841—1910) был представлен на выставке следующими вещами: «Хозяин», «Будущий работник», «Утро», «Этюд чухонца», «Чухонские нищие», «Бабушка», «Женщина у люльки», «Девочка с кошкой», «Этюд старухи» и тремя произведениями под названием «Дворик». Скульптор М. А. Чижов (1838—1916) экспонировал на выставке девять произведений: «Мать, учащая ребенка родному слову» (мрамор и гипс), «Эскиз», «У колодца», два бюста детей художника, «Крестьянин в беде», «Бюст Якушкина», «Резвушка». В заключение Крамской упоминает произведение П. Г. Тизенгаузена (1837—1876) «Порт Кунида». Из числа всех перечисленных произведений Третьяков еще несколько ранее приобрел два произведения К. В. Лемоха: «Девочка с кошкой» (1873) и «Утро» («Утро в швейцарской», 1874). Первое из них находится в настоящее время в Ивановском областном краеведческом музее.

[5] Фортуни Мариано (1838—1874) — испанский художник. Исторический живописец, ориенталист. Д. П. Боткин приобрел в 1875 г. в Париже его произведение «Урок фехтования» («Дворик в Гренаде»).

121

[1] Речь идет о монохромных портретах Ф. А. Васильева и М. М. Антокольского 1871 г. и о портрете И. И. Шишкина 1873 г., которые Третьяков намеревается приобрести.

[2] «Полесовщик».

[3] На IV Передвижной выставке были экспонированы следующие произведения В. Г. Перова: «Возвращение с жатвы», «Крестьянин Рязанской губернии», «Божьи дети», «Голубятник», «Ботаник». На той же выставке Маковский экспонировал «Ожидание», «Старуха», «Инвалид», «Посещение бедных», «Стадо».

Из числа этих произведений П. М. Третьяковым были приобретены две картины В. Е. Маковского — «Ожидание» и «Посещение бедных». В 1910 г. М. А. Морозовым были принесены в дар галлерее две картины Перова — «Голубятник» и «Ботаник». В 1949 г. Третьяковской галлереей был приобретен этюд Маковского «Инвалид».

[4] На выставке были экспонированы два пейзажа А. И. Куинджи — «Степь» и «Чумацкий тракт в Мариуполе». Оба произведения были приобретены Третьяковым еще при открытии выставки в Петербурге.

[5] О картинах И. И. Шишкина см. письмо 111 и примеч. 3 к нему.

122

[1] Крамской имеет в виду получение денег за приобретенный у него этюд «Полесовщик», который Третьяков называет также «Мужик с дубиной» и «Крестьянин в простреленной шапке» (см. письмо 117).

[2] Т. е. с произведениями московских художников, возвратившимися из путешествия III Передвижной выставки в провинцию. Последним местопребыванием ее был город Рига, где выставка закрылась 11 мая 1875 г.

[3] Крамской осуждает нежелание Куинджи сделать исправления в картине «Чумацкий тракт в Мариуполе» (см. письма 111—116).

123

[1] Очевидно, речь идет о пейзаже Васильева «Аллея» (см. письмо 65 и примеч. 5 к нему).

[2] Третьяков сообщает Крамскому свои расчеты с умершим художником Ф. А. Васильевым. К письму приложен следующий документ:

СЧЕТ Ф. А. ВАСИЛЬЕВА

1871 в апреле при отъезде его из Москвы выдано .	450
Сентября 24-го послано с почтой	100
почтовая пересылка	1—25
Октября 2-го выдано И. Н. Крамскому	200
Декабря 13 послано с почтой .	200
почтов[ая] пересылка . .	2—15
1872 января 26 послано с почтой .	200
почтовая пересылка	1—65
Марта 25 послано с почтой . .	500
почтов[ая] пересылка .	3
В сентябре в Крыму выдано .	530
1873 июня 13 послано с почтой .	100
почтовая пересылка	1—20
Август 8 послано с почтой . .	300
14 » » .	700
Почтов[ая] перес[ылка] 1000 р. .	8—50
	3297—75

Получено

1872	Картина	1000
1873	»	1000
1874	3 карт[ины] и 2 рис[унка] . . .	1200
		3200

На этом же листе приписка карандашом рукой Третьякова:

Волжск[ие] лагуны	500
Зима	250
Горы	200
Акварель	100
Сепия	150
	1200

На основании этого документа подтверждается, что в 1872 г. Третьяков приобрел у Васильева за 1000 р. картину «Мокрый луг», в 1873 г., также за 1000 р., картину «В крымских горах».

Приписка карандашом расшифровывает последнюю строку счета и позволяет установить, что с посмертной выставки Васильева Третьяковым в 1874 г. были получены на сумму 1200 р. следующие произведения: «Волжские лагуны», «Зима в Крыму» (в настоящее время в Молотовской художественной галлерее), «Крымские горы зимой», акварель «В лодке у берегов Крыма» и сепия «Вечер».

[3] Третьяков давно стремился иметь в своем собрании портрет Д. В. Григоровича. Еще в 1872 г. он просил об этом В. Г. Перова, который осуществил тогда в Петербурге ряд портретных заказов Третьякова. Перов не мог исполнить его просьбу, так как Григорович уезжал за границу.

Крамской в 1876 г. исполнил портрет писателя, находящийся в Третьяковской галлерее.

124

[1] Расчет с конторой имп. двора, которая должна была уплатить Крамскому за исполняемые им портреты наследника.

[2] Портрет Веры Николаевны Третьяковой.

[3] Портрет Ф. Р. Салтыковой, тещи художника. Остался неоконченным, находится в Русском музее.

[4] Портрет жены художника Софьи Николаевны с дочерью (1875), находится в Воронежском областном музее изобразительных искусств.

125

[1] Третьяков имеет в виду предполагавшуюся длительную поездку Крамского на Восток.

[2] К письму приложен счет из магазина Беггрова на 400 р.

126

[1] «Главным делом» для себя Крамской считал в это время подготовку к большой картине «Радуйся, царю иудейский» («Хохот»).

128

[1] Крамской намеревался вернуться к работе над картиной «Осмотр старого дома» (см. письмо 51 и примеч. 1 к нему).

129

[1] П. М. Третьяков являлся, совместно со своим братом С. М. Третьяковым и зятем В. Д. Коншиным, владельцем фабрики полотен в Костроме.

[2] Третьяков рассчитывал возвратиться к этому времени из поездки на Нижегородскую ярмарку.

[3] Речь идет об исправлении портрета И. А. Гончарова (см. письма 95, 97, 98 и 99). Крамской не переписывал портрет; им был лишь загнут на 10 сантиметров нижний край холста по соответственно укороченному подрамнику.

130

[1] У Крамского был тяжело болен сын Иван, скончавшийся в марте 1879 г.

[2] Крамской хлопотал об исправлении метрического свидетельства своего сына Анатолия, который по ошибке был записан в делах консистории, как и старший сын художника, под именем Николай (об этом же идет речь в письмах 132, 135, 139).

[3] В сентябре 1875 г. Крамской находился некоторое время в Москве. Во время пребывания там он начал портрет В. Н. Третьяковой. Оставив его неоконченным, он просит Третьякова поместить его «подальше от взоров».

131

[1] См. письма 113, 115, 116, 132.

[2] Варнек Александр Григорьевич (1772—1843) — портретист.

Третьякову удалось собрать семь живописных портретов Варнека и один рисунок. Портрет основателя Арзамасской художественной школы А. В. Ступина работы Варнека был принесен ему в дар в 1882 г. петербургским коллекционером Николаем Дмитриевичем Быковым (1812—1884). Упоминаемый в письме портрет Сперанского не был приобретен Третьяковым. Возможно, это был портрет, принадлежащий в настоящее время Иркутскому областному художественному музею.

[3] 30 октября 1875 г. Д. В. Григорович писал Третьякову о том, что он хранит у себя, до приезда Третьякова в Петербург, следующие предназначенные к продаже произведения, интересные, с его точки зрения, для пополнения собрания Третьякова: К. П. Брюллов «Сладкие воды в Константинополе», Л. Ф. Жодейко «Автопортрет» и «Портрет поэта Я. П. Полонского», три пейзажа Н. П. Ольденбургского.

Чувствуя себя обязанным, в связи с предупредительностью Григоровича, принять какое-либо из его предложений, Третьяков приобрел портрет поэта Я. П. Полонского работы Л. Ф. Жодейко (1826—1878).

[4] Зауервейд Николай Александрович (1836—1866) — баталист.

Третьяков приобрел у К. Ф. Гуна эскиз его работы «Кавалерийская атака». Оценивая его в 300 р. применительно к «данным обстоятельствам», как он пишет, Третьяков имел в виду тяжелую болезнь К. Ф. Гуна, вынуждавшую его продавать некоторые принадлежавшие ему художественные произведения.

[5] Акварель К. П. Брюллова «Сладкие воды в Константинополе», предложенная Третьякову Григоровичем, не была приобретена им. Находится в Русском музее.

[6] Шамшин Петр Михайлович (1811—1895) — исторический живописец.

Майков Николай Аполлонович (1794(6?)—1873) — художник-любитель, удостоенный звания академика.

Неизвестно, какие картины этих двух художников, упоминаемые Третьяковым, находились на постоянной выставке Общества поощрения художников. Видимо, Третьяков не приобрел их. В его собрании лишь в 1896 г. появляется произведение П. М. Шамшина — портрет Е. Ф. Толстой, в замужестве Юнге, дочери художника Ф. П. Толстого, и в 1897 г.— произведение Н. А. Майкова — портрет В. А. Солоницына, принесенный в дар Л. Н. Майковым.

132

[1] Крамской ссылается на авторитет академика Грота Якова Карловича (1812—1893), историка литературы, филолога, знатока биографии и творчества Г. Р. Державина.

[2] Вел. кн. Мария Николаевна (1819—1876) — президент Академии художеств и председательница Общества поощрения художников (1852—1876).

[3] См. примеч. 2 к письму 130.

133

[1] О портрете Я. П. Полонского работы Жодейко см. письмо 131 и примеч. 3 к нему.

На протяжении всей своей собирательской деятельности Третьяков стремился к тому, чтобы его коллекция была собранием высококачественных произведений реалистического русского искусства. Вынужденный иногда, по обстоятельствам различного характера, приобретать произведения, не отвечающие направлению его собирательства, Третьяков впоследствии всячески стремился освободить свое собрание от этих вынужденных покупок.

В данном случае, приобретя портрет Полонского работы Жодейко, он, стремясь исключить его из своего собрания, прибегнул к содействию Крамского. Крамской тогда же, в 1875 г., исполнил по инициативе Третьякова портрет поэта, находящийся в Третьяковской галлерее.

134

[1] Айвазовский Иван Константинович (1817—1900).

В декабре 1875 г. в Академии художеств была открыта персональная выставка его произведений в пользу вновь возникшего при Академии «Общества выставок художественных произведений», почетным членом которого состоял Айвазовский.

[2] В связи с выставкой своих произведений Айвазовский писал Третьякову из Петербурга 2 декабря 1875 г.: «...выставка моих картин в числе... (неразборчиво.— *С. Г.*) выставлена с сегодняшнего дня в Академии художеств и с 5-го декабря будет открыта для публики. Вы, вероятно, как мне и говорили, в декабре приедете в Петербург, тогда я и передам Вам мой портрет.

Весьма обяжете, если двумя словами уведомите меня, около которого числа приедете» (Отдел рукописей Третьяковской галлереи).

Получив письмо, в котором художник приглашал его посетить свою персональную выставку, Третьяков чувствовал необходимость приобрести что-либо из экспонированных на ней произведений. Этим объясняется просьба его к Крамскому и спешный характер ее. Однако неизвестно, сделал ли Третьяков на выставке Айвазовского какие-либо приобре-

тения. К концу своего собирательства он обладал пятью живописными работами художника: «Морской берег» (1840), «Гурзуф ночью» (1849), «Радуга» (1873), «В Феодосии» (1877) и «Черное море» (1881). Три из них: «Морской берег», «Радуга» и «Черное море» находятся и в настоящее время в Третьяковской галлерее. Айвазовский принес в дар Третьякову свою сепию 1860 г. «Море».

Портрет, о котором пишет Айвазовский Третьякову, является, очевидно, портретом художника, исполненным А. В. Тырановым (1808—1859) в 1841 г. в Риме. Портрет был приобретен Третьяковым.

135

[1] См. примеч. 2 к письму 130.

[2] Портрет В. Н. Третьяковой.

[3] Толстой Дмитрий Андреевич (1823—1889) — один из наиболее реакционных государственных деятелей России 60—80-х гг. Министр народного просвещения (1866—1880), министр внутренних дел, шеф жандармов, президент Академии наук (с 1882 г.). Крамской обращался к нему с просьбой об исправлении документов сына (см. примеч. 2 к письму 130).

136

[1] См. письмо 131 и примеч. 3 к нему и письмо 133 и примеч. 1 к нему.

[2] Третьяков предлагает Крамскому написать портрет Надежды Дмитриевны Заиончковской (1825—1889), урожд. Хвощинской, популярной писательницы 50—80-х гг. XIX в., писавшей под псевдонимом «В. Крестовский».

[3] Стасюлевич Михаил Матвеевич (1826—1911) — публицист, историк, редактор (1865—1908) либерального журнала «Вестник Европы».

137

[1] Крамской упоминает статью Н. Александрова, опубликованную в газете «Биржевые ведомости», № 346, 16 декабря 1875 г. под названием «Художественные новости».

Статья содержала резко отрицательный отзыв о творчестве Айвазовского. Подвергая критическому обзору экспонированные произведения, автор статьи приводил, не указывая имени Крамского, не раз высказывавшуюся им мысль о том, что все находящиеся на выставке произведения Айвазовского в равной мере не представляют собою большой ценности (см. письмо 135).

[2] Очевидно, Крамской имеет в виду слухи о том, что он часто оказывается в роли консультанта Третьякова в вопросах приобретений для Галлереи.

[3] Т. е. портрет Д. В. Григоровича.

[4] Крамской сравнивает портрет Я. П. Полонского с портретом художника К. Ф. Гуна.

Известны два портрета Гуна работы Крамского: один из них, исполненный маслом, датированный 1878 г. (Иллюстрированный каталог... Составил и издал Н. Собко, СПБ, 1887, стр. 15, ошибочно датирован 1877), находящийся в настоящее время в научно-исследовательском му-

зее Академии художеств СССР в Ленинграде, и второй — исполненный в технике соуса, недатированный, принадлежащий Краснодарскому художественному музею. Очевидно, этот второй портрет был исполнен при жизни К. Ф. Гуна и с ним именно сравнивает Крамской свой портрет Я. П. Полонского.

138

[1] Т. е. в лице И. К. Айвазовского.

139

[1] См. примеч. 2 к письму 130.

1876

140

[1] Т. е. поручение написать портрет Н. Д. Заиончковской, урожд. Хвощинской.

141

[1] Крамской имеет в виду военные действия турок против восставших в 1875 г. боснийских и герцеговинских крестьян, усиление герцеговинского восстания в марте 1876 г., а также открытую подготовку Сербии и Черногории к войне с Турцией, которая была объявлена 2 июля 1876 г.

[2] Покрыть лаком портрет В. Н. Третьяковой.

[3] Т. е. возвращения в Петербург из Москвы, где Крамской пробыл некоторое время в течение февраля и марта 1876 г.

142

[1] Третьяков пишет относительно фона в портрете В. Н. Третьяковой.

[2] Третьяков рекомендует Крамскому прочесть в мартовской книге журнала «Отечественные записки» за 1876 г. очерк М. Е. Салтыкова-Щедрина «Семейные итоги», публиковавшийся в виде одного из разделов художественно-публицистического цикла «Благонамеренные речи», впоследствии вошедшего вместе с другими разделами этого цикла в книгу «Господа Головлевы».

[3] Вера Николаевна Третьякова.

[4] Академической выставкой Третьяков называет в данном случае первую выставку «Общества выставок художественных произведений», которое возникло под протекторатом Академии в целях оживления ее выставочной деятельности и более успешной борьбы с Товариществом передвижных художественных выставок (см. примеч. 4 к письму 208 и примеч. 1 к письму 247).

Третьяков имеет в виду обзор этой выставки, опубликованный в газете «Голос» № 91, 31 марта 1876 г. Эм [Матушинский] — «Художественная хроника». Автор статьи весьма положительно характеризовал творчество В. Д. Орловского и, в частности, его пейзаж «Рассвет», экспонированный на выставке. Описание этого произведения он заключал фразой: «Прекрасная картина эта уже куплена г. Третьяковым для его замечательной галлереи произведений русской школы».

Владимир Донатович Орловский (1842—1914) был одним из наиболее активных противников Товарищества и одновременно одним из наиболее активных деятелей нового Общества.

По направлению своего творчества, по характеру своей художественно-общественной деятельности Орловский не принадлежал к числу

художников, близких к Третьякову. Этим следует объяснить резкий тон реплики Третьякова по поводу неверного утверждения рецензента выставки. Упоминаемая им картина «Рассвет» не принадлежала Третьякову, но в его собрании имелись четыре произведения художника, отличающиеся наиболее правдивым, реалистическим воспроизведением природы: «В Алуште» (1870), «Посев», «В Италии» (1876) и «Город Поццоули близ Неаполя».

143

[1] Палаццо Боргезе — вилла, построенная в XVII в. знатной итальянской фамилией Боргезе. Известна собранием картин итальянских художников и коллекцией античной скульптуры.

[2] Палаццо Колонна — одна из крупнейших частных галлерей в Риме, в которой собраны произведения итальянской, фламандской, испанской и французской живописи.

[3] Палаццо Барберини — один из крупнейших римских дворцов, построен в XVII в. Знаменит ценнейшим собранием рукописей, произведений итальянской живописи, коллекцией изделий из бронзы.

[4] Ватикан — постоянная резиденция римских пап, представляет собою комплекс зданий различных эпох и стилей. В Ватикане имеется собрание произведений итальянского искусства эпохи Возрождения, фрески Рафаэля и Микельанджело, произведения античного искусства.

Крамской упоминает статую Аполлона Бельведерского работы греческого скульптора Леохара.

[5] Семирадский Генрих Ипполитович (1843—1902).

Картину «Светочи христианства», о которой пишет Крамской, Семирадский представил в 1877 г. в Академию художеств как результат своего пребывания за границей в качестве пенсионера Академии. Экспонированная им еще в Италии, картина эта принесла художнику мировую известность. Академия художеств удостоила его тогда же звания профессора. Художник принес свое произведение в дар Краковской национальной галлерее, где оно находится и в настоящее время.

Творчество Семирадского, автора эффектных композиций на мотивы из античной жизни, отличающихся поверхностным, отвлеченно-идеализирующим пониманием изображаемой эпохи, стало своего рода знаменем современного ему академического искусства. Пользуясь признанием в академических кругах, оно подвергалось резкой принципиальной критике со стороны виднейших представителей передвижничества и в том числе Крамского.

Почти одновременно с письмом к Третьякову 4 мая 1876 г. Крамской писал В. В. Стасову, посвятившему вскоре затем картине Семирадского специальную статью: «Семирадский написал колоссальную (по размерам) картину — «Христианские светочи», ярко, пестро, талантливо, нелогично, будит большею частью инстинкты низменные и не трогает сердца...».

[6] Крамской пишет о скульптуре М. М. Антокольского «Христос перед судом народа» 1874 г. Мраморный экземпляр статуи принадлежал С. И. Мамонтову, в настоящее время находится в Третьяковской галлерее.

Статуя эта, естественно, крайне интересовала Крамского, который еще в 1872 г. закончил свою картину «Христос в пустыне» и с тех пор был увлечен идеей написать второе большое произведение, главной фигурой которого должен был быть также Христос.

Еще до отъезда за границу, предпринятого в целях накопления материала для этой картины, Крамской познакомился со статуей Анто-

кольского по фотографии, которую скульптор прислал В. В. Стасову из Рима с просьбой показать ее Крамскому.

Крамской тогда же в письмах к Антокольскому изложил свои критические замечания по поводу его статуи. Он находил, что образ, созданный скульптором, излишне академичен, традиционен, не отвечает представлениям человека XIX в. о Христе как об исторической личности. В этом же смысле Крамской критикует и в комментируемом письме идею произведения Антокольского.

7 «Смерть Сократа» — мраморная статуя М. М. Антокольского, исполненная в Риме в 1875 г. Находится в Русском музее.

144

1 Оригинал письма не найден. Печатается с машинописной копии, сделанной после смерти Третьякова по инициативе И. С. Остроухова, собиравшего письма Третьякова с целью подготовки их к изданию.

2 Речь идет об освободительном движении в Герцеговине, об Апрельском народном восстании в Болгарии, жестоко подавленном турецкими властями при поощрении английской дипломатии, а также об убийстве турками германского и французского консулов в Салониках. Эти события вызвали обострение восточного кризиса и привели сначала к сербо-черногоро-турецкой войне летом 1876 г., а позднее — к русско-турецкой войне 1877—1878 гг.

3 Третьяков имеет в виду итальянского скульптора Джулио Монтеверде (1837—1917). На международной выставке 1873 г. в Вене находилась его скульптурная группа «Доктор Дженнер, прививающий оспу ребенку».

4 Третьяков ошибочно считает, что Семирадским были исполнены в Риме две картины: «Светочи христианства» и «Нерон». Второе название нередко употреблялось современниками при упоминании о той же картине «Светочи христианства».

5 Портрет писателя А. К. Толстого, повидимому, не был исполнен М. П. Боткиным.

6 Третьяков сообщает Крамскому о том, что на V Передвижной выставке вместо намеченных им ранее к приобретению произведений П. А. Брюллова и В. М. Васнецова он приобрел пейзаж «Весна» Брюллова и картину «С квартиры на квартиру» Васнецова. Неясно, какую работу П. А. Брюллова первоначально предполагал Третьяков приобрести для своей галлереи. На V выставке Товарищества, кроме картины «Весна», художник экспонировал следующие произведения: «Дети», «Вечер. Из окрестностей Вены» и «Портрет матери».

Картина В. М. Васнецова «Книжная лавочка» была приобретена в 1903 г. Советом Третьяковской галлереи, где находится и в настоящее время.

7 Третьяков имеет в виду поправки, сделанные В. М. Максимовым в картине «Семейный раздел», экспонированной на V Передвижной выставке и приобретенной Третьяковым.

8 На V Передвижной выставке в числе других работ Крамского экспонировался портрет художника Михаила Васильевича Дьяконова (ум. 1886 г.), состоявшего преподавателем, а впоследствии директором (1865—1881) рисовальной школы Общества поощрения художников.

Портрет экспонировался как принадлежащий этой школе, для которой он был безвозмездно написан Крамским в знак уважения к преподавательской деятельности М. В. Дьяконова. В настоящее время портрет принадлежит Русскому музею.

145

[1] Национальный музей в Неаполе — богатейшее собрание античных мраморов, ваз, бронзы, драгоценностей, живописных произведений и рукописных свитков.

146

[1] Антокольского.

[2] Третьяков имеет в виду Софию Николаевну Крамскую, жену художника, и Софию Ивановну, дочь его.

[3] Третьяков отвечает на просьбу Крамского помочь молодому человеку, которого он встретил в Неаполе и который возвращался на родину, в Россию, после четырехлетнего пребывания в Италии в качестве учителя в русской семье.

[4] Абдул-Азиз (1830—1876) — турецкий султан. Проявлял известную уступчивость в отношении России. 30 мая 1876 г. был свергнут сторонниками англофильской ориентации, а 2 июля того же года убит. Султаном стал его племянник — Мурад V.

[5] Третьяков иронизирует по поводу И. К. Айвазовского, который в 1875 г. исполнил несколько произведений по заказу Абдул-Азиза, после чего был приглашен ко двору султана в Константинополь, щедро награжден и получил дальнейшие заказы.

[6] Пясецкий Павел Иванович (р. 1843 г.) — доктор медицины; был прикомандирован в качестве врача и художника к экспедиции полковника Сосновского, исследовавшей в 1874—1875 гг. торговый путь от Зайсана в Ханькоу. Привез из Китая ценные коллекции и зарисовки, за которые был награжден Русским географическим обществом золотой медалью. Издал книгу «Путешествие в Китай в 1874—1875 гг.», тт. I и II, СПБ, 1880.

[7] Пожалостин Иван Петрович (1837—1909) — гравер. Его портрет работы Харламова не был приобретен Третьяковым.

148

[1] И. Е. Репин и В. Д. Поленов были за границей в качестве пенсионеров Академии. Возвратились в Россию в июле 1876 г. Репин закончил к этому времени картину «Садко в подводном царстве», Поленов — «Арест гугенотки». Оба художника получили тогда же, в 1876 г., за представленные ими картины звание академиков. В настоящее время картины находятся в Русском музее.

[2] Портрет И. С. Тургенева работы А. А. Харламова (см. о нем письмо 97 и примеч. 2 к нему).

[3] «Салон» — название ежегодных выставок современного искусства, устраиваемых в Париже в помещении большого дворца Елисейских полей.

[4] Крамской имеет в виду портрет И. С. Тургенева работы И. Е. Репина (см. письмо 96 и примеч. 1 к нему).

[5] К. Е. Маковский экспонировал в Салоне 1876 г. свою картину «Возвращение священного ковра из Мекки в Каир», находящуюся в настоящее время в Русском музее.

[6] В. В. Верещагин в 1874—1876 гг. совершил путешествие в Индию. Приехав в апреле 1876 г. в Париж, он начал здесь работу над серией картин по этюдам, созданным во время путешествия.

[7] Бонна Леон-Жозеф-Флорентен (1833—1922) — французский художник, портретист, писал также картины на религиозные и мифологи-

ческие сюжеты. Ниже Крамской упоминает его произведение «Борьба Иакова с богом».

[8] Поляков Самуил Соломонович (1837—1888) — крупный предприниматель-коммерсант.

[9] Веласкес Диего (1599—1660) — испанский художник. Исторический живописец, портретист. Крамской упоминает выдающееся произведение Веласкеса — «Портрет папы Иннокентия X», находящийся в палаццо Дорио в Риме.

[10] Рибера Хозе (Хусепе 1588—1652) — испанский художник. Писал преимущественно картины религиозного и мифологического содержания, в которых, однако, в полной мере сказался реалистический характер его творчества.

[11] Каролюс-Дюран Шарль-Огюст-Эмиль (1838—1917) — французский художник. Портретист, исторический живописец, жанрист.

[12] Половцев Александр Александрович (1832—1909) — член Государственного совета, попечитель училища технического рисования Штиглица, почетный член Академии художеств с 1868 г. В 1885—1886 гг Крамской исполнил его портрет, а также портреты членов его семьи.

[13] Крамской исполнил, будучи в Париже, офорт с портрета наследника (впоследствии Александр III) своей работы, экспонировавшегося на V Передвижной выставке 1876 г.

149

[1] Третьяков интересуется мнением Крамского о картине В. Д. Поленова «Право господина». 15 апреля 1875 г. Боголюбов выслал ему фотографию с произведения Поленова, рекомендуя приобрести его.

5 мая 1875 г. Поленов писал Третьякову о том, что он польщен его желанием приобрести картину. При этом он сообщал, что в настоящее время занят некоторыми поправками в ней, по окончании которых он вышлет картину в Академию художеств, куда он как пенсионер обязан представлять все свои работы. Из Академии картина будет переслана Третьякову.

Естественно, что Третьяков, приобретая произведение, с которым он был знаком только по фотографии, получив письмо Поленова, заинтересовался теми поправками, которые художник продолжал вносить в свою картину.

Поленов не замедлил прислать второе письмо от 27 мая 1875 г. с разъяснением характера этих поправок.

В июне 1876 г., лишь после того как картину видел в мастерской художника С. М. Третьяков, приезжавший в Париж, вопрос о приобретении ее был окончательно решен П. М. Третьяковым.

[2] Третьяков имеет в виду приобретения С. М. Третьяковым произведений западных художников. Цены этих приобретений нередко преувеличивались.

[3] Один из этих портретов, который Третьяков описывает как «большой женский во весь рост»,— портрет Оболенской, урожд. Половцевой, датированный «Ste Petersbourg 1876», находящийся в настоящее время в Государственном Эрмитаже. Возможно, портретом, о котором Третьяков пишет «детский во весь рост», является «Портрет мальчика», переданный из Государственного Эрмитажа в музей «Метехи» в Грузии. Однако в подписи этого портрета обозначено «Paris 1875». Оба произведения ранее находились в собрании А. А. Половцева.

[4] Приехав в Париж в апреле 1876 г., Верещагин работал в мастерской, расположенной при одном из парижских отелей. Постройка мастерской в Maison Laffitte, задуманная им еще до отъезда в Индию, не была закончена к этому времени.

[5] Шервуд Владимир Иосифович (1832—1897) — художник-портретист, скульптор и архитектор.

Очевидно, Третьякову принадлежал портрет Ю. Ф. Самарина работы Шервуда. Но ко времени опубликования Третьяковым первого каталога своего собрания (1893) портрет этот не значился в нем.

О портретах Ю. Ф. Самарина см. примеч. 1 к письму 175.

[6] Т. е. для экспозиции на V Передвижной выставке 1876—1877 гг.

[7] О портрете Д. В. Григоровича — см. письмо 123 и примеч. 3 к нему.

Портрет писателя П. И. Мельникова (Андрея Печерского, 1819—1883) был исполнен Крамским в 1876 г. также по инициативе и по заказу Третьякова.

О портрете Я. П. Полонского — см. письмо 133 и примеч. 1 к нему, письма 135 и 137.

На V Передвижной выставке экспонировались два из них: портрет Д. В. Григоровича и портрет Я. П. Полонского.

150

[1] Письмо ошибочно датировано «13(25) июня» в книге «И. Н. Крамской. Его жизнь, переписка и художественно-критические статьи». СПБ, 1888, стр. 289, и в книге: И. Н. Крамской. Письма, т. II, 1937, стр. 26. Оно является ответом на письмо Третьякова от 23 июня 1876 г.

[2] Неизвестно, какой итальянской книгой интересовался Крамской. Следует полагать, что он надеялся найти в ней сведения, необходимые ему для работы над картиной «Радуйся, царю иудейский» («Хохот»), ради которой была предпринята им поездка за границу.

[3] См. письмо 108 и примеч. 3 к нему, письмо 109 и примеч. 2 к нему.

[4] Крамской имеет в виду импрессионизм — течение, проявившееся с наибольшей силой во французском искусстве 70—90-х гг. прошлого столетия и знаменовавшее собою кризис буржуазной идеологии, отход искусства от реализма. Организовав свою первую выставку в 1874 г., импрессионисты выступили как оппозиционеры по отношению к официальному салонному искусству, что утвердило за ними репутацию новаторов. В этом смысле понимает их деятельность Крамской, когда говорит о ней как о деятельности «оригинальной», «самостоятельной». Однако, как художник-реалист, Крамской тут же отмечает свойственную импрессионистам манерность, наивность, а по существу, внутреннюю опустошенность творчества.

[5] Тропинин Василий Андреевич (1776—1857) — портретист. Всем характером своего творчества предвещал расцвет реалистической русской живописи во второй половине XIX в., который получил свое наиболее яркое выражение в деятельности Московской школы, развивавшейся вне традиций, культивируемых в это время Академией. Рассматривая таким образом роль и значение Тропинина в русском искусстве XIX в., Крамской упоминает его имя, как имя художника-новатора, отдавая при этом предпочтение новаторству такого рода по сравнению с «новаторством» импрессионистов.

[6] «Пасечник» — произведение Крамского, экспонировавшееся на III Передвижной выставке. Было приобретено К. Т. Солдатенковым, находилось в московском Румянцевском музее. В настоящее время принадлежит Третьяковской галлерее.

151

[1] Крамской пишет об опубликованных материалах расследования обстоятельств жестокой резни, учиненной турецкими властями в Болга-

рии во время подавления народного восстания в апреле 1876 г. Турецкие власти действовали при поощрении английского консервативного кабинета Дизраэли, по прямому указанию британского посла в Константинополе Генри Эллиота. Когда материалы следствия стали известны в Англии, некоторые члены парламента внесли запрос премьер-министру Дизраэли; последний пытался представить «болгарские ужасы», как «внутреннее дело Турции», но под напором общественного мнения должен был потребовать от Турции немедленного проведения реформ в ее европейских провинциях.

[2] Гяуры — презрительное наименование, дававшееся турками всем лицам, не принадлежащим к магометанскому вероисповеданию, в особенности христианам.

[3] Крамской неправильно оценивает политику русского правительства. Последнее, в отличие от правительств Великобритании, Австро-Венгрии, Германии и др., неоднократно выступало инициатором коренных улучшений участи балканских славян, еще находившихся под турецким игом. В 1875 г. русское правительство предлагало дать автономию Боснии и Герцеговине, но против этого выступила Австро-Венгрия и Германия. Крамской, как и многие представители прогрессивной русской общественности, упрекал правительство за бездействие, не учитывая напряженности международной обстановки, крайне враждебного отношения европейских держав к России, а также экономических затруднений в стране и неготовность армии. При этих условиях русское правительство вынуждено было действовать очень осторожно, ограничиваясь лишь дипломатическим воздействием на Турцию, так как вооруженное вмешательство, которого требовало русское общество, могло привести к войне также с Англией и Австро-Венгрией.

[4] Крамской, повидимому, имеет в виду нейтралитет России во время франко-прусской войны, за который русское правительство не потребовало от Пруссии никакой «компенсации».

152

[1] Третьяков имеет в виду портреты популярных в то время предводителей восстания в Герцеговине — Пеко Павловича, Луки Петковича, Михаила Любибратича.

[2] Дизраэли Бенджамин (1804—1881), лорд Биконсфильд — английский государственный деятель, выражавший интересы крупной колониальной буржуазии. Лидер консервативной партии. Активный противник России и балканских народов. Инициатор реакционных постановлений Берлинского конгресса в отношении Болгарии.

[3] Андраши Дьюла (1823—1890) — министр иностранных дел Австро-Венгрии в 1870-х гг. Отражал интересы мадьярских помещиков и буржуазии. Придерживался агрессивной политики в отношении балканских стран. Сторонник антирусского австро-германского соглашения 1879 г., инициатором которого являлся Бисмарк.

[4] Об иллюстрациях Крамского к произведениям Н. В. Гоголя см. письмо 20 и примеч. 1 к нему.

[5] Третьяков вспоминает о пребывании М. М. Антокольского в Москве с декабря 1874 г. до начала марта 1875 г. в связи с работой над эскизом памятника А. С. Пушкину. Эскиз этот, представленный Антокольским, не был утвержден комиссией. О памятнике А. С. Пушкину в Москве — см. примеч. 2 к письму 118 и примеч. 3 к письму 290.

[6] Ярошенко Николай Александрович (1846—1898) — портретист,

жанрист, пейзажист. Один из наиболее активных деятелей Товарищества передвижных художественных выставок.

[7] Третьяков цитирует фразу из письма к нему П. П. Чистякова от 23 июня 1876 г. (Отдел рукописей Третьяковской галлереи).

153

[1] Третьяков имеет в виду Берлинский меморандум России, Германии и Австро-Венгрии по восточному вопросу от 30 апреля (12 мая) 1876 г., к которому присоединились Франция и Италия. Меморандум требовал временного прекращения военных действий в Боснии и Герцеговине и открытия переговоров Турции с вождями восставших. Однако реакционное консервативное правительство Англии, возглавляемое Дизраэли, отказалось присоединиться к предложениям меморандума и выступило с поддержкой политики Турции в отношении балканских славян.

[2] Игнатьев Николай Павлович (1832—1908). С 1864 г. до начала русско-турецкой войны (1877) состоял руским послом в Константинополе, пользовался влиянием при дворе султана.

[3] Под «пассивностью» турок Третьяков подразумевает, повидимому, полное подчинение турецких правителей воле Англии, которая помогала им вести войну против Сербии и Черногории, готовила Турцию к войне против России, снабжая турецкую армию новейшим вооружением, посылая в Турцию своих военных инструкторов, инженеров-саперов и строителей крепостных сооружений. Австро-Венгрия готовилась к захвату Боснии и Герцеговины. Третьяков ошибочно упоминает здесь наряду с англичанами, австрийцами и венграми греков и армян. В этот период они не играли никакой роли в политике Турции. О роли России в славянском вопросе см. примеч. 3 к письму 151.

[4] Третьяков имеет в виду двадцатилетний перерыв между Крымской войной и событиями 1875—1876 гг.

[5] Сербско-турецкой войны,. которая началась 30 июня 1876 г.

[6] Черняев Михаил Григорьевич (1828—1898) — военный деятель авантюристического склада. Член петербургского отдела Московского славянского благотворительного комитета. Весной 1876 г. уехал в Сербию, где возглавил сербскую армию в период сербско-турецкой войны. Действия его как главнокомандующего были неудачны и привели к разгрому сербской армии осенью 1876 г.

[7] Третьяков имеет в виду Московский славянский благотворительный комитет, основанный в 1858 г. братьями Аксаковыми, М. П. Погодиным и др. Являлся панславистской организацией, тесно связанной с придворными кругами. Во время сербско-турецкой и русско-турецкой войн Славянский комитет развернул широкую агитацию за посылку добровольцев в Сербию, за оказание помощи балканским славянам.

[8] Трепов Федор Федорович (1803—1889) — генерал-адъютант, оберполицмейстер (с 1866 г.) Петербурга. Вел жестокую борьбу с революционным движением. В 1878 г. на него было совершено покушение В. И. Засулич.

[9] Штиглиц Александр Людвигович (1814—1884) — придворный банкир, впоследствии первый управляющий государственным банком в России. Обладал огромными средствами. Основатель Центрального училища технического рисования в Петербурге с богатым художественно-промышленным музеем при нем и библиотекой (ныне — Высшее художественно-промышленное училище).

[10] В 1876 г. в России был выпущен 6% сербский заем, распространявшийся банкирскими конторами Москвы, Петербурга и других городов.

[11] Третьяков подразумевает готовность, которую обнаружили немцы к началу франко-прусской войны 1870 г., и полную неготовность к военным действиям, которую проявила тогда же Франция.

[12] Т. е. у наследника, впоследствии Александра III.

[13] Аксаков Иван Сергеевич (1823—1886) публицист, один из виднейших деятелей славянофильства, принимал активное участие в создании и затем в деятельности Московского славянского благотворительного комитета. В 1878 г. за речь, в которой он подверг резкой критике позиции русской дипломатии на Берлинском конгрессе, Аксаков был временно выслан из Москвы (см. письмо 242 и примеч. 2 к нему).

По окончании русско-турецкой войны в публицистической деятельности Аксакова получили более яркое выражение националистические тенденции, свойственные ему и ранее. На этой почве имело место затем его сближение с обер-прокурором синода К. П. Победоносцевым, олицетворявшим собою силы самой жестокой дворянско-крепостнической реакции в 80—90-х гг. XIX столетия.

Повидимому, Третьяков ошибочно называет речью Аксакова на экстренном заседании Славянского комитета воззвание этого комитета, распространявшееся в июне 1876 г. Проект этого воззвания принадлежал Аксакову. Оно было обнародовано под непосредственным впечатлением событий, разыгравшихся к этому времени в Болгарии, и ратовало за объединение славян в борьбе, которая призвана решить дальнейшую судьбу славянских народов.

Кратко характеризовалось в нем и отношение западноевропейских держав к балканским событиям: «В то время как английское министерство,— писал Аксаков,— одушевляет Турцию нравственною и материальною поддержкой, а Австро-Венгрия как бы железной стеной по всей своей обширной границе ограждает Турцию от провоза к воюющим славянам оружия и хлеба, остальные западноевропейские державы присутствуют безучастно при неравном, убийственном споре, готовые вырвать плод победы у христиан...» (И. С. Аксаков. Собрание сочинений, т. I, М., 1886, стр. 216).

154

[1] Размеры мастерской, которую подыскивал для себя Крамской, были обусловлены размером холста для картины «Радуйся, царю иудейский» («Хохот»), над которой художник намеревался работать в Париже. Размер этой неоконченной картины, находящейся в Русском музее,— 373 × 501.

[2] Бисмарк Отто фон Шенгаузен (1815—1898) — государственный деятель Пруссии и Германии, ярый приверженец монархии; с образованием Германской империи (1871) занял пост рейхсканцлера. Один из организаторов военной интервенции против Парижской коммуны 1871 г. В период восточного кризиса 1875—1877 гг. стремился столкнуть интересы России с интересами Англии, а также Австро-Венгрии на Балканах и втянуть русских в войну против Турции. Уже тогда проявил себя приверженцем союза Германии с Австро-Венгрией, который впоследствии послужил, по определению И. В. Сталина, «...одной из основ будущей империалистической войны» (И. В. Сталин. Соч., т. 7, стр. 274).

[3] В августе 1876 г. в Турции произошел дворцовый переворот, в результате которого с престола был свергнут султан Мурад V. Его место занял султан Абдул-Хамид II.

[4] Финансовая реформа, проведенная в Турции, связанная с выпуском в июле 1876 г. бумажных денег.

[5] Окончена комедия (латинск.).

[6] М. М. Антокольский находился в это время в России, у себя на родине в г. Вильно.

[7] Ковалевский Павел Осипович (1843—1903) — баталист и жанрист. Упоминаемая Крамским картина «Раскопки в окрестностях Рима» была исполнена им в 1876 г. в Риме. За эту картину, приобретенную тогда же Академией художеств, был удостоен звания академика. В настоящее время картина находится в Русском музее.

[8] «Садко в подводном царстве».

156

[1] На маневрах в Красном Селе в июле 1876 г. Александр II, обращаясь к офицерам, сказал, что он не собирается воевать, но, надеется на армию, если будет задета честь страны.

[2] Антокольский находился в это время в Вильно, на пути из России в Рим.

[3] Картина Поленова «Право господина» (см. письмо 149 и примеч. 1 к нему).

157

[1] Третьяков вспоминает свою встречу с Верещагиным в Мюнхене в 1872 г. (см. примеч. 1 к письму 73).

[2] Третьяков имеет в виду Л. М. Жемчужникова, которому он передал векселя, выданные им ранее на имя А. К. Гейнса. 6 мая 1876 г. Верещагин просил Стасова известить Жемчужникова о том, что ему нужны деньги. Жемчужников задержал отсылку их. Это вызвало опасения Верещагина в том, что он может лишиться своих денег. 9/21 августа 1876 г. Верещагин обратился с резким письмом к Жемчужникову, намереваясь официально обжаловать его поведение. Однако вскоре затем, в конце сентября, Жемчужников возвратил Верещагину деньги.

[3] Русско-турецкой войны, начавшейся в апреле 1877 г.

[4] 30 августа 1876 г. из Москвы в Сербию было отправлено знамя, сделанное по образцу хоругви, перед которой молился Дмитрий Донской на Куликовом поле. На банте знамени, завязанном из лент сербских национальных цветов, имелась надпись: «От русских людей славянскому воинству».

[5] Хлудов Иван Алексеевич (1839—1868) — купец, отличавшийся исключительной предприимчивостью в торговых делах. С присоединением к России Туркестанского края, в период пребывания там генерала М. Г. Черняева, принимал участие в установлении торговых связей с Востоком.

[6] В сентябре 1876 г. в целях поднятия настроения сербов Черняев провозгласил сербского князя Милана королем, что не было, однако, признано ни одной державой Европы. Сербия стала королевством лишь с 1882 г.

[7] Крамской имеет в виду одобрительные отзывы суворинской газеты «Новое время» по поводу провозглашения Черняевым князя Милана королем.

158

[1] Фадеев Ростислав Андреевич (1824—1883) — генерал-майор, военный писатель и публицист реакционного направления. Активный деятель панславистского движения. В 1869 г. издал брошюру под названием «Мнение о восточном вопросе».

159

[1] О политике русского правительства в славянском вопросе и об оценке ее Крамским см. примеч. 3 к письму 151.

[2] Т. е. оттисков, сделанных вслед за первыми пробными оттисками, до обозначения на доске имени художника, названия сюжета, имени издателя и т. п.

160

[1] Т. е. предыдущего письма от 5/17 октября 1876 г.

[2] Крамской имеет в виду свою первую поездку за границу (см. письмо 1 и примеч. 2 к нему).

[3] Крамской сообщает о смерти своего сына Марка.

161

[1] Овденко (Авденко) Савва Григорьевич (1820—1881) — доверенный Третьякова в Париже.

[2] Беллоли Андрей Францевич (1820—1881) — портретист и декоративный живописец.

На выставке преобладали этюды обнаженной натуры, варианты неоднократно исполнявшейся художником картины «Купальщица» и т. п.

[3] Жене Крамского.

[4] Коля, Толя, Марочка — сыновья Крамского. О смерти последнего из них Крамской писал Третьякову в письме от 30 октября — 10 ноября 1876 г. (письмо 160).

[5] Процесс, связанный с различными злоупотреблениями, обнаруженными в Московском коммерческом ссудном банке.

[6] Третьяков имел в виду 50 экз. офорта Крамского с портрета наследника.

162

[1] Пейзаж Ф. А. Васильева «В крымских горах», приобретенный в свое время С. М. Третьяковым, находящийся в Третьяковской галлерее (см. письмо 44 и примеч. 3 к нему, письмо 46).

[2] Т. е. первоначальный экземпляр, исполненный автором в глине.

[3] Гупиль — торговец картинами и эстампами в Париже, комиссионер.

163

[1] Василия Михайловича Бостанджогло (1826—1876) — близкого друга семьи Третьяковых.

164

[1] Третьяков имеет в виду начало работы Крамского над картиной «Радуйся, царю иудейский» («Хохот»).

[2] Фон-Мекки, Дервизы — представители богатых дворянских родов, в прошлом — выходцы из Германии. Третьяков имеет в виду К. Ф. Мекк (1821—1875), инженера путей сообщения, строителя железных дорог, и П. Г. Дервиза (1826—1881), крупного железнодорожного концессионера.

[3] Сергея Михайловича Третьякова.

166

[1] Письмо, в котором Крамской просил Третьякова прислать в Париж некоторые его произведения, не найдено.

[2] Крамской предполагал экспонировать свои картины в «Салоне» 1877 г.

[3] Монохромные портреты Ф. А. Васильева и М. М. Антокольского, которые Крамской предполагал экспонировать в Париже на выставке акварелей и рисунков.

[4] Ковалевский Павел Осипович. Третьяков приобрел по совету Крамского его картину «Встреча».

[5] Крамской просил Третьякова выслать ему в Париж портрет В. Н. Третьяковой и платье, в котором она изображена на портрете, для того чтобы внести поправки в портрет и закончить его.

[6] Портрет Д. В. Григоровича работы Крамского.

167

[1] Портреты И. А. Гончарова, И. И. Шишкина, Ф. А. Васильева, М. М. Антокольского, В. Н. Третьяковой и «Полесовщик» («Лесник») — произведения Крамского, которые Третьяков по просьбе художника направлял к нему в Париж.

168

[1] Младший сын Крамского — Иван, родившийся в феврале 1875 г., умерший в марте 1879 г.

[2] Телеграмма не найдена.

1877

169

[1] «Созерцатель» — произведение Крамского, находящееся в настоящее время в Киевском музее русского искусства (см. письмо 174 и примеч. 1 к нему).

[2] Александровский Степан Федорович (1842—1906) — портретист, акварелист. В 1876 г. он исполнил по заказу Третьякова портрет поэта Ф. А. Тютчева с фотографии. Третьяков нашел его не вполне удачным.

Крамской принял ближайшее участие в исправлении портрета (см. об этом письмо 171).

[3] Произведения Крамского, посланные Третьяковым в Париж и возвращенные с пути, из Варшавы, ввиду возвращения самого Крамского в Россию.

[4] Упоминаемая Третьяковым вырезка из газеты не найдена.

170

[1] О портрете поэта А. В. Кольцова — см. примеч. 1 к письму 12.

171

[1] Речь идет о портрете Антона Григорьевича Рубинштейна (1829—1894), выдающегося пианиста, дирижера, композитора, деятеля Русского музыкального общества, возглавившего в 1860 г. «Музыкальные классы», на основе которых в 1862 г. возникла первая в России Петербургская консерватория.

Портрет был осуществлен в 1885—1887 гг.

Третьяков в 1881 г. приобрел портрет выдающегося музыканта, исполненный Репиным. Портрет работы Крамского был приобретен Петербургской консерваторией, где находится и в настоящее время.

[2] Салтыков-Щедрин Михаил Евграфович (1826—1889). Получив в январе 1877 г. от Третьякова заказ на исполнение портрета писателя, Крамской закончил его, однако, лишь в 1879 г. (о портретах Салтыкова-Щедрина см. письмо 180 и примеч. 2 к нему).

[3] Некрасов Николай Алексеевич (1821—1877). Крамским были исполнены тогда же, в 1877 г., два портрета поэта, находящиеся в Третьяковской галлерее (о портретах Некрасова — см. письма 174, 180 и примеч. 1 к нему, 183 и примеч. 1, 2 к нему, 185).

172

[1] Третьяков торопит Крамского «успеть написать» портрет Некрасова с натуры, так как Некрасов был в это время смертельно болен.

173

[1] Дациаро И. А., Осберг Ю. Р., Беккерс К. А., Аванцо А.— комиссионеры, владельцы магазинов художественных принадлежностей, картин и эстампов в Москве и Петербурге.

[2] Третьяков пишет о произведении Крамского «Созерцатель» (см. письмо 174 и примеч. 1 к нему).

[3] См. письмо 174 и примеч. 2 к нему.

[4] Годичное собрание Общества любителей художеств было назначено на 16 января 1877 г. В повестке дня его значилось чтение отчета и выборы председателя Общества, членов комитета, секретаря и товарища секретаря. Однако выборы не состоялись, вследствие чего было назначено вторичное экстренное собрание Общества на 30 января 1877 г. 23 января 1877 г. Н. А. Александров под псевдонимом «Скромный наблюдатель» опубликовал в газете «Русские ведомости» (№ 21) фельетон под общим заголовком «Наблюдения и заметки», в котором информировал читателей о годичном собрании Общества. Информация его отличалась грубыми выпадами против председателя Общества А. С. Уварова. 13 февраля 1877 г. в той же газете (№ 38) Александров под тем же псевдонимом опубликовал информацию о вторичном экстренном собрании Общества, высказываясь на этот раз столь же резко и по адресу вновь избранного секретаря Общества В. М. Петрово-Соловово.

В целях опровержения различных толков и слухов по поводу обстоятельств, при которых происходили выборы, в газете «Московские ведомости» (№ 39, 15 февраля 1877 г.) был опубликован официальный протокол собрания. Из текста протокола явствует, что большинством голосов на годичном собрании Общества председателем его был избран П. М. Третьяков, отсутствовавший на собрании. Уваров информировал собрание о том, что еще ранее, в частной беседе с ним, Третьяков отказался от поста председателя Общества, и предложил утвердить на этом посту А. В. Станкевича, получившего следующее после Третьякова большинство голосов. Ввиду отсутствия среди находившихся на собрании единогласия по этому поводу А. В. Станкевич отказался от предложенного ему звания. Годичное собрание было закрыто и в результате экстренного собрания Общества, состоявшегося 30 января 1877 г., избранным на пост председателя оказался Д. П. Боткин, на пост секретаря — В. М. Петрово-Соловово. В члены комитета Общества были избраны: П. М. Третьяков, А. В. Станкевич, И. М. Матвеев, П. Д. Ахлестышев, С. Н. Мосолов, А. Н. Голяшкин и художники П. М. Шмельков, В. О. Шервуд, Н. Е. Рачков.

174

[1] Еще в начале своей творческой деятельности, на первых Передвижных выставках, Крамской экспонировал несколько этюдов крестьян.

Крестьянская тема являлась одной из самых распространенных в творчестве передвижников, что составляло сильнейшую его сторону. В творчестве Крамского она нашла своеобразное и вместе с тем вполне последовательное для него решение. Он и в данном случае выбрал путь портретиста, сосредоточив все свое внимание на психологической характеристике образов, стремясь показать особенности национального характера и психологии русского крестьянина.

Картина «Созерцатель» изображала крестьянина, идущего по запорошенной снегом лесной тропинке, между торчащих по обе стороны ее оголенных деревьев и кустов. В рваной, обтрепанной одежде, в разорванных лаптях, с мешком для подаяния, съежившись от холода, он идет, не заме-

чая того, что снег запорошил все складки его одежды. Вопреки конкретной, жизнеутверждающей характеристике, которая свойственна была портретам Крамского, изображающим людей из народа, художник подчеркнул в облике данного крестьянина черты своеобразной экзальтации, отрешенность от окружающего его мира.

Произведение это не удовлетворяло самого художника. Третьяков же, рассматривая Крамского как художника-психолога, настаивал на том, что содержание произведения должно быть раскрыто не при помощи внешних атрибутов (снег и т. п.), которые «ослабляют», как он писал, «впечатление экспрессии лица», но средствами психологической выразительности.

Справедливость замечания Третьякова Крамской не мог игнорировать.

Законченное в 1876 г., это произведение долго оставалось в мастерской художника и лишь в 1878 г. было показано им на VI Передвижной выставке. Тогда же его приобрел киевский коллекционер Ф. А. Терещенко. В настоящее время «Созерцатель» находится в Киевском государственном музее русского искусства.

[2] Петербургский художественный клуб, помещавшийся в Троицком переулке, был закрыт 10 февраля 1874 г. В ряде столичных газет публиковалась по этому поводу следующая заметка: «Петербургский градоначальник генерал-адъютант Трепов объявляет во всеобщее сведение, что по распоряжению высшего начальства клуб художников закрыт для публики с 10-го февраля» («Голос» № 43, 12 февраля, 1877 г. Хроника).

Крамской сожалеет о том, что самый факт закрытия клуба по распоряжению «высшего начальства» создаст ему репутацию передовой организации, вовсе не соответствующую характеру его деятельности, сводившейся, в основном, к различного рода развлекательным мероприятиям, вечерам, спектаклям и т. п.

[3] См. письмо 92.

175

[1] Самарин Юрий Федорович (1819—1876) — общественный деятель, публицист славянофильского направления. С 1866 г. состоял гласным Московской городской думы и Московского губернского земского собрания.

Крамской исполнил три портрета Ю. Ф. Самарина с фотографий: в 1877 г. для Московской городской думы, в 1878 г. — для Третьякова и в 1879 г. — для семьи Самарина. Первый из них находится в настоящее время в Историческом музее в Москве, второй — в Третьяковской галлерее, третий — в Литературном музее в Москве.

[2] Бронников Федор Андреевич (1827—1902) — исторический живописец, жанрист.

Картина «Освящение Гермеса» была приобретена Третьяковым в 1877 г.

178

[1] Боткин Сергей Петрович (1832—1889) — профессор Медико-хирургической академии, ученый-материалист, врач-общественник. Имя его присвоено больницам в Ленинграде и в Москве.

В 1880 г. Крамской исполнил портрет С. П. Боткина, экспонировавшийся на IX Передвижной выставке 1881 г. В настоящее время портрет находится в частном собрании в Москве. Повторение (копия?) портрета принадлежит больнице имени С. П. Боткина в Москве.

[2] Посмертная выставка произведений К. Ф. Гуна была организована Товариществом передвижных художественных выставок в 1878 г., при VI выставке Товарищества.

179

[1] Крамской исполнил в 1877 г. два портрета имп. Марии Александровны.

[2] Третьяков сомневается, что до начала работы над картиной «Радуйся, царю иудейский» («Хохот») Крамской успеет закончить ряд начатых портретов и исполнить портреты С. Т. Аксакова, А. К. Толстого и А. Г. Рубинштейна, которые Третьяков хотел получить для своего собрания.

180

[1] Портрет Некрасова, который Крамской предполагал закончить на следующий день после написания комментируемого письма, является известным погрудным портретом поэта, на котором он изображен со сложенными на груди руками.

Известны две копии с него, исполненные учеником И. Н. Крамского — М. Л. Щербатовым, пройденные затем Крамским. Одна из них находится в мемориальном музее Н. А. Некрасова в Ленинграде, вторая — в мемориальном музее Н. А. Некрасова в селе Карабиха, Ярославской области.

[2] Слова Крамского относительно рук писателя находятся в прямой связи с высказанным ранее пожеланием Третьякова, который считал, что портрет Салтыкова «следовало бы писать с руками» (см. письмо 172). Из комментируемого письма очевидно, что портрет, который Крамской считал «почти конченным» (см. письмо 176), был подвергнут серьезной переработке. Известно, что она сильно затянулась и портрет был экспонирован лишь на VII Передвижной выставке 1879 г., после чего, наконец, перешел к Третьякову. Однако вопреки описанию Крамского, писатель на этом портрете изображен сидя, опираясь локтем левой руки на стол. Имеем ли мы в данном случае самый первоначальный вариант портрета или, напротив, третий (если таковой был), восстанавливающий то, что было записано или срезано на втором варианте,— неясно. Достоверно, что, кроме этого портрета, находящегося в Третьяковской галлерее, существует еще один, находящийся в Ленинградском институте истории литературы Академии наук СССР, который дает погрудное изображение писателя, но также не соответствует предполагаемому варианту, так как писатель изображен на нем «без рук».

Для уточнения истории создания щедринских портретов, а также для характеристики отношения великого сатирика к художнику, портретировавшему его, следует иметь в виду несколько строк, написанных Салтыковым-Щедриным в связи со смертью Крамского Н. А. Белоголовому—врачу, лечившему Крамского и находившемуся с ним в дружеских отношениях. «С Крамским вы, кажется, были близки, и его очень жаль, хотя лично я его почти не знал. Он двукратно снимал с меня портреты по заказам... Во всяком случае это был человек с талантом, имел вкус и чувство меры, а этим обладают немногие из наших живописцев» (М. Е. Салтыков-Щедрин. Собрание сочинений, т. 20, М., 1937, стр. 282).

Кроме погрудного портрета Салтыкова-Щедрина, находящегося в Институте истории литературы Академии наук СССР, там же имеется повторение портрета, находящегося в Третьяковской галлерее.

[3] Прахов Адриан Викторович (1846—1916) — историк искусства, археолог, художественный критик.

Состоял профессором Петербургского, а затем Киевского университетов, читал лекции по истории искусств в Академии художеств. Редактировал журналы «Пчела» и «Художественные сокровища России».

В 1880-х гг. руководил художественной отделкой строившегося в Киеве Владимирского собора.

В 1878 г. Прахов был отстранен от преподавания в Академии художеств в связи с тем, что в своих статьях в журнале «Пчела», посвященных обзору текущих художественных выставок, выразил свои симпатии к современному русскому реалистическому искусству и подверг критике искусство академического направления.

Крамской относился к Прахову с некоторой настороженностью, не усматривая в нем последовательного приверженца реализма. Тем более оценил он статью А. В. Прахова, опубликованную в журнале «Пчела» 1877 г., № 13 под названием «Выставка картины г. Семирадского «Светочи христианства».

В статье этой Прахов, между прочим, писал: «...нельзя извинить и исправить внутренней пустоты и холодности и неподвижности, которыми проникнута как вся композиция, так и каждое отдельное лицо и весь эффект колорита».

181

[1] Портрет С. Т. Аксакова, исполненный В. Г. Перовым с фотографии в 1872 г., находится в Саратовском художественном музее им. А. Н. Радищева.

183

[1] Здесь Крамским сделан набросок портрета в соответствии с описанием его, которое дано в тексте письма.

[2] И набросок и текст, сопровождающий его, свидетельствуют о том, что Крамской проявляет настойчивость в осуществлении портрета Некрасова в соответствии с первоначальным замыслом, который в свое время был отклонен близкими и родными поэта (см. письмо 174). Однако созданный Крамским портрет больного Некрасова существенно отличается от приведенного в данном письме описания. Подготовительные наброски для портрета свидетельствуют о том, что художник находился в затруднении более всего в отношении самой фигуры поэта. Это, естественно, наталкивает на мысль, что он не имел возможности писать ее с натуры. Эти же наброски свидетельствуют о том, что художник первоначально не собирался изображать поэта пишущим. Быть может, именно то обстоятельство, что последние дни Некрасова были озарены такой силой вдохновения, которая позволила ему создать «Последние песни», заставило художника в конце концов по-иному раскрыть образ поэта. Не случайно вырывается из уст Крамского столь восторженный отзыв об одном из предсмертных стихотворений Некрасова, не случайно и в само название портрета — «Некрасов в период «Последних песен» — введено название последнего сборника его стихов.

Все изменения замысла в процессе работы вели к тому, чтобы возможно ярче очертить облик Некрасова как поэта, как «певца гражданской скорби».

Шкаф с оружием, который художник предполагал поместить над постелью больного, оказался замененным бюстом Белинского. Тем самым подчеркивалось значение идейных заветов великого критика для творческой деятельности Некрасова. На стене рядом изображены два портрета; на одном из них мы узнаем Добролюбова. Из произведения, созданного Крамским, ушло все, что могло бы усилить характеристику

Некрасова в личном, бытовом плане. В то же время в портрет оказалось введенным то, что помогает осознать его духовный облик, неувядаемое значение его поэзии.

Авторская дата, имеющаяся на этом портрете,— «3 марта 1877» — должна быть принята условно, лишь как возможная дата окончания того фрагмента портрета, который был написан художником с натуры. Небезинтересно, что она совпадает с датой написания Некрасовым стихотворения «Баюшки-баю», которым Крамской так восторгается в комментируемом письме.

Следы истории создания портрета хранит его холст, испещренный швами. Очевидно, что голова поэта, написанная на маленьком отрезке холста, вшитом в основной холст, представляет собою ту часть работы, которую Крамской делал с натуры (см. письмо 174). Форма этого отрезка соответствует форме другого отрезка, вшитого в нижнюю часть основного холста. Изменив композицию портрета, художник, естественно, дорожил фрагментом, исполненным с натуры. Это побудило его, сохранив написанную с натуры голову поэта, перенести ее в то место холста, где она должна быть в соответствии с окончательным вариантом портрета.

184

[1] Третьяков интересуется конкурсом в Обществе поощрения художников, секретарем которого был Д. В. Григорович.

185

[1] Русско-турецкой войны, которая началась в апреле 1877 г.

[2] Третьяков ссылается на публиковавшуюся в газете «Голос» (№№ 101, 102, 13 и 14 апреля 1877 г.) статью «С кем нам воевать», автором которой являлся Марков Евгений Львович (1835—1903), писатель и критик умеренно-либерального направления, впоследствии придерживавшийся консервативных взглядов.

Упоминаемая статья была написана в либерально-оппозиционном духе, свойственном газете «Голос» во второй половине 1870-х гг. в вопросах оценки внутреннего положения России в связи с русско-турецкой войной. Автор статьи обличал бюрократизм, злоупотребления, имевшие место в интендантстве. Он вспоминал факты подобных злоупотреблений во время Крымской войны и утверждал, что они были одной из существенных причин поражения, которое понесла тогда Россия.

Требуя внедрения общественного контроля в различные области государственной деятельности, обращая особое внимание на контроль за исполнением государственного бюджета, он своей статьей наталкивал на мысль о том, что Россия должна повести решительную войну против бюрократизма, который подрывает основы ее жизни.

В связи с опубликованием этой статьи издание газеты «Голос» было приостановлено цензурой на два месяца.

Считая статью Маркова несколько запоздавшей, Третьяков полагал, что справедливые, с его точки зрения, критические положения статьи не встретят должной оценки в дни патриотического подъема, связанного с объявлением русско-турецкой войны.

188

[1] В. М. Максимов исполнял копию со своей картины «Семейный раздел», находившейся на V Передвижной выставке и приобретенной П. М. Третьяковым.

189

[1] Оболенский Димитрий Александрович (1822—1881). Автор книги «Хроника недавней старины» (СПБ, 1870) и статей в журналах «Русская старина», «Русский архив» и др. Был близок к славянофилам. В 1878 г. Крамской исполнил его портрет.

190

[1] К письму приложена записка И. Г. Дьяговченко, в которой он пишет, что с особым удовольствием исполнит желание Третьякова и Крамского относительно фотографии Самарина.

На обороте записки рукой Третьякова написано: «Максимов не мог сегодня выехать и потому посылаю с почтой.

П. Тр.».

191

[1] Письмо ошибочно датировано «17 июля» в книге «И. Н. Крамской. Его жизнь, переписка и художественно-критические статьи», СПБ, 1888, стр. 336, и в книге: И. Н. Крамской. Письма, т. II, 1937, стр. 86. Письмо Третьякова от 25 июня 1877 г. является ответом на него.

[2] Крамской имеет в виду задержку платы за два портрета имп. Марии Александровны, за которые он должен был получить 2000 р.

[3] Крамской считает заказ портрета Самарина заказом для С. М. Третьякова, поскольку портрет исполнялся им для Московской городской думы. С. М. Третьяков был Московским городским головой с 1877 по 1881 год.

192

[1] Т. е. деньги за портрет Самарина для Московской городской думы и за раму для него.

193

[1] Письмо ошибочно датировано «август 1877 г.» в книге «И. Н. Крамской. Его жизнь, переписка и художественно-критические статьи», СПБ, 1888, стр. 358, и в книге: И. Н. Крамской. Письма, т. II, 1937, стр. 112. Письмо Третьякова от 11 июля 1877 г. является ответом на него.

[2] Крамской намеревался совместить поездки в Ораниенбаум с поездками в Петергоф, где жил А. Г. Рубинштейн.

[3] Картина «Пушкин в селе Михайловском» была написана Н. Н. Ге в 1875 г., экспонировалась на IV Передвижной выставке 1875 г. как собственность поэта Н. А. Некрасова. После его смерти она была приобретена харьковским собирателем Б. Н. Филоновым. В настоящее время находится в Харьковском государственном музее изобразительных искусств. Повторение картины принадлежит музею А. С. Пушкина Академии наук СССР.

[4] В. В. Верещагин, выехавший из Парижа через несколько дней после объявления русско-турецкой войны в действующую армию, 8 июня 1877 г. был ранен.

195

[1] Третьяков пишет о временных неудачах русской армии летом 1877 г., явившихся следствием бездарности верховного командования.

Большую роль в этих неудачах сыграло хотя и недолговременное, но значительное численное превосходство турецкой армии, вооруженной англичанами.

[2] Под армянским избиением Третьяков, видимо, имеет в виду жестокую расправу турок с армянами после временного поражения русской армии в июне 1877 г. на Кавказском театре военных действий.

[3] Ловча — укрепленный пункт к югу от Плевны, взятый 5 июля 1877 г. небольшим казачьим отрядом и оставленный русскими войсками 13 июля. Окончательно был взят Скобелевым 22 августа 1877 года.

[4] Плевна — см. письмо 203 и примеч. 3 к нему.

В данном случае Третьяков имеет в виду первый штурм Плевны 20 июля 1877 г., завершившийся, несмотря на героические действия русских солдат, отходом армии от стен крепости под натиском численно превосходившего ее врага.

196

[1] Повидимому, Крамской имеет в виду требования Черняева (см. письмо 153 и примеч. 6 к нему), возвратившегося в 1877 г. из Сербии, назначить его на ответственный пост в действующую армию. Требования эти не были удовлетворены. Черняев был оставлен в Петербурге.

199

[1] Еще в процессе работы над картиной «Христос в пустыне» (см. примеч. 1 к письму 36) Крамской принял решение написать второе большое полотно, в котором получила бы свое дальнейшее развитие идея первого произведения.

Однако по мере углубления в работу им все более овладевало сомнение в успехе, в возможности довести картину до конца.

Следуя фабуле евангельской легенды, художник изобразил момент грубого торжества синедриона над поруганным Христом. В трактовке центральной фигуры возобладали черты обреченности. Произведение приняло глубоко пессимистический характер, не только не отвечая исходным побуждениям автора, но противореча им.

Картина легла тяжелым бременем на плечи художника. В течение пятнадцати лет, составлявших половину его творческого пути, Крамской мечтал о ее завершении. Созданию этой картины он отдал немало сил и времени, отрываясь от работы, в которой проявился его истинный талант художника-реалиста,— от работы в области портрета. Однако эта картина осталась неоконченной, художник не нашел путей к разрешению своих внутренних сомнений.

В настоящее время картина принадлежит Русскому музею.

[2] Т. е. после окончания картины «Христос в пустыне».

201

[1] Первоначально Крамской построил для работы над картиной мастерскую в виде барака на Васильевском острове в саду Павловского воен-

ного училища (угол Университетской набережной и Кадетской, ныне Съездовской линии). Затем он получил возможность работать в здании Михайловского дворца (ныне Русский музей).

В 1880-х гг., построив на ст. Сиверская собственную дачу с обширной мастерской, Крамской перевез туда свою картину, где она и оставалась до конца его жизни.

203

[1] Портрет Ю. Ф. Самарина Крамской повторял для Третьякова (см. примеч. 1 к письму 175) с некоторыми незначительными отступлениями от портрета, исполненного им для Московской городской думы.

[2] Т. е. VI Передвижной выставки, открытие которой состоялось 10 марта 1878 г.

[3] Плевна — город, который в 1877 г., во время русско-турецкой войны был превращен турками в сильнейший укрепленный лагерь. Русские войска трижды терпели тяжелые поражения под Плевной по вине руководства Дунайской армии. В сентябре — ноябре 1877 г. в боях под Плевной русская армия показала пример успешного ведения позиционной войны. После неудачной попытки вырваться из блокады Осман-паша 28 ноября 1877 г. капитулировал вместе со всем плевненским гарнизоном.

[4] Т. е. барак, сооруженный в саду Павловского училища.

204

[1] Сомов Андрей Иванович (1830—1909) — почетный вольный общник Академии художеств (с 1871 г.), был хранителем Эрмитажа. Художественный критик, историк искусства. Редактировал журналы «Вестник изящных искусств» и «Художественные новости», издававшиеся Академией художеств. Автор первого каталога Музея Академии художеств (1872—1874), каталогов Эрмитажа, брошюры о К. П. Брюллове и др. Был назначен председателем комиссии по организации русского художественного отдела на Парижской всемирной выставке 1878 г. Членами комиссии были: профессора В. И. Якоби, А. Р. фон-Бок, В. П. Верещагин, Н. А. Лаверецкий, академик В. В. Алексеев, Л. М. Матушинский и конференц-секретарь Академии П. Ф. Исеев.

205

[1] В ответ на обращение, разосланное комиссией по организации Парижской выставки, Крамской еще 6 апреля 1877 г. писал Сомову, что почтет обязательным для себя решение специальной, компетентной комиссии. «Но чтобы не оставлять без ответа обращенный ко мне любезный вопрос комиссии,— писал тогда Крамской,— я могу указать только на портрет нашего известного пейзажиста И. И. Шишкина, как на произведение, имеющее, сравнительно, меньше недостатков, чем масса других моих работ... Портрет находится в галлерее П. М. Третьякова в Москве» (ЦГИАЛ. Фонд Академии художеств).

[2] Крамской отсылал И. Е. Репину его портрет своей работы, исполненный им в 1876 г. в Париже.

Портрет этот был в 1906 г. приобретен Советом Третьяковской галлереи, где находится в настоящее время.

[1] Крамской пишет о своей статье «Судьбы русского искусства», три главы которой, законченные им в декабре 1877 г., были опубликованы в газете «Новое время», №№ 645, 646 и 647, 13, 14 и 15 декабря.

В 1880 г. была написана им еще одна, четвертая, глава этой работы и в 1882 г.— последняя, пятая, глава. Эти две главы не были в свое время опубликованы. Полностью статья приведена лишь В. В. Стасовым в книге: «И. Н. Крамской. Его жизнь, переписка и художественно-критические статьи», СПБ, 1888, стр. 595—639. Последняя глава снабжена в этом издании примечанием редакции: «Настоящая статья написана в 1882 г. и осталась ненапечатанною, но была представлена в виде «Записки» одному высшему должностному лицу».

В первых трех главах статьи, опубликованных в 1877 г., Крамской подвергал критике существовавшую систему академического художественного образования. Эта часть его работы была основана в известной мере на данных автобиографического характера. Он излагал в ней подробности той борьбы с устарелыми методами обучения в Академии, которую в начале 1860-х гг. он сам возглавил, будучи еще учеником. Однако Крамской критиковал в данном случае академическую систему не только как художник, который на себе познал ее отрицательные стороны, но и как художественный деятель, играющий ведущую роль в жизни современного ему искусства. В своих суждениях он основывался в данном случае и на собственной педагогической практике.

Из самого названия, данного им своей статье,— «Судьбы русского искусства» — явствует, что при написании ее автором руководили побуждения глубоко общественного, гражданского характера. Вопрос о системе академического образования он ставил в прямую связь с перспективами дальнейшего развития искусства.

Крамской протестовал против несогласованности в учебных планах Академии научных курсов с занятиями художественной специальностью, вследствие чего «понизился уровень требований к главному предмету». Прекрасно усвоив, несмотря на свою активную борьбу с академической школой в целом, то положительное, что могла ему дать эта школа, и прежде всего высокую технику рисунка, Крамской горячо протестовал против снижения требований в этой области. Он отмечал отсутствие у профессоров Академии обоснованных критериев при оценке ими работ учащихся, все еще продолжающуюся приверженность их к «антике и схоластике»; он снова поднимал вопрос о нецелесообразности утверждения обязательного сюжета программных заданий и т. п., что привело, по его мнению, учеников Академии «к совершенному равнодушию в вопросах о самостоятельном творчестве».

Крамской констатировал, что консервативные тенденции академической системы в 70-х гг. стали еще более устойчивыми, нежели ранее, и не встречают былого сопротивления со стороны самих учащихся. «Ученики же Академии,— писал Крамской,— рядом карательных мер против непокорных и денежных выдач послушным приведены к совершенному равнодушию в самостоятельном творчестве; мало того, я имею основание думать, что если бы теперь, сейчас, попытаться приложить к ним свободу выбора сюжетов, то они оказались бы даже враждебно к ней настроенными, и в лучшем случае — не имеющими представления, куда себя направить».

Крамской высказывал мнение о том, что собственно творческие побуждения учащихся не получают развития, стимулом к завершению обучения остается для них лишь связанное с этим завершением материальное благополучие. Однако он тут же утверждал, что, несмотря на последовательность, с которой Академия стремится отстаивать свои по-

зиции, она не в силах побороть тенденции, имеющие место в самой действительности: прогрессивное, реалистическое искусство, отражающее подлинное национальное своеобразие русской художественной школы, развивается не только вне какой бы то ни было зависимости от Академии, но и вопреки ее воспитательной и учебной деятельности.

Приведя ряд частных примеров в доказательство своих утверждений, Крамской особо останавливался на роли конференц-секретаря в Академии. В данном случае его критические замечания имели в виду деятельность П. Ф. Исеева, занявшего этот пост в 1868 г. Пользуясь особым доверием со стороны «высоких» покровителей учреждения, он осуществлял руководство всей внутренней жизнью Академии вплоть до 1889 г., когда был уличен в злоупотреблениях, отстранен от должности и сослан в Сибирь. Крамской, как и многие другие современные художники, видел в лице Исеева фактического исполнителя всех мероприятий, связанных с наиболее консервативными намерениями академического руководства.

208

[1] Известен предварительный список художников, привлекаемых Академией художеств к участию на Парижской всемирной выставке 1878 г. В нем отсутствуют имена, перечисленные Крамским. «Один из Клодтов» — М. П. Клодт (ЦГИАЛ. Фонд Академии художеств).

[2] Богацкий Николай Тимофеевич — портретист, состоявший вольноприходящим учеником Академии в 1860—1861 гг.

[3] Картина «Приход колдуна на крестьянскую свадьбу», принадлежавшая Третьякову.

[4] В художнике В. И. Якоби передвижники видели своего принципиального противника. В 1870 г. Якоби был одним из учредителей Товарищества передвижных художественных выставок. Но уже 2 января 1872 г. он был, согласно протоколу общего собрания членов Товарищества, исключен из состава организации, как не представивший на выставку ни одного произведения. Вскоре затем он оказался одним из самых активных деятелей возникшего при Академии Общества выставок художественных произведений, которое, используя принципы Товарищества (устройство передвижных выставок, накопление общего материального фонда и т. п.), пыталось вместе с тем противостоять ему. Однако оно просуществовало недолго, несмотря на то, что имело покровителя в лице конференц-секретаря Академии П. Ф. Исеева. Нежизнеспособность этого Общества определялась направлением художественной деятельности его членов, большинство которых оставалось приверженцами искусства, далекого от насущных потребностей своего времени.

Активная роль Якоби в Обществе выставок художественных произведений сблизила его с кругом наиболее консервативных деятелей академической ориентации, в частности с П. Ф. Исеевым, что имело свои последствия. В 1889 г. в связи с отстранением Исеева от должности конференц-секретаря (см. примеч. 1 к письму 207) Якоби был отстранен от должности профессора Академии.

Но в 1870-х гг. он пользовался авторитетом в Академии и был облечен всемерным доверием с ее стороны. Естественно, что передвижники восприняли отрицательно весть об участии Якоби в комиссии по организации русского отдела на Парижской всемирной выставке 1878 г., т. к. не могли видеть в его лице защитника интересов своего объединения.

[5] Матушинский Аполлон Михайлович (1828—1885) — художественный критик, писавший под псевдонимом «Эм». Придерживался умеренно консервативного направления, сотрудничал в газете «Голос», в журналах «Русский вестник», «Вестник изящных искусств» и др.

[6] Решения Товарищества, о которых пишет Крамской, не были доведены до сведения комиссии. Идею организации в Париже отдельного павильона для произведений членов Товарищества Крамской излагал также в письме к А. П. Боголюбову, надеясь, что Боголюбов в Париже найдет возможность организовать самостоятельную экспозицию произведений передвижников на всемирной выставке. Боголюбов 14 января 1878 г. отвечал ему: «...обсуждая этот вопрос с Тургеневым, Антокольским и другими, мы пришли к убеждению сказать Вам, что единое средство — это найти в России капиталиста, который бы пошел на дело так: дал бы на операцию 60 т. фр., на что барак выстроить здесь можно,— другие 20 т. ф. на отправку картин и их застраховку, которые в сумме 80 т. ф. ему возвратятся из входных билетов и, пожалуй, с процентами...» (Архив Русского музея).

Отдельного павильона на Парижской всемирной выставке 1878 г. передвижники не организовали.

[7] Верховный римский бог.

Крамской имеет в виду независимость, с какою обычно держался Верещагин в своих взаимоотношениях с Академией или с художниками, если к нему обращались с предложениями, не отвечавшими его личным художественным интересам.

[8] Верещагин принимал участие на III и IV Передвижных выставках 1874 и 1875 гг. в качестве экспонента.

209

[1] Речь идет о Венской всемирной выставке 1873 г. В. В. Стасов неоднократно обращался в комиссию по организации русского художественного отдела на этой выставке с пожеланиями относительно его состава. Особую настойчивость он проявил в отношении двух произведений, отвергнутых комиссией: «Гостиный двор» И. М. Прянишникова и «Приемная у доктора» В. Е. Маковского. Второе из них было включено в состав экспонатов после его специального письма по этому поводу.

[2] Первоначально Третьяковым было выдано из своего собрания 18 произведений для экспозиции на Парижской всемирной выставке 1878 г.

Перечень этих произведений устанавливается на основании следующей расписки А. И. Сомова.

«От Павла Михайловича Третьякова получены, для отсылки на Парижскую всемирную выставку 1878 года, нижеследующие принадлежащие ему картины, вместе с их рамами:

1. А. Боголюбова, Вид Петербурга. 1000
2. Ф. Васильева, Мокрый луг. 1500
3. Н. Ге, Свидание Петра Великого с царевичем Алексеем. 4000
4. Куинджи, Степь. 1500
5. А. Корзухина, Приезд из города. 500
6. И. Крамского, Майская ночь. 3000
7. Его же, Портрет И. Шишкина. 1000
8. В. Маковского, Казначейство. 900
9. Его же, Изготовление варенья. 300
10. В. Максимова, Колдун на свадьбе. 4000
11. А. Морозова, Сельская школа. 1000
12. Г. Мясоедова, Чтение манифеста. 3000
13. В. Перова, Охотники. 4000
14. А. Саврасова, Грачи прилетели. 600

15. Рачкова, Богаделенка. 200
16. П. Чистякова, Старый боярин. 2000
17. И. Шишкина, Сосновый бор. 2000
18. Прянишникова, Порожняки. 500

31000

Председатель назначенной при императорской Академии художеств Комиссии для устройства отдела русского искусства на Парижской всемирной выставке 1878 года

А. Сомов

Ноября 1877.
Москва».

(Отдел рукописей Третьяковской галлереи.)

210

[1] Крамской сообщает Третьякову о своем личном письме, посланном им в комиссию по организации выставки 21 декабря 1877 г. В этом письме он писал: «...узнав на днях от П. М. Третьякова, как распоряжается комиссия, считаю необходимым выразить, что отрицаю ее компетентность в вопросах художественных ...Я не согласен предстать на всемирную выставку в том виде, в каком угодно комиссии» (ЦГИАЛ. Фонд Академии художеств).

Перечисляя произведения, которыми он хотел бы быть представленным на выставке, Крамской имеет в виду следующие свои работы: «Христос в пустыне» (1872), «Портрет И. А. Гончарова» (1874), «Портрет Д. В. Григоровича» (1876), «Портрет И. И. Шишкина» (1873) (все находятся в Третьяковской галлерее), «Портрет М. М. Антокольского», исполненный в 1876 г. в Париже (Русский музей), «Портрет Ф. А. Васильева» (1871, Третьяковская галлерея), «Полесовщик» (1874, Третьяковская галлерея), «Мельник» («Крестьянин в поярковой шапке», ранее принадлежал Н. М. Орлову; в настоящее время находится в Русском музее) и исполненный им в 1876 г. офорт с портрета наследника.

[2] Т. е. картину «Майская ночь» и портрет И. И. Шишкина (см. примеч. 2 к письму 209).

[3] Т. е. в «Общество поощрения художеств в царстве польском», вице-председателем которого был художник Войцех Герсон, и в «Финляндское художественное общество», которое образовало «Гельсингфорский вспомогательный комитет» по участию Финляндии в Парижской выставке под председательством генерал-майора Линдфорса.

[4] Крамской имеет в виду Общество выставок художественных произведений и В. И. Якоби — члена правления этого общества.

1878

211

[1] В ответ на письмо Крамского (см. примеч. 1 к письму 210) комиссия по организации выставки 30 декабря 1877 г., действительно, просила Товарищество о содействии, сообщая при этом, что первоначально принятое решение о равном количестве экспонатов для всех участников выставки может быть нарушено. В этом же письме комиссия доводила до сведения Товарищества желание Крамского экспонировать 10 произведений и отдавала это желание его на суд Товарищества.

Крамской был уведомлен об этом особым письмом также от 30 декабря 1877 г.

Товарищество ответило комиссии 7 января 1878 г. согласием содействовать ее работе. К письму прилагался примерный список дополнительных экспонатов в количестве 36 произведений.

[2] Третьяков имеет в виду работу Крамского над вторым портретом Н. А. Некрасова, на котором поэт изображен больным, в постели.

Некрасов скончался 27 декабря 1877 г. Третьяков торопил Крамского закончить по возможности с натуры интерьер в портрете.

[3] Статья Крамского «Судьбы русского искусства» (см. примеч. 1 к письму 207) не обсуждалась в печати. Повидимому, обсуждение не было дозволено цензурой.

3 января 1878 г. министр имп. двора граф А. В. Адлерберг писал министру внутренних дел А. Е. Тимашеву:

«Милостивый государь
Александр Егорович.

В вышедших 13, 14 и 15 минувшего декабря №№ газеты «Новое время» помещена фельетонная статья Крамского под заглавием «Судьбы русского искусства», которую редакция в подстрочной выноске рекомендует вниманию читателей и лиц, заведующих художественным образованием в России, как вывод из всего того, что пережил и испытал сам написавший ее художник, принадлежащий к небольшой плеяде наших даровитых живописцев.

Содержание фельетона касается императорской Академии художеств, деятельность коей за последнее время автор изображает в искаженном виде, не стесняясь сообщением публике ложных сведений с целью уронить достоинство сего заведения и совершенно неосновательно порицая в резких выражениях многие постановления Совета Академии, а также существующие отношения между преподавателями оной и учащимися.

По прочтении статьи г. Крамского я нахожу, что подобного рода заявления в печати, сопровождаемые при том сочувственными о них отзывами газетных редакций, могут колебать не только уважение посвятивших себя искусству молодых людей к своим наставникам и руководителям, но вместе с тем и общественное доверие к правительственному учреждению, а потому считаю долгом покорнейше просить Ваше

высокопревосходительство подвергнуть кого следует взысканию за напечатание означенной статьи или, по крайней мере, приказать сделать внушение редакции «Нового времени» о неприличии выраженного ею сочувствия суждениям автора, очевидно неблагонамеренным.

Примите, милостивый государь, уверение в совершенном почтении и преданности *А. Адлерберг*».

(ЦГИАЛ, Фонд Академии художеств.)

Примечание редакции газеты «Новое время», на которое дважды ссылается в данном письме Адлерберг, гласило: «Статья эта принадлежит известному нашему художнику и портретисту. Читатели увидят, что это — вывод из всего того, что пережил и испытал сам художник, принадлежащий к небольшой плеяде наших даровитых живописцев. Надеемся, что статья эта заслужит внимание и тех лиц, которых она имеет в виду и в руках которых находятся судьбы нашего искусства. Ред.» («Новое время» № 645, 13 декабря 1877 г.).

Не будучи обсуждена в печати, статья Крамского не прошла, однако, бесследно. Она встретила соответствующую реакцию в академических кругах и одновременно самый живой положительный отклик среди художников.

Одним из первых откликнулся на нее Репин, который, судя по ответному письму Крамского к нему от 26 декабря 1877 г., заверил автора статьи в том, что он разделяет изложенные в ней взгляды.

Своими впечатлениями о статье Крамского Репин спешил поделиться со Стасовым, сопровождая свой восторженный отзыв темпераментным восклицанием: «...Молодец Крамской! Как он разнес Академию!!» (И. Е. Репин и В. В. Стасов. Переписка, т. II, «Искусство», 1949, стр. 26).

Стасов в свою очередь писал Крамскому тотчас же по прочтении статьи: «...Чудесно, отлично!!! И тороплюсь это Вам поскорее сказать. Вам решительно бы взяться за художественные статьи в журналах или где угодно...» (Архив Русского музея).

Не менее сочувственно реагировали на статью Крамского русские художники, жившие за границей.

А. П. Боголюбов писал Крамскому 14 января 1878 г. из Парижа: «...все художники зачитывают ее в клочки... спасибо Вам великое за верное и честное слово» (там же).

Более распространенно изложил свое мнение о статье М. М. Антокольский в письме к Крамскому от 16/28 января 1878 г., также из Парижа. Он сообщал при этом, что статья понравилась также и Тургеневу («Марк Матвеевич Антокольский. Его жизнь, творения, письма и статьи». Под ред. В. В. Стасова. Изд. т-ва М. О. Вольф, СПБ и М., 1905, стр. 350—351).

Естественно, что со стороны Совета Академии художеств статья Крамского встретила резко отрицательное отношение.

Совету Академии была представлена обстоятельная докладная записка, автором которой являлся конференц-секретарь П. Ф. Исеев. Последовательно отстаивая принципы академической системы, Исеев высказывал убеждение в том, что критика этой системы продиктована Крамскому лишь «оскорбленным самолюбием, неудовлетворенным властолюбием». Стремясь опровергнуть положения, высказанные Крамским, и прибегая в этих целях к изложению основных фактов современной художественной жизни, он невольно констатировал тем самым ряд обстоятельств, которые свидетельствовали о том, как в действительности был подорван авторитет Академии среди художников:

«Художественная семья была невелика, и знаменитости ее группировались в Академии в качестве профессоров-преподавателей, что счита-

лось особой честью. Следовательно, тогда только и был один авторитет Академии, или, вернее сказать, в стенах Академии. Теперь уже не то. Число художников увеличилось. Многие из талантливых не служат в Академии, отчего, конечно, их художественный авторитет не уменьшается; они группируют возле себя других, что в порядке вещей. Таким образом мало-помалу все большее число художников отдаляется от Академии, образуя особые центры, вполне самостоятельные, со своими взглядами, авторитетами и стремлениями. Художественные выставки были только в Академии, через каждые три года и даже ранее. На этих выставках участвовали почти все художники, потому что дорожили мнением Академии и от нее искали различных поощрений, в одно и то же время и лестных и полезных. Теперь совсем иное. Образовалось несколько обществ, у которых одна цель: выставки».

Переходя далее к характеристике учащихся Академии, их отношения к своим обязанностям, Исеев писал: «В прежнее время, когда Академия была закрытым заведением, молодые люди, находясь под постоянным надзором в стенах ее, работали с гораздо большим прилежанием, они желали серьезно изучить избранную ими отрасль, верили в своих преподавателей, проникнутые к ним уважением и строго следуя их советам. Разве то же видим мы теперь!.. Они не признают никаких авторитетов и, недоучившись еще, а нахватавшись лишь верхушек, воображают себя художниками, умными и выше всех тех, которых заслуги по той или другой отрасли знания признаны уже давно людьми серьезными и просвещенными. Нынешнее молодое поколение заражено самообожанием, полнейшим неуважением к порядку и к авторитетам ума, науки и искусства... И это замечается теперь везде, а не только что в Академии художеств, повсюду встречаем такое направление, с которым бороться не под силу не только отдельным лицам, но даже и учреждениям».

Так в документе, написанном верным хранителем академических устоев, констатировалось состояние острого конфликта внутри самой Академии, разрешить который она оказывалась бессильна.

Останавливаясь далее на той характеристике, которую дал ему лично Крамской как деятелю, имеющему «такое исключительное влияние на Совет и на все его действия», Исеев писал: «На все измышления Крамского, о том мнимом вреде, который будто бы приносит моя личная бдительность за строгим исполнением всех постановлений Совета и Устава, я отвечу кратко: самый дурной закон становится прекрасным, если его исполняют все неукоснительно... Основываясь на этой великой истине и из уважения к Совету, я считаю моей святой обязанностью быть самым строгим блюстителем его постановлений. Если же Совет находит, что все те правила, которые выработаны им в продолжение десятков лет, не нужны и даже вредны, то с того момента, когда он выразит это в постановлении, законным путем утвержденном, я обращусь в защитника, такого же строгого, как и теперь, новых воззрений Совета и тех порядков, которые будут установлены на будущее время».

Охарактеризовав, таким образом, свою роль только как роль беспристрастного исполнителя воли Совета, Исеев заключал свою записку кратким обзором деятельности Крамского. Он характеризовал его как «главного вожака и подстрекателя» против Академии еще с 1863 г., как учредителя артели художников, целью которой было «открытое противодействие Академии», как инициатора Товарищества передвижников, которое также согласно своему уставу «открыто проповедует противодействие Академии» и т. д., наконец, как деятеля, который в своем выступлении против Академии «преследует свои личные, по несчастью, недостойные цели» (ЦГИАЛ. Фонд Академии художеств).

Такова была позиция академического руководства по отношению к

Крамскому как автору статьи «Судьбы русского искусства». Но этим документом далеко не исчерпывались настроения, которые породила его статья внутри самой Академии. 15 декабря 1877 г., в день опубликования третьей, последней, части статьи автору ее было послано письмо следующего содержания:

«Многоуважаемый Иван Николаевич!

Искренно и глубоко благодарим Вас за те статьи, с которыми вы обратились к нашему обществу и Академии по вопросам искусства, столь нам дорогого и так связанного с нашею жизнью и художественным образованием.

Искренно уважающие Вас ученики Академии:
А. Разовский, Е. Нефедов, М. Скловский, К. Горский, М. Катарбинский, Л. Веселовский, М. Каменский.
15 декабря 1877 г.»

(Отдел рукописей Третьяковской галлереи.)

Через несколько дней после получения этого письма Крамской получил второе письмо за подписью «Один из многих, который благодарит Вас за статью». Автор этого, второго, письма уведомлял его о том, что со времени опубликования статьи «Судьбы русского искусства» академическое начальство запретило появление каких бы то ни было газет в чайной комнате Академии художеств.

212

[1] Крамской имеет в виду письмо комиссии, получение которого Третьяков подтверждает в своем письме к Крамскому от 15 января 1878 г. (см. письмо 214).

[2] Крамской имеет в виду два свои произведения: «Оскорбленный еврейский мальчик» в собрании В. А. Куприянова и «Этюд крестьянина, поясной» в собрании Н. М. Орлова (иначе «Мельник», или «Этюд крестьянина в высокой поярковой шапке»), находившиеся на III Передвижной выставке 1874 г.

Оба произведения в настоящее время принадлежат Русскому музею.

[3] Крамской интересуется произведением Л. Л. Каменева, представленным на конкурс Общества поощрения художников в 1865 г. под названием «Песчаная отмель».

Конкурс 1865 г. был первым в ряду ежегодных конкурсов, учрежденных П. С. Строгановым, с условием выдачи двух премий «за лучшую картину жанра, взятую из русской жизни» и «за лучший ландшафт, взятый из русской природы» («Отчет о действиях комитета общества поощрения художников за 1865 г.», СПБ, 1866).

Картина Каменева получила на этом конкурсе первую премию по пейзажу. Местонахождение ее в настоящее время неизвестно.

[4] Речь идет об этюде М. П. Боткина, известном под названием «Старовер», принадлежавшем Третьякову.

213

[1] Кроме перечисленных Третьяковым произведений Куинджи, ему принадлежала в это время еще и картина «Чумацкий тракт в Мариуполе», также предназначавшаяся для экспозиции на всемирной выставке 1878 г. в Париже. Третьяков не упоминает ее, так как она находилась в это время у автора в Петербурге.

[2] Андрей Маркович Ермилов (1854—1928) — служитель Третьякова с 1872 г., впоследствии — начальник внутренней охраны Третьяковской галлереи.

[3] Картина В. Г. Перова «Крестьянские похороны» была удостоена первой премии по жанру на конкурсе Общества поощрения художников в 1865 г. одновременно с произведением Каменева (см. примеч. 3 к письму 212).

Картина была приобретена К. Т. Солдатенковым, впоследствии находилась в московском Румянцевском музее; с 1925 г. находится в Третьяковской галлерее.

[4] В положении о Парижской всемирной выставке 1878 г. значилось: «На выставку допускаются произведения русских и иностранных художников, выполненные после 1 мая 1867 г.» (Всемирная выставка 1878 г. в Париже. Общий регламент, перевод с французского, стр. 15, отдел II).

Дата «1867» фигурирует в данном случае как дата предшествующей международной выставки, состоявшейся в Париже.

[5] Третьяков имеет в виду то обстоятельство, что Академия согласилась с предложением Товарищества об увеличении количества экспонатов художников — членов Товарищества (см. письмо 212).

214

[1] П. М. Третьяков имеет в виду письмо А. И. Сомова, в котором тот уведомлял его, что Товарищество передвижных художественных выставок изъявило желание увеличить количество экспонатов членов Товарищества на Парижской выставке из числа произведений, принадлежавших Третьякову (о произведениях, отправленных Третьяковым ранее, в ноябре 1877 г., см. примеч. 2 к письму 209).

215

[1] Упоминаемые письма П. А. Брюллова и Крамского не обнаружены.

[2] Третьяков интересуется открытием Академической выставки 1878 г., которая представляла собою выставку произведений, предназначенных для посылки на Парижскую всемирную выставку этого же года.

Выставка в Академии открылась 1 февраля 1878 г.

216

[1] Крамской имеет в виду письмо, посланное комиссией в Товарищество одновременно с письмом Третьякову 11 января 1878 г. Привлекая передвижников к сбору произведений, в особенности находящихся вне Петербурга, комиссия в то же время предупреждала о возможном сокращении количества экспонатов, либо замене их по указанию лиц, решение которых будет для нее обязательным (ЦГИАЛ. Фонд Академии художеств).

[2] 16 января 1878 г. Товарищество направило в комиссию за подписью члена правления П. А. Брюллова письмо, в котором отказывалось от какой бы то ни было помощи по сбору произведений для Парижской выставки (там же).

[3] Т. е. картину «Майская ночь» и «Портрет И. И. Шишкина» (см. примеч. 2 к письму 209).

217

[1] Т. е. упоминаемое Третьяковым не обнаруженное нами письмо П. А. Брюллова, члена Правления Товарищества, написанное им 4 января 1878 г. и полученное Третьяковым лишь 16 января (см. письмо 215).

[2] Очевидно, Крамской имеет в виду свое письмо к Третьякову от 9 января 1878 г. (см. письмо 212).

[3] Крамской имеет в виду свое письмо от 16 января 1878 г. (см. письмо 216).

[4] Телеграмма не обнаружена.

218

[1] См. примеч. 2 к письму 215.

221

[1] Упоминаемого списка при данном письме не обнаружено.

[2] Предполагаемое издание не осуществилось.

222

[1] См. письмо 214.

[2] Письмо Маковского не обнаружено.

[3] Товарищество передвижных художественных выставок предполагало получить от И. С. Камынина его портрет работы В. Г. Перова (см. об этом письмо 224 и примеч. 2 к нему).

224

[1] Третьяков пишет о принадлежащем ему портрете доктора Шифа, исполненном Н. Н. Ге в 1867 г.

[2] Портрет купца Ивана Степановича Камынина, исполненный В. Г. Перовым в 1872 г., экспонировался на I Передвижной выставке в Москве и на II Передвижной выставке в Петербурге. Крамской, вспоминая впоследствии об этом произведении, писал 6 января 1883 г. А. С. Суворину: «Не помню, какой фельетонист и в какой газете, говоря о портрете, выразился: «вот (мол) он, знаменитый «Тит Титыч» Островского!» Вследствие такого отзыва фельетониста Перову были большие неприятности, да, кроме того, родственники уже и после смерти купца всегда отказывали в просьбе дать на выставку портрет, хотя в нем несколько раз нуждались, когда собирали образцы нашего искусства для всемирных выставок».

Когда Перов обратился с просьбой к родственникам И. С. Камынина выдать этот портрет для Парижской всемирной выставки 1878 г., он также получил отказ.

Портрет Камынина был в 1890 г. приобретен Третьяковым.

[3] В. В. Бессонов — врач, член Общества любителей художеств, художник-любитель, находился в дружеских отношениях с В. Г. Перовым. Его портрет был исполнен художником в 1869 г.

В 1879 г. портрет был приобретен Третьяковым.

[4] Портрет художника П. С. Степанова был исполнен Перовым в 1870 г. Местонахождение портрета неизвестно.

[5] Картина Ф. А. Бронникова экспонировалась на выставке произведений, назначенных для Парижской всемирной выставки 1878 г., и на самой Парижской всемирной выставке под названием «Художники в приемной богача». Владельцем ее являлся С. М. Третьяков, как это и было обозначено в каталогах этих выставок. Однако в 1892 г., при включении собрания С. М. Третьякова в галлерею П. М. Третьякова в списке передаваемых произведений картина Бронникова не значилась. Местонахождение ее в настоящее время неизвестно.

225

[1] Крамской предлагает заменить портрет Камынина двумя другими портретами работы В. Г. Перова из собрания Третьякова: писателя А. Н. Островского (1871) и историка М. П. Погодина (1872).

226

[1] Третьяков сообщает о том, что взамен портрета Камынина будет послан портрет Бессонова.

[2] Сомовым.

[3] Т. е. картины, отправленные в ноябре 1877 г. (см. письмо 209 и примеч. 2 к нему).

[4] К письму приложен список произведений, посылаемых Третьяковым дополнительно для экспозиции на Парижской всемирной выставке 1878 г. Список составлен соответственно упаковке произведений в восьми ящиках:

№ 1 М. К. Клодта «Полдень»
Савицкого «Рабочие на железной дороге»
№ 2 Куинджи «Валаам»
Перова «Рыболов»
«Фомушка сыч»
Боткина «Старообр[ядческий] начетчик»
№ 3 Куинджи «Степь»
Саврасова «Лосиный остров в Сокольниках»
Перова «Портрет Достоевского»
№ 4 Максимова «Раздел»
Мясоедова «Земский обед»
Шишкина «Околица»
Перова «Странник»
№ 5 Маковского «Докторская приемная»
« «Соловьиные охотники»
№ 6 Крамского «Портрет Васильева»
Брюллова «Весна»
№ 7 Крамского «Христос в пустыне»
« «Портрет Гончарова»
« «Портрет Григоровича»
« «Лесник»
№ 8 Бронникова «Художники»
Маковского «Благодетельница»

227

[1] Еще 29 января 1878 г. А. И. Сомов в ответ на согласие Третьякова прислать дополнительные экспонаты для Парижской выставки выразил

ему благодарность от лица Академии художеств и, между прочим, писал:

«...По крайней мере ни разу еще на всемирных выставках русское искусство, в особенности живопись, не являлось в такой полноте и блеске. Конечно, этим мы обязаны в значительной степени Вам: в печатаемом теперь каталоге то и дело читается: «Собственность П. М. Третьякова».

Получение всех посланных Третьяковым экспонатов А. И. Сомов подтвердил распиской, в которой, кроме перечисленных выше произведений (см. примеч. 2 к письму 209 и примеч. 4 к письму 226), были обозначены дополнительно следующие произведения: Г. С. Седов «Курская мещанка», А. И. Куинджи «Чумацкий тракт», А. И. Мещерский «Зимний вид в парке», Н. Ф. Добровольский «Большая дорога», И. Н. Крамской «Портрет Л. Н. Толстого», И. Е. Репин «Этюд мужика».

228

[1] Третьяков имеет в виду три произведения И. Е. Репина: «Протодиакон» (1877), «Еврей на молитве» (1875) и «Портрет Н. П. Собко» (1877).

Первые два из них принадлежали Третьякову (находятся в Третьяковской галлерее), портрет Н. П. Собко находится в настоящее время в Литературном музее в Москве.

[2] Согласно уставу Товарищества передвижников на выставках его могли экспонироваться лишь произведения, не показанные ранее на каких-либо других выставках.

231

[1] Отсылая произведения Репина в Академию, Крамской писал Сомову: «...что же касается «Дьякона», то и сам Репин повторяет просьбу поступить осторожно и не показывать его никому в том случае, если члены Совета будут хотя бы «сомневаться», это его подлинное выражение» (ЦГИАЛ. Фонд Академии художеств).

О судьбе «Протодиакона» Третьякова уведомил в письме от 5 марта 1878 г. А. И. Сомов: «...«Протодиакон» Репина забракован великим князем ввиду того, что такую физиономию духовного лица неудобно показывать французам. Получив эту картину от И. Н. Крамского, я ему ее и передал — кажется, для приготовляющейся Передвижной выставки» (Отдел рукописей Третьяковской галлереи).

«Протодиакон» был экспонирован на VI Передвижной выставке 1878 г. На Парижской всемирной выставке из произведений Репина экспонировались «Бурлаки» и «Мужик с дурным глазом».

[2] Неизвестно, о каких двух дамских портретах Репина пишет Третьяков. «Нищим» он, повидимому, называет произведение «Мужичок из робких» (1877), которое экспонировалось на VI Передвижной выставке. (Горьковский художественный музей.) На VI Передвижной выставке экспонировались также «Портрет Е. Г. Мамонтовой» (находится в музее-усадьбе «Абрамцево») и «Портрет Т. С. Репиной, матери художника» (местонахождение неизвестно).

[3] Марков Алексей Тарасович (1802—1878) — исторический живописец.

Третьяков давно выражал желание приобрести что-либо из его работ. С этой целью он еще в 1877 г. вступил в переписку с художником. Но лишь в 1881 г. он стал обладателем «Колизея», который был куплен им в Обществе заклада движимостей. Произведение это является вариантом-повторением эскиза, принадлежащего Ивановскому областному краеведческому музею.

Третьяковым были приобретены три рисунка А. Т. Маркова: два этюда для картины «Св. Евстафий Плакида в Колизее» (время приобретения этих работ неизвестно) и упомянутый выше рисунок с Леонардо да Винчи.

[4] Третьяков интересуется VI Передвижной выставкой, которая открылась в Петербурге 10 марта 1878 г.

232

[1] Портрет писателя Л. Н. Толстого, исполненный Крамским в 1873 г., по желанию самого Толстого не был показан в свое время на Передвижной выставке. Стасов сожалел, что портрет выдающегося писателя, принадлежащий в то же время к лучшим творениям Крамского, остается неизвестным современникам. Это побудило его содействовать тому, чтобы портрет был включен хотя бы в число произведений, экспонируемых на Парижской всемирной выставке 1878 г., хотя он и выражал свое сомнение в том, что «будет ли кому-нибудь из европейской публики в Париже настолько же дорога, как и нам, эта картина, раз — как изображение графа Льва Толстого, и два — как chef d'oeuvre Крамского» («Новое время» № 749, 30 марта, 1878 г. «Передвижная выставка»).

Получив согласие Толстого, Стасов 3 марта 1878 г. сообщил об этом Третьякову. (Переписка П. М. Третьякова и В. В. Стасова, стр. 34.)

Третьяков не задержал ответа и 7 марта 1878 г. писал Стасову: «...Портрет гр. Л. Н. Толстого вчера уже отправлен; очень рад, что Вы это устроили» (там же, стр. 35). Одновременно он писал об этом же А. И. Сомову.

233

[1] Черкасский Владимир Александрович (1824—1878). Общественный деятель, публицист, близкий славянофильским кругам. С 1860 по 1870 г.— московский городской голова.

Речь идет о портрете, который Крамской выполнил по заказу Московской городской думы в 1879 г. В настоящее время портрет принадлежит Государственному Историческому музею в Москве.

Крамской неоднократно повторял портрет Черкасского (см. письмо 289). В 1880 г. художник исполнил повторение портрета, которое в 1901 г. было принесено в дар Третьяковской галлерее Е. П. Хребтович-Бутениной. В настоящее время этот портрет находится в Ивановском областном краеведческом музее.

[2] Гун Вера Ипполитовна, урожд. Монигетти, жена художника К. Ф. Гуна, во втором браке Сахновская.

Неясно, о каком пейзаже Васильева идет речь в данном письме. Известно, что в 1893 г. Третьяков имел возможность приобрести два принадлежавших В. И. Гун произведения Васильева. Можно предположить, что это были «Летний жаркий день» и «Иллюминация в Петербурге», впервые упомянутые в каталоге галлереи, изданном собирателем в 1896 г.

234

[1] Речь идет о двух произведениях И. И. Шишкина: «Горелый лес» и «Рожь», экспонировавшихся на VI Передвижной выставке 1878 г. Оба произведения были тогда же приобретены Третьяковым.

236

[1] Крамской посылает Третьякову два портрета работы Н. Н. Ге: портрет писателя А. А. Потехина, экспонировавшийся на V Передвижной выставке 1876 г., и копию с портрета А. С. Пушкина работы О. А. Кипренского, исполненную Н. Н. Ге в 1874 г., экспонировавшуюся на IV Передвижной выставке 1874 г.

Об условиях приобретения этих портретов Третьяковым см. письмо 238 и примеч. 2 к нему.

Копия с портрета А. С. Пушкина находится в настоящее время в Музее А. С. Пушкина Академии наук СССР.

[2] Т. е. погрудный портрет поэта Н. А. Некрасова, исполненный Крамским в 1877 г.

237

[1] Т. е. Общество выставок художественных произведений.

[2] Мысли, изложенные в данном письме, послужили основой для двух заключительных глав статьи «Судьбы русского искусства», написанных Крамским позже, в 1880 и 1882 гг. (см. примеч. 1 к письму 207). В них он обстоятельно излагал целесообразную, с его точки зрения, систему художественного образования. Она должна была заключаться в первоначальном обучении будущего художника в рисовальной школе — учреждении, параллельном среднему учебному заведению. Получив в такой школе основы художественной грамотности, ученик затем должен был вести свою творческую работу в мастерской какого-либо художника, которого выбирал себе в учителя соответственно своим личным творческим наклонностям. Лишь при такой постановке педагогического дела, полагал Крамской, могли быть созданы условия для дальнейшего подъема национального реалистического искусства.

Комментируемое письмо должно быть отмечено, как яркий обличительный документ, в котором художник произносит резкий приговор современному обществу, безучастному к жизни искусства. Письмо это рисует те условия, в которых работали выдающиеся мастера русского реалистического искусства второй половины XIX в., лишенные, за очень немногими исключениями, мастерских, выставочного помещения, условий для преподавательской деятельности и т. п. Не случайно письмо адресовано Крамским Третьякову. Как и многие его современники, Крамской полагал, что единственным адресом, по которому можно обратиться с напоминанием о нуждах передового русского искусства, является дом в Лаврушинском переулке, т. е. дом П. М. Третьякова.

238

[1] Т. е. портреты А. В. Кольцова, М. Е. Салтыкова-Щедрина, Ю. Ф. Самарина и С. Т. Аксакова.

[2] Третьяков намеревался уплатить Н. Н. Ге 2000 р. за портреты А. А. Потехина (1876), А. И. Герцена (1867) и Н. И. Костомарова (1870).

[3] Т. е. после отрицательных критических отзывов, которыми была встречена на III Передвижной выставке в 1874 г. картина Н. Н. Ге «Екатерина II у гроба имп. Елизаветы».

[4] Третьяков имеет в виду выход В. Г. Перова из состава членов Товарищества (см. примеч. 1 к письму 101).

[5] Третьяков упоминает картину Г. Г. Мясоедова «Игра в горелки», находившуюся на IV Передвижной выставке 1875 г., и картину «Опахивание», находившуюся на V Передвижной выставке 1876 г.; вторая из них принадлежит Русскому музею.

[6] Менделеев Дмитрий Иванович (1834—1907) — великий русский ученый-материалист, химик.

Состоял действительным членом Академии художеств; с 1893 г. — член Совета Академии художеств.

Был близок со многими передовыми художниками своего времени, выступал в печати по вопросам искусства. В числе постоянных посетителей менделеевских «сред» были Крамской, Ярошенко, Репин, Мясоедов и др.

[7] Вагнер Николай Петрович (1829—1907), зоолог, профессор Казанского и Петербургского университетов. Известен как автор повестей и рассказов, которые писал под псевдонимом «Кот-мурлыка». Издавал и редактировал (1877—1879) научно-художественный журнал «Свет».

[8] Кавелин Константин Дмитриевич (1818—1885) — историк, профессор Московского и Петербургского университетов. Занимался публицистической деятельностью. В 1840-х гг. был близок кругу Белинского и Герцена, в 1850-х — примыкал к радикальной интеллигенции, группировавшейся вокруг журнала «Современник». Впоследствии отошел на либеральные и даже консервативные позиции, что вызвало резко отрицательное отношение к нему А. И. Герцена. В. И. Ленин писал о нем как об одном «из отвратительнейших типов либерального хамства» (В. И. Ленин. Памяти Герцена. Соч., т. 18, стр. 13). Кавелин был близок с некоторыми художниками, известны его выступления в печати по вопросам искусства.

[9] Стасов.

[10] Неясно, кого из современных художественных критиков имеет в виду Третьяков.

[11] Ледаков Антон Захарович — классный художник 3-й степени.

Проявив себя как крайне посредственный художник, перешел к литературно-художественной деятельности. Выступал как представитель наиболее реакционных кругов, подвергая резкой критике передовое реалистическое искусство.

[12] Картина Г. Г. Мясоедова «Молебен во время засухи» экспонировалась на VI Передвижной выставке 1878 г. Третьяков не приобрел ее.

В настоящее время картина принадлежит Харьковскому государственному музею изобразительных искусств.

239

[1] VI Передвижная выставка открылась в Москве 7 мая 1878 г. в помещении Московского училища живописи, ваяния и зодчества.

[2] «Рожь» и «Горелый лес» — картины И. И. Шишкина; «Кочегар» — картина Н. А. Ярошенко.

[3] Н. А. Ярошенко экспонировал на VI Передвижной выставке, кроме картин «Кочегар» и «Заключенный», портрет матери, портрет художника Мартынова и портрет Мартыновой. Первый из этих портретов находится в Калужском музее, портреты Мартыновых — в Третьяковской галлерее.

Третьяков высказывает сожаление о том, что в Москве не экспонируется портрет художника В. М. Максимова, показанный в Петербурге. Портрет этот, исполненный в технике соуса, был приобретен Третьяковым в 1896 г.

[4] К. А. Савицкий экспонировал на VI Передвижной выставке три произведения: «Путешественники в Оверни» (Русский музей), «Встреча

иконы» (Третьяковская галлерея) и «Дворик в Нормандии» (картина была приобретена частным лицом в Варшаве).

[5] А. И. Куинджи экспонировал на VI Передвижной выставке две картины: «Лес» и «Вечер». Вторую из них Третьяков упоминает под названием «Хутор». Картина «Лес» была в 1902 г. принесена в дар Третьяковской галлерее З. Н. Якунчиковой; в каталоге галлереи (изд. 1917 г.) она значится под названием «Закат солнца в лесу». В настоящее время картина находится в музее искусств Армянской ССР в г. Ереване. Картина «Вечер» была в 1901 г. переписана автором, принадлежала Обществу им. А. И. Куинджи. В настоящее время находится в Русском музее.

[6] Неясно, о каких рисунках Шишкина пишет Третьяков.

[7] Произведение И. Е. Репина «Мужичок из робких», находящееся в Горьковском художественном музее.

240

[1] Ярошенко.

[2] В. Д. Поленов экспонировал на VI Передвижной выставке в Москве свою картину «Московский дворик», приобретенную Третьяковым.

241

[1] В ответ на письмо Третьякова относительно стоимости картины «Заключенный» Н. А. Ярошенко 17 мая 1878 г. сообщил ему, что цена картины остается неизменной.

Картина тогда же была приобретена Третьяковым.

242

[1] Третьяков упоминает о Берлинском конгрессе, происходившем в июне — июле 1878 г. под председательством Бисмарка.

Конгресс завершился подписанием так называемого Берлинского трактата, согласно которому были произведены значительные изменения в условиях Сан-Стефанского договора, состоявшегося между Россией и Турцией 19 февраля/3 марта 1878 г.

По условиям Сан-Стефанского договора Сербия, Черногория и Румыния признавались независимыми государствами; Болгария восстанавливалась как автономное княжество, в которое, помимо собственно Болгарии, входила и Македония. По решению Берлинского трактата Босния и Герцеговина оккупировались Австро-Венгрией, Болгария же делилась на две части; при этом южная Болгария превращалась в автономную турецкую провинцию, Македония оставалась во владении султана. Значительно ухудшились условия мира и для России.

Условия Берлинского договора были встречены русским обществом резко отрицательно и породили усиление в нем германофобских и англофобских настроений.

[2] 22 июня 1878 г., еще до окончания Берлинского конгресса, И. С. Аксаков выступил на заседании Московского славянского комитета с речью, в которой подверг осуждению позицию русской дипломатии на конгрессе.

За это выступление Аксаков был отстранен от председательствования в Славянском комитете и вскоре затем выслан в имение своей свояченицы, деревню Варварино, бывш. Владимирской губернии.

243

[1] Terra incognita (латинск.) — неизвестная, неизведанная земля. Употребляется в переносном смысле для обозначения чего-либо неизвестного, неисследованного.

[2] «Молчите, честные уста! Гласите лишь вы, лесть да кривда!» — заключительная фраза речи Аксакова (см. примеч. 2 к письму 242).

Крамской подвергает критике царизм, для которого оказалась страшна даже речь верноподданного И. С. Аксакова.

[3] Т. е. портрет С. Т. Аксакова.

245

[1] Письмо написано на бланке Товарищества передвижных художественных выставок.

[2] В процессе работы над картиной «Радуйся, царю иудейский» («Хохот») Крамской сделал целый ряд бутафорских предметов, необходимых ему для изображения в картине.

246

[1] В октябре 1878 г. Крамской ездил на короткое время в Париж для ознакомления с Всемирной выставкой.

247

[1] Вопрос о постройке собственного выставочного помещения был одним из насущнейших вопросов для Товарищества передвижных художественных выставок. Он приобрел особую остроту во второй половине 1870-х гг.

По мере того как возрастал успех Передвижных выставок не только в обеих столицах, но и в провинции, все более усиливалась оппозиция по отношению к Товариществу со стороны Академии. Мысль о зарождении при Академии нового выставочного объединения — Общества выставок художественных произведений — находилась в прямой связи с желанием академических кругов оказать противодействие прежде всего выставочной деятельности Товарищества.

Проект устава нового объединения и объяснительная записка к нему были поданы в Совет Академии в 1874 г. Известно, что еще 14 января 1874 г. вел. кн. Владимир Александрович, бывший тогда вице-президентом Академии, пригласил к себе А. П. Боголюбова, Н. Н. Ге, К. Ф. Гуна, И. Н. Крамского и П. А. Брюллова как представителей Товарищества для переговоров о слиянии его выставок с выставками нового Общества. Передвижники не приняли предложения.

Вновь возникшее общество имело своего непосредственного покровителя в лице П. Ф. Исеева. В октябре 1875 г. члены Общества просили его принять звание почетного члена своей организации. Опираясь на содействие конференц-секретаря, правление Общества выставок художественных произведений оказывало различные препятствия деятельности Товарищества. Одним из первых шагов в этом направлении было изгнание Передвижных выставок из академических зал. Академия художеств отказалась предоставить Товариществу залы для очередной, пятой по счету, Передвижной выставки. В своей статье 1876 г. «Художественные выставки» В. В. Стасов писал: «Чтобы устроить свою нынешнюю,

5-ую передвижную выставку, этим людям нужно было справиться с большими хлопотами и трудностями. У них отняли прежние залы, им негде было выставлять. Счастье, что Академия наук согласилась отдать им свою большую конференц-залу, а то бы, пожалуй, им пришлось плохо и выставка не состоялась бы» (В. В. Стасов. Избранные сочинения в двух томах, т. I, «Искусство», М.—Л., 1937, стр. 228).

Таким образом, после того как первые четыре Передвижные выставки неизменно открывались в Петербурге в залах Академии художеств, передвижники оказались перед фактом отсутствия у них постоянного помещения. Этим следует объяснить то обстоятельство, что перерыв между открытием V и VI Передвижных выставок растянулся на два года, вопреки обычаю Товарищества организовывать свои выставки ежегодно.

Естественно, что, открыв VI выставку лишь в марте 1878 г., на этот раз в залах Общества поощрения художников, Товарищество было крайне озабочено вопросом о создании для себя постоянного помещения.

В этих целях Правление Товарищества вступило в переговоры с архитектором Леонтием Николаевичем Бенуа. 5 ноября 1878 г. в соответствии с намеченным им проектом постройки было закончено составление сметы на ее осуществление. Общее собрание членов Товарищества, о котором пишет Крамской, состоявшееся 12 ноября 1878 г., пришло к следующим выводам по этому поводу:

«По выслушании доклада Правления общее собрание обсуждало первоначально всесторонне вопрос о пользе и необходимости собственного помещения. Было принято во внимание, что, при настоящем положении дела, в Петербурге нет возможности рассчитывать на сносное бесплатное и даже платное помещение, что с каждым годом это положение может только ухудшаться и что, таким образом, устройство выставки в Петербурге становится менее обеспеченным, нежели в провинциальных городах. Приняв все это во внимание, общее собрание единогласно решило вопрос о пользе и необходимости произвести постройку» (Отдел рукописей Третьяковской галлереи).

Собрание уточнило условия, на которых могла бы быть осуществлена постройка, и определило предельную стоимость ее в сумме 18.000 р. В целях обеспечения этой суммы было постановлено произвести подписку между членами Товарищества. Для ведения постройки, для контроля за производством работ и расходованием денег была избрана комиссия в составе П. А. Брюллова, И. Н. Крамского и Н. А. Ярошенко.

Комиссия начала свою деятельность с того, что направила городским властям отношение с просьбой выделить место для постройки в одном из центральных районов города.

28 июля 1879 г. Товарищество получило от Петербургской городской управы уведомление о том, что место для постройки выставочного павильона не может быть предоставлено.

Дальнейшие попытки Товарищества в этом направлении не увенчались успехом. Передвижные выставки, лишившись академических зал, впоследствии, на всем протяжении своего существования, оставались без постоянного помещения. Наиболее частым местом их пребывания в Петербурге было помещение Академии наук или Общества поощрения художников.

[2] Записка, о которой пишет Крамской, неизвестна.

[3] Т. е. о портрете С. Т. Аксакова.

[4] О «Созерцателе» см. письмо 174 и примеч. 1 к нему. Картина была экспонирована на VI Передвижной выставке. Крамской отсылал ее киевскому коллекционеру Терещенко, приобревшему это произведение.

[5] Крамской ошибочно указывает дату «1874». Он имеет в виду Венскую всемирную выставку, состоявшуюся в 1873 г.

[6] Матейко Ян-Алоизий (1838—1893) — польский художник. Исторический живописец, портретист.

[7] Мункачи Михаель (1844—1900) — венгерский художник. Исторический живописец, жанрист и пейзажист

Крамской упоминает его произведение «Мильтон, диктующий своим дочерям «Потерянный рай», за которое художник получил на Парижской всемирной выставке 1878 г. Большую золотую медаль.

[8] Прадилла Франциско (1840—1921) — испанский художник. Исторический и бытовой живописец, пейзажист, портретист. Крамской пишет о его картине «Иоанна Безумная», за которую художник получил на Парижской всемирной выставке 1878 г. Большую золотую медаль.

[9] Кнаус Людвиг (1829—1910) — немецкий художник. Жанрист.

[10] Вотье Бенжамен (1829—1898) — уроженец Швейцарии, жил и работал в Дюссельдорфе. Жанрист.

[11] Геркомер Губерт (1849—1914) — уроженец Баварии, жил и работал в Англии. Жанрист и портретист.

Крамской упоминает его картину «Последнее собрание», за которую художник получил на Парижской всемирной выставке 1878 г. медаль почета.

[12] Альма Тадема Лауренс (1836—1912) — уроженец Голландии, работал с 1870 г. в Англии. Писал картины на темы из античной жизни.

[13] Жирар Франсуа-Фирмен (1838—1921) — французский художник. Исторический и жанровый живописец. Крамской упоминает его произведение «Свадебное шествие».

[14] Мадраццо, повидимому, Раймондо (1841—1920) — испанский художник. Жанрист и портретист.

[15] Макарт Ганс (1840—1884) — австрийский художник. Исторический живописец, портретист, автор декоративных панно.

[16] Жакмар Нелли (1841—1912) — французская художница. Портретистка.

[17] Бастьен Лепаж, Жюль (1848—1884) — французский художник. Жанрист, изображал преимущественно сцены из быта современного ему крестьянства.

[18] Ленбах Франц (1836—1904) — немецкий художник. Портретист. Крамской отмечает среди экспонатов Парижской выставки его портрет немецкого богослова Деллингера.

[19] Рихтер Густав-Карл-Людвиг (1823—1884) — немецкий художник. Портретист и жанрист.

[20] Ангели Генрих (р. 1840 г.) — австрийский художник. Исторический и жанровый живописец, впоследствии работавший главным образом в области портрета. Крамской упоминает «Портрет лорда Биконсфильда» работы Ангели.

[21] Мунте Герхард-Петер-Франс-Вильгельм (р. 1849 г.), норвежский художник. Пейзажист.

[22] Норман Адельстен (р. 1848 г.) — норвежский художник. Пейзажист.

[23] Монтеверде Джулио (1837—1917) — итальянский скульптор. Крамской упоминает его произведение «Доктор Дженнер, прививающий оспу ребенку».

[24] Крамской имеет в виду два произведения итальянского скульптора Фокарди Джиованни (1842—1903): «Я первый, сэр!», «Ах ты грязный мальчишка!».

[25] «Паразиты» — скульптурная группа, выполненная в гипсе. Автор ее — итальянский скульптор Д'Орси Ахилл (1845—1929).

[1] Макс Габриэль (1840—1915) — родился в Праге, жил и работал в Мюнхене. Исторический живописец, портретист, жанрист и иллюстратор (о Г. Максе см. письмо 249 и примеч. 1 к нему, письмо 250 и примеч. 3 к нему).

[2] Гебгардт Эдуард (р. 1838 г.) — родился в Эстляндии, с 1860 г. жил в Дюссельдорфе. Портретист, исторический и жанровый живописец.

[3] Воутерс Эмиль-Шарль (1846—1933) — бельгийский художник. Исторический живописец. Приобрел широкую известность так же как портретист.

[4] Лоранс Жан Поль (1838—1921) — французский художник. Исторический живописец, гравер, работал также в области декоративной живописи.

[5] Реньо Анри (1843—1871) — французский художник. Исторический живописец, портретист.

[6] Жером Жан-Леон (1824—1904) — французский художник. Автор произведений на сюжеты из восточной и античной жизни.

[7] Мейсонье Жан-Луи-Эрнест (1815—1891) — французский художник. Жанрист, исторический живописец, баталист.

[8] Берн-Белькур Этьен Проспер (р. 1838 г.) — французский художник. Жанрист, пейзажист и портретист.

[9] Повидимому, Лелуар Морис (р. 1851?) — французский художник. Жанрист, акварелист, рисовальщик и гравер.

[10] Воллон Антуан (1833—1900) — французский художник. Известен главным образом как живописец натюрмортов; работал также в области пейзажа.

[11] Седерштром Густав (1845—1933) — шведский художник. Исторический живописец и портретист.

[12] Ниттис Джузеппе (1846?—1884) — итальянский художник, работавший (с 1868 г.) во Франции и в Англии. Пейзажист, гравер. Приобрел известность как мастер городского пейзажа.

[13] Верла Шарль (1824—1890) — бельгийский художник. Исторический живописец, анималист; работал также в области портрета.

Третьяков пишет о его картине «Не Иисуса, но Варраву отпусти нам!», находившейся на Парижской всемирной выставке 1878 г., за которую художник получил золотую медаль. Созданию картины предшествовало длительное пребывание художника в Палестине.

1879

249

[1] Третьяков пишет о выставке картины Габриэля Макса «Иисус Христос», которая происходила в течение января и февраля 1879 г. в Петербурге, в помещении Художественного клуба, а затем — Общества поощрения художников.

Демонстрация этого произведения сопровождалась усиленной рекламой, на которую не скупился собственник картины, владелец художественного магазина в Праге, Леман.

[2] А. Фельтен — владелец магазина картин и эстампов в Петербурге на Невском проспекте.

[3] На последней странице письма рисунок Крамского, пером: «Тополь» — для картины «Лунная ночь».

250

[1] Лавровская Елизавета Андреевна (1845—1919) — известная русская певица, с 1888 г. профессор Московской консерватории.

Крамской исполнил ее портрет, экспонировавшийся на VII Передвижной выставке 1879 г. После смерти художника портрет был приобретен у его наследников Русским музеем.

[2] Т. е. к собранию Третьякова.

[3] Таким «храбрым человеком» оказался сам Крамской, опубликовавший свою статью «За отсутствием критики» в газете «Новое время» № 1052, 1 февраля, 1879 г.

Статья эта была посвящена критическому рассмотрению «двух художественных новостей», как писал Крамской, занимавших тогда петербургское общество: картине Габриэла Макса «Лик спасителя» и выступлениям художника-импровизатора Карло, исполнявшего свои картины на глазах у публики в течение 45 минут (см. письмо 254 и примеч. 4 к нему).

Отдавая должное таланту Габриэля Макса, Крамской, анализируя показанное им произведение, утверждал, что оно «лежит за пределами искусства».

Крамской писал о том, что интерес публики к произведению Макса вызван, главным образом, своеобразным выражением, которое художник придал глазам Христа в своей картине. Доказывая, что определенное впечатление создается здесь лишь благодаря «чередующемуся перемещению различных световых впечатлений в глазу зрителя», он выражал свое удивление по поводу того, что Г. Макс, относящийся за границей к кругу известнейших художников, прибегает к применению «недостойного фокуса». «Тут пущен в ход весь арсенал живописных мистических вооружений», — писал Крамской. Для подтверждения своей точки зрения он обращался к произведениям классического искусства. Указывая на глу-

бокую выразительность человеческих лиц в этих произведениях, Крамской писал о том, что великие мастера прошлого достигали такой выразительности лишь вследствие своей близости к действительности.

253

[1] Письмо А. С. Суворина к Третьякову, а также упоминаемое Крамским «удостоверение от 2 лиц» не обнаружено.

Речь идет о воспроизведении портрета Л. Н. Толстого работы Крамского в издании «Les contemporains russes» («Русские современники»). Суворин предполагал осуществить это издание при помощи фотогравюрной мастерской Гупиля в Париже (см. об этом же в письмах 257, 259, 260).

Издание это, повидимому, не было осуществлено.

254

[1] Третьяков имеет в виду картину Крамского «Лунная ночь», экспонировавшуюся на VIII Передвижной выставке 1880 г. и приобретенную С. М. Третьяковым.

[2] А. И. Куинджи экспонировал на VII Передвижной выставке три произведения: «После дождя», «Березовая роща», «Север».

Все три картины были тогда же приобретены Третьяковым. Первая из них известна под названием «После грозы».

[3] VII Передвижная выставка открылась в Петербурге 23 февраля 1879 г.

[4] В январе 1879 г. в Петербурге происходили «Концерты живописания синьора Карло», как об этом оповещали столичные газеты. Концерты эти представляли собою своеобразные сеансы живописи. Исполнитель их под аккомпанемент музыки в течение короткого промежутка времени на глазах у публики создавал картины на темы, указываемые кем-либо из зрителей.

Сеансы эти пользовались популярностью у широкой столичной публики. Интерес к ним поддерживался и некоторыми художественными критиками.

С резкой, отрицательной оценкой этих сеансов выступил Крамской в своей статье «За отсутствием критики» (см. примеч. 3 к письму 250). Раскрыв спекулятивный характер деятельности Карло, указывая на то, что он пользуется во время своих сеансов лишь рядом механических приемов, Крамской утверждал, что импровизатор не только не раскрывает перед зрителем сущность творческого процесса, но вводит в заблуждение публику, неискушенную в вопросах искусства.

[5] Мамонтов Савва Иванович (1841—1918) — промышленник, строитель железных дорог. Меценат. Его подмосковное имение «Абрамцево» с 70-х гг. прошлого столетия стало своеобразным художественным центром, с которым были связаны крупнейшие художники, музыканты и артисты второй половины XIX в.

Будучи сам разносторонне одаренным человеком, занимался скульптурой, музыкой и пением.

[6] «Иноземцами» Третьяков называет в данном случае русских художников, живущих большую часть времени за границей.

[7] Литовченко Александр Дмитриевич (1835—1890) — исторический живописец, портретист.

В 1863 г. вместе с другими 13 учениками Академии художеств во главе с Крамским порвал с Академией, отказавшись от конкурса на Большую золотую медаль.

Однако Литовченко не был последовательным членом организованной протестантами петербургской Артели художников. 27 августа 1865 г. Крамской писал о нем жене: «...если он заикнется о том, чтобы его принять в Общество, то скажи нашим, что об этом и думать нечего...». К Товариществу передвижных художественных выставок Литовченко впервые примкнул лишь в 1878 г., экспонируя ранее свои произведения в Академии. Видимо, эта неустойчивость убеждений Литовченко служила основанием для недоверия к нему со стороны Третьякова.

[8] Маковский Константин Егорович.

Был также одним из участников коллективного выхода 14 учеников из Академии художеств в 1863 г. Состоял членом петербургской Артели художников, из состава которой, однако, вскоре вышел. Будучи членом Товарищества передвижных художественных выставок, в 1880-х гг. порвал и с этим объединением.

Творчество К. Е. Маковского, автора больших исторических композиций и парадных портретов, не встречало признания со стороны Третьякова.

255

[1] Объявления об открытии VII Передвижной выставки публиковались начиная с 20 февраля 1879 г. в течение функционирования выставки в следующих газетах: «С.-Петербургские ведомости», «Голос», «Новое время», «Молва», «Петербургская газета», «Петербургский листок», «Новости», во французской газете «Journal de S[te] Petersbourg» и в немецкой газете «St. Peterburger Zeitung».

В этих же газетах в разделе хроники публиковалась следующая заметка: «Седьмая выставка товарищества передвижных художественных выставок будет открыта в пятницу 23 февраля, в большом конференц-зале Академии наук. Для избежания неудобств, замеченных публикой при посещении там же помещавшейся пятой выставки, товарищество на этот раз озаботилось отоплением как самой залы, так и лестницы. Выставка простоит открытою лишь до вербного воскресения включительно, после чего будет отправлена в Москву».

[2] Крамской имеет в виду III выставку Общества выставок художественных произведений, открывшуюся в залах Академии художеств одновременно с VII Передвижной выставкой. На выставке в Академии была экспонирована картина Макарта «Ромео и Джульетта».

[3] Леман Юрий (Егор) Яковлевич (1834—1901) — жанрист, портретист. Жил преимущественно в Париже, экспонировался в «Салоне». С 1879 г. присылал свои произведения для экспозиции на Передвижных выставках, с 1881 г. состоял членом Товарищества передвижных художественных выставок.

[4] Вел. кн. Владимир Александрович, президент Академии.

256

[1] Крамской пишет о смерти своего сына Ивана.

[2] Под названием «Старые тополя» Крамской имеет в виду свою картину «Лунная ночь».

[3] В этом месте в оригинале вырван кусок бумаги.

[4] Крамской сообщает Третьякову о том, что VII Передвижную выставку посетил Александр II.

[5] В этом месте в оригинале вырван кусок бумаги.

257

[1] Третьяков отвечает на письмо Крамского от 1 марта 1879 г., соглашаясь с ним, что привлечение на Передвижные выставки таких художников, как Леман, Харламов, К. Е. Маковский, оправдано тем, что отвлекает художественные силы от академического лагеря, от Общества выставок художественных произведений и в то же время усиливает интерес к Передвижным выставкам среди влиятельных кругов общества.

[2] Адлерберг Александр Владимирович (1818—1888) — министр имп. двора.

Третьяков высказывает предположение о том, что при его посредничестве Александр II приобрел на VII Передвижной выставке картину К. Е. Маковского «Русалки», принадлежащую в настоящее время Русскому музею.

260

[1] Самарин Дмитрий Федорович (1831—1901) — общественный деятель, гласный московского земства; публицист, издатель сочинений своего брата Ю. Ф. Самарина.

О портретах Ю. Ф. Самарина см. примеч. 1 к письму 175.

[2] VII Передвижная выставка открылась в Москве 29 марта 1879 г.

[3] На VII Передвижной выставке 1879 г. находился портрет А. И. Васильчикова (1818—1881), исполненный Крамским в 1878 г., принадлежащий в настоящее время Новгородскому государственному музею.

261

[1] Самарин Николай Федорович (1829—1892) — мировой посредник Богородского уезда Московской губернии, впоследствии предводитель дворянства там же.

[2] Телеграммы Крамского Третьякову и Д. Ф. Самарину, а также переписка Крамского с Самариным не обнаружены.

262

[1] Речь идет о портрете Ю. Ф. Самарина. См. письмо 175 и примеч. 1 к нему.

[2] И. Е. Репин экспонировал на VII Передвижной выставке свою картину «Царевна Софья в Новодевичьем монастыре во время казни стрельцов». Картина эта была одним из центральных произведений выставки.

Третьяков упоминает следующие статьи о VII выставке и, в частности, о картине Репина: статью В. В. Стасова «Художественные выставки», опубликованную в газете «Новое время» №№ 1086, 1092, 1093 8, 14 и 15 марта 1879 г., статью Матушинского «Художественная хроника», опубликованную в газете «Голос» № 88, 29 марта 1879 г. за подписью «Эм», и статью Ледакова «Седьмая передвижная выставка», опубликованную в газете «С.-Петербургские ведомости» №№ 74 и 89 16 и 31 марта 1879 г. за подписью «Худ. А. Л.».

263

[1] Картина В. Д. Поленова, экспонировавшаяся на VII Передвижной выставке, принадлежавшая Д. П. Боткину.

[2] Повторение портрета принадлежит в настоящее время Институту истории литературы Академии наук СССР в Ленинграде.

264

[1] Третьяков выражает желание приобрести портрет жены Крамского, Софии Николаевны, экспонировавшийся на VII Передвижной выставке 1879 г.

[2] Речь идет о летнем местопребывании Крамского с семьей.

265

[1] Портрет С. Н. Крамской был приобретен Третьяковской галлереей в 1935 г. у наследников художника.

267

[1] Последние слова подчеркнуты синим карандашом, повидимому, рукой В. В. Стасова.

268

[1] Репину Крамской писал в тот же день, 14 мая 1879 г., предостерегая его от существенных переделок в картине.

269

[1] Картина была уже в это время собственностью Третьякова.

270

[1] Письмо ошибочно датировано осенью 1879 г. в книге: «И. Н. Крамской. Его жизнь, переписка и художественно-критические статьи», СПБ, 1888, стр. 414 и 415, и в книге: И. Н. Крамской. Письма, т. II, 1937, стр. 182—183.

Оно является непосредственным ответом на письмо Третьякова от 19 мая (письмо 269).

[2] У К. Т. Солдатенкова были недоразумения с Товариществом передвижных художественных выставок в связи с запоздалой доставкой ему рамы для картины Шишкина «Полдень» («Перелесок») (см. письмо 41 и примеч. 2 к нему, письмо 70 и примеч. 1 к нему).

[3] На состоявшемся 21 марта 1879 г. общем собрании членов Товарищества передвижных художественных выставок в состав Правления Товарищества были избраны: П. А. Брюллов, К. В. Лемох, Н. А. Ярошенко и кандидатом — М. П. Клодт. И. Н. Крамской был снова включен в состав Правления в результате выборов следующего, 1880 г.

[4] Лемох Кирилл (Карл) Викентьевич. В 1870 г. был в числе учредителей Товарищества передвижных художественных выставок, членом которого оставался до конца своей жизни. Неоднократно избирался членом Правления и казначеем Товарищества.

271

[1] Картину «Проводы новобранца», приобретенную вел. кн. Владимиром Александровичем. В настоящее время картина находится в Русском музее.

272

[1] Картину «Радуйся, царю иудейский» («Хохот»).

273

[1] Третьяков надеялся, что Крамской исполнит портрет художника А. А. Иванова. Однако портрет этот не был написан. Третьяков приобрел портрет А. А. Иванова, исполненный с фотографии С. П. Постниковым, и рисунок неизвестного художника, изображающий А. А. Иванова в бытность его учеником Академии.

[2] Портрет поэта И. С. Никитина также не был исполнен Крамским.

[3] Возможно, речь идет о портрете Е. Н. Корниловой (1820—1897), исполненном Крамским в 1879 г., экспонировавшемся на VII Передвижной выставке. В настоящее время принадлежит Музею искусств в Ташкенте. В Русском музее имеется вариант портрета, исполненный в 1880 г.

[4] В 1879 г. Крамской исполнил портрет Ф. П. Корнилова (1809—1895) (см. о нем же письмо 274). Портрет экспонировался на VII Передвижной выставке. Местонахождение его в настоящее время неизвестно.

274

[1] Крамской имеет в виду свою работу по росписи купола в храме Христа в Москве, которую он исполнил в 1865 г.

[2] За картину «Христос в пустыне».

[3] Первая поездка художника за границу в 1869 г.

[4] В Крыму Крамской был в 1871 г. Здесь он работал над пейзажем для картины «Христос в пустыне».

[5] Поездка 1876 г.

[6] В 1877 г. А. П. Боголюбов передавал Крамскому от имени Терещенко приглашение приехать, повидимому, в Киев для исполнения портретов. Крамской не принял этого приглашения.

[7] Портрет Д. И. Менделеева был исполнен Крамским в 1878 г. Экспонировался на VIII Передвижной выставке 1880 г. В настоящее время находится в музее Д. И. Менделеева при Ленинградском Государственном университете имени А. А. Жданова.

1880

275

[1] Шиловский Петр Степанович, постоянный член Московского общества любителей художеств с 1861 г.

В списке работ А. А. Иванова, принадлежащих частным лицам, составленном П. М. Третьяковым и М. П. Боткиным, опубликованном в книге «Александр Андреевич Иванов. Его жизнь и переписка», СПБ, 1880, обозначено:

«XXXV. У г-на Шиловского, в Москве. Две головы стариков фарисеев. — Б[ольшой] р[азмер] 100 [рублей]».

[2] Т. е. на выставке, состоявшейся в залах Академии художеств в 1858 г., по возвращении Иванова в Россию.

[3] Третьяков имеет в виду известную балерину Московского Большого театра Прасковью Прохоровну Лебедеву (1839—1917). Портрет ее не был написан Крамским.

Однако упомянутый этюд А. А. Иванова, принадлежавший П. С. Шиловскому, впоследствии стал собственностью Третьякова. В каталогах галлереи, изданных при жизни Третьякова, он обозначен под названием: «Две мужских головы из дальнего плана». В настоящее время известен под названием «Две головы для фигуры фарисея в чалме».

277

[1] Крамской пишет о вышедшей из печати книге «А. А. Иванов. Его жизнь и переписка», СПБ, 1880.

Творчество А. А. Иванова глубоко интересовало Крамского. Еще будучи учеником Академии, он был свидетелем появления его картины в Петербурге. Не случайно именно картина Иванова послужила толчком к тому, чтобы в молодом живописце пробудилось его второе призвание — призвание критика-публициста. Первая литературно-критическая статья Крамского «Взгляд на историческую живопись» была им написана в 1858 г. как своего рода некролог об Иванове. Картина Иванова упрочила жившее в сознании молодого Крамского убеждение в общественном значении деятельности художника. Она натолкнула его на мысль о том, что подлинным художником является лишь тот художник, который создает произведения, наполненные большим содержанием, проникнутые чувством современности.

Естествен поэтому глубокий интерес Крамского к вышедшей спустя двадцать с лишним лет книге, в которой были собраны все известные тогда письма художника, а также суммированы фактические данные о его жизни и творчестве.

[2] Михаилу Петровичу Боткину, который был издателем книги. Самое деятельное участие в подготовке книги, как составитель ее, принимал Стасов.

278

[1] Письмо ошибочно датировано «12 декабря 1880 г.» в книге «И. Н. Крамской. Его жизнь, переписка и художественно-критические статьи», СПБ, 1888, стр. 430, и в книге: И. Н. Крамской. Письма, т. II, 1937, стр. 213. Письмо Третьякова от 16 января 1880 г. является ответом на него.

279

[1] Васильчиков Александр Алексеевич (1832—1890), князь. Директор Эрмитажа с 1879 по 1888 г., почетный член Академии художеств с 1879 г. В 1883 г. Крамской исполнил его портрет.

[2] Крамской запрашивает Третьякова о художнике Александре Степановиче Янове (1857—1918), историческом живописце, театральном декораторе, иллюстраторе.

280

[1] Третьяков имел ближайшее отношение к книге об А. А. Иванове (см. примеч. 1 к письму 275).

[2] Зассен Александр Иванович, художник; не возвратил А. А. Иванову деньги, данные ему взаймы.

[3] Резанов Александр Иванович (1817—1887) — архитектор.

В 1840-х гг. в качестве пенсионера Академии художеств жил за границей, встречался там с А. А. Ивановым.

Очевидно, Третьяков имеет в виду письмо Иванова, написанное им осенью 1850 г. из Рима к Резанову в Петербург с просьбой возвратить через Ф. И. Иордана деньги, полученные им некогда от Иванова заимообразно («А. А. Иванов. Его жизнь и переписка», СПБ, 1880, стр. 267).

[4] Моллер Федор Антонович (1812—1875) — исторический живописец, портретист и жанрист. Был одним из наиболее близких среди художников, друзей А. А. Иванова. Вместе со своим братом Василием Антоновичем Моллером был уполномочен братьями А. А. и С. А. Ивановыми вести дела их наследства после смерти отца, А. И. Иванова. В письмах А. А. Иванова неоднократно упоминаются различные денежные расчеты, которыми А. А. и С. А. Ивановы были связаны с обоими братьями Моллер.

281

[1] Крамской сообщает Третьякову о приезде В. В. Верещагина из Парижа, где в декабре 1879 г. состоялось открытие выставки его произведений, исполненных во время путешествия в Индию, а также произведений на темы русско-турецкой войны.

282

[1] Ланской Иван Иванович (р. 1855 г.) — исторический живописец.

[2] Лебедев Клавдий Васильевич (1852—1916) — жанрист, исторический живописец, работал также в области иллюстрации.

[3] Коровин Сергей Алексеевич (1858—1908) — жанрист.

[4] Светославский Сергей Иванович (1857—1931) — пейзажист.

[5] Эллерт Николай Людвигович (1845—1901) — пейзажист.

[6] Левитан Исаак Ильич (1861—1900) — пейзажист.

[7] Очевидно, купив в свое время произведение А. С. Янова «Ключник», Третьяков впоследствии отказался от него, т. к. в каталогах галлереи, изданных еще при жизни собирателя, это произведение не значится.

[8] Шварц Вячеслав Григорьевич (1838—1869) — исторический живописец и иллюстратор.

[9] Третьяков пишет о статье В. В. Стасова «Живописец А. А. Иванов», опубликованной в журнале «Вестник Европы», 1880 г., январь, стр. 111—186.

[10] В книге «А. А. Иванов. Его жизнь и переписка», СПБ, 1880, публикации писем художника предшествовала «Биография А. А. Иванова», составленная М. П. Боткиным. Там же были опубликованы воспоминания об Иванове следующих лиц: Ф. И. Иордана, П. М. Ковалевского, В. П. Гаевского, И. С. Тургенева, К. Д. Кавелина, В. В. Стасова и С. А. Иванова.

283

[1] Крамской пишет о IV выставке Общества выставок художественных произведений, на которой находились следующие произведения В. Д. Орловского: «Ручей (мотив из Кисловодска)», «Лесок Хиврищи (Полт. губ.)», «Жниво», «Над потоком (мотив из парка в Кисловодске)», «Разлив (шалаш паромщиков на Днепре)», «Хуторок (Полтав. губ.)», «Пейзаж (мотив из Украины)».

284

[1] Третьяков был чрезвычайно заинтересован в том, чтобы в его коллекции выдающихся деятелей русской культуры был портрет В. В. Верещагина.

Но лишь в 1883 г. Крамскому удалось начать работу над портретом, который, однако, остался неоконченным. Обстоятельства, при которых этот портрет был начат, Верещагин описал в своей статье «И. Н. Крамской. К его характеристике» («Русская старина», 1889 г., март). Портрет был приобретен Третьяковым после смерти Крамского у его наследников.

[2] Т. е. после приобретения серии этюдов, исполненных В. В. Верещагиным во время его путешествия в Индию. Произведения эти были приобретены Третьяковым на аукционе, организованном Верещагиным в Петербурге, 29 и 30 марта 1880 г. (см. письмо 286 и примеч. 21 к нему).

[3] Третьяков имеет в виду посылку Крамским своей картины «Лунная ночь» на VIII Передвижную выставку в Москве, открытие которой состоялось 15 апреля 1880 г.

[4] Неясно, о каких рисунках пишет Третьяков.

[5] Очевидно, крымские этюды И. И. Шишкина, приобретенные Третьяковым.

285

[1] Очевидно, акварели, приобретенные Третьяковым на посмертной выставке произведений К. Ф. Гуна, состоявшейся при VI Передвижной выставке 1878 г.

[2] Крамской, как и Стасов, полагал, что решение Верещагина распродать свои произведения с аукциона неправильно и не вполне этично по отношению к Третьякову, который, повидимому, как и при покупке ташкентской коллекции Верещагина, готов был затратить определенную сумму с тем, чтобы новая коллекция художника осталась нераздробленной.

Стасов еще в декабре 1879 г., оповещая Третьякова о предстоящем приезде Верещагина в Петербург, писал: «...он замышляет что-то странное и недоброе с коллекциями своими. Не имею права рассказывать его секрет, но ужасаюсь вперед» (Переписка П. М. Третьякова и В. В. Стасова, стр. 52).

[3] На письме имеется следующая пометка, сделанная карандашом, рукой Третьякова: «Соколова Байков Айвазовский Осберг Мозаика Плащаница Иностр. карт. Медальон Священник Тропинин Максимов Чистяков Голос Перов».

Судя по ответному письму Третьякова (см. письмо 286), это была запись для памяти о том, что надлежит сообщить Крамскому.

286

[1] Т. е. VIII Передвижной выставкой, состоявшейся в Москве с 15 апреля по 15 мая 1880 г., в числе экспонатов которой Третьяков отмечает картину Крамского «Лунная ночь».

[2] В. Е. Маковский экспонировал на VIII Передвижной выставке картину «Толкучий рынок в Москве». Местонахождение ее в настоящее время неизвестно.

[3] Н. Н. Ге экспонировал на VIII Передвижной выставке картину «Милосердие», впоследствии им уничтоженную.

[4] Третьяков пишет о двух произведениях В. М. Васнецова, экспонированных на VIII Передвижной выставке: «После побоища Игоря Святославовича с половцами» и «Ковер-самолет».

Первое из них тогда же было приобретено Третьяковым. Картина «Ковер-самолет» была собственностью М. С. Рукавишникова, который принес ее в 1916 г. в дар Нижегородскому (ныне Горьковскому) художественному музею, где она находится и в настоящее время.

[5] Репин экспонировал на VIII Передвижной выставке в Москве картину «Проводы новобранца». В настоящее время картина находится в Русском музее.

[6] А. И. Куинджи вышел из состава членов Товарищества в 1879 г. Третьяков имеет в виду его картину «Закат солнца в лесу», экспонированную на VI Передвижной выставке 1878 г., и картину «Березовая роща», экспонированную на VII Передвижной выставке 1879 г. Обе картины подверглись критике со стороны современников художника.

Первая из этих картин в 1902 г. была принесена З. Н. Якунчиковой в дар Третьяковской галлерее, откуда передана в Музей изобразительных искусств Армении в г. Ереван, вторая — была приобретена Третьяковым.

[7] Очевидно, Третьяков имеет в виду портрет И. И. Шишкина работы Крамского, экспонированный на VIII Передвижной выставке. В настоящее время портрет находится в Русском музее.

[8] К. Е. Маковский экспонировал на VIII Передвижной выставке портрет генерал-адъютанта Тимашева и портрет графини Богарне. Первый из этих портретов был весьма положительно оценен современниками.

[9] Егор Иванович Маковский.

[10] Карл Павлович Брюллов.

[11] Третьяков получил письмо от некоего Павла Яковлева от 31 марта 1880 г. с предложением приобрести два принадлежащих ему портрета работы В. А. Тропинина. Владелец портретов настойчиво просил Третьякова приобрести эти произведения не столько ввиду художественного значения их, сколько из внимания к его бедственному положению, которое понуждало его предлагать эти портреты за минимальную цену.

[12] См. примеч. 1 к письму 173.

[13] Письмо вдовы художника Соколова не сохранилось.

[14] Письмо Колосовской с предложением картины Айвазовского также не сохранилось.

[15] Известны четыре художника Байкова: Василий Михайлович (р. 1785 г.) — пейзажист; Николай; Петр Ильич (р. 1847 г.) — баталист; Федор Ильич — баталист. О каком из них идет речь — установить не удалось.

[16] Письмо художницы Ильиной неизвестно.

[17] Третьяков пишет о письме к нему некоей Заикиной Софьи Николаевны от 6 мая 1880 г.

[18] Письмо не обнаружено.

[19] Письмо Према также неизвестно.

[20] Третьяков имеет в виду статью «Московские заметки» в газете «Голос», № 106, 15 апреля 1880 г.

[21] В газете «Петербургский листок» № 62, 1 апреля 1880 г. была опубликована статья под названием «Игра в самолюбие и серьезное дело. Окончательные итоги аукциона В. В. Верещагина».

Автор статьи, описывая происходивший в Петербурге аукцион, характеризовал роль Третьякова как собирателя и, в частности, как участника данного аукциона: «...главным покупщиком был Павел Михайлович Третьяков, известный и даже единственный собиратель современной русской галлереи. Галлерея его уже и теперь открыта для публики; но со временем как картины, приобретаемые П. М. Третьяковым, так и его братом С. М. Третьяковым (московским городским головой), будут принадлежать городу Москве. Таким образом, П. М. Третьяков является единственным и первым частным собирателем, который тратит громадные капиталы не ради самоуслаждения и меценатского покровительства, коим были обуреваемы в иные годы наши магнаты-баре, а ради общественной пользы, ради серьезного дела. Третьяков не украшает замечательными произведениями искусства своих апартаментов; у него и теперь уже пристроена к дому особая галлерея.

Мы знаем, что самые выдающиеся, самые лучшие произведения русской живописи за последние двадцать или двадцать пять лет находятся не в Эрмитаже, а также не в руках графа Строганова, кн. Голицына, кн. Паскевича, кн. Воронцова, нового князя Сан-Донато, затем Нарышкиных, Шереметьевых и, наконец, покровителей-меценатов из купцов: Кузьмы Терентьевича Солдатенкова, Василия Александровича Кокорева и Ильи Федуловича Громова,— все лучшие вещи современной русской живописи собраны и тщательно собираются одним П. М. Третьяковым. Это серьезное дело и дело не одних денег, а труда, уменья и любви к искусству. ...Редко когда,— может быть, раз или два в продолжение обоих аукционов,— Третьяков уступил хорошую вещь противнику... При всем этом нас удивляет отчасти и сам Верещагин, решившийся лучше распродать свою коллекцию на штучки за 150 000, чем уступить ее в общественные руки, одному П. М. Третьякову. П. М. Третьяковым приобретено 40 вещей, на сумму около шестидесяти тысяч».

[22] Т. е. дочери Третьякова Вере Павловне от дочери Крамского Софьи Ивановны.

287

[1] Третьяков отвечает на письмо Крамского от 15 сентября 1880 г., в котором он просит его оказать содействие сыну А. В. Никитенко.

[2] Письмо С. И. Крамской к В. П. Третьяковой (см. письмо 286).

[3] Квитанции на получение картины «Лунная ночь».

[4] Именинницы — жена Крамского София Николаевна и дочь София Ивановна.

[5] На обороте второго листа письма имеется неясный набросок чертежа и надпись рукой Крамского: «И. И. Алафузов Екатер. канал № 103».

288

[1] «Никита Пустосвят» произведение В. Г. Перова на тему из истории церковного раскола в XVII в. Картина экспонировалась на посмертной выставке произведений художника в 1883 г. в Петербурге, была приобретена Третьяковым.

289

[1] Письмо написано на бланке Товарищества передвижных художественных выставок.

[2] Крамской пишет о подготовке Всероссийской художественно-промышленной выставки, которая должна была состояться в 1881 г. в Москве, но фактически была открыта лишь в 1882 г. По поручению Академии организацию художественного отдела выставки возглавлял М. П. Боткин. Им же в 1882 г. был издан иллюстрированный каталог художественного отдела с краткими биографиями художников, составленный Н. П. Собко.

290

[1] Осенью 1880 г. Комитетом общества для пособия нуждающимся литераторам и ученым была организована Пушкинская выставка.

Третьяков указывает Крамскому на фигуру поэта А. В. Кольцова в экспонированной на выставке картине неизвестного художника, обозначенной в каталоге выставки (СПБ, Типография М. Стасюлевича, 1880, стр. 6) следующим образом: «42. Картина, изображающая субботнее вечернее собрание в зиму 1834 г. в кабинете Жуковского, в Зимнем Дворце. Слева Жуковский и Плетнев; по другой стороне стола Кольцов; у дивана Гоголь; на диване Пушкин, князь Одоевский и Крылов; на другой стороне дивана Перовский, разговаривающий с Мих. Ю. Виельгорским, стоящим у камина; налево от камина Ф. Ф. Вигель и Ал. Н. Карамзин».

В настоящее время картина считается работой учеников А. Г. Венецианова, принадлежит Музею А. С. Пушкина Академии наук СССР.

Третьяков указывает Крамскому на изображение Кольцова в надежде, что оно поможет ему в работе над портретом поэта.

[2] Упоминаемый Третьяковым портрет описан в каталоге Пушкинской выставки 1880 г. (стр. 3) следующим образом: «16. Портрет Пушкина 21 года, рисованный черным карандашом, с подписью J. V. (вероятно, Jules Vernet), подаренный Пушкиным М. И. Осиповой. Один из его лучших портретов.— Доставлен Г. А. Пушкиным, младшим сыном поэта». Этот же портрет в экспозиции Всесоюзной Пушкинской выставки

1937 г. был определен как портрет, исполненный Ж. Вивьеном в 1826 г. (Путеводитель, стр. 23).

Третьяков сопоставляет этот портрет с принадлежащим ему портретом композитора М. И. Глинки работы художника Николая Степановича Волкова (1811—1869). Портрет М. И. Глинки имеет подпись: «NW [монограмма] 1837 С. Петербург».

[3] Третьяков имеет в виду памятник Пушкину в Москве, исполненный скульптором Александром Михайловичем Опекушиным (1841—1923). Открытие памятника состоялось 6 июня 1880 г. В журнале «Всемирная иллюстрация» неоднократно отмечались достоинства памятника («Всемирная иллюстрация», № 22, 24 мая, № 26, 21 июня 1880 г.).

[4] Микешин Михаил Осипович (1836—1896) — живописец, скульптор и рисовальщик.

Его проект памятника Пушкину был отвергнут комиссией по сооружению памятника.

[5] Гальберг Самуил Иванович (1787—1839) — скульптор.

Им была выполнена посмертная маска А. С. Пушкина и бюст поэта, встретивший похвальные отзывы современников (Музей А. С. Пушкина Академии наук СССР).

[6] Витали Иван Петрович (1794—1855) — скульптор.

Автор посмертного бюста А. С. Пушкина, исполненного им по заказу ближайшего друга поэта П. В. Нащокина. Бюст существует в двух вариантах: один из них принадлежит Русскому музею, второй — Музею А. С. Пушкина Академии наук СССР.

[7] А. И. Куинджи, выйдя в 1879 г. из состава Товарищества передвижных художественных выставок, в 1880 г. организовал в помещении Общества поощрения художников выставку, на которой экспонировал всего лишь одну свою картину «Лунная ночь на Днепре». Еще до открытия выставки художник открыл двери своей мастерской для всех желающих видеть его новое произведение.

В настоящее время картина принадлежит Русскому музею; вариант-повторение находится в Третьяковской галлерее.

291

[1] Забелло Пармен Петрович (р. 1830 г.) — скульптор. Участник конкурса на памятник А. С. Пушкину в Москве (см. об этом письмо 118 и примеч. 2 к нему).

[2] Крамской упоминает картину М. П. Клодта, экспонированную на IX Передвижной выставке 1881 г. под названием «Милостыня царицы».

1881

292

[1] Сергею Михайловичу Третьякову.

[2] Дмитрию Васильевичу Григоровичу.

[3] Старец Зосима — один из персонажей романа Ф. М. Достоевского «Братья Карамазовы».

Вспоминая свои ощущения на похоронах Достоевского, Третьяков вспоминает подробно описанную Достоевским смерть старца Зосимы.

[4] Т. е. со времени исполнения В. Г. Перовым портрета Достоевского для галлереи Третьякова.

[5] Третьяков имеет в виду свои встречи с Достоевским во время торжеств, связанных с открытием памятника А. С. Пушкину в Москве в июне 1880 г.

[6] Столь высоко характеризуя Достоевского, Третьяков и Крамской (см. письмо 293) были далеки от подлинно объективной оценки его литературной деятельности. Писатель, вставший некогда на защиту «униженных и оскорбленных», участник революционного кружка петрашевцев, Достоевский в 1860-х гг. решительно перешел в ряды приверженцев реакционно-охранительных взглядов. Возглавляемые им журналы «Время» (1861—1863) и «Эпоха» (1864—1865) повели наступление на орган революционной демократии «Современник».

Пессимистическое, реакционное мировоззрение писателя, обладавшего даром психологического анализа, привело его к такому пониманию человеческой личности, при котором человек раскрывался им, по определению А. М. Горького, «беспомощным в хаосе темных сил» (М. Горький. История русской литературы. Гослитиздат, М., 1939, стр. 250).

[7] Третьяков заинтересован в получении рисунка «Ф. М. Достоевский на смертном одре», исполненного И. Н. Крамским. В настоящее время рисунок принадлежит Институту истории литературы Академии наук СССР (Пушкинский Дом).

[8] Третьяков пишет о выставке произведений, предназначенных для экспозиции на Всероссийской художественно-промышленной выставке 1882 г. в Москве. Выставка эта предполагалась как отчетная за предшествующие 25 лет. Академия художеств, возглавившая организацию художественного отдела выставки, была, естественно, заинтересована в том, чтобы показать на ней успехи искусства, вышедшего непосредственно из недр самой Академии. Этим объясняется то обстоятельство, что Академией в первую очередь, как это констатирует Третьяков, были собраны программные работы, т. е. произведения, за которые художники были награждены соответствующими медалями и званиями. Судя по перечню имен, упоминаемых Третьяковым, можно предположить, что, говоря об «интересных попытках» в искусстве предшествующих десятилетий, он имеет в виду следующие произведения: А. И. Корзухин «Пьяный отец семейства» (Вторая золотая медаль, 1861), «Возвращение с ярмарки» (звание академика, 1868), Ф. С. Журавлев «Кредитор опи-

сывает имущество вдовы» (Вторая золотая медаль, 1862), «Перед венцом» (звание академика, 1874), Н. С. Шустов «Иван III разрывает ханскую грамоту» (Вторая золотая медаль, 1862), Н. П. Петров «Сватовство чиновника к дочери портного» (Вторая золотая медаль, 1861), Н. А. Кошелев «Первое число» (Первая серебряная медаль, 1862), «Утро в деревне» (1863), «Офеня-коробейник» (Вторая премия Общества поощрения художников, 1865), М. И. Песков «Воззвание Минина к нижегородцам» (Вторая золотая медаль, 1861).

[9] М. П. Боткин был представлен на выставке семью произведениями, в том числе картинами: «Концерт для выздоравливающей», «Вечерня в монастыре св. Франциска Ассизского», несколькими картинами на библейские темы и др.

[10] На выставке было представлено двадцать девять этюдов А. А. Иванова для картины «Явление Христа народу», эскиз для той же картины и эскиз «Христос среди учеников».

[11] Картина Н. Н. Ге «Тайная вечеря», за которую автор в 1863 г. получил звание профессора. Картина принадлежала Музею Академии художеств, в настоящее время принадлежит Русскому музею.

293

[1] Крамской упоминает эпизоды из произведения Ф. М. Достоевского «Братья Карамазовы», изложенные во второй книге романа под названием «Неуместное собрание» и в пятой главе пятой книги под названием «Великий инквизитор».

[2] Во второй половине 1870-х гг. Л. Н. Толстой начал свою работу «Соединение, перевод и исследование четырех евангелий», впервые изданную в 1892—1896 гг. в Швейцарии. Очевидно, эту работу его имеет в виду Крамской.

294

[1] Речь идет о рисунках, приобретенных Третьяковым через магазин Беггрова. Очевидно, среди них была акварель К. Ф. Гуна «Французский крестьянин», изображающая старика-крестьянина на фоне интерьера. Лист этот, находящийся в настоящее время в Третьяковской галлерее, не был закончен автором, о чем свидетельствует незаписанная часть его в левом нижнем углу. Повидимому, не была закончена автором и фигура крестьянина. Тщательное рассмотрение рисунка позволяет установить, что кладка краски на кистях обеих рук несколько различна, так же как различен и их оттенок. Это дает основание полагать, что кисть правой руки была по просьбе Третьякова дописана Крамским (см. об этом письмо 295).

[2] Раму для портрета писателя А. Ф. Писемского работы И. Е. Репина. Портрет экспонировался на IX Передвижной выставке 1881 г. как собственность Третьякова.

[3] Егор Иванович Маковский (1802—1886) — один из основателей Московского натурного класса, из которого впоследствии возникло Московское училище живописи, ваяния и зодчества, отец художников К. Е., В. Е., Н. Е. и А. Е. Маковских. Портрет его работы В. Е. Маковского, за который художник получил в 1880 г. премию Московского общества любителей художеств, экспонировался на IX Передвижной выставке 1881 г.

296

[1] На IX Передвижной выставке 1881 г. в Петербурге Крамской экспонировал портреты С. П. Боткина, И. К. Айвазовского, Г. О. Гинз-

бурга, Н. В. Исакова, П. А. Валуева и И. М. Гедеонова. В Москве в число произведений Крамского был дополнительно включен портрет А. А. Щербатова.

297

[1] Третьяков пишет об этюде Крамского «Голова Христа с веревкой на шее». Этюд экспонировался лишь на посмертной выставке произведений Крамского в Петербурге в 1887 г. В каталоге выставки был обозначен как собственность наследников художника. Местонахождение этюда в настоящее время неизвестно.

[2] Третьяков выражает надежду увидеть картину Крамского «Радуйся, царю иудейский» («Хохот»).

[3] Третьяков пишет о картине Мункачи «Христос перед Пилатом».

[4] «Этюдом» Третьяков называет «Портрет неизвестной», экспонировавшийся на IX Передвижной выставке 1881 г.

[5] Третьяков имеет в виду произведение, экспонировавшееся на VIII Передвижной выставке 1880 г., под названием «Этюд». В настоящее время принадлежит Русскому музею, известно под названием «Курсистка».

[6] Кошелев Николай Андреевич (1840—1918) — жанрист и портретист. Живя в Риме, исполнил большое полотно «Погребение Христа» и целый ряд других картин и этюдов на библейские сюжеты. Произведения эти были показаны им в Италии, по возвращении в Россию — в Петербурге, Гатчине и в Москве. В настоящее время принадлежат Горьковскому художественному музею.

1882

298

[1] Телеграмма не обнаружена.

299

[1] В октябре — ноябре 1881 г. в Вене состоялась выставка В. В. Верещагина. На ней были представлены произведения туркестанской серии, этюды из путешествия в Индию, картины на темы русско-турецкой войны. Выставка пользовалась большим успехом. В знак признательности за прием, оказанный ему в Вене, Верещагин собирался пожертвовать некоторую сумму денег в пользу пострадавших при пожаре Венского Ринг-театра, происшедшем незадолго перед тем.

[2] После столь нашумевшей в 1880 г. выставки картины «Лунная ночь на Днепре» (см. письмо 290 и примеч. 7 к нему) Куинджи в 1881 г. выставил также в Обществе поощрения художников новый вариант картины «Березовая роща». Картина была заказана ему Демидовым Сан-Донато, но приобретена Ф. А. Терещенко и находится в настоящее время в Киевском музее русского искусства.

В 1882 г. Куинджи организовал выставку трех картин. Здесь демонстрировались вторично картины 1880 и 1881 гг.— «Лунная ночь на Днепре» и «Березовая роща» (вариант). Третьим произведением была вновь созданная художником картина «Днепр утром». Это последнее произведение было приобретено Третьяковым.

[3] Демидов Сан-Донато Павел Павлович (1839—1885) — уральский горнозаводчик, коллекционер.

[4] Повидимому, Третьяков все же видел это произведение Верещагина («Переписка П. М. Третьякова и В. В. Стасова», стр. 65) и вступил в переговоры с художником относительно приобретения его. Верещагин не принял цену, назначенную Третьяковым, о чем писал ему 11/23 февраля 1882 г. из Берлина, где в это время происходила выставка его произведений (Отдел рукописей Третьяковской галлереи).

300

[1] В 1882 г. в Гамбурге состоялась персональная выставка произведений В. В. Верещагина, на которой экспонировались произведения ташкентской и индийской серий, а также картины на темы русско-турецкой войны.

[2] Статуя «Петр I» была исполнена М. М. Антокольским в 1872 г. Гипсовый экземпляр ее принадлежал Музею Академии художеств. В 1879 г. Антокольский получил заказ на исполнение бронзового отлива

статуи. Гипсовый оригинал статуи, посланный для этого Антокольскому из Петербурга в Париж, где в это время жил скульптор, был доставлен в поврежденном виде. Реставрируя его, Антокольский внес некоторые изменения в оригинал. В этом измененном виде статуя экспонировалась на выставке Салона в Париже и в 1883 г. была установлена в Петергофе (ныне Петродворец).

Один из бронзовых отливов статуи принадлежит в настоящее время Третьяковской галлерее.

[3] X Передвижная выставка, открывшаяся в Москве 12 мая 1882 г.

[4] Всероссийская художественно-промышленная выставка.

[5] Третьяков имеет в виду статью Н. А. Александрова «Картины В. Г. Перова», опубликованную в «Художественном журнале» (1882, IV) в разделе «Художественные новости» за подписью «Сторонний зритель». Александров сообщал в ней неверные данные о ценах на картины и портреты Перова, приобретенные Д. П. Боткиным, Третьяковым и другими собирателями. Описывая тяжелое материальное положение Перова, Александров упрекал Академию художеств в том, что она «забыла о своем профессоре», а также и Общество поощрения художеств, которое «ничем не откликается в то время, когда лучшие вещи Перова украшали некогда все конкурсы этого Общества». Александров сообщал также о том, что лишь по настоянию председателя Московского общества любителей художеств Д. П. Боткина Перову предложены были деньги для лечения и только благодаря сочувствию Л. Н. Толстого ему была оказана медицинская помощь известным тогда московским профессором Захарьиным. Александров упоминал в своей статье и о том, что Третьяков предоставил больному Перову свою подмосковную дачу.

[6] Третьяков направил Александрову следующее письмо:

«Москва 8 мая 1882 г.

Милостивый государь Николай Александрович.

Не раз я встречал в Вашем журнале неверные сведения, но так как они не касались меня лично, то и не находил нужным возражать Вам. В апрельском номере в статье «Картины В. Г. Перова» Вы говорите, что портрет Ф. М. Достоевского продан за двести рублей. Трудно понять, с какой целью Вы распространяете ложь? Если Вам нужно было сообщать публике цену этого портрета, Вы могли спросить у меня или у самого Василия Григорьевича, который никогда не врал и потому не мог сообщить Вам этой цифры. За портрет А. Ф. Писемского Перов получил, как сам назначил, 300 рублей, последующий затем ряд портретов был договорен между нами по 500 рублей, но за последние три портрета — Погодина, Достоевского и Майкова — заплачено мною 1800 рублей. Не знаю, говорил ли кому В. Г., сколько получал он за портреты, но В. В. Бессонов, предложив мне свой портрет, просил заплатить за него наравне с портретом Ф. М. Достоевского, именно 600 р., из чего могу заключить, что ему цена была известна от Василия Григорьевича.

Вторая неверность то, что портрет не продавался и не покупался, а был заказан.

Василий Григорьевич не спекулировал своим талантом и первоначальные свои вещи продавал очень дешево, да и позже не дорожился, чем он оставит святую о себе память, но зато его работы тотчас продавались, никогда не оставались на руках и продавались за назначенную им цену, за исключением, сколько мне известно, «Утопленницы» и «У моря житейского».

За «Птицелова» действительно заплачено 800 р., столько, сколько спросил художник; но после успеха этой картины, совершенно неожи-

данного для художника, он за последовавшие картины «Охотники» и «Арестованный» назначил по 2000 р. и получил эти суммы; трудно сказать, какие бы цены платили ему далее, но тут обрывается прежняя его деятельность и заменяется профессорством в Училище и начатыми большими картинами, которые, к сожалению, и поныне не доведены до конца. Не думаю, чтобы верны были сообщенные Вами цифры «Гитариста» и «Учителя рисования», так как гораздо ранее за «Художника-любителя» было заплачено 250 р. Многие произведения его были написаны и проданы во время моего отсутствия, о чем я крайне сожалел. «Гитариста» я приобрел уже из вторых рук за 400 рублей и не знаю, за сколько он был продан, но сомневаюсь, чтобы за 75 рублей.

Имею честь быть Вашим, м. г., покорнейшим слугой

П. Третьяков»

(Отдел рукописей Третьяковской галлереи).

На этом письме Третьякова имеется приписка, сделанная, повидимому, рукой Александрова:

«Сам Перов говорил мне о ценах его портретов, которые куплены П. М. Третьяковым. Так отвечено и Третьякову. Н. А.».

Третьякову Александров отвечал, чувствуя себя оскорбленным резким тоном его письма, требуя, чтобы он взял свои слова обратно. Третьяков в своем вторичном письме 26 мая 1882 г. продолжал настаивать на том, что в статье, посвященной Перову, критик оперировал неверными данными.

301

[1] Воронцов-Дашков Илларион Иванович (1837—1916), граф, министр имп. двора.

[2] Московское общество любителей художеств возникло в 1860 г. Членами его являлись художники и любители искусств. Деятельность Общества нашла свое выражение в устройстве выставок, аукционов и лотерей, а также в ежегодных конкурсах с выдачей денежных премий за лучшие из представленных на конкурс художественных произведений. Оказывая материальную помощь нуждающимся художникам, Общество посылало также на свои средства некоторых из них за границу.

[3] Упоминаемая Крамским «записка» опубликована В. В. Стасовым в книге «И. Н. Крамской. Его жизнь, переписка и художественно-критические статьи», СПБ, 1888, стр. 731—733. Черновик ее, написанный рукой Крамского, хранится среди документов Боголюбова с надписью, сделанной позже рукой А. П. Боголюбова: «Собственноручная рукопись И. Н. Крамского, когда мы хотели образовать съезд художников, — дело не выгорело... (два слова неразборчиво. — *С. Г.*) Исаков — отказался».

(Главное архивное управление. Центральный литературный архив в Москве.)

[4] Сергей Михайлович Третьяков.

[5] Исаков Николай Васильевич (1821—1891) — генерал-адъютант, член государственного совета, почетный член Академии художеств с 1864 г.

В 1881 г. Крамским был исполнен портрет Н. В. Исакова, экспонировавшийся на IX Передвижной выставке.

[6] Неясно, о каком графе Олсуфьеве идет речь.

[7] Крамской имеет в виду председателя Московского общества любителей художеств, которым тогда являлся Д. П. Боткин.

302

[1] Крамской видел в Боголюбове активного защитника идеи съезда. Профессор и член Совета Академии художеств, Боголюбов был, однако, критически настроен по отношению к консервативным академическим кругам. Вместе с тем он был близок ко двору. То обстоятельство, что в прошлом он преподавал живопись наследнику, давало ему возможность касаться вопросов художественной жизни во время «высочайших» аудиенций. Крамской считал, что Боголюбов благодаря своим личным связям может содействовать благоприятному решению вопроса, насущность которого осознавала подавляющая масса художников. Тем не менее предполагавшийся в 1882 г. съезд не состоялся. Отсутствие подлинной свободы общественной инициативы пресекало все начинания в этом направлении.

[2] Уваров Алексей Сергеевич (1828—1884), граф. Председатель Московского археологического общества. Учредитель периодических археологических съездов и «Уваровской премии», которая присуждалась Академией наук за сочинения по вопросам истории. Почетный член Академии художеств с 1867 г., Уваров состоял председателем Московского общества любителей художеств (1863—1877). Александров неоднократно не только на страницах издававшегося им «Художественного журнала» подвергал критике его деятельность как председателя этого общества (см. примеч. 4 к письму 173).

[3] Орловский Владимир Донатович — пейзажист. Художник не раз характеризовался Александровым с самой отрицательной стороны. В статье, посвященной В. Г. Перову (см. примеч. 5 к письму 300), говоря о ценах произведений Перова, он, между прочим, писал: «Перов все свои картины продал именно за ничто, и в то время, когда какой-нибудь торговый дом пейзажиста Орловского и К° наживает в год по пятнадцати и более тысяч, Перов за все двадцать лет самого выдающегося труда не приобрел ничего».

303

[1] Еще в 1877 г. Н. А. Александров изложил Крамскому свое намерение написать книгу на тему «Новая русская школа» и просил советов Крамского по этому поводу. Крамской ответил Александрову обстоятельным письмом от 11 августа — 12 сентября 1877 г. Судя по характеру этого письма, он стремился в изложении своих мыслей придерживаться конкретных вопросов, поставленных ему его корреспондентом. Письмо это содержало краткое изложение взглядов Крамского на творчество П. П. Чистякова, А. И. Корзухина, А. П. Боголюбова, М. К. Клодта, В. Д. Орловского и К. Д. Флавицкого. Но главной темой этого письма являлся Ф. Васильев. Описывая свое знакомство с молодым художником, его первые шаги в искусстве, расцвет его творчества, Крамской, по существу, явился здесь автором обширного очерка о жизни и творчестве Васильева.

Письмо это было опубликовано Н. А. Александровым в «Художественном журнале» (1887 г., IV—V—VI) после смерти Крамского, а также приведено В. В. Стасовым в книге: «И. Н. Крамской. Его жизнь, переписка и художественно-критические статьи», стр. 338—358.

В этой же книге В. В. Стасовым приведены следующие статьи Крамского, публиковавшиеся в «Художественном журнале», без обозначения имени автора: «Изображения из священной истории оставленных эскизов (?) Александра Иванова. Выпуск I и II» (1881 г., январь), «Фотографии с картин В. В. Верещагина — Турецкая война 1877—1878 года» (1881 г., январь), «О портретах гос. имп. Александра II» (1881 г., март),

«О портрете Ф. М. Достоевского» (1881 г., март), «Портреты гос. имп. Александра III» (1881 г., сентябрь), «Школа рисования в Соляном городке» (1882 г., январь).

Статья «О портрете Ф. М. Достоевского» публиковалась в журнале в несколько более расширенном виде, нежели в книге, подготовленной Стасовым, под названием «Портреты Ф. М. Достоевского». В текст ее было включено указание на посмертный портрет писателя, исполненный самим Крамским. Статья «Школа рисования в Соляном городке» публиковалась в журнале с надписью «N».

В. В. Стасовым приведены также две статьи Крамского: «Русские художественные критики» и «Выставка Айвазовского», не опубликованные в свое время, но предназначавшиеся также для «Художественного журнала».

[2] Статья о X Передвижной выставке была опубликована Н. А. Александровым в «Художественном журнале» (1882 г., май) за подписью «Сторонний зритель».

304

[1] Захарьин Григорий Антонович (1829—1897) — видный московский врач, директор терапевтической клиники Московского университета.

[2] Иноземцев Федор Иванович (1802—1869) — известный врач — хирург и терапевт, профессор Московского университета. Играл видную роль в жизни медицинских кругов Москвы, был одним из основателей Общества русских врачей в Москве, одним из инициаторов съездов естествоиспытателей и врачей.

[3] Поль Андрей Иванович (р. 1794 г.) — хирург, заслуженный профессор Московского университета.

[4] Овер Александр Иванович (1804—1864) — известный врач, профессор терапевтической клиники Московского университета, главный врач Московской городской больницы. Много работал во время эпидемии холеры.

305

[1] Оригинал письма не найден. Печатается с машинописной копии.

[2] Московское художественное общество, возникшее в 1833 г., в ведении которого находилось Московское училище живописи, ваяния и зодчества.

306

[1] Крамской сообщает Третьякову о картине К. А. Савицкого «Беглый (Поймали)» и картине В. М. Максимова «Заем хлеба».

Оба произведения экспонировались на XI Передвижной выставке 1883 г. Местонахождение картины Савицкого неизвестно; картина Максимова была приобретена Ф. А. Терещенко. До 1941 г. находилась в Киевском государственном музее русского искусства.

307

[1] Третьяков сообщает о приобретении им двух произведений Максимова; «Больной муж» (1881) и «Торговка» (1881).

[2] Речь идет о произведении Н. А. Ярошенко «Курсистка», которое художник экспонировал на XI Передвижной выставке 1883 г. Картина была исполнена Ярошенко в двух вариантах. Один из них принадлежит

Киевскому музею русского искусства, второй — Калужскому областному художественному музею.

[3] В 1882 г. Третьяковым была закончена вторая пристройка галлереи (ныне залы 9—12, 42—44), в трех нижних залах которой он разместил коллекции Верещагина, в трех верхних залах были размещены ранее принадлежавшие Третьякову произведения, возросшее количество которых требовало очередного расширения экспозиционной площади. Тогда же ремонтировались старые экспозиционные залы. В связи с этим галлерея была временно закрыта для публики.

308

[1] Речь идет о произведении К. Ф. Гуна «Отдых», приобретенном Третьяковым у Крамского. Об этом же произведении см. письма 309 и 319.

[2] Крамской вел в это время постройку дачи и мастерской на станции Сиверская близ Петербурга.

1883

309

[1] В 60-х гг. Крамской давал уроки Василию Дмитриевичу и Елене Дмитриевне Поленовым.

[2] Крамской исполнил в 1882 г. портрет С. Г. Строганова (1794—1882) и в 1883 г. портрет А. А. Васильчикова (см. примеч. 1 к письму 279). Местонахождение их в настоящее время неизвестно.

[3] «Радуйся, царю иудейский» («Хохот»).

[4] Работа не была завершена Крамским.

[5] Сюзор Павел Юрьевич (1844—1918) — академик архитектуры, председатель Петербургского общества архитекторов-художников. Почетный член Академии художеств с 1911 г.

310

[1] Письмо Третьякова не сохранилось.

[2] Слово «художественной» написано над зачеркнутым словом «человеческой».

[3] Письмо с аналогичным предложением Крамской направил еще 29 ноября 1880 г. Суворину. В нем он просил о материальном обеспечении лишь до июня 1881 г. Есть основания полагать, что просьба его была если не полностью, то частично удовлетворена Сувориным.

Из письма к Третьякову явствует, что Крамской затем надеялся, но безуспешно, найти поддержку у Беггрова.

Третьяков также воздержался от положительного ответа. 8 апреля 1883 г. Крамской обратился с подобной просьбой к неизвестному лицу. И на этот раз просьба его не была удовлетворена.

312

[1] Неясно, в связи с какими обстоятельствами Третьяков запрашивал Крамского о его связях с Московским училищем живописи.

313

[1] Третьяков пишет о скульптуре Крамского — бюст Христа (тонированный гипс), которую художник исполнил в процессе подготовительной работы к картине «Радуйся, царю иудейский». Бюст этот был принесен в дар Русскому музею вдовой художника С. Н. Крамской.

1884

315

[1] Киселев Александр Александрович (1838—1911) — пейзажист.

[2] Речь идет о подписке на памятник В. Г. Перову и стипендию его имени в Московском училище живописи, ваяния и зодчества.

Начало этой подписке было положено архитектором К. М. Быковским (1841—1906). 12 марта 1883 г. он прочел лекцию на тему о художественной деятельности В. Г. Перова. Доход с этой лекции в сумме 181 р. 15 к. Быковский передал Московскому художественному обществу для образования стипендии имени Перова. К этой сумме были присоединены деньги, собранные по подписке среди московских и петербургских художников, а также среди учеников Московского училища живописи, ваяния и зодчества. В общей сложности подписка на стипендию дала 1881 р. 50 к., подписка на памятник — 540 р. 50 к. (Центральный литературный архив. Фонд Московского училища живописи, ваяния и зодчества).

316

[1] Содержание прилагаемого письма неизвестно. В 1865 г. Крамским был исполнен портрет О. П. Орловой. Местонахождение его неизвестно.

317

[1] Крамской находился в апреле 1884 г. в Ментоне вместе со своей дочерью Софьей Ивановной. Третьяков упоминает о письмах, полученных от Крамского семьей художника.

[2] Картина «Неутешное горе», экспонировавшаяся на XII Передвижной выставке 1884 г., была приобретена Третьяковым. Тема произведения была подсказана тяжелыми личными переживаниями художника, связанными со смертью сына.

Известно три первоначальных варианта картины. Два из них принадлежат Русскому музею, третий — Музею латышского и русского искусства в Риге.

[3] Ивачев Павел Адрианович (р. 1844 г.) — классный художник 2-й степени. Преподавал в педагогических классах Академии художеств до 1881 г. В 1882—1887 гг. заведовал Передвижными выставками, сопровождал их в провинцию.

[4] Портрет поэта А. Н. Майкова (1883) также экспонировался на XII Передвижной выставке 1884 г. Портрет не был приобретен Третьяковым. Принадлежит Литературному музею в Москве.

[5] Третьяков имеет в виду портрет А. Н. Майкова работы В. Г. Перова (1872).

[6] Варгунин Иван Александрович (ум. 1878 г.) — почетный вольный общник Академии художеств. Коллекционер, собирал произведения русской и западной живописи, предметы прикладного искусства. В 1884 г. состоялась распродажа его коллекции с аукциона. Тогда же был издан каталог его собрания «Каталог картин и других вещей И. А. Варгунина, назначенных в продажу конкурсным управлением по делам И. А. Варгунина», СПБ, 1884.

Третьяков купил на аукционе портрет Ф. В. Булгарина работы К. П. Брюллова, пейзаж Ф. А. Васильева «Осень», картину П. А. Суходольского «Болото» и некоторые другие произведения. Еще до аукциона им была приобретена картина К. Ф. Гуна «Больное дитя», принадлежавшая Варгунину.

318

[1] Поэт А. Н. Майков изображен Крамским удящим рыбу. Из биографии Майкова известно, что он был страстным рыболовом. В числе его произведений имеется поэма под названием «Рыбная ловля» со следующим посвящением: «Посвящается С. Т. Аксакову, Н. А. Майкову, А. Н. Островскому, И. А. Гончарову, С. С. Дудышкину, А. И. Халанскому и всем понимающим дело».

Это служило основанием для того, чтобы некоторые современники Майкова усмотрели в портрете, созданном Крамским, ироническую интерпретацию образа поэта.

319

[1] Крамской исполнил в 1884—1885 гг. два образа для русской церкви в Копенгагене: «Молитва Александра Невского перед битвой» и «Пострижение в схиму св. Александра Невского».

320

[1] Третьяков выражает желание приобрести портрет художника А. Д. Литовченко, исполненный Крамским в 1878 г., экспонировавшийся на VII Передвижной выставке 1879 г., и портрет дочери художника С. И. Крамской, экспонировавшийся на X Передвижной выставке 1882 г.

О приобретении Третьяковым портрета Литовченко — см. далее письма 321, 323—327. Портрет дочери художника был приобретен Музеем Академии художеств, откуда передан в Русский музей, где находится в настоящее время.

321

[1] Портрет Владимира Михайловича Жемчужникова был исполнен Крамским в 1884 г., экспонировался на XIII Передвижной выставке 1885 г.

322

[1] Третьяков сожалеет об отсутствии портрета Ивана Федоровича Горбунова (1831—1895), писателя, близкого кругу «Москвитянина», актера

Малого театра в Москве, а затем Александринского театра в Петербурге.

В 1895 г. Третьяков приобрел портрет И. Ф. Горбунова, исполненный карандашом в 1856 г. художником А. А. Поповым.

323

[1] Портрет И. Ф. Горбунова не был написан Крамским

324

[1] Третьяков просит прислать ему портрет А. В. Кольцова, исполненный К. А. Горбуновым (см. об этом портрете письмо 14 и примеч. 1 к нему).

[2] Портрет писательницы Надежды Дмитриевны Зайончковской, урожд. Хвощинской (1825—1889), писавшей под псевдонимом «В. Крестовский», был исполнен Крамским по заказу Третьякова (см. об этом письма 136—140), но временно по воле писательницы оставался у нее (об этом портрете см. также письмо 338 и примеч. к нему

1885

327

[1] Сидоров Александр Исидорович (1835—1906) — известный художник-реставратор, много лет работавший в Эрмитаже, где состоял младшим помощником хранителя. Среди его учеников был впоследствии и первый реставратор Третьяковской галлереи Алексей Куприянович Федоров (1875—1937).

328

[1] Третьяков посылал Крамскому фотографии с произведений Верещагина, исполненных во время путешествия художника в 1884 г. в Сирию и Палестину. Произведения эти в числе других работ были показаны Верещагиным в 1885 г. в Вене, а затем в Германии, Англии и в Нью-Йорке, где большинство их и было продано.

330

[1] Беспокойство Третьякова относительно портрета Толстого вызывалось тем, что портрет этот был написан Крамским на холсте, имеющем швы.

Портрет был доставлен Третьяковым в Петербург, где тогда же дублирован реставратором А. И. Сидоровым.

1886

333

[1] Повидимому, речь идет о предполагавшемся вмешательстве русского правительства в болгарские дела и новом подъеме славянского движения в России в связи с воссоединением Северной и Южной Болгарии осенью 1885 г. Крамской неверно понимает значение И. С. Аксакова для России в 1880-х гг. В этот период Аксаков являлся откровенно реакционной фигурой.

334

[1] Ге Николай Николаевич (1857—1940) — старший сын художника Н. Н. Ге. Был одним из близких друзей и единомышленников Л. Н. Толстого. В 90-х гг. признал свои убеждения ошибочными, отрекся от толстовства.

[2] Речь идет об иллюстрациях Н. Н. Ге к рассказу Толстого «Чем люди живы». Ге исполнил 12 иллюстраций, изданных в виде альбома в фототипиях М. Панова (М., 1886). 4 из них принадлежат Государственному музею Л. Н. Толстого в Москве.

[3] Местонахождение рисунка неизвестно; воспроизведен в издании «Альбом художественных произведений Николая Николаевича Ге». Изд. «Посредник», М., 1904.

[4] Портрет Софьи Андреевны Толстой (1844—1919), исполненный Ге в 1886 г., находящийся в Музее-усадьбе «Ясная Поляна».

[5] К концу собирательской деятельности Третьякова в его собрании были следующие портреты упоминаемых им художников: два автопортрета Крамского, 1874 и 1884 гг. (последний — в картине «Крамской, пишущий портрет дочери»); акварельный портрет Крамского, исполненный Н. А. Ярошенко, принесенный им в дар Третьякову; портрет И. Е. Репина, исполненный В. Д. Поленовым в 1879 г.; неоконченный портрет В. Е. Маковского работы Крамского, приобретенный в 1887 г. у его наследников; портрет В. В. Верещагина, исполненный выжиганием на дереве в 1883 г. Л. М. Жемчужниковым, принесенный им в дар Третьякову; неоконченный портрет В. В. Верещагина работы Крамского, также приобретенный в 1887 г. на посмертной выставке произведений Крамского (см. о нем письмо 284 и примеч. 1 к нему); портрет И. М. Прянишникова, исполненный В. Е. Маковским в 1883 г., принесенный в дар вдовой художника Е. Ф. Прянишниковой; акварельный портрет Н. А. Ярошенко, исполненный Крамским, в 1874 г. принесенный им в дар Третьякову.

[6] Портрета М. Н. Каткова не было в собрании Третьякова. Известно, что, обратившись к И. Е. Репину с просьбой написать этот портрет, Третьяков получил решительный отказ художника.

1887

336

[1] В оригинале ошибочно помечено — 1886.

[2] Речь идет о портрете художника Виктора Михайловича Васнецова (1848—1926), исполненном Крамским соусом в 1874 г.

338

[1] Третьяков неоднократно предпринимал шаги к тому, чтобы получить портрет Хвощинской, исполненный в свое время Крамским по его заказу. В связи с посмертной выставкой произведений Крамского он писал Н. А. Ярошенко, как одному из душеприказчиков умершего художника, о том, чтобы портрет этот был взят для выставки. Н. А. Ярошенко отвечал ему 16 ноября 1887 г.: «...К Хвощинской не обращались, я почему-то был уверен, что портрет ее у Вас, но что Вы лишь обязаны до поры не выставлять на показ; у меня осталось такое впечатление от разговоров, какие я имел с Ив[аном] Ни[колаевичем] об этом портрете. Оказывается, что я ошибался и теперь хлопотать о получении этого портрета поздно...» (Отдел рукописей Третьяковской галлереи).

По просьбе П. М. Третьякова розысками портрета занимался С. М. Третьяков. Уже после смерти писательницы в один из своих приездов в Петербург в 1889 г. 18 июня он писал П. М. Третьякову: «...узнал... что портрет покойной находится в деревне Рязанской губернии... в настоящее время в Петербурге находится сестра покойной... Сегодня я был у нее. Прасковья Дмитриевна поручила мне написать тебе, что она почитает своей священной обязанностью прислать портрет своей покойной сестры к тебе в дом тотчас по возвращении своем в деревню... и что она подробно знает от покойной сестры своей и И. Н. Крамского о принадлежности портрета тебе...» (Отдел рукописей Третьяковской галлереи).

Портрет был вскоре прислан Третьякову.

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

ПРОИЗВЕДЕНИЯ И. Н. КРАМСКОГО, УПОМИНАЕМЫЕ В ПЕРЕПИСКЕ И ПРИМЕЧАНИЯХ

ПОРТРЕТЫ

СКУЛЬПТУРА

СОДЕРЖАНИЕ

1872

1873

1874

1875

1876

1877

1878

1879

1880

1881

1882

1883

1884

1885

1886

1887

Редактор Н. Семенникова

Художник И. Рерберг

Технический редактор
Г. Александров

Ш00309. „Искусство“ № 13339
Подп. в печ. 17/I 1953 г. Форм. бум. 60×92 1/16
Кол. б. л. 14,6. Кол. п. л. 29,25. Уч.-изд. л. 26,75
Тираж 10 000. Заказ 711

Цена 24 р. Переплет 1 р. 50 к.

20-я типография „Союзполиграфпрома“
Главполиграфиздата
при Совете Министров СССР
Москва, Ново-Алексеевская, 52

